

sf_humor
love_sf

Ханна
Хаимович
<https://coollib.net/a/188602>

К нам едет инквизитор

Спокойной жизни конец — в Город едет делегация инквизиторов. Они ищут опасную преступницу, и местные ведьмы должны помочь. Кристина идет по следу, но все четче понимает: в деле куда больше загадок, чем кажется на первый взгляд. Магические аномалии в буквальном смысле хватают за ноги, мотивы преступницы невозможно понять, а глава делегации что-то скрывает. И, кажется, не он один...

ru

FictionBook Editor Release 2.6.6
30 August 2019
<https://knigoed.net>
684C6778-4847-41D1-A806-F49C9C48BBF2
1.0

К нам едет инквизитор

Глава 1. Собачья встреча

Кристина рассовала по карманам сумки поглотители магии и забросила лямки на плечо. Потом открыла шкатулку на столе и поспешно надела заряженные перстни и подвески. Сборы заняли не больше минуты. Она сдернула с вешалки пальто и метнулась к двери. Створка распахнулась за миг до того, как Кристина коснулась ручки.
— Куда вы? — с досадой поинтересовалась Лера, первая помощница. — У нас...
— Я знаю, что у нас. С рекламных плакатов сбегает персонажи. Хорошо, что ты пришла, позови наших, надо переловить, пока город не превратился в цирк на выезде! — протараторила Кристина, стремительно шагая к лестнице. Ее кабинет в главном ведьмовском офисе располагался на третьем этаже, и когда она торопилась, то соблазн выйти через окно становился почти непреодолимым.

— Я слышала про плакаты! Стойте! — закричала Лера, бросаясь следом. Ее каблуки отстукивали бешеную чечетку, иногда сбиваясь, когда Лера спотыкалась. — Только отлов придется отложить! К нам едет инквизитор!

— Что? Новый инквизитор?

Кристина остановилась. Этого дня городской ковен ждал с опаской. Прежнего инквизитора, милейшую Раису Петровну, отозвали в столицу почти месяц назад. На ее место давно собирались назначить нового. Того, который не стал бы закрывать глаза на разные магические вольности. Неужели назначили?

— Тогда тем более я должна бежать, — сказала Кристина. По лестнице она начала спускаться прыжками, перескакивая через ступеньки. — Он же первый на меня нажалуется, если я не проконтролирую такой магический всплеск!

— Нет! Вы не так поняли! — Лера старалась не отставать. — Они требуют, чтобы вы их встретили! Там не только наш новый инквизитор! Там целая комиссия! С проверкой! Им нужно, чтобы вы стабилизировали место, где появится их портал!

— А чтоб их, — Кристина чертыхнулась, чуть не упала и остановилась у подножья лестницы. — Они тащатся сюда через портал? И я должна их встречать? — Она чуть не застонала, представив, сколько оживших рекламных человечков — и не только человечков — успеют за это время разбежаться по городу. А сколько дел успеют натворить — ой-ей!.. — Куда они выведут портал? Я встречу их хотя бы для того, чтобы прибить на месте! — В семь, в холле, — сообщила Лера и добавила извиняющимся тоном: — В холле нашего офиса.

Кристина тяжело вздохнула, посмотрела на часы — половина седьмого вечера — и обвела взглядом холл. Тот самый холл офиса, откуда она даже не успела выйти.

— Стабилизирующие чары могут занять до часа, — уныло сказала она. — Значит, мы будем отлавливать рекламных чудиков до самого Нового года. Потому что за час они разбегутся по всем углам, — и она взглянула в узкое маленькое окно старого здания, за которым сгушался октябрьский вечер. — Лерка, ну ты-то чего стоишь?! Иди, организовывай отлов, может, хоть кого-то поймаешь!

Помощница ойкнула и унеслась собирать ведьм. А Кристина, ругаясь про себя, бросила сумку на диван, размяла пальцы и принялась ткать незримую стабилизирующую сеть. Мироздание послушно сминалось, подчиняясь ее жестам. Вскоре пришлось прекратить ругаться, иначе не получалось сосредоточиться на чарах. Концентрация и правильные жесты — основа магии. Но порой ругательства все же проскакивали, потому что возмущение не утихало. Портал им подавай, видите ли! А ничего, что люди заняты? А если не найдется свободной ведьмы, чтобы его стабилизировать? Так и останется дыра между двумя городами, в которую начнет проваливаться все, что ни попадя! В прошлый раз вон троллейбус посреди дороги провалился под асфальт. Раиса Петровна тогда замяла дело, все списали на неисправные трубы и размытую утечкой землю. Но ведьмы-то знали, что это был неудачный портал! Новенькая, Наташа, случайно открыла. Но ей простительно, она хоть не понимала, что делает, в ней магия только проснулась. А эти! Инквизиторы! Явно идея кого-то из столичного начальства!

Портал наконец вспыхнул и распахнулся посреди холла. Кристина скрестила руки на груди и скептически уставилась в него, ожидая гостей.

Их оказалось четверо. Один — пожилой, грузный, слегка обрюзгший, в дорогом костюме. Второй — помоложе, высокий, худощавый, черноволосый, в кожаной куртке и темно-серых джинсах. Этот был даже ничего... Третий — совершенно незаметный мужчина лет сорока «офисного» вида. Кристина забыла его лицо, едва отвела взгляд. И четвертый — совсем молодой парень, похожий на студента, с волосами, выкрашенными в зеленый цвет. Потом раздался лай.

Кристина изумленно моргнула, после чего запоздало возмутилась. Они что, притащили сюда собаку? Точнее, собак — лаяло не одно животное. Но инквизиторы тоже удивленно оглядывались.

За ними из портала высыпала целая свора дворняг. Рыжие с черным подпалом, лохматые помеси тумбочки и крокодила, черные, бежевые... По холлу разнесся оглушительный лай. «Офисный» инквизитор что-то сказал, подняв брови, но его никто не услышал. «Студент» бросился к двери и распахнул ее. Однако собаки не желали уходить. Обрюзгший съежился

и выставил перед собой портфель, когда самая большая псина начала его обнюхивать. «Студент», не растерявшись, принялся выпихивать собак в дверь. Он аккуратно подталкивал их руками под зад. Смотрелось это, конечно, уморительно. Но официальная встреча делегации инквизиторов стремительно летела... примерно туда же. В направлении виляющих собачьих хвостов.

«Кожаный» инквизитор сделал жест левой рукой, и в холле воцарилась тишина. Она оглушала не меньше лая. Псы раскрывали пасти, но оттуда не вырывалось ни звука.

— Что это значит? — агрессивно поинтересовалась Кристина. — Ваша живность?

— Не наша, — ответил «кожаный». Голос у него оказался негромким и каким-то бесцветным, хотя все нужные интонации в нем присутствовали. — Они появились при открытии портала. А еще, если вы заметили, все эти животные женского пола.

Кристина моргнула и уставилась на собачьи животы. Ну да, так и есть...

— И что?

— Скорее всего, имела место стихийная материализация, — все так же спокойно сообщил «кожаный». Но теперь казалось, что он тщательно прячет улыбку. — Такое бывает, знаете, когда вы плетете чары, но отвлекаетесь... Тогда может материализоваться то, о чем вы думали или что именovali. Признайтесь, госпожа ведьма, вы ругались? Мы, видно, отвлекли вас от важных дел? И вы ткали стабилизирующие чары, постоянно поминая недобрым словом, гм, самку собаки?

Кристина зажмурилась. Потом распахнула глаза и пошла в атаку.

— Разумеется, ругалась! Конечно, отвлекли! Мы работаем, у нас не так много времени, чтобы тратить его на ваши порталы! Почему было не приехать на машине?

— Мы тоже работаем, — оскорбленно сказал обрюзгший. На его лице застыла смертельная обида. — И обстоятельства так же властны над нами, как и над всеми, поэтому, когда они диктуют свои условия...

— Семен Никитич имеет в виду, что машина сломалась, — перевел «кожаный». — С автомобилями, выпущенными полвека назад, это иногда случается.

— Инквизиция не так богата, чтобы покупать новые иномарки, — склочно огрызнулся Семен Никитич. Наверное, видел машины ведьм на парковке. — Да уберет кто-то этих с... собак или нет?

Еще одна упитанная псина обнюхивала его с каким-то гастрономическим интересом.

Опомнившись, Кристина начала ткать простенькие чары, отпугивающие животных.

— Но вам никто не мешает тоже завести бизнес, — пробормотала она. Собаки устремились к двери. — Бизнес у нас с колдовством никак не связан, он просто помогает ни в чем не нуждаться. Железобетонные изделия выпускаем, электрокабели, сеть закусочных держим... да...

— Не положено, — буркнул Семен Никитич. Собаки наконец покинули холл, оставив после себя несколько ароматных лужиц. Убрав их, Кристина снова вздохнула. Настала пора приступать к обязанностям хозяйки города.

— Поднимемся в мой кабинет, — сказала она. — Надеюсь, вы поведаете, какие дела привели к нам не одного инквизитора, а целую делегацию.

Кофе для гостей пришлось делать самостоятельно. Все ведьмы из офиса, даже секретарша Лина, были брошены на ловлю рекламных персонажей. Сидя за столом и бездельничая, Кристина остро чувствовала, как безнадежно убегает время.

— Меня зовут Семен Никитич Муравьев, я глава регионального управления инквизиции, — представился обрюзгший. — Вообще-то делегацией руковожу я, но...

Он замялся и, скривившись, покосился на «кожаного».

— Но в этом городе главой инквизиции становлюсь я, — пояснил тот. — Стефан Лещинский, ваш новый инквизитор, госпожа... м-м... Тернова, кажется?

— Кристина Тернова, — спохватилась она, с любопытством разглядывая того, кому предстояло заменить незаменимую Раису Петровну. Нет, симпатичный, определенно. Черты лица строгие и тонкие, даже аристократические, глаза серые, но такие светлые, что контраст с черными волосами немного пугает. И вежливый. Могло быть и хуже. Кристина протянула руку для протокольного поцелуя, и Лещинский коснулся ее сухими теплыми губами.

— А в старые времена принято было целовать ведьме-хозяйке колено, — задумчиво заметил он. — Вспомнилось отчего-то...

И отпустил ее руку. Кристина невольно взглянула на свои брюки.

— Да, сейчас неудобно, — согласился Лещинский. — Так вот. Это, — он кивнул на «офисного», — наш адвокат, Игорь Игоревич. Фамилию называть не станем, она предназначена для устрашения противников. И наконец, Аль Яржинов. — «Студент» нахально отсалютовал чашкой кофе. — Специалист по выявлению и инициации непроявленных магов.

— Очень приятно, — сказала Кристина. — И что привело столь ценных специалистов в наш город?

— Мы разыскиваем преступницу, — ничего не выражающим тоном ответил Лещинский. — Есть основания считать, что она скрывается у вас.

Его рука медленно потянулась к лицу, длинные сухощавые пальцы сжали переносицу, точно у инквизитора заболела голова. Семен Никитич странно хмыкнул — злорадно, что ли?

Блеснул тяжелый перстень-печатка. Кристина впервые обратила на него внимание — и застыла. Высший. Такие печатки носили только высшие инквизиторы. Не те клоуны-чиновники, которые занимались повседневными делами Центрального управления инквизиции в столице и в областях, а другие. Те, кто что-то решал. От кого зависели и чиновники, и этот Семен Никитич... и все законы магического мира!

Вот только высшие инквизиторы не посещали провинциальных городишек в поисках ведьм-преступниц. Во всяком случае, по доброй воле... Сослали его сюда, что ли? Сам натворил что-то, что ставило его на одну доску с разыскиваемой? Других причин, почему он мог здесь оказаться, Кристина не видела.

Она присмотрелась к печатке, пытаясь разобрать символ. Символ обозначал профиль высшего. Законоположник, экзекутор, антимагистр или...

Лещинский поднял голову и перехватил ее взгляд.

— Экзекутор, — подсказал он. Весь его вид ясно давал понять, что нечего и пытаться спрашивать, каким ветром высшего занесло в провинцию. — Насколько близко вы общаетесь с главой городской ложи колдунов? Какие новички у них появлялись в последнее время?

— Не так быстро! — вскинула ладони Кристина. — И вообще, вы же преступницу ищете, при чем здесь колдуны?

Ложа была сугубо мужской компанией. Так уж повелось, что в каждом городе было две магических организации. Ковен, в котором состояли женщины, и ложа, где числились исключительно мужчины. Все делали общее дело, защищали города от магических аномалий и держали равновесие, но подчинялись каждый своему начальству.

— К ним мог внедриться ее сообщник, — сказал Лещинский. — Будьте добры, дайте мне контакты главы ложи.

Кристина безропотно достала из ящика стола визитку Лешки Змеева, возглавлявшего компанию местных колдунов, и протянула инквизитору. Потом с любопытством прищурилась:

— А сама преступница не могла внедриться к нам?

Семен Никитич снова гнусно рассмеялся. Ну точно как школьница, злорадствующая, что соперницу вызвали к доске!

— Внедриться к вам — не могла. — Лещинский проигнорировал ужимки недавнего начальства. — Но мы общаем город, и вы нам в этом поможете. Искать нужно в местах, где за последнюю неделю происходили магические аномалии. У вас были аномалии?

Смотря что считать аномалиями... Кристина решила промолчать о массовом бегстве рекламных персонажей с плакатов. За такую аномалию, чего доброго, еще по шапке дадут. Да и зачем бы преступнице устраивать подобную ерунду? А вот пару мелких, районных, можно было и выдать.

— А что она сделала? И вообще кто она — ведьма?

Глупый вопрос. Конечно, ведьма. Инквизиторы были кем-то вроде магической полиции и правительства в одном флаконе. Следили, чтобы колдуны и ведьмы не нарушали закон, карали виноватых, защищали остальных. Берегли существование магии от огласки. Вместе

с ведьмами и колдунами разрабатывали новые правила обитания среди простых людей. Значит, преступница могла быть только ведьмой. Тогда вдвойне странно, что она проникла в Город без ведома Кристины.

— Она участница секты, известной как «Знак Гефея», — ответил Лещинский. —

Подробности их действий мы не разглашаем. Напомню, любой ковен и любая ложа обязаны оказывать содействие...

— Будет вам содействие, — с досадой перебила Кристина. — Только если мы не знаем, чего ждать от преступницы, как мы вам поможем? Это такой большой секрет? Или... — она усмехнулась от неожиданной догадки. — Или, может, вы сами не знаете, чего от нее ждать?

— Не совсем, — Лещинский тяжело вздохнул. — Скажем так: на ее совести несколько серьезных нарушений, а в вашем городе она может попытаться пробудить его суть. Он не обратил ни малейшего внимания на рожи, которые усиленно корчил Семен Никитич. Главе регионального управления инквизиции не нравилось, что ведьмам хоть что-то рассказывают. Но высший, даже опальный, наверное, мог себе позволить не считаться с ним.

— Пробудить суть города... Его душу, вы хотели сказать? — Кристина вытаращила глаза. — Но душа города — это легенда!

Да, у каждого населенного пункта имелось нечто вроде магического средоточия. Оно было нематериальным, но все маги ощущали его действие. В просторечии так и говорили — город назначает ведьму-хозяйку, город наделяет магией, город дает силы. А вот душа, разум, как это ни назови... Душа города оставалась красивой легендой. Сказкой о том, что однажды на улице можно встретить обычного с виду парня или девушку, и это окажется город собственной персоной.

— И тем не менее ей и другим участникам секты уже удавалось кое-что сделать, — ответил Лещинский. Теперь он то и дело потирал переносицу, будто один только разговор о преступнице вызывал у него приступы мигрени. — Для вашей безопасности и безопасности расследования мы пока ничего больше не раскроем. Как именно сектанты воплощают душу города, какие используют чары и какие методы воздействия, мы тоже не знаем. Известно только, что их магия оставляет следы в виде аномалий. Не игнорируйте их, — он уставился Кристине в глаза так, словно знал, что она о чем-то умалчивает. — Как только произойдет магический сбой, как только тонкий мир поведет себя не так, как должен — сразу сообщайте мне или кому-то из нас. Наши номера мы вам оставим.

Он выудил из кармана слегка поцарапанный черный смартфон, коснулся экрана. Самсунг, причем не самая новая модель. А вот у Семена Никитича оказался айфон, и Кристина фыркнула про себя.

Она думала об услышанном. Все непонятнее и непонятнее. Ведьма хочет воплотить душу города? Ведьма это умеет и уже делала? Тогда почему ее до сих пор не поймали? Почему инквизиторы столько знают о ней, но она все еще на свободе? Эта секта так сильна или дело в чем-то еще? А если она так сильна, почему оставляет следы? И зачем, в конце концов, сектантам понадобилась ожившая душа города?

Ладно. На все эти вопросы рано или поздно найдутся ответы. Пока что, кажется, инквизиторы не собираются делать ничего плохого и...

— И еще мне нужны контакты всех сильнейших ведьм и колдунов города, — сказал Лещинский, когда они обменялись номерами телефонов. — Нам придется провести ритуал, ограничивающий магию. Иначе мы никогда никого не поймает. Ограничивающий магию? Что?!

Глава 2. Тайное и явное

— Что значит «ограничивающий»? — не хуже змеи зашипела Кристина. — Чтоб вам провалиться! Я же согласилась вам помогать! Какого черта лишать магии целый город?! Лещинский досадливо поморщился. Семен Никитич не сдерживался — пробурчал «Да хватит разводить разговоры, они обязаны делать, как мы говорим!». Кристина понимала,

что он прав, но от этого делалось тошно. Ведьмы и колдуны не могли ослушаться обоснованных приказов инквизиции. Сейчас приказ был обоснован интересами следствия. Наверное. Теоретически ведьма могла черпать силу из магического сердца города, но ограничивать из-за этого всех?

— Кристина, — в невыразительном голосе Лещинского прорезались извиняющиеся нотки. — Преступница способна воплотить душу города. Конечно, она сумеет и питаться здешней магией. Мы не собираемся блокировать источник полностью. Но обязаны ограничить его возможности. Если город оживет стараниями сектантов... одним словом, никому бы не пожелал это увидеть.

Он спокойно увещевал Кристину и говорил разумные вещи, но она все равно не сразу смогла успокоиться. Ограничение магии! Это значило вдвое или втрое меньше возможностей! И без того придется еще месяц ловить рекламных персонажей и возвращать их на плакаты! Как, интересно, инквизиторы предлагают делать это без магии?

— С чего вы вообще взяли, что она здесь? — зло спросила Кристина. — Эта ваша преступница. Ищите ее где-то в другом месте и не мешайте нам работать.

«Студент» Яржинов почему-то одобрительно хмыкнул, а Семен Никитич снова пробурчал что-то нелестное. Лицо Лещинского осталось непроницаемым. Хотя, казалось, он немного помрачнел.

— Она здесь. У нас были... скажем, информаторы, которые помогали ее отслеживать.

— И куда они делись? Вы и им ограничили магию?

— Нет. Они перешли на сторону секты. Большинство ее противников, тех, кто помогает инквизиции, тех, кто ее преследует... почти все рано или поздно начинают подыгрывать сектантам. Поэтому я настаиваю, чтобы вы знали поменьше деталей! — к концу тирады Лещинский говорил уже с каким-то остервенением. Он не смотрел на Кристину, пальцы с переносицы переместились на виски и с силой сжали их. — И настаиваю, чтобы не пытались задержать преступницу сами! Просто сообщайте нам обо всех аномалиях и перетерпите ограничения магии! Больше от вас ничего не требуется.

— Ладно, ладно... — обескураженно пробормотала она. Дело ведьмы на глазах обрастало новыми странными подробностями. Кем нужно быть, чтобы склонять на свою сторону даже преследователей? Владеть чарами соблазна? Или так хорошо уметь убеждать? — Так может, сектанты правы? — не удержалась Кристина. — Во что они верят? Должны же они отстаивать какую-то идею? Вы не думали, что она правильная?

Яржинов снова хохотнул, а Семен Никитич невнятно ругнулся. Только Игорь Игоревич сидел как истукан.

— Уверяю вас, обо всем, о чем можно, мы уже давно подумали, — сквозь зубы ответил Лещинский.

Кристина вздохнула. Конечно, кто бы сомневался. На что она надеялась — что инквизиция сейчас возьмет и признает свою неправоту? Если эта неправота была... Теперь стало еще любопытнее, чего добивались сектанты. И кто мешает об этом рассказать?

— А вас четверых эта ведьма не перевербует?

— У инквизиции иммунитет, — отмахнулся Лещинский.

— Все равно я должна хотя бы увидеть ее фотографию, — сказала Кристина безнадежно, понимая, что ничего не сможет поделать. Ни избежать ограничения магии, ни избавиться от инквизиторов в ближайшие недели. — И как ее зовут?

— Марианна. — Показалось или голос Лещинского самую чуточку дрогнул? — Марианна Бойко. Фото я вам вышлю, только учтите, не нужно быть ведьмой, чтобы изменить внешность до неузнаваемости.

Он уткнулся в телефон. Кристина ждала с возрастающим нетерпением. Она понимала, что преобразиться до неузнаваемости способна даже школьница, лишенная магии, но почему-то стало крайне важно своими глазами увидеть, как выглядит эта опасная ведьма. Марианна Бойко... Имя не подходило к фамилии. Слишком утонченное для нее, оно казалось нелепым и претенциозным. Родители тоже хороши, могли бы назвать дочь Марьяной или Мариной, и уже звучало бы более гармонично. Хотя это могла быть фамилия мужа. А если девичья, то и такое легко поправимо. Выйди Марианна замуж, скажем, за того же Лещинского...

Кристина сдавленно хихикнула. С чего она вообще начала об этом думать? Уж не испугалась ли сектантов на своей территории?

Вайбер пискнул, возвещая о новом сообщении. Кристина жадно впиалась глазами в фото. Марианна Бойко оказалась молодой и эффектной натуральной блондинкой. Светлые волосы лежали красивыми волнами, полные губы слегка улыбались, но улыбка оставалась жесткой, холодной, недоброй. Холодно смотрели и зеленые глаза в обрамлении густых ресниц. Над верхней губой поблескивал шарик пирсинга. Ведьма не позировала, кто-то заснял ее неожиданно, вполоборота, по грудь. Грудь казалась пышной, будто Марианна засунула под свитер подушку. А вот свитер был скромным, и макияж тоже неярким.

Опасная ведьма не выглядела роковой соблазнительницей

— Спасибо, — пробормотала Кристина, переваривая впечатления. Хотя она знала, что еще не раз будет разглядывать это фото и думать над загадками, которые Лещинский рассыпал перед ней щедрой рукой. — А кто ее сообщник? Который внедриться мог, вы говорили...

— Вы не поняли? — недовольно ответил Семен Никитич. — Сообщником может стать кто угодно! Вас не зря спрашивали, насколько близко вы общаетесь с главой ложи! Не факт, что секта до него еще не добралась!

До Лешки?! Кристина вздрогнула, по спине побежал холодок. Она поспешно закрыла фотографию, будто ведьма могла с картинки услышать, что о ней говорят.

— Теперь поняла, — медленно произнесла она. — Теперь поняла...

Воцарилось молчание. Каждый думал о своем. Кристина переваривала услышанное и судорожно пыталась выстроить планы на вечер. Ловить рекламных чудиков? Поговорить с Лешкой, чтобы проверить, не попал ли он в сети секты? Пообщаться с кем-то и другими магическими существами, которые могли что-нибудь заметить?

— Вы что-то еще собираетесь делать? — спросила она, так ничего и не решив. — Моя помощница сказала, что вы едете с проверкой...

— Нет. Только искать преступницу и следы других сектантов, — ответил Семен Никитич и встал. — Уже поздно, дайте нам адрес гостиницы, в которой есть бесплатный резерв для командировочных. А завтра мы приступим к полноценному расследованию и проведем ограничительный ритуал.

Кристина взглянула на часы. И правда, время подбиралось к девяти вечера. Внизу хлопали двери — наверное, ведьмы уже вернулись с отлова рекламных чудиков. Лещинский еще некоторое время посидел, сжимая пальцами виски, а потом поднялся вслед за всеми.

Кристине все сильнее казалось, что он какой-то примороженный. Что-то говорит, делает, но все это — как сквозь толстый слой льда. И голос оттого бесцветный, и выражение лица не прочитывать. И там, под этой ледяной коркой, ему приходится несладко, иначе не проявлял бы слабость и не тянулся бы к вискам под ядовитым взглядом Семена Никитича.

В Городе действительно была гостиница, с которой региональное управление инквизиции заключило договор. По договору приезжим инквизиторам предоставлялись бесплатные номера на любой срок. Кристина злорадно захихикала про себя, представив, каким будет лицо Семена Никитича, когда он увидит эти номера.

— Четыре одноместных? — вежливо спросила она. — Или два двухместных?

— Адрес, — проскрежетал Семен Никитич. — Сами разберемся.

— Гостиница «Речная», на набережной, — услужливо сообщила Кристина. — Улица Набережная, дом сорок.

«Речная» встречала гостей у съезда с центрального моста. Обшарпанный, покрытый пятнами фасад, который в последний раз красили году в восьмидесятом, навевал смутные ассоциации с фильмами о войне. Из окон открывался обширный вид на плавающие в воде пластиковые бутылки и упаковки из-под чипсов.

— На набережной? — возмутился Семен Никитич. — Там же комаров полно!

Кристина лишь развела руками. Не знаю, мол, я ни при чем, региональное управление само выбирало...

— Да ладно, уже осень, — лениво сказал Яржинов.

Кристина прошла к двери и ненавязчиво открыла ее. Авось инквизиторы выметутся сами, как те собаки из холла.

По коридору сновали ведьмы. Ждали, когда начальница освободится. Кристина лично проводила инквизиторов до выхода и толкнула дверь, но Лещинский опередил ее. Одним

неуловимым движением оказавшись впереди, он сам распахнул дверь — то ли перед дамой, то ли перед начальством. Лучше бы перед дамой. Воспитанный инквизитор — меньше проблем.

— И как добраться до этой «Речной»? — поинтересовался Семен Никитич, брезгливо поджимая губы.

— А вы не на такси? — Кристина слегка опешила. — Остановка маршрутки там. Вам нужен номер сто первый. Если маршрутка — это дорого... то ничего не поделаешь. Троллейбусы по набережной не ходят.

Яржинов закашлялся, пряча смех. Даже Игорь Игоревич ухмыльнулся. Видимо, прижимистость начальства успела основательно надоесть всем.

Семен Никитич смотрел туда, куда ему указывали. И в глазах его плескался... страх?

— Может, хоть теперь уберете собак? — почти жалобно сказал он. Кристина пригляделась — и ахнула.

Собаки, так опрометчиво наколдованные ею, никуда не ушли. Они расселись под кустами живой изгороди по периметру двора и таращились на людей широко раскрытыми глазищами. Вот черт, и что с ними теперь делать? Воплощенное не развоплотишь, так гласил закон магии! Кристина ругнулась про себя. Придется звонить в городской приют для животных... А там, как всегда, нет мест... Значит, придется оплатить постройку вольеров, прокорм этих псин, прививки, стерилизацию и содержание до тех пор, пока им не найдут хозяев. Как иногда тяжело быть доброй ведьмой! Остановила бы собакам сердца — и нет проблемы. Определенно тяжело быть доброй ведьмой...

— Они не кусаются, — сказала Кристина. — Видите, какие смирненькие. Идите спокойно. Скрипнув зубами, Семен Никитич начал осторожно, бочком, продвигаться к выходу из двора на проспект. За ним последовали Яржинов и Игорь Игоревич. Кристина осталась в обществе Лещинского.

— А вы не идете? — спросила она.

— Не в «Речную». Потерпите еще немного, — отозвался тот, извлекая телефон. Наверное, собирался найти отель поприличнее. Значит, у высшего инквизитора, в отличие от господ из регионального управления, водились деньги. Стоп, он сказал «потерпите»? Вот черт, а Кристине-то казалось, что она общалась в нейтральном тоне. А оказывается, ее нежелание видеть всю эту компанию ни от кого не укрывалось...

Она уже хотела извиниться или промямлить что-нибудь примирительное, как вдруг что-то полыхнуло у самой земли.

Вздрогнув, Кристина присмотрелась. После первой вспышки по асфальту рассыпалась целая горсть мелких огоньков. Еще через мгновение стало ясно, что это отблески.

И что играют они на блестящих конфетных обертках.

И что конфеты, завернутые в сверкающие золотом и серебром фантики, величиной с хороший арбуз каждая. И что они не лежат на земле, а двигаются!

Глаза привыкали к темноте. Кристина разглядела тоненькие ручки-веточки и ножки-палочки. А еще... а еще раскрытые рты и узкие щелочки глаз!

— Я шоколадка! Внутри помадка! Со мною сладко лежать в кровати! — грянул многоголосый хор.

Кристина в ужасе зажмурилась. А она-то надеялась, что ведьмы переловили хотя бы самых буйных рекламных чудиков! Не переловили. Мало того — теперь пришельцы с бигбордов и плакатов явились прямо во двор офиса. Во двор, в котором все еще стоял инквизитор! Кристина опасливо покосилась на него. Лещинский разглядывал поющие и пляшущие конфеты, как невероятную диковину. Он даже ожил, избавившись от своего замороженного выражения лица. И смеялся, негодяй!

План скрыть от инквизиции массовый побег рекламных чудиков накрылся медным тазом...

Тяжело вздохнув, Кристина принялась жестами ткать чары. Ряды конфет стали редеть.

Одна за другой они срывались с места и сверкающими кометами уносились в сторону проспекта. Там, похоже, висели плакаты с рекламой какой-то кондитерской фабрики.

С последней конфетой пришлось повозиться. Она почему-то не реагировала на магию.

Кристина раз за разом повторяла узор, подкрепляя его ментальным приказом, а огромный шоколадный мяч в серебряной обертке по-прежнему нагло прыгал и приплясывал, распевая истошным голосом:

— Я шоколадка! Внутри помадка!

Кристина буквально швырнула в нее новый ментальный приказ, и конфету наконец сдуло. Воцарилась звенящая тишина.

— Спасибо, что не взрывчатка, — пробормотал Лещинский. Потом повернулся к Кристине, и она нервно вцепилась в отвороты карманов плаща. — Я так понимаю, это аномалия, о которой вы умолчали, да?

Она кивнула. Смысла отпираться уже не было.

Лещинский снова негромко рассмеялся.

— И в чем она заключается? Что... вернее, кто это был?

— Персонажи рекламы, — нехотя призналась Кристина. — Буквально сегодня сбежали. Если бы не вы с вашим порталом, мы бы сразу же их переловили! — она вскинула голову, готовая защищаться. Но защищаться не пришлось.

— И почему вы решили это скрыть? — напрямик спросил Лещинский.

Ну и что ему ответить? Что проще скрыть аномалию, чем писать бесконечные объяснительные, отчеты о том, как продвигается устранение, и прочие бумажки? Что инквизиция потом покоя не даст, катаясь в Город с инспекциями?

— Ладно, можете не отвечать, — махнул рукой Лещинский. — Если боитесь, что Семен Никитич вцепится в вас с проверками, не говорите ему. А меня бояться не нужно. Сейчас главное — найти преступницу. А потом... Торжественно вам обещаю, что как ваш новый инквизитор не буду требовать никакой бюрократии. — Он помолчал и с легким вздохом добавил: — Если доживу.

Кристина заморгала. Ему хотелось верить. А Городу, похоже, достался второй подряд понимающий инквизитор, готовый пойти навстречу, а не изводить ведьм бесконечными придирками. Хотя раз он сказал «если доживу»... Значит, по закону подлости обязательно умрет. В ближайшее же время. И оставит Город на растерзание Семенам Никитичам.

Она вздрогнула, не сразу осознав серьезность положения. Потом быстро переспросила:

— А что с вами может случиться? Эта секта так опасна?

— Нет-нет! — Лещинский уже явственно жалел о сказанном. — То есть она опасна, конечно, вам стоит остерегаться, но мне... неважно. Забудьте.

— Если вам нужно лечебное зелье или... — начала Кристина, но тут дверь холла распахнулась.

— Вы там скоро? — крикнула Лера. — Кристина Сергеевна, мы вас ждем, вернулись за подмогой, они там...

Она осеклась, увидев инквизитора. Тот, весь в темном, сливался с ночными тенями.

Кристина вздохнула.

— Хотите прямо сейчас посмотреть на аномалию? — спросила она у него. — Тогда пойдемте с нами.

Лещинский кивнул и зашагал за ней в холл.

В конце концов, скрывать от него аномалию было уже поздно. А когда еще появится такой случай выяснить, что новенький собой представляет в деле? Пусть помогает. Если ведьмы вернулись за подмогой, значит, в Городе что-то действительно серьезное.

Глава 3. Кондитерская авиация

В холле собрался с десяток ведьм. Не успела дверь закрыться, как донеслось мяуканье. Кристина начала озираться, но Лера тут же замельтешила, засуетилась и заверещала, перекрикивая любую кошку:

— Кристина Сергеевна! Они засели возле «Дефиле»! Там ужас что делается! В центре города коллапс!

Если Лера вспомнила умное слово «коллапс», значит, дела и впрямь неважные. «Дефиле» было модным торговым центром на главном проспекте. Пятница, вечер... Мать-магия, сколько же народу увидело, что творится что-то необычное! Завтра обитатели рекламы будут во всех газетах!

— Они пока хулиганят только, — поспешно добавила Лера. — Засели на крыше «Дефиле», понимаете, там надо с воздуха зайти и сразу обратные чары набросить, а мы не успеваем, силы не хватает! А они наши летательные коврики обстреливают... то есть бомбят...

— Воздушный бой, — прокомментировал Лещинский. — Дамы, кто бы там ни засел на крыше, отвлеките его. Кристина...

Она кивнула, не дослушав. И так ясно было, что он предложит — накрыть распоясавшихся созданий с воздуха. Ей уже не терпелось добраться до них. И увидеть наконец, что там происходит!

— До главпочтамта долетим, дальше пешком, — сказала Лера другой ведьме, направляясь к двери. Потом оглянулась. — Кристина Сергеевна, вы там поосторожней! Смотрите, чтобы они в вас не попали!

— А из чего стреляют? — крикнула вслед Кристина, но ведьмы уже выскочили во двор. В руках они держали кто швабру, кто офисный стул, кто уличную урну с логотипом кандидата в мэры Города...

— У вас летают на урнах? — предельно вежливо поинтересовался Лещинский.

— Вообще-то нет, но если время поджимает, приходится, — невнятно буркнула Кристина.

Она судорожно искала, какой предмет интерьера можно было приспособить для полетов, но ничего не находила. Диван? Кресло? Медленные и плохо маневрируют. Горшок с пальмой? Вообще маневренности никакой. И чем тяжелее предмет, тем медленнее он будет передвигаться... А, ладно! Возьмем пример с Хоттабыча!

Она сдернула с дивана чехол и встряхнула его. На пол свалилась сумка с поглотителями магии, брошенная в холле, когда прибыли инквизиторы. Кристина подхватила ее и бросилась на улицу.

Решимости ей было не занимать. Магия это чувствовала. Поэтому чехол, повинувшись движениям пальцев, почти сразу расправился и завис в воздухе. Бордовый вельвет в два слоя натянулся, теряя сходство с тканью, теперь он напоминал широкую и надежную доску. Кристина удовлетворенно кивнула.

— Полагаете, удобнее летать сверху, а не внутри? — поинтересовался бесшумно подкравшийся Лещинский.

— Внутри чехла, как в мешке? Это у вас так в Высшем Круге летают, да? — фыркнула Кристина и запрыгнула на доску. Та не прогнулась ни на миллиметр. Отлично.

Лещинский запрыгнул следом. Свет из окон офиса упал на его руку, и Кристина заметила на тыльной стороне ладони пятно сажи. А под ним, кажется, ожог... Она изумленно заморгала.

— На меня сейчас кое-кто напал, — весело хмыкнул Лещинский. — Удивлены? Это не вы поселили в холле одно мелкое и недружелюбное создание? Ладно, тогда потом сами увидите, полетели!

«Многовато развелось недружелюбных созданий», — подумала Кристина и выбросила эту странность из головы. Будь там что-то опасное, инквизитор бы сообщил.

— Держитесь за меня, — на всякий случай предупредила она. Поджала под себя ноги, подползла поближе к краю чехла и взялась за него обеими руками, приподнимая и задавая направление.

Кусок вельвета, превратившийся в доску, сорвался с места и ракетой понесся вперед и вверх.

До «Дефиле» было километров шесть по прямой. Но приходилось перемещаться зигзагами, избегая людных мест. Потом Кристина поднялась повыше и вздохнула с облегчением.

Теперь увидеть их с земли можно было, лишь очень хорошо постаравшись. Пару раз она нервно оглядывалась на инквизитора. Тот подозрительно молчал, и Кристине постоянно казалось, что он рухнул вниз. Но он сидел, вольготно вытянув ноги, и наслаждался полетом. Обычно она и сама любила летать, но не в такой спешке и не в таких обстоятельствах.

— Не волнуйтесь, я здесь, — улыбнулся Лещинский, когда Кристина оглянулась в третий раз. Потом легко положил руку ей на талию.

Нетрудно было представить, что он не держится, чтобы не упасть, а просто обнимает ее...

Ну да, и они направляются полюбоваться звездами и видами ночного города.

Закопченными трубами, облезлыми многоэтажками и переполненными свалками. Кристина прибавила скорости.

Заложив последний вираж, чехол вылетел к центральному проспекту. Каменная громада «Дефиле» оказалась совсем рядом.

Кристина застыла.

Центр Города потопал в пышных кремовых облаках.

Настоящих, чтоб им провалиться, кремовых облаках!

Огромная масса розового крема из белков и взбитых сливок облепила «Дефиле», придавая сходство с гигантским тортом. Крем покрывал тротуары и проезжую часть, так что немногочисленные прохожие, которые еще не разбежались, брели по поясу в воздушной массе. От машин оставались только крыши. Они плыли, как баржи, включив дальний свет. Подсвеченные изнутри взбитые клубы смахивали на огненное зарево.

А крем все прибывал.

На крыше «Дефиле», у самого края, стояла хрупкая девушка в розовом платье. В руках она держала... волшебную палочку. И с каждым взмахом палочки в воздухе появлялось новое огромное облако крема!

Шлеп! — облако обрушилось прямо на ведьм, которые что-то кричали у входа в «Дефиле» и размахивали руками. Шлеп! — кремовая шапка залепила стекла снегоочистителя, подкрадывавшегося со стороны проспекта. Городские власти уже узнали о чрезвычайной ситуации и пытались расчистить дорогу от крема тяжелой техникой. Как не вовремя!

Новый взмах палочкой — и со стороны снегоочистителя донесся отборный мат. Вся массивная машина, от ковша до колес, превратилась в густую кремовую массу. Посреди нее барахтался водитель. Девушка с крыши нацелила на него палочку.

— Кондитерская «Фея», — злобно пропыхтела Кристина. — Креативщики фиговы!

Фея, сбежавшая с вывески кондитерской, принялась озираться, будто что-то услышала.

Пользуясь этим, водитель снегоуборочной машины вскочил и нырнул в покрывающие дорогу пушистые облака. Кристина поспешно направила чехол вниз, скрываясь из поля зрения.

— Гадость кружевная, — буркнула Кристина. Потом повернулась к инквизитору. —

Значит, так, пока она не сбила нас этим кремом, действуем одновременно. Вы бросаете в нее поглотители магии, а я тем временем плету заклинания.

Она принялась рыться в сумке, вынимая кругляши поглотителей. Те напоминали крупную гальку и мгновенно вытягивали излишки магии из предметов и магических существ.

— Кружевная гадость. Звучит поэтично, — прокомментировал Лещинский, медленно убирая руку. — Вы боретесь с ними с помощью поглотителей?

— Сейчас да, — вскинула голову Кристина. — Нужно ненадолго остановить эту...

поэтичную гадость, и я успею сплести возвратные чары. Если ее не задержать, она и нас превратит в пародию на торт!

— Тогда оставьте в покое эти штуки, все равно я промахнусь. Я сам ее нейтрализую, — Лещинский покосился на перетекающую через край крыши массу крема. Пышная сладкая лавина обрушилась на тротуар.

— Точно, — пробормотала Кристина, опуская сумку. Она и забыла, что инквизиторы владели антимагией не хуже, чем обычными чарами. Иначе не поймали бы и половины магов-преступников. — Тогда... готовы? Летим.

Она швырнула «ковер-самолет» вверх. А потом, едва тот приподнялся над уровнем крыши — сразу вперед.

Лещинский и фея атаковали одновременно. Инквизитор перегнулся через край чехла и выбросил руку перед собой, будто отправляя в фею что-то невидимое. И в ту же секунду она взмахнула палочкой. Вблизи волшебная палочка соперничала размером с бейсбольной битой. И орудовала фея ею тоже, как битой. Замахнулась изо всех сил, с кончика сорвался сноп искр... и бита замерла в высшей точке. Но было уже поздно.

Сноп искр превратился в облако жирного желтого крема. И всем своим весом обрушился на «ковер-самолет»!

«Хорошо, что невысоко поднялись», — успела подумать Кристина, прежде чем ее прибило к крыше. Чувство было такое, будто сверху свалилась гигантская перина. Ее поволокло, перевернуло, в нос, глаза и рот забился крем, заставляя судорожно чихать и откашливаться.

Глаза заслезились, как от едкого-едкого мыла. Кристина, забыв обо всем, потянулась к ним руками, и тут гравитация поймала ее своей неумолимой хваткой.

Все еще яростно растирая глаза, Кристина рухнула на спину. Мгновением спустя что-то ударило в плечо. Она поморгала — и увидела лицо Лещинского совсем рядом со своим. Он свалился сверху и навис над ней, опираясь на полусогнутые руки. Потом растерянно, как в трансе, облизнулся, глотая крем.

— Мне нравится ваш город... — выдохнул он и откатился в сторону. Горы крема окутали его, как куклу вуду, упрятанную в вату. Кристина осторожно приподнялась.

Что ж, сработал он отменно. Фея с битой не двигалась. Это был уже не живой человек, а тонкая бумажная фигурка, невеста как держащаяся вертикально. Магия ушла из нее, рекламный персонаж снова стал рекламным персонажем. Куском бумаги, отклеившимся от плаката у входа в кондитерскую.

— Не расслабляйтесь, — сказала Кристина. — Вам как инквизитору еще следы замечать. Донесшийся снизу обреченный стон оповестил, что Лещинский проникся масштабом предстоящих работ. Она пнула ногой сладкую массу.

Пара движений руки, простенький магический узор — и фея бесследно исчезла. Остались только сугробы из взбитых сливок и яичных белков. Снизу доносились возгласы. Кто-то ругался, кто-то на одной ноте повторял: «Офигеть! Офигеть!». Щелкали камеры телефонов. Во рту поселилась омерзительная химическая сладость. По колену утопая в креме, Кристина добралась до небольшого бортика и выглянула вниз, на центральную площадь.

Ведьмы были там — втолковывали что-то стремительно увеличивающейся толпе.

Ежесекундно полыхали вспышки. Нужно было срочно что-то делать. Такое даже аварией на кондитерской фабрике не объяснишь — нет в центре города кондитерских фабрик! Только пресловутая «Фея», закупающая пирожные и торты у рукастых надомников в пригороде и продающая втридорога под видом французской выпечки.

Кристина оглянулась в поисках инквизитора и поняла, что потеряла его. Он скрылся в глубине кремовых сугробов. Уснул он там, что ли? Нашел время!

— Стефан... простите, как вас по отчеству? — позвала она. — Не можете?

— Просто Стефан, — откликнулся тот, восставая из крема, как взъерошенная Афродита в кожаной куртке из пены морской. — Сейчас... Этот состав магического происхождения. Может, подействует...

Он поднял руки и медленно повел ими перед собой в простом антимагическом жесте.

Антимагия не требовала узоров, не требовала сложных и долгих плетений. Она просто стирала с лица земли. Развеивала навешанное, развоплощала воплощенное, уничтожала плоды чар. Жаль, этому не обучали. Антимагом нужно было родиться...

Кристина подумала, что можно, наверное, попросить инквизитора развоплотить и собак, которых она случайно создала. Подумала — и затолкала мысль подальше. В отличие от рекламных персонажей, изначально нарисованных, собаки были живыми. Уничтожить их или убить — какая разница? И... Ей просто стало жаль возвращать их в небытие. Может, когда-нибудь, лет через сто долгого ведьминского века, она и научится отключать жалость. Но пока не получалось.

Горы крема исчезали, точно кто-то очень аккуратно стирал их ластиком. Ночь выцветала, чернея на глазах. Зеваки почему-то не кричали и не удивлялись. Толпа просто начала рассасываться, люди как ни в чем не бывало направились по своим делам. Наверное, антимагия и об этом позаботилась. Удобно... Раиса Петровна никогда не ликвидировала так следы чар. Хотя следов и при ней хватало. Может, для такого всеобъемлющего очищения нужно быть высшим инквизитором?

— Не спешите радоваться, — сказал Лещинский, поворачиваясь к Кристине. — Антимагия действует отнюдь не на все результаты чар. Если бы кто-то погиб, я бы не смог вернуть его к жизни.

Кристина лишь вздохнула. Это ее не удивляло. Люди придумали сотни способов убивать друг друга, но даже маги не знали ни одного способа, чтобы оживить.

Лещинский мазнул ладонью по воздуху напротив Кристины, и ее точно огладила гигантская невидимая рука. Слипшиеся от крема волосы взлетели шелковистыми прядями на ночном ветру, одежда очистилась. Исчезло омерзительное ощущение испачканной кожи. Напоследок инквизитор стер крем с себя и задумался.

— Так быть не должно, — наконец сказал он. — Таких масштабных аномалий я не припомню ни в одном городе. Преступница где-то рядом. Может быть, прячется прямо здесь, в торговом центре... хотя если триангулировать...

— В тех городах, может, и не припомните, а у нас такое уже бывало, — возразила Кристина. — В смысле, с бигбордов уже материализовались люди или звери... или предметы. Материализация на основе образа — это же самая простая ступень. Как-то с предвыборного плаката сбежал кандидат в президенты и провел митинг на центральной площади. И никто не догадался, что он ненастоящий.

— И что, раньше они тоже появлялись по всему городу? — Лещинский испытующе уставился на нее, заложив большие пальцы в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

— Ну... — Кристина попыталась вспомнить. — Нет. Были отдельные случаи.

— А другие аномалии? Тоже отдельные случаи? Или по всему городу?

— Обычно отдельные. Хотите сказать... это она? Оживляет их?

Кто такая «она», уточнять не пришлось. Лещинский отвернулся, вглядываясь в затянутый смогом горизонт.

— Не напрямую. Она что-то делает с магическим фоном города. А выбросы магии уже принимают любые формы. Даже самые фантазмагорические. Думаю, это не последняя аномалия. Пожалуйста, не забудьте — сообщайте мне о каждой. Завтра с утра можно поискать убежище преступницы.

Он упорно избегал называть имя Марианны Бойко. Боялся случайно призвать ее, что ли?

— Почему с утра? Лучше по горячим следам, — заметила Кристина. Хотя сейчас ей совершенно не хотелось шататься по центру города в поисках какого-то убежища.

— Ночью не стоит, — поморщился Лещинский. — Ночь придает ей сил. Это... довольно старая и опытная ведьма, она умеет черпать силу из природных явлений. Завтра с утра встретимся в вашем офисе и решим.

Кристина мгновение смотрела на него остановившимся взглядом, потом опомнилась и пошла к летательному чехлу.

Черпать силу из природных явлений! Черт, кажется, городской ковен вляпался еще сильнее, чем казалось раньше. Ну да, ведьмы могли жить столетиями, сохраняя молодость, могли брать силу из магического сердца Города, но из природных явлений... Это звучало как легенда. Это было легендой! В ковене числились ведьмы старше и опытней Кристины, но ни одна еще не умела пользоваться естественной мощью ночи, солнца, воздуха, грозы... И он так походя об этом упоминает!

— Когда будем искать убежище, вы идете вперед, — проворчала Кристина, расправляя чехол.

Глава 4. О вреде бессонницы

Оказавшись в своей квартире в спальном районе, она сбросила пальто и туфли и рухнула в кресло. И некоторое время сидела так в темноте, не раздеваясь и даже не двигаясь. В голове шумело, и как знать, было тому виной магическое истощение или простое обилие впечатлений.

Хотя, если верить господину инквизитору, впечатления еще только начинались. Сегодня вечером не произошло ничего особенного.

Кристина потрясла головой, как кошка, вскочила, включила свет и стала переодеваться. За окном чуть заметно гудел не успевший уснуть район. Когда-то его строили на окраине, но с тех пор город расползся щупальцами медузы во все стороны, и теперь отсюда до центра было четверть часа езды на маршрутке. Квартиру получили еще родители Кристины как передовики производства. Потом, когда Город одарил ее магической силой, для родителей все обставили так, будто она устроилась на хорошую работу в солидный офис. Тогда фирмы всюду завоевывали рынок. И родители засобирались, приговаривая: «Ну что мы будем сидеть здесь, стеснять тебя, мы лучше в деревню поедem»... Остановить их не удалось. Кристина купила им хороший дом в пригороде и до сих пор частенько ездила в

гости, привозя самые лучшие ведьмовские зелья для оздоровления. Благо запрета пользоваться магией в личных целях не было. Запрещалось только причинять вред другим. Вопреки мечтаниям родителей, Кристина вела одинокую жизнь. Детей не рожала, потому что боялась: рано или поздно придется их пережить. Замуж не выходила — не попадалось кандидатов. Точнее, в кандидатах-то ни одна ведьма никогда не знала недостатка, но все это были не те люди. Одно слово — люди. Ничего общего с ними, ни общих целей, как хотелось бы, ни общих взглядов на жизнь. Кристина проводила с ними какое-то время... а потом уходила первой.

Колдуны тоже подкатывали, но и с ними не клеилось. Да что там колдуны — даже Лешка Змеев, глава ложи, при каждой встрече интересовался, не передумала ли Кристина и не готова ли она упасть в его объятия. Но она знала, что любвеобильный Лешка говорил то же самое половине городских ведьм. И то потому, что вторую половину уже успел охмурить. Одиночество Крестину не тяготило. Слушая жалобы некоторых других ведьм, она лишь улыбалась. Не только люди, но и ведьмы любят во всем находить поводы для страданий. Куда лучше превращать их в поводы для радости. Как сейчас: хочешь — спи, хочешь — пляши, хочешь — затевай пирог, никто и слова не скажет. Кристина даже потянулась к музыкальному центру, чтобы было под что плясать, но отдернула руку. Десять вечера все-таки, соседям завтра на работу.

А вот Лешке надо бы позвонить.

— Кристи-иночка, — протянул тот в трубку. — Не спится, сестричка? Как сама, как семья? — Отлично, — хмыкнула она. Вдали послышался стук двери — Лешка предусмотрительно вышел в другую комнату, чтобы скрыть разговор с «сестричкой» от тех, с кем он проводил вечер. — Тебе инквизиторы не звонили?

— Какие инквизиторы? — голос Лешки мгновенно стал сухим и деловитым.

— Значит, еще позвонят. А еще лучше приходи завтра утром в наш офис. Они ищут преступницу и подозревают, что у вас может быть ее сообщник. Этим сообщником можешь оказаться даже ты...

Может, стоило бы умолчать об этом, но Кристина не видела смысла. Все равно Лешку введут в курс дела. Инквизиторы не боялись, что сообщник может узнать о поисках и затаиться, иначе приехали бы инкогнито и слова бы не проронили, что расследуют что-то. Наверное, у них был способ безошибочно определять этого самого сообщника. Кристина на их месте обязательно попыталась бы придумать что-то подобное.

Лешке пришло в голову то же самое, потому что он ответил:

— Если преступница симпатичная, то могу и оказаться... Остальных вызвать в ложу? Будут проверки?

— Лучше вызови, — сказала Кристина. — Думаю, проверки скоро будут везде.

Причитая «ну вот, опять на работу!», Лешка распрощался. А Кристина отправилась на кухню и долго сидела там за столом, рассеянно глядя в чашку с чаем.

Она до последнего не хотела признаваться самой себе, что побаивалась столкновения с сектой «Знак Гефея».

Ночью, как обычно, явилась бессонница.

Пришла, по-хозяйски села на край кровати и принялась изводить Крестину, заставляя то просыпаться и смотреть в потолок, то плавать на грани сна и яви, следя за причудливыми видениями. То опрокидывала в глубокий сон, то заставляла вскакивать от кошмаров.

Пожалуй, это был единственный повод для страданий, из которого Кристина не смогла сделать плюс. Бессонница одолевала часто. И не спасали от нее аптечные препараты. Только магическое зелье, а принимать его требовалось свежим, и не всегда находилось время, чтобы его сварить...

В изнеможении Кристина снова закрыла глаза и почувствовала, как проваливается в блаженную дрему.

...Она сидела на троне в большом полутемном зале со сводчатым потолком.

Когда-то в детстве при слове «трон» Крестине представлялось огромное сооружение на помосте, на высоте человеческого роста, а то и выше. И она очень разочаровалась, увидев царский трон в историческом музее. Обычный мягкий стул, обтянутый узорчатым бархатом. И вот сейчас она сидела на таком стуле, а по обе стороны вдоль стен зала выстроились ведьмы в парадных одеждах.

Зал окутывала полутьма, чуть надъеденная светом свечей. С окон ниспадали массивные портьеры. Шепотки и шаги сплетались в гулкое эхо. По проходу от двери к Кристине шагали инквизиторы, тоже в парадных одеждах. Она узнала их: Семен Никитич в синем фраке, Аль Яржинов в щегольском жемчужно-сером колете и таких же брюках, Игорь Игоревич в офисной двойке, приобретшей неуловимо торжественный вид... И Лещинский. В черном костюме и черной рубашке, с гладко зачесанными на пробор волосами.

Делегация явилась приветствовать ведьму по всем правилам.

Они поклонились по очереди, а потом Лещинский опустился на колени.

Кристина посмотрела вниз и увидела, что на ней тоже парадное платье. Темно-красное, цвета запекшейся крови. С разрезом, почти полностью обнажающим правую ногу.

Она невольно положила ладонь на бедро, точно пытаясь прикрыть вызывающе белую кожу — и увидела собственные ногти, выкрашенные в такой же темно-красный цвет.

А Лещинский склонился и коснулся колена губами. По телу пробежала электрическая дрожь. Поцелуй все длился и длился, пока из тьмы не выступил смутный силуэт и не зазолотились в свете свечей льняные волосы...

Кристина проснулась и от души протерла глаза. Перед ними все еще нахально мигали свечи. Отголоски сна исчезли не сразу.

Привидится же такая ерунда!

Нечего было и надеяться снова уснуть. Промаявшись минут двадцать, Кристина встала и посмотрела на часы. Они показывали пять с небольшим. Ну что, вызвать остальных ведьм в офис? Как раз рассветет, можно начать поиски убежища, не спеша пообщаться с Лешкиными колдунами, прочесать Город в поисках невыловленных рекламных человечков... Или пускай поспят, еще успеют набегаться?

За окном стояла непроглядная тьма. Кристина включила свет, зевнула, опять протирая глаза. Взгляд упал на ногти. Аккуратные, чуть удлинненные, без следов лака. Ей все было недосуг записаться на маникюр.

Она порылась в выдвижном ящике письменного стола и отыскала темно-красный лак.

Потом, все еще зевая, поплелась на кухню, заварила чай и принялась красить ногти, высунув от усердия язык.

Не только Кристина не могла уснуть в этот предрассветный час.

Номер трехзвездочного отеля располагался в самом конце коридора. Он был чистым, тихим и... нет, не безликим. Даже гостиничные номера не бывают полностью безликими, у них есть свое настроение, атмосфера и узнаваемое лицо. Стефан Лещинский повидал достаточно номеров, чтобы с уверенностью утверждать это. Тяжелый темно-зеленый простор «А-отеля» в Петербурге, вялая желтизна, тюремная теснота и грубо отделанные стены «Берлина» в Будапеште, красно-бежевый, почти домашний уют безымянной львовской гостиницы при автобусной станции... Продолжать он мог до бесконечности. Этот номер был маленьким, но полным света и воздуха. Большое окно выходило на площадь. Даже сейчас, поздно вечером, оттуда доносился шум и смех.

Что было безликим, так это коньяк. Дешевое пойло, годное только на то, чтобы запивать им снотворное. Зачем он продолжал глотать снотворное с алкоголем, Стефан и сам не знал.

Видения приходили всегда, независимо от глубины сна. Даже когда он однажды валялся без сознания, видение явилось и честно отработало свою смену. Даже когда не спал, оно влетало в реальность. Ничего не менялось.

Правда, ощущения после снотворного казались не такими острыми. А чем острее они были, тем больше сил выпивало проклятие. Если бы оно ограничивалось дурацкими кошмарами, Стефан был бы счастлив. Но видения служили лишь приправой к основному угощению.

Он выщелкнул из блистера капсулу транквилизатора, откупорил коньяк и выполнил свой ежевечерний ритуал. Потом лег на кровать, заранее зная, что будет дальше.

Отличались только детали.

...На площади бурлила вечная толпа. На помосте стояла плаха, покрытая темными разводами. Рядом из колоды торчал сверкающий топор.

Значит, площадь. Проклятие насмехалось, выцепляя из реальности подходящие параллели.

Что-то, а насмехаться оно умело прекрасно.

Происходящее ткалось из мириад деталей. Тонкая трещина на топорище, скрипящие доски помоста, детский плач в толпе, запахи пота, навоза, прелых листьев; тусклый блеск окон

приземистых домишек по краям площади, ворчание помощников. Полы балахона палача, путающиеся в ногах. Происходящее во весь голос кричало о своей абсолютной реальности. Приговоренного выволокли на помост. Юноша, худой до прозрачности, безвольно обвис в руках стражников. Его обвиняли в отравлениях, доказательства тщательно собрали и подшили, дело рассмотрели со всех сторон и противоречий не нашли. Коллегия инквизиции постановила: виновен. И огласила приговор: казнь через отрубание головы.

Сожжение полагалось за другие преступления. Как правило, за магические убийства.

Стефан смотрел на юношу, медля взять топор. Он точно знал, что настоящий виновник отравлений давно скрылся за границей. И просто нашел козла отпущения, чтобы было на кого списать свои грехи. Подделал неопровержимые доказательства, а жертву опоил одним из своих фирменных ядов, лишаящих воли. И даже инквизиторская антимагия не могла ничего с этим поделать. Антимагия вообще была еще тем колоссом на глиняных ногах. В любой ситуации, когда от нее зависело что-то действительно важное, она оказывалась бессильна.

Толпа шумела, волновалась и ждала.

Стефан отлично понимал, что убивает невиновного, но наклонился и взял топор.

Приговоренного бросили на колени. Голова легла на плаху. Топор в руках Стефана обрушился на тонкую шею с отвратительным хрустом. Теплая кровь окропила лицо и выплеснулась, пятная плаху новыми разводами...

...Он проснулся с привычной смесью обреченности и облегчения. Они переплетались гнилостными пятнами перед глазами, гнилостным привкусом во рту, отдавались тяжелым стуком в висках.

Обреченность шептала: снова попался. Снова поверил, что все наяву. Потому что не мог иначе. Потому что проклятие бы не позволило осознать себя с высоты реальности. И не позволит никогда, и будет каждую ночь до скончания века заставлять казнить одного невиновного за другим. А заодно выпивать твои силы, пока не убьет. Медленно и мучительно.

Облегчение возражало: но это не наяву, и отлично, и на том спасибо, проклятия бывают разные, вот превратило бы тебя в настоящего убийцу-лунатика, вот устроило бы эффект полного погружения, тогда узнал бы, почем фунт лиха, тогда уж точно небо бы показалось с овчинку, ни работать, ни искать бы не смог, надежда на избавление исчезла бы...

Надежда на избавление — великая вещь. Так говорили бесплотные шепотки, и в этот предутренний час Стефан был с ними согласен.

Работать. Искать. О дьявол, скорее бы утро. Утром, как обычно, можно будет отвлечься на работу. Поговорить с нормальными людьми, встретиться с ведьмами. С главой ковена, в обществе которой то и дело приключались курьезы, будто она их притягивала. Стефан с усмешкой вспомнил конфеты, горланившие песни, фею, бомбардирующую центр города жирным сливочным кремом. Потом смешные картинки сменились видом ведьмы, тяжело дышащей, лежащей под ним... Он поспешил сморгнуть эту картину и для надежности шлепнул себя по глазам. Неподходящее время. Совсем неподходящее.

Утром гнилостный осадок отойдет на второй план, а к обеду исчезнет совсем, чтобы вернуться ночью. Магия полностью восстановится к вечеру, чтобы через пару часов невидимая сила снова впиалась в нее ненасытным жалом.

— Паршивая же штука эти ваши проклятия, — беспомощно сказал Стефан, ни к кому не обращаясь, и вскочил с кровати.

И тут в дверь постучали.

Тихо, будто скреблись. Стефан нащупал телефон и посмотрел, который час. Было без четверти пять. Остатки сна слетели с него, и отголоски видения тоже побледнели и выцвели. Очень интересно. Что такого могло случиться в гостинице, из-за чего понадобилось тревожить постояльца в такое время?

Стук повторился.

Глупый вопрос. В гостинице ничего не случилось. Неизвестному визитеру был нужен он, инквизитор. Зачем-то.

Недолго думая, Стефан шагнул к двери и открыл.

Сначала ему показалось, что в коридоре никого нет. Потом пустота шевельнулась, подняла голову, и стало ясно: там старик. Сгорбленный, скрюченный, весь в черном... ну или коричневом или темно-синем. Он почти полностью сливался с темнотой.

— К проклятию привык? — прошамкал беззубый рот с резкими, не старческими интонациями. — А вторую часть проклятия помнишь? Смотри не забудь. Пригодится. И старик растаял в воздухе.

Стефан застыл. По венам будто пустили жидкий азот. Это было что-то новенькое.

В городах, куда его приводило расследование, случалось всякое. Магия порождала причудливых существ. Порой они нападали. Порой нападала противница. Она всегда оказывалась на шаг впереди — именно из-за сектантского умения становиться своей для местной магии. Но она никогда не вступала в переговоры.

Марианна... Это были ее интонации. Безошибочно узнаваемые. Посланца с напоминанием о второй части проклятия отправила именно она. И не стоило сомневаться — вторая часть сбудется... как только получит повод.

— Тебя неправильно информировали, — едва шевеля губами, ответил Стефан темноте. — Вторая часть не сбудется. Я все контролирую.

Он контролировал. Наверное, это само по себе было проклятием.

Глава 5. О преимуществах перьев

Кристина пришла в офис к семи утра. Обычно в это время ведьмы еще мирно спали. Они вообще не любили гореть на работе и при всякой возможности норовили себя побаловать. Многие предлагали ввести свободный график: зачем рано вставать и тащиться через полгорода на заплетающихся ногах, ничего не соображая, если можно приходить, когда удобно? И аномалии вроде вчерашней проще ликвидировать, когда на дежурстве круглосуточно кто-то есть. Кристина обещала подумать. Идея ей нравилась.

Но сегодня она с удивлением обнаружила, что в офисе уже открыто, а из дальнего конца холла, из-за диванов, доносятся голоса.

— Не ест, — произнесла невидимая девушка. Кристина узнала Катю... точнее, Катарину, так она предпочитала себя называть. Катарина совсем недавно стала ведьмой, но успела освоиться. Училась на бюджетном отделении лучшего вуза Города, подрабатывала написанием диссертаций, которые за нее составляли дрессированные электронные буквоеды, и обожала наряжаться. А вот вставать в несусветную рань терпеть не могла. Ну и что она здесь делает?

— Не ест, — согласилась ее собеседница, и Кристина поняла, что это Лера. — Вот черт, надо что-то подороже купить.

— Может, мяса сырого? — неуверенно предположила Катя. Из-за диванов донеслось фыркание. В нем явственно различались брезгливые нотки.

— Доброе утро! — громко сказала Кристина, подходя. — Кто там у вас?

Обе ведьмочки мгновенно вскочили, вытягиваясь во фрунт.

— Никого, Кристина Сергеевна! — отрапортовала Лера.

— Просто разговариваем! — подтвердила Катарина, разглаживая тонкую пепельно-розовую юбку и поправляя такой же пиджачок. На дорогой ткани появились морщины. Чтобы Катя добровольно портила наряд, сидя в нем скрюченной в три погибели?!

Чувствуя себя донельзя глупо, Кристина заглянула за диван. Но никого не увидела. На блестящем паркете одиноко стояла мисочка с влажным кормом, то ли кошачьим, то ли собачьим.

— А кого кормите?

— Никого, Кристина Сергеевна! — бодро повторила Лера. — Э-э... Катину кошечку обсуждаем.

— И корм лично дегустируете, — заключила Кристина. Ведьмы темнили, и может, она бы успела их расколоть, но тут дверь холла распахнулась, пропуская целую толпу.

Там были все четверо инквизиторов, Лешка Змеев, его помощник, еще пара магов и несколько отчаянно зевающих ведьм. Кристина бросила на Лешку благодарный взгляд. Все-таки на него можно было положиться в случае чего.

— Доброе утро, — сказал Лещинский. — Все в сборе, отлично. Тогда предлагаю отправляться на поиски прямо сейчас.

— Что за поиски? — поинтересовался Семен Никитич.

— А вас и Игоря Игоревича я попрошу побеседовать с магами, — Лещинский будто не слышал вопроса. — И документацию их не помешает просмотреть.

— Игорь Игоревич побеседует с магами! — Семен Никитич радостно вскинулся, как кот, увидевший миску со сметаной. — А я просмотрю документацию ведьм. Журнал пожарной безопасности...

— Журнал вам зачем? — вытаращила глаза Кристина. Тем более что записей об инструктажах по пожарной безопасности ни в ковене, ни в ложе сроду не водилось.

— Положено, — отрезал Семен Никитич.

— Не увлекайтесь, пожалуйста, — осадил его Лещинский. — Достаточно изучить данные о новых ведьмах и о более опытных, которые редко... скажем так, проявляют активность. На это вам хватит двух часов. За это время, надеюсь, мы что-то найдем. Аль, пойдешь со мной и госпожой Терновой.

Яржинов тряхнул зеленой челкой.

— А куда вы идете? Я тоже хочу, — протянула Катарина, обреченно косясь на Семена Никитича. Тот уже взял в оборот Леру. Доносились слова «электронные базы данных», «отчетность» и «баланс».

— А ты лучше журнал пожарной безопасности организуй, — сказала ей Кристина. — Цветной принтер у меня в кабинете.

Если у ведьм требовали какие-нибудь бумажки, те всегда обращались к Катарине. Удобные все-таки создания — электронные буквоеды. Особенно когда дрессированные.

— И как вы собираетесь искать убежище? — Кристина повернулась к Лещинскому. — Думаете, за ночь она оттуда не ушла, ждет нас?

— Ушла, — согласился тот и кивнул на дверь. Кристина вышла, жмурясь от яркого утреннего солнца. За ней последовали Яржинов и Лещинский. — Я уверен. Но могли остаться зацепки. След, опять же...

— Только не начинайте. Магический след невозможно выявить! — Кристина даже глаза открыла от неожиданности. Воспользовавшись этим, солнце тут же сыпануло в лицо пригоршню бликов.

— Да можно, — лениво сказал Яржинов. — Только сразу. Если маг в последний раз колдовал не больше часа назад. Ну и точной инфы все равно не получишь, можно только сказать, мужчина это был или женщина.

— Я не о магическом следе говорил, — добавил Лещинский. — Вообще-то я рассчитывал, что нам помогут ваши... творения.

Он кивнул в сторону живой изгороди. Кристина проследила за его взглядом и чуть не застонала.

Под глянцеви́то блестящими ветвями бирючины собрались почти все вчерашние собаки. Похоже, ночевали они здесь же, в кустах. Вчера Кристина совершенно о них забыла. Зато они о ней помнили. Смотрели влюбленными глазами, умильно улыбались во всю пасть, виляли хвостами...

— Ну что мне с вами делать? — пробормотала Кристина.

— Одну возьмем с собой. Остальных могу развоплотить, если хотите, — предложил Лещинский. Она злобно вскинула на него глаза, чувствуя, как в зрачках вскипает ведьминское пламя.

— Только попробуйте!

— Ладно, ладно, — хмыкнул инквизитор. — Поводка с намордником у вас не найдется?

— А как же, всегда ношу с собой, вдруг важная встреча, а я без намордника, — проворчала Кристина. — Вы серьезно? Серьезно собираетесь искать опасную преступницу, древнюю ведьму и кто там она еще... с собаками?!

— С одной собакой, — педантично уточнил он. — И не саму ведьму, а ее временное убежище. Оттуда животное может взять след и вывести нас на актуальное место пребывания преступницы. Что вас удивляет?

— Действительно, — вздохнула Кристина. — Ничего. Поводок купим в зоомагазине по дороге. Правда, я сомневаюсь, что эти собаки будут эффективнее магических существ. Если взять штук пять патрульных и натаскать их, они вашу ведьму за полчаса найдут. У них нюх на новых людей!

— Патрульных? — моргнул Лещинский.

— Ну да, их же в любом городе полно. Тех, которые маскируются под бабушек и тетушек и всегда все знают. Идешь утром на работу, а они из-за угла: «Работаешь и работаешь, детей бы завела»...

Были еще другие патрульные, которые маскировались под гаишников и питались эмоциями автомобилистов. Но тех часто не могла распознать даже опытная ведьма.

— А, эти. Кустосы это по нашей классификации. *Custos morum vulgaris*... Неважно. Я же говорил, что сектанты умеют становиться своими для местной магии. Не надейтесь на магических существ, преступница подчинит их всех, если ее к тому времени не поймать. Собаки хотя бы преданы вам, потому что вы их создали. Кристина, мы теряем время! — Лещинский слегка повысил голос. — Пожалуйста, не спорьте с инквизицией. Объяснения можно получить по дороге.

А чтоб тебя! Фыркнув, Кристина зашагала к парковке, где дожидалась ее черная «Ауди».

— Собаку не забудьте, — напомнил Лещинский. Скрипнув зубами, она свернула к кустам и не глядя потрепала по холке первое попавшееся животное. Радостно взвизгнув, большая бежевая дворняга потрусила следом. Остальные разочарованно взвыли.

Черт, они же голодные, наверное. Чтобы не возвращаться, Кристина сбросила Лере сообщение: «Накорми собак». Хотя основную проблему это не решало.

Крякнула, отключаясь, сигнализация. Лещинский как ни в чем не бывало устроился на пассажирском сиденье. В зеркале заднего вида отражалась взъерошенная зеленая шевелюра Яржинова и весело торчащие собачьи уши.

На проспект выехали в молчании. Воздух в салоне потяжелел, как перед грозой, казалось, в нем вот-вот засверкают молнии. Кристина специально выбрала объездной путь и свернула на параллельную улочку. Машина заскакала по ямам и ухабам. «Не спорьте с инквизицией», понимаешь! Много умников развелось. С ведьмой тоже спорить опасно. Вот потрясешься с полчаса по колдобинам — может, сообразишь.

— Кристина Сергеевна, — подал голос Яржинов. — А заклęcia против патрульных вы случайно не знаете?

Попытка разрядить обстановку была очень так себе.

— Вы же антимэг, что вам стоит, — буркнула Кристина. — Подышите на них, они и развеются. Ну а если не развеются — значит, настоящие люди.

Машина высоко, как лягушка, подпрыгнула на очередном ухабе. Яржинов жалобно ойкнул. Собака взвизгнула почти человеческим голосом.

— Невинных обижать нехорошо, — тоном детсадовского ябеды протянул Лещинский.

Кристина покосилась на него и наткнулась на смеющийся взгляд. Инквизитор веселился. Его, видите ли, забавляла ситуация. И принесла же нелегкая сотрудников!

Она пошевелила пальцами, на ходу составляя новый узор, и создала вокруг Яржинова и собаки воздушные подушки. А потом нажала на газ.

На центральной площади всегда было людно. Там соседствовали несколько крупных торговых центров, конечные остановки двух или трех маршрутов, стихийные базары на подходах, куча ресторанов и кафе... Мимо грохотали трамваи и неслись машины, по краям площади предприимчивые мужики торговали с рук китайскими запчастями для мобильных и зарядными устройствами, которые работали после покупки ровно пять минут. В общем, толпа здесь никого не удивляла. Но сегодня она собралась вокруг группы людей с небольшими ручными видеокамерами. Девушка глядела то в одну камеру, то в другую и что-то громко вещала.

— Черт, — Кристина пристроила машину у обочины и выскочила наружу. — Если окажется, что какие-то фокусы наших рекламных человечков попали на ютуб...

— Фея не попала, — ответил Лещинский, тоже выходя. — Но они же рекламные, разве нет? Почти все можно списать на рекламную акцию.

— Особенно если такая фея появится еще где-то, — буркнула Кристина. Лещинский уже не слушал. Он сунул Яржинову пару купюр, а потом ловко захлопнул дверцу перед самым носом собаки, которая собиралась выпрыгнуть на улицу.

— Аль, будь другом, пойдя купи поводок.

Тот кивнул и направился к виднеющейся поодаль вывеске «Все для животных». Вывеска изображала кошку и собаку величиной в полтора человеческих роста. К счастью, те спокойно сидели на полиэтиленовом холсте, не пытаясь сбежать.

Лещинский же подхватил Кристину под руку и увлек к зевакам и людям с камерами.

— Сейчас выясним, что здесь случилось.

— Итак, наш стихийный репортаж продолжается! — стрекотала девушка, встряхивая каштановой гривой. — В полиции отказались приехать на наш вызов, то же ответили в санэпидемслужбе. Ни один местный магазин пока не взял на себя ответственность за такую рекламную акцию... Хи-хи, «взял ответственность» звучит так, как будто это теракт! Но на самом деле мы все считаем, что это рекламная акция. Может быть, актеры были еще не готовы к выходу, поэтому их костюмы выглядели так странно. Я попрошу Павла еще раз поставить фото крупным планом. Согласитесь, не каждый день увидишь подобное даже в центре города...

— А что они увидели? — спросил Лещинский, тронув за плечо ближайшего парня. Тот слушал корреспондентку, раскрыв рот.

— А? Да сами не знаем! — Обрадованный появлением слушателей, тот отвернулся от репортажа. — Вон из того дома, — он указал на «сталинку» у края площади, — выскочили какие-то чудики в перьях. Натурально в перьях, прикиньте! Как у птиц! А на спинах горбы, как у верблюдов. Хотели нырнуть в подвал, а там оказалось закрыто. А тут журналоги их увидели, съемочная группа как раз приезжала «скрытых покупателей» в супермаркете снимать! А чудики поняли, что их снимают, и бежать! По-моему, они уже не первый раз через подвал ходят. Они вокруг дома побежали, а журналоги за ними. А потом они все-таки залезли в подвал через другой вход. Только подвал тут закрытый вроде как, значит, они оттуда не вылезут. Ну и сейчас возле дверей кто-то дежурит, ждут их, значит... А они внутри закрылись, никому не влезть!

М-да. «Люди с перьями и горбами — стопроцентно «наши» клиенты», — подумала Кристина. А журналоги — это, конечно, некстати. Совсем некстати. Что бы там ни стряслось, теперь его антимагией не развеешь, придется придумывать правдоподобное объяснение. Хорошо, что в современном городе людей ничем не удивишь. Рекламная акция пойдет на ура. А вот попасть в подвал будет сложновато.

— Спасибо! — прочувствованно сказал Лещинский. — Сходим посмотрим на те двери в подвал.

— Ага, — промычал парень и снова ввинтился в толпу. Там девушка под прицелом камер брала интервью у первых очевидцев.

Вернулся Яржинов с поводком и намордником. Прилаживая сбрую на собаку, Кристина слышала, как Лещинский вводит его в курс дела. Собака преданно заглядывала в глаза и пыталась лизнуть в нос.

— Тебе нужно имя, — сказала ей Кристина. — Вот что, будешь Раечкой.

Дворняга бешено завилала хвостом.

— Раечка? — со смешком переспросил Лещинский. Он умудрился расслышать. Тьфу ты. При этих инквизиторах ничего нельзя произносить вслух. Надо учесть на будущее.

— В честь нашего прошлого инквизитора Раисы Петровны, — с достоинством сообщила Кристина, поудобнее перехватывая поводок. Лещинский поперхнулся. — Итак, вы уверены, что нам нужно именно в тот подвал? Есть идеи, как туда попасть?

— М-м... Да это не вопрос. Я наложу на нас пятиминутную невидимость, должно хватить. Встанем вон там за деревом.

— Значит, вот как вы действуете, — задумчиво заметила Кристина, имея в виду инквизицию. — Удобно. И за подозреваемыми можно следить...

У ведьм, конечно, существовало зелье невидимости, но у него, как и у всех зелий, был огромный недостаток: его требовалось варить. А готовить Кристина ненавидела. Да и кто

знал, что оно понадобится! Хорошо хоть его можно было заготовить впрок. Оно неплохо хранилось. А если добавить в рецепт водки, то срок хранения увеличивался втрое. Да и прием такого зелья становился куда увлекательнее.

...Случись какому-нибудь прохожему заглянуть через несколько минут за угол, где росли тенистые липы, он бы увидел сверхъестественную картину. Мужчина, женщина, зеленоволосый парень и большая бежевая собака тихо и незаметно растворились в воздухе. Да и были ли они? Когда с солнечной площадиходишь в тень, перед глазами рябит, мало ли что может померещиться...

— Толпу еще от входа отогнать, — сказала Кристина, когда они приблизились к двери подвала. Вход туда прилепился к боковой стене дома, и его окружало плотное полукольцо людей.

Вместо ответа Лещинский шелкнул пальцами. Кристина отлично видела и его, и Яржинова, и собаку — невидимость распространялась только на чужие взгляды.

Послышался грохот, как от выстрела. Крыша подвальной пристройки брызнула искрами. Люди с криками отпрыгнули в разные стороны, полукольцо распалось. Зеваки задирали головы и грозили кому-то невидимому кулаками.

— Петарды кидают!

— Хулиганье!

— Из окна? Или с крыши?

Лещинский опять шелкнул пальцами, и взрыв полыхнул у самой двери подвала. В его вспышке, а затем в клубах черного дыма никто не заметил, как створка сама собой чуть приоткрылась — и закрылась через пару секунд.

— Неплохо, — оценила Кристина. — А выбираться будем тем же способом?

— Погодите. Еще посмотрим, что здесь, — неопределенно сказал Лещинский, шаря по карманам. Яржинов опередил его, выхватив откуда-то из многочисленных карманов своей туристической куртки фонарик. Вспыхнул яркий свет.

— Всегда хотел посмотреть на ведьму, которая может занять лучшую квартиру в городе, а вместо этого прячется по подвалам, — сказал он непонятно к чему. Собака Раечка согласно тявкнула.

Подвал ничем не отличался от тех, в которых Кристине доводилось бывать. Пахло сыростью и затхлостью, в разные стороны тянулись лабиринты коридоров, то и дело распахивая перед гостями обширные пустые залы. Один из таких залов вместе с частью коридора предприимчивые жильцы превратили в кладовые, разгородив пространство фанерными стенками. Сквозь щели в фанере таинственно поблескивали банки с консервацией.

Лещинский присел на корточки перед собакой и достал из кармана нечто, запечатанное в пластиковый пакет. Развернул пакет... Кристина наблюдала внимательно-внимательно. Собаке требовалось понюхать личную вещь Марианны Бойко. Интересно, что там за вещь? Не хватало еще, чтобы Раечка нюхала какие-нибудь трусы или лифчики!

Но в пакете оказалась записная книжка в клеенчатом переплете. Раечка долго и старательно водила по ней носом, громко сопя. Потом вскинула на Лещинского совершенно человеческий недоумевающий взгляд и гавкнула.

— Ищи, — сказала ей Кристина.

Раечка снова гавкнула. «Ну вот же! — слышалось в ее голосе. — Я знаю, что надо искать! Только кого искать, если вот он, тот человек!»

Поморщившись, Лещинский раскрыл книжку на середине. Раечка послушно обнюхала ее снова, укоризненно тявкнула и наконец взяла след.

След то и дело пропадал, и тогда собака беспомощно крутилась на месте. Компания продвигалась медленно. Шуршал сквозняк. Они миновали уже половину подвала. Свет фонарика выхватывал новые и новые двери кладовых. Собака в очередной раз замерла, принюхиваясь...

И в тишине кто-то вдруг оглушительно чихнул.

А потом еще и ругнулся досадливо и обреченно, будто прятался от поисков, но теперь предстояло неминуемо выдать себя.

Звук доносился из кладовой чуть поодаль. Яржинов первым бросился туда и дернул дверь.

С треском вылетела плохо прибитая щеколда. Чей-то голос с упреком протянул: «Лишь бы вещи портить, бездельники!» Луч фонаря нацелился на говорившего, и Яржинов пораженно выдохнул:

— Офигеть!

— Что там? — Кристина, спотыкаясь, бросилась к фанерному забору. В голове еще промелькнула скептическая мысль: «И вот здесь сидит ведьма, которой боятся даже инквизиторы? Что-то чересчур бюджетненько...»

Однако в кладовой оказалась не ведьма.

Из темноты, поблескивающей боками банок, на незваных гостей смотрели две пары широко раскрытых глаз. Фонарь скользил по людям... или существам... которые скрывались во мраке, и увиденное не сразу укладывалось в единую картину.

Мелкие аккуратные перышки с пухом — рябые или серые. А поверх них — обычные джинсы и толстовки, укрывающие от холода обычные человеческие тела.

Почти обычные. Не считая больших верблюжьих горбов на загривках, из-за которых казалось, что у существ нет шеи. Горбы были не такими, как при искривлении позвоночника. Они казались чужеродными, будто под кожей что-то пряталось. Какой-то запас, как у верблюдов. Что там накапливает верблюжий организм в горбах — жир? Воду?

— Вы кто? — спросила Кристина.

Ненадолго повисла пауза. Потом одно из существ плаксивым голосом протянуло:

— Ну что вы привязались? Какое ваше дело, как мы живем? Жильцы мы! С пятого этажа! В своей кладовой сидим, вас не трогаем! Петька, бей их, а то журналистам на опыты сдадут!

— Эй-эй, журналисты не ставят опытов! — запротестовал Яржинов. Раечка зарычала, Кристина сделала шаг назад. Пернато-горбатые гуманоиды набычились и пошли в наступление...

— Всем стоять. — Между Кристиной и Яржиновым вклинился Лещинский, коротким движением руки возводя прозрачную воздушную стену перед существами. — Мы не ставим опытов. Расскажите, что с вами случилось, и мы вам поможем, — он скептически осмотрел «жильцов с пятого этажа» и с сомнением добавил: — Если, конечно, вы в этом нуждаетесь.

— Че, правда поможете? — Тем, видимо, самим не хотелось бить кого бы то ни было. — И водопровод почините?

— Можем починить, — с еще большим сомнением ответил Лещинский. — Только... при чем здесь водопровод?

— А вот как воду отключили, так все это и началось, — уже дружелюбнее пояснил первый жилец. — Перьями мы начали обрастать. Горбы появились. Оно-то удобно, прям очень! Без воды ни помыться, ни чаю лишний раз согреть. А так купаться в пыли можно, без чая, опять же, не помрем, с таким запасом, — он попытался кивнуть на свой горб, но тот мешал поворачивать голову. — Только по ночам купаться приходится, — пригорюнился жилец. — Когда нет никого. Днем вечно глазеют, сегодня вон журналюг нагнали... Ой, точно сдадут нас на опыты!

— А в марте, помнишь, Ильины пропали, — вмешался Петька. — Я тогда еще их дочку видел, Настьку, но решил, что мне спяну померещилось. Она шерстью обросла — чисто белый медведь!

— Угу, было дело. А летом вернулись Ильины без шерсти, — пояснил первый жилец ошарашенной ведьме и инквизиторам. — Оно тоже удобно! Отопление дорожает, вечно его отключают! А так сиди себе в шубе... Если бы только эти гады не лезли со своими опытами!

Похоже, опыты постепенно превращались в его фобию. Да и неудивительно, в таких обстоятельствах! Кристина молча разглядывала жильцов, не зная, что сказать.

— Это что, магия? — шепотом спросил Яржинов у спутников. — В смысле, магия включает им ускоренную эволюцию с адаптацией к среде обитания? Нет воды — организм приспосабливается к засушливым условиям, нет тепла — получай шерсть, как у полярных животных... Сами они не могли этого сделать, они не маги. Колдовского потенциала я в них не вижу, даже не проявленного.

— Че? — подал голос Петька. — Что ты там про магию бормочешь?

— Если это началось еще в марте... значит, вот где преступница пряталась все это время, — задумчиво сказал Лещинский. — Не в этом подвале, конечно. В Городе. Фон менялся, аномалии нарастали. Кристина, как вы ничего не заметили?

— В моем Городе всегда такая активность магических существ, — чуть раздраженно ответила она. — Можете посмотреть по своей классификации. У него I класс магической насыщенности по шкале Иберика.

— В самом деле, — неожиданно согласился Лещинский. — Каюсь, забыл. Мне нравится ваш город... Не дайте никому пробудить его суть.

И он посторонился, жестом велел Яржинову и Кристине тоже отойти. А потом развеял воздушную стену перед жильцами.

— А что будет, если пробудить? — спросила Кристина, не особо надеясь на ответ. — Почему это так опасно, если город хороший?

— Потом объясню. Напомните мне как-нибудь... Господа, вам говорили, что случилось с вашим водопроводом? Где поломка?

— А вы не видели? — изумился Петька. — Во дворах там, за пятьдесят пятым домом, яма до сих пор разрыта! Не нашли еще поломку, ищут! Или врут, что ищут, — сник он. — Не одни мы без воды сидим, еще домов десять. Только эти, которые магазинов понастроили, везучие, у них трубы другие.

Лещинский кивнул. Яржинов снова зашептал:

— Память им стереть...

— Не надо нам память! — всполошились жильцы, начиная потихоньку пятиться от него. — Мы про вас никому не скажем, правда!

— Хорошо, хорошо. Мы не будем. Идите и скажите той толпе наверху, что не видели никаких пернато-горбатых существ, — велел Лещинский.

— А как же...

Первый жилец, оставшийся безымянным, скосил глаза на свое покрытое белым оперением тело. Вместо ответа Лещинский повел рукой. Как вчера на крыше, стирая следы магии.

— Ты смотри... И правда! — Глаза парня округлились, он уставился на голую коленку, торчащую из рваных штанов, как на редчайшую драгоценность. — Петька! И ты тоже! Ребята, а вы маги? А вы в этой... «Битве экстрасенсов» участвовали?

Кристина, не сдержавшись, фыркнула. Она впадала в ярость от одного упоминания о «Битве экстрасенсов». Может, потому, что ведьма, которая организовала передачу, влезла в долги перед половиной магического сообщества, но так и не расплатилась, получив прибыль, как обещала.

— Еще нет, — очень мягко, как говорят с буйнопомешанными, ответил Лещинский. — Но поучаствуем. Позже. Идите, скажите там, что нет никаких пернатых.

Петька с товарищем переглянулись и припустили к выходу. Стоило им завернуть за угол, как Лещинский вскинул руку и сделал несколько легких движений, вполголоса добавив неразборчивую фразу на латыни.

— Спасибо, — с чувством сказала Кристина. — Я уже поверила, что вы не собираетесь...

— Мне вообще нельзя верить, — усмехнулся он. — Примерно в половине случаев.

И снова он казался почти нормальным человеком. Замороженное выражение лица исчезло, бесцветные интонации растаяли, как... как отходит анестезия после врачебного приема! А там, под анестезией, скрывался одновременно знакомый и незнакомый человек. Живой, ироничный, возможно, порой темпераментный и взрывной... но тут луч фонаря упал на стену в конце коридора, и инквизитор снова стал бесстрастным и собранным.

В конце коридора не было ничего интересного. Отсыревшая побелка, вся в разводах и пыли. Горки строительного мусора. Остатки фанеры.

Но и Лещинский, и Яржинов смотрели на все это одинаково внимательно, словно не верили, что глаза их не обманывают. А Раечка, жадно втягивая воздух носом, подошла к самому тупику, села под стеной и жалобно заскулила.

— Что? Там что-то есть? — сказал ей Лещинский вполголоса. Почти промурлыкал. — Умница, хорошая собака...

И провел рукой перед собой, развеивая результаты чар.

Ничего не изменилось. Стена оставалась прежней. Только Раечка вдруг подскочила, коротко взлаяла... и растаяла прямо в подмокших кирпичах.

Глава 6. Экскурсия

— Иллюзия! — выдохнула Кристина. Она чувствовала, как совсем рядом ставшая невидимой собака натягивает поводок, зовя людей идти дальше.

— Похоже на иллюзию, — подтвердил Лещинский. — Изнаночную, иначе она бы сейчас развеялась. Ее наложили с той стороны, плюс сделали имитацию стены для чужих глаз. Интересно, давно ли оно здесь...

Он коснулся стены — рука утонула в несуществующей штукатурке. Тогда он пригнулся и шагнул через преграду.

Яржинов кивнул на стену, давая Кристине пройти первой. Лезть в непонятную магическую дрянь было страшновато. Но если уж Раечка не побоялась... Кристина глубоко вздохнула и бросилась вперед, тараня иллюзию всем телом.

Напрасно. Та оказалась бесплотной, как туман. Ломая ногти, Кристина ухватила за край настоящей стены, нащупала его в последний момент перед падением — иллюзию точно натянули в дверном проеме, заботливо проделанном специально для нее. Поводок рванулся, собака возмущенно заскулила. Лещинский схватил Кристину за плечо, но она уже твердо стояла на ногах.

Яржинов вывалился из стены, как ураган, растолкав их и чуть не снеся Раечку. Лучи фонаря заматались по стенам и потолку...

— М-да. Одна нора лучше другой, — констатировал он, обзрев новое место.

Оно в самом деле напоминало нору. Или шахту. Кристина ни разу не спускалась в забои, только видела их на картинках. Но было похоже: узкий коридор в земле, уходящий в темноту... Недоставало рельсов для вагонетки с углем. А может, это были картинки со старинными шахтами. И в современном мире забои выглядели совсем иначе.

— А вот и наша труба, — вдруг с удивлением заметил Лещинский, опускаясь на корточки. И правда, из земли чуть выпирал округлый бок водопроводной трубы, по старинке уложенной без изоляции. Инквизитор постучал по ней, и металл откликнулся звонким отзвуком. Воды в трубе не было.

— Секта портит водопровод? Да, это действительно очень опасная секта, — прокомментировала Кристина. Инквизиторы недоуменно хмурились, глядя то на трубу, то друг на друга. Раечка нетерпеливо поскуливала.

— Так быть не должно... Их вообще не должен интересовать водопровод! — наконец в смятении пробормотал Лещинский.

— Значит, их интересы более разносторонни, чем вам казалось, — фыркнула Кристина.

— Похоже на то. — Инквизитор все еще был в таком недоумении, что не нашелся что возразить. — Лучше бы, конечно, не трогать эту трубу, то есть не ремонтировать... Если поломка магическая, то преступница поймет, что мы нашли это место. А неплохо бы понаблюдать, что она собирается делать...

— И что, пусть люди без воды сидят? — подбоченилась Кристина. — Нет уж. Сами попробуйте целый месяц в пыли купаться и туалет не смывать! Вылезет еще ваша преступница! А трубу починим прямо сейчас.

— Щекотливая ситуация, — вздохнул Лещинский. Кристина его уже не слушала. Она присела над трубой, коснулась ее кончиками пальцев и принялась ткать ранозаживляющий узор. Как показывал опыт, магия для заживления человеческих ран отлично работала и со сломанными предметами.

— Ха, — прокомментировал Яржинов, рассмотрев узор. — Почему я до этого не додумался, когда телефон разбил?

— Юные и невежественные дети прогресса, — наставительно отозвался Лещинский, — подчас понятия не имеют о трудностях, преодолевать кои научены более опытные коллеги...

Земля утробно загудела. Что-то с душераздирающим хрипом пробивало себе дорогу. Раечка тонко заскулила, инквизиторы настороженно притихли. Кристина, удовлетворенно кивнув,

закончила узор. Она знала, что все эти устрашающие звуки издает вода, возвращаясь в трубы.

И в самом деле, хрип скоро прекратился. Только приглушенное журчание сквозь слой допотопного металла нарушало тишину.

— Готово, — Кристина поднялась и отряхнула джинсы на коленях. — А теперь давайте узнаем, куда ведет этот лаз.

И они отправились дальше по земляному коридору.

В коридоре больше не встречалось ровным счетом ничего интересного. Раечка рвалась с поводка, ей не терпелось бежать быстрее, быстрее, к цели, запах которой она чувствовала. Небольшая экспедиция подчинялась. Только это примиряло Кристину с действительностью. Монотонная чернота кругом, конвульсивно скачущий огонек фонаря и звук шагов действовали убаюкивающе.

Все закончилось внезапно. Раечка недовольно заворчала, скребя лапами сухую землю. Луч фонаря перестал скакать, процессия остановилась. Коридор завершился новой глухой стеной.

Лещинский ошупал стену, на всякий случай попытался снять с нее чары, но ничего не изменилось — чар не оказалось.

— Странно, — в который раз буркнул он. — Аль, посвети...

Раечка вертелась на месте. Казалось, след не оборвался, она просто не могла добраться до места, где он продолжался. Яржинов наставил фонарь на потолок тоннеля — и взглядам предстал небольшой квадратный люк.

— Если бы не пришлось ремонтировать трубу, — сказал Лещинский, — я бы попробовал подстеречь преступницу именно здесь. Она явно для чего-то вырыла этот ход, но еще не закончила. А теперь... Ладно, открываем.

И он коротко махнул рукой, добавив латинскую фразу. Магия инквизиторов, в отличие от их же антимэгии, требовала словесных приказов.

Крышка люка с грохотом взлетела вверх, будто в нее в упор выстрелили из пушки. Секунду спустя новый грохот возвестил, что она приземлилась поблизости. Криков не последовало, и это утешало. В отверстие проник вялый, едва заметный свет.

Лещинский бросил новый магический импульс — на сей раз в собственные ботинки. Потом стрел Раечку в охапку. А затем примерился, подпрыгнул — и вылетел из люка.

Кристина знала эту магию. Адаптированные полетные чары для обуви. Теоретически любой маг мог летать без ковра, чехла, урны, лопаты или на чем они обычно летали. Просто идти по воздуху, заколдовав туфли. Но это было страшно неудобно — почти как ковылять на шпильках по колдобинам. Хорошо, что, отправляясь искать логово преступницы, она оделась поудобнее: джинсы, спортивная куртка, кроссовки.

Зачарованная обувь вынесла Кристину наверх. Она приземлилась на корточки, чудом удержав равновесие. Раечка подбежала к ней, вывалив язык, и Кристина поспешно вскочила.

Люк вел в подвал. Еще один почти такой же подвал, как тот, где прятались жертвы коммунальных чар. Только в этом не было кладовых — лишь пустота, пыль, паутина и тьма. А еще несколько труб с вентилями. К счастью, исправных.

К еще большему счастью, Раечку здесь ничего не интересовало. Собака принялась, вновь нащупывая след, и бросилась к выходу. Кристина едва успела подхватить конец поводка. После подземельной затхлости загазованный воздух центра города показался нектаром. Кристина нюхала его, как сладчайшие духи. Она не сразу обратила внимание, куда вывел подвал.

А вывел он во двор одной из пятиэтажек в центре города. Чуть поодаль сталинки сменялись дореволюционными четырехэтажными домами. Впереди тянулась узкая изогнутая улочка из тех, что густо перевивали центральные кварталы. Люди спешили по своим делам, здесь не было ни толп, ни фантазмагорических существ, порожденных магией... И, по-видимому, Марианны Бойко. Если аномалии действительно возникали там, где она появлялась.

— Не подстерегли бы вы ее, — запоздало сказала Кристина, отвечая на фразу Лещинского в подвале. — Она и так знает, что вы в Городе. Теперь уйдет в подполье.

— Она в любом случае не прекратит действовать, — неопределенно ответил тот. Раечка с силой дернула поводок — Кристину чуть не проволокло по старинной брусчатке. Заметив это, Лещинский отобрал у нее поводок.

И снова пришлось почти бежать вперед. Когда собака чуяла след, ее было не остановить. Но порой она теряла его и надолго замирала, старательно нюхая асфальт и давая спутникам передышку. Мелькали пестрые витрины магазинов и вывески кафе. Кристина не представляла, какой след собака может замечать в центре города, где все уже давно затоптано сотнями чужих ног. Но она замечала. Из переплетения узких улочек выбралась на центральный проспект и бодро потрусила по нему, не сворачивая. Миновала несколько перекрестков и наконец остановилась возле...

— Исторический музей?!

В ответ Раечка громко залаяла. Взгляд ее не отрывался от входа в здание исторического музея, похожее на большой старинный особняк. Она поставила лапы на нижние ступеньки высокого крыльца и упоенно лаяла, глядя на массивные двери.

— А перепутать ты не могла? — спросила у нее Кристина. — Может, тебе кажется?

Собака повернула к ней голову. На выпуклом лбу большими буквами было написано, как она оценивает умственные способности своей создательницы. Карие глаза смотрели совершенно по-человечески.

— Придется идти в музей, — признал Лещинский. Его голос снова звучал замороженно, будто инквизитор устал удивляться и вернулся под привычный слой льда. — И собаку вашу, уж простите, обеззвучить. Ну и сделать невидимой, разумеется.

— Не забывайте только обновлять невидимость каждые пять минут, — пожала плечами Кристина. Она сильно сомневалась, что ведьма будет прятаться среди доисторических орудий труда, под царским тронem или среди стеклянных витрин с письмами солдат Великой Отечественной. Но мало ли. Вот говорила ей прошлая глава ковена — кто их разберет, этих столичных ведьм. А уж столичных ведьм из столичных же сект — и подавно. Лещинский намотал поводок на запястье, заставляя собаку держаться у самой его ноги. Раечка попыталась недовольно заворчать, но из раскрытой пасти не вырвалось ни звука. — Потерпи, — сказала ей Кристина. — Злой, злой дядька. Потом укусишь его, если захочешь.

Раздался сдавленный смешок. Кристина покосилась на Яржинова, но тот соорудил постную физиономию и усиленно изображал статую, пока Лещинский покупал билеты.

— Лучше бы вы так за магическим фоном следили, Аль, — посоветовала Кристина. — Кстати, что это за имя — Аль?

— Это Александр, — охотно пояснил инквизитор. — В моей группе в институте было четыре Александра и три Александры, мы выкручивались, как могли.

Он весело улыбнулся.

— А где вы учились?

— В меде. Вообще-то я врач-офтальмолог...

Кристина хмыкнула. Магия не различала людей по профессиям, рано или поздно дар от Города мог получить кто угодно. Но было забавно представлять этого зеленоволосого парня с указкой у таблицы проверки зрения.

Наконец всю троицу пропустили в первый зал. Залы тянулись по кругу анфиладой: на первом этаже — древность, на втором — экспонаты царских времен, на третьем — двадцатый век и современность. Шаги гулко отдавались от стен. Кроме смотрительниц, в музее не было больше ни души. Смотрительницы — опрятные благообразные старушки — чинно восседали на стульчиках у входа в каждый зал. Некоторые держали в руках вязание, другие читали книги.

Эхо ловило каждый шорох, но Раечка шла по истоптанному паркету совершенно бесшумно, даже не цокая когтями.

— Здесь негде прятаться, — прошептала Кристина. — Это просто глупо.

Собака старательно нюхала пол. Марианна Бойко могла оказаться где угодно. Может быть, она притворялась одной из смотрительниц, или сидела в карете XVII века, дожидаясь, пока музей закроется на ночь, или пряталась в подвалах среди музейных фондов. Кстати...

— Только идиот будет скрываться в общих залах, — еле слышно сказала Кристина, делая вид, что изучает инсталляцию «Поселение древлян». — А вот в подвалы, где хранятся фонды, редко спускаются. Там можно прятаться сколько угодно.

— Но собака привела ко входу в музей, а не в хранилища, — задумчиво ответил Лещинский. Раечка крутилась на месте. Казалось, она не чувствует следа — и одновременно пытается сказать, что он везде. Что Марианна Бойко превратилась в музей. Она — это здание. И сейчас наивная глава ковена в компании с инквизиторами ходит внутри ее желудка. Кристина поежилась, отгоняя представшую перед внутренним взглядом картину. Раечка потерянно ткнулась туда, сюда, шагнула вперед, попятилась назад...

— Дело в чем-то другом, — продолжил Лещинский. — Вряд ли она здесь просто прячется. Слишком примитивно и глупо. Музей для чего-то ей нужен...

— А может, вы переоцениваете свою преступницу — «примитивно, глупо», — проворчала Кристина. Марианна Бойко еще не сделала ничего такого, что заставило бы ее уважать. А страх перед ней и ее сектой успел трансформироваться в раздражение. Пока что от этой ведьмы были сплошные мелкие гадости. То нашествие рекламных фей, то обросшие перьями люди, то поломанный водопровод.

— Я бы хотел ее переоценивать, — без выражения ответил Лещинский. — Но увы. Секта успела пробудить души нескольких городов. Иваново, Тюмень, даже Киев...

— Вы уверены? Что-то я не слышала о магических катастрофах, которые бы там случались! — Кристина не заметила, как перестала шептать и заговорила почти в полный голос. — А если верить вам, это грозит чуть ли не концом света!

— Кто сказал, что не было катастроф? — еще безжизненнее ответил Лещинский. — Просто они по-разному выражаются... можете связаться с ковенами этих городов, вам расскажут немало интересного. Хотя в чем-то вы правы. Воплощенный дух свирепствовал не больше недели, а потом сектанты брали его под контроль. Мы пока не знаем, зачем им это.

Кристина помолчала. Она смотрела то на Раечку, которая все так же растерянно крутилась на месте, иногда принимаясь неуверенно брести вперед, то на стенды с костюмами времен Киевской Руси. Внутри вскипала ярость.

— Три города. И это только пробужденных. И еще, наверное, с десятков тех, где сектанты пытались что-то сделать, но не смогли или не успели. Катастрофы. Куча следов. И вы до сих пор не можете поймать одну-единственную участницу! — Она отвернулась от стенда и посмотрела Лещинскому в лицо. — Вы точно ее ловите, а не имитируете бурную деятельность?!

Яржинов негромко хмыкнул. Кристине отчего-то показалось — сочувственно.

Светло-серые глаза Лещинского зло вспыхнули, но он тут же прикрыл их, убирая злость под ледяной панцирь.

— Ловлю.

Он хотел добавить что-то еще, возможно, какие-то оправдания... но передумал, мотнул головой и отвернулся. Некоторое время Кристина озадаченно изучала его аккуратную стрижку.

За всем этим стояло что-то еще. Какой-то шлейф прошлого придавал сегодняшним словам и поступкам дополнительное измерение. Но ведьм Города в это прошлое не посвящали. Возможно, правильно делали: ни к чему знать, что означают те или иные расплывчатые реплики и намеки, если ты просто выполняешь свою работу, как идеальная машина. Но Кристина никогда не умела действовать, как машина. Ее интересовало все, что касалось Города. А это туманное прошлое, в которое оказалась посвящена вся делегация, Города точно касалось. Хотя бы потому, что угрожало водопроводу, который и без того дышал на ладан.

— Извините, — сказала Кристина.

Лещинский резко повернулся к ней. Яржинов вдруг страшно заинтересовался витриной с битыми глиняными кувшинами.

— Не извиняйтесь, вы не сказали ничего оскорбительного. Я должен был сообщить вам больше деталей. И сообщу, как только мы осмотрим музей. Нужно найти спокойное место и поговорить.

— Давно пора, — буркнула Кристина, не сдержавшись. Лещинский весело хмыкнул.

— Люблю людей, которые говорят, что думают, и не раскланиваются.

По музею Раечка брела ужасающе медленно. Куда и подевался тот задор, с которым она неслась по проспекту! За то время, что экспедиция обошла первый этаж, пришлось раз семь обновлять невидимость собаки. Кажется, смотрительницы ничего не заметили. От безделья Кристина успела изучить экспонаты чуть ли не до последней пылинки.

На втором этаже дела шли не лучше. А потом — и на третьем. Собака что-то чуяла, но не могла определиться. След был, и в то же время его не было. Ведьма была и в то же время не подавала никаких признаков своего существования. Кристине слабо верилось в слова инквизиторов о повышенном уровне аномалий. Преступница виделась ей как туманная тень, которая то ли есть, то ли ее нет. Но все-таки не исчезало смутное ощущение, что в Городе что-то происходит. Просто оно пока скрыто от глаз.

А может, это было самовнушение...

Раечка так и не взяла след.

Проведя в музее два с лишним часа, экспедиция выбралась на улицу. Собаку повели вокруг здания, отвели к соседнему, скрывающемуся в глубине небольшого сквера возле музея — там хранились фонды. Но Раечку ничего не заинтересовало. Она уныло повесила голову, опустила уши и всем своим видом выражала сожаление.

— Что теперь? — спросила Кристина. — Как собираетесь искать дальше? Допрашивать ведьм и магов, сидеть и ждать?

— Нет. — По губам Лещинского скользнула хищная улыбка. — Ждать мы точно не будем. Опрашивать — да... возможно. Но сектантов нужно выманивать и провоцировать, если мы не хотим, чтобы они воплотили дух города в ближайшие пару дней. Есть беспроегрывные способы. Мне понадобится помощь ведьм. Кристина, нам с вами нужно согласовать стратегию.

— Согласуем, — кивнула та. Перспектива выманивать преступницу нравилась ей больше, чем бесконечные допросы и унылое блуждание по городу с собакой. — Насколько это секретно? Кого можно посвящать?

— Для начала нужно тихое место без магических существ и человек пятнадцать самых проверенных ведьм. Колдунов из ложи привлекать пока не будем. Не раньше, чем с ними пообщается Игорь Игоревич. Он отлично умеет чувствовать фальшь и нестыковки, даже если разговор вообще не о беглых преступницах и свидетельских показаниях, — Лещинский снова хищно усмехнулся. — Кристина, это важно: нужно место без магических существ. Их мы введем в игру позже.

Игра. Это уже было интересно. Это было куда интереснее, чем блуждание по подвалам.

— Дождемся сумерек, — сказала Кристина. — Будет вам тихое место.

Глава 7. Фонарик

Однажды Кристина работала в избирательной комиссии. Выбирали мэра Города. Члены комиссии работали с раннего утра до позднего вечера, а потом, когда закрывались участки — садились за подсчет голосов. Шуршали бумажки, бубнили монотонные голоса, в воздухе стоял кислый запах растворимого кофе, разбавленный подозрительно сладковатым сигаретным духом. Глухо лязгали челюсти от зевков в кулак. То и дело доносились тяжелые вздохи.

Сейчас обстановка в ведьмовском офисе очень напоминала тот участок.

Лешкиных колдунов было не видно и не слышно. Огромный стол конференц-зала толстым слоем покрывали бумаги. Раньше Кристина и не подозревала, что в шкафах офиса лежит столько папок с отчетами, списками, описями и кто знает чем еще. Ведьмы сновали туда-сюда с новыми и новыми бумажными стопками. А властвовал над всем этим Семен Никитич. Он стоял во главе стола, расставив ноги, как капитан пиратского брига, и командовал:

— Перечни магических существ — направо! По районам рассортировали? Рассортируйте... Как нет по районам? Безобразие! Составьте новые перечни! Да, прямо сейчас! А это у нас что — заявления на отпуск? В отдельную папочку их мне вместе с зарплатными ведомостями за последние сто лет!

Увидев эту картину, Лещинский нахмурился. Стрелы бровей сошлись на переносице, и Кристина услышала, как он в сердцах бурчит себе под нос:

— Ничего нельзя поручить!

Раечка, увязавшаяся за хозяйкой в офис, громко твякнула. Шорох затих, голоса умолкли. Семен Никитич как-то даже съежился, будто его застали врасплох.

— Перерыв, — сказал Лещинский абсолютно спокойно, но от этого тона почему-то пробирала дрожь. — Семен Никитич, на минутку. Дамы, соберите эти бумаги, они больше не понадобятся.

— Здесь еще не все... — начал Семен Никитич, но осекся под ничего не выражающим взглядом прозрачных глаз. Затем выскочил из-за стола и метнулся к двери.

— Тьфу! — выдохнула Лера, когда инквизиторы скрылись в коридоре. Остался только Яржинов, изучающий бумажные горы взглядом, каким пятилетние дети смотрят на свежие пушистые сугробы: упасть бы да вывалиться от души! — Где вы были раньше? Каткины буквоеды уже уставать начали! А они, между прочим, электронные и устать не могут в принципе!

— Им просто нужна подзарядка, — раздалось от двери. Вошла Катарина, неся очередную стопку бумаг, пахнущих краской для принтера. — А где...

— Брось это, — посоветовала Кристина. — Можете пока выпить кофе.

Ведьмы переглянулись. Услышав о кофе, Лера подскочила к Кате, схватила за руку и потащила за собой из конференц-зала. Катарина запротестовала, но было уже поздно. Дверь за ними закрылась.

Почему-то Кристине казалось, что они отправились вовсе не за кофе. Вспомнился тот утренний заговор с дегустацией кошачьего корма...

Ладно, захотят — сами скажут. Она соткала простенький узор, заставляя бумажки улечься в аккуратную стопку. Стопка угрожающе закачалась под собственным весом. Кристина добавила стабилизирующих чар.

— Буквоеды? — протянул Яржинов, плюхаясь на стол. — Интересненько... Не расскажете? Куда ушла их хозяйка, кстати?

Катарину утащили так быстро, что он не успел заметить. Другая ведьма, новенькая по имени Света, подошла к нему и устроилась на другом краю стола.

— А тебе именно она нужна? Я тоже могу рассказать...

«Ну началось», — подумала Кристина. Тут дверь открылась, и появился Лещинский. За ним плелся насупленный Семен Никитич.

— Собрали бумаги? — бодро спросил Лещинский. — Отлично. Выделите, пожалуйста, Семену Никитичу отдельное помещение в спокойном тихом месте. Он сможет поработать там с документами самостоятельно, никого не тревожа. А мы пока пообщаемся с ведьмами на тему магических аномалий... ну и других вещей по мелочи. Кристина, остальные ведьмы здесь?

Он подхватил бумажную кипу и сунул ее в руки Семену Никитичу. Тот покачнулся от неожиданности. Верхняя часть кипы накренилась, но фиксирующие чары держали крепко.

— Куда? Я не могу! — возмутился глава регионального управления. — Я обязан присутствовать при беседе и быть в курсе дел! Бумаги подождут!

— Не подождут, Семен Никитич. Иначе придется отправить вас вместе с ними в столицу, чтобы вас ничто не отвлекало, — зловеще посулил Лещинский. — Не теряйте времени.

— Э... Света, проводи его в бывший кабинет Раисы Петровны, — сказала Кристина.

Сложные отношения инквизиторов пока оставались загадкой, но, кажется, ведьм и колдунов только что ловко избавили от назойливого присутствия Семена Никитича. — И позови остальных!

Когда глава регионального управления, спотыкаясь, вышел из конференц-зала, там сразу стало больше места. В дверях он чуть не столкнулся с Катей и Лерой. Те вернулись из своей таинственной отлучки. На лицах поселилось умиротворенное выражение. «Прячется», — расслышала Кристина. Под ее взглядом ведьмочки тут же отпрянули друг от друга и перестали шептаться. Она еще некоторое время задумчиво изучала их. Прячется, значит. Кто у них там прячется? Или что? Так взять бы за шиворот да тряхнуть хорошенько...

— Как-то вы на них очень кровожадно смотрите, — хмыкнул Лещинский над самым ухом. — Все в порядке?

— О да, — Кристина стряхнула оцепенение и повернулась к нему. — В полном. Я здесь нужна? Если нет, то отлучусь по делам, пообщайтесь с ведьмами сами.

— Доверяете? — улыбнулся инквизитор. — Хорошо, идите. Не забудьте, что обещали мне разговор в тихом месте.

— Ведьмы ничего не забывают, — назидательно поведала Кристина. И отправилась решать судьбу собак, о которых забыла вчера вечером.

Денег, конечно, понадобилась прорва. Пока Кристина искала машину, связывалась с приютом, выслушивала список требований, заказывала стройматериалы для вольеров и помогала ловить собак, прошло несколько часов. В офисе осталась только Раечка. Она еще могла пригодиться.

Когда Кристина вернулась, уже начинало темнеть. Окна конференц-зала ярко светились. Холл пустовал.

Она неслышно прокралась по нему к диванам, резко опустилась на колени и заглянула под днище.

Там ожидаемо никого не оказалось.

«Прячется», — вспомнилось Кристине. Лера с Катариной шептались, что некто прячется.

И, наверное, в холле, раз уж они кормили его здесь кошачьим кормом.

Она принялась заглядывать под все диваны и кресла, перемещаясь короткими перебежками.

Иногда возвращалась к уже осмотренному дивану, чтобы застать врасплох того, кто под ним сидел. Но никого не увидела.

А может, за кадрами? Кадки с пальмами украшали два дальних угла холла. Кристина двинулась к ним. Наклонилась... и услышала шорох за спиной.

Она резко обернулась. У одного из диванов промелькнула серая тень. Или показалось?

Кристина бросилась туда, плюхнулась на колени, заглянула под диван, чуть ли не засовывая туда голову... Никого!

Издеваются эти девчонки, что ли?

Она пропустила момент, когда в коридоре раздались шаги. В следующий миг с порога донеслось:

— Вы что-то потеряли?

Кристина выпрямилась медленно и с достоинством, встала и оглянулась на вошедших.

Ведьмы, Лещинский и Яржинов уже освободились и спустились на первый этаж.

— Да, — сказала она. — Деньги уронила.

— Хм, — взгляд Лещинского еще некоторое время был направлен куда-то вниз. — Если вы вернулись...

— Да. Я помню, — Кристина шагнула к нему. Яржинов отирался неподалеку, то и дело поворачиваясь к ним любопытным ухом. — Вам пора познакомиться с «Фонариком».

Отличное место.

Сегодня «Фонарик» забрался в глубину центрального парка. Он вырос в гуще давно не стриженных деревьев и смотрелся так, будто всегда там стоял: старинный уличный фонарь в причудливой металлической оправе и с желтоватым стеклом, по которому танцевал узор теней. То ли их отбрасывали ветки, покачивавшиеся совсем рядом, то ли так причудливо сплетались лучи дальнего света машин, проезжавших по дороге в стороне.

Но дорога была слишком далеко, чтобы свет мог сюда достать. А ветки не могли отбрасывать такую тень в вечерней полутьме...

Кристина взяла Лещинского за руку и коснулась фонаря кончиками пальцев. Мигнула, сменяясь, реальность — и вот они уже стояли в просторном, но уютном зале кафе.

В центре зала журчал фонтанчик, искры сверкали золотом в желтоватом свете, лившемся из-под абажуров настенных ламп под самым потолком. У дальней стены высилась стойка, за которой поблескивала боками кофе-машина, а на полках выстроились в ряд банки с чаем, ягодами, вареньем и сиропами. Беспорядочно разбросанные по залу столики пустовали.

Стемнело совсем недавно — «Фонарик» только открылся. За стойкой никого не было. А за выпуклыми, как пузатые бока фонаря, окнами...

— Мы что, внутри? — с любопытством спросил Лещинский, глядя, как за толстым стеклом покачиваются темные ветки. Сейчас они казались гигантскими — каждый листок величиной с голову.

— Никто точно не знает, — ответила Кристина. — Возможно, внутри. Может быть, в другом измерении. Когда-то это место создала Вера Кунцман, если ее имя вам о чем-то говорит. С тех пор менялся только интерьер... А еще здешние чары не позволяют никому подслушать чужой разговор. Здесь постоянно собираются ведьмы и колдуны, но они ничего не заподозрят.

И она коснулась оконной рамы, чтобы через мгновение снова оказаться снаружи, где у невысокого фонарного столба топтался изумленный Яржинов.

— Теперь «Фонарик» вас запомнил, — сказала Кристина обоим инквизиторам, перенеся в кафе и его. — Если вам захочется сюда прийти — вы почувствуете, где его искать. Но работает он только в темное время суток.

— Надо же, Вера Кунцман, — задумчиво произнес Лещинский. — Пятисотлетняя ведьма. Я был с ней знаком... недолгое время. Легендарная личность.

— Знакомы? С ней? — Кристина вытаращила глаза. — Разве она не умерла в тысяча восемьсот...

— Нет, чуть позже, — рассмеялся он. — Я помогал ей пересечь Границу. Чем старше маг, тем болезненнее этот процесс.

Значит, помогал умереть. Сколько же тогда тебе лет? Впрочем, Кристина не задала этот вопрос вслух. И без того было ясно, что среди высших инквизиторов нет никого младше ста.

В зале появилась ведьма, потом еще одна. Они просто возникали из воздуха. Кивнули Кристине, здороваясь, с легким подозрением покосились на инквизиторов и уверенно направились к барной стойке.

— Там же нет никого, — моргнул Яржинов.

— Как это нет? — ответила Кристина.

— Добрый вечер, — поздоровалась первая ведьма с воздухом. — Пожалуйста, горячее молоко с клубничным сиропом.

— И вам добрый вечер, — отозвались из пустоты.

Звякнула посуда. Загудело что-то, невидимое за спинами ведьм, хлопнула дверца холодильника, щелкнул замочек шкафа с припасами, большая чашка взлетела в воздух и аккуратно приземлилась на стойку... Ковшик с молоком подлетел к ней, и носик навис как раз над серединой. Потом над чашкой запорхал тюбик с сиропом.

— Хотя технически вы правы, — философски продолжила Кристина. — Там никого нет. И в то же время есть. Когда Вера Кунцман создавала кафе, она скопировала умения одного модного столичного повара... только умения, без души и без тела... и поселила их здесь. Потом другая глава ковена заменила их на умения более современного бармена, году в двухтысячном. Считать их живыми или нет — сложный вопрос.

Яржинов молча потряс зеленоволосой головой и отправился к барной стойке. В зале появилось еще несколько ведьм и колдунов. Образовалась небольшая очередь, но быстро рассосалась.

— Я бы выпила кофе с молоком, а то и чем покрепче, — сообщила Кристина и тоже зашагала к несуществующему бармену.

Через пять минут они с Лещинским заняли столик в дальнем углу, наполовину скрытый пышными листьями папоротника на подставке. Посреди папоротникового куста пылал алый цветок. Это была одна из шуток Веры Кунцман.

— Итак, — проговорил Лещинский, положив подбородок на скрещенные пальцы рук. — Что же вам рассказать...

— О секте расскажите, — быстро ответила Кристина. — Если, конечно, можете. Я понимаю, что вы сами не знаете, чего они хотят, но хоть что-то об их мотивах вы же знаете? Есть у них какая-то идея, верование?

— Есть, — инквизитор не переменял позу. Так и сидел, расслабленно подперев руками голову и разговаривая вполголоса, отчего его тон казался каким-то мурлычущим. — Они верят, что вот-вот появится некое чудовище, способное уничтожить всех людей. Больше нам ничего не известно. Может быть, они считают, что с ним можно справиться при помощи душ городов. Или приносят эти души ему в жертву. Второе даже вероятнее, потому что пробужденные души очень скоро исчезали, да и в остальном... там было очень нечисто.

— Вот. Теперь про души. Что будет, если пробудить душу города? У нас хороший город, вы сами сказали, что он вам нравится! — получилось по-детски, но Кристина не обращала внимания. Она не могла поверить, что сейчас получит хоть какие-то ответы, которые прольют свет на все это темное дело, становящееся все более мутным с каждым часом. — Почему это плохо?

— Сами не знаем, — буднично признался Лещинский. — Я имею в виду — не знаем, почему случается то, что случается. А что происходило в городах...

Он выпрямился, положив руки на стол. Коснулся своей чашки, в которой дымился угольно-черный кофе.

— Когда просыпается дух города, люди как с цепи срываются. Моментально подскакивает уровень преступности. По улицам опасно ходить. На каждом шагу могут ограбить, избить... что угодно. Бьют окна, жгут машины, издеваются над животными. В квартирах — семейные склоки и драки, в магазинах — грабежи и нападения на кассиров. С пробуждением души города просыпается все самое темное, что может быть в людях. Почему так происходит, мы не знаем. Вы правы, у хорошего города должна быть светлая душа.

— Так может, сектанты пробуждали не душу, а что-то другое? — усомнилась Кристина.

— Что, например? — Лещинский слегка усмехнулся.

— Не знаю. Я не так давно стала главой ковена. За все это время усвоила одну вещь: магия непознаваема до конца. Всегда найдется что-то, о чем мы понятия не имеем...

Кристина обхватила свою чашку ладонями. Было одновременно холодно и жарко. Горячие стенки обожгли кожу, и она отдернула пальцы. Схватила ложечку, начала ковырять кусочки персиков в желе на поверхности пирожного.

— Согласен, — Лещинский в задумчивости потер подбородок. — И все же по всем признакам это была душа города. Дело в том, что я застал спиритические эксперименты Дэвида Юма...

— Юма?! — не выдержала Кристина. Известный медиум числился в какой-то из зарубежных лож в девятнадцатом веке, она точно знала. Его в числе прочих приводили в пример, рассказывая ведьмам, как в открытую пользоваться магией и в то же время заставить людей поверить, что все это лишь ловкость рук. Юма приглашали даже к русскому царю — провести спиритический ритуал. Мать-магия! Еще сильнее захотелось спросить, сколько Лещинскому лет.

— Я тогда был совсем молод, — хмыкнул он, точно прочитав ее мысли. — Так вот, Юма знали не только любители пощекотать нервы общением с покойными. Он был первым, кто пробудил душу города при помощи ритуала. Ритуал он тоже придумал сам. В то время маги экспериментировали смелее, чем сейчас. Юм проводил ритуал, а мы смотрели — целая толпа любопытных... Он пробудил душу Сан-Франциско. Это был относительно молодой город в то время. И в нем уже зародилось магическое сердце, но еще спало. Никто не мог черпать из него силу, оно никого не наделяло способностями. И когда пробуждается душа города — это видно. В небе светится магический узор, потом над городом ненадолго зависает туманная сущность. Она похожа на животное, но на несуществующее животное, знаете, их любят придумывать для фильмов об инопланетянах, — хмыкнул инквизитор. — Сначала эта сущность похожа на обычные облака, но в течение недели конденсируется, сгущается, приобретает форму... и приходит в движение.

— И убегает? — полусепотом спросила Кристина. Ей ясно представился небывалый зверь в небе над городскими огнями. Зверь отчего-то светился зеленым. А потом он махнул пушистым хвостом и на мягких лапах помчался к горизонту.

— Первая душа, которую пробудил Юм, скрылась на улицах города. А все остальные просто пропадают. Скорее всего, их захватывают сектанты.

К образу зверя добавилась клетка с толстыми прутьями, ошейник и короткая цепь.

— И поэтому все эти беспорядки в городах длятся не больше недели? Вы говорили, — сказала Кристина. — За неделю душа конденсируется, и ее ловят?

— Именно. Только после эксперимента Юма не было никаких беспорядков. Точнее... время тогда вообще было беспокойное, но ничего особо не изменилось.

— Так может, вы потому и не заметили, что время было беспокойное?

Лещинский пожал плечами.

— Сейчас можно думать что угодно. Я такого не помню. Ну а современные души... Те инквизиторы, которые ловили преступницу до меня, пытались перехватить над ними контроль. У них не получилось. В распоряжении сектантов какие-то сильные чары или другое оружие, о сути которого мы можем только догадываться. Они могут многое, на что не способна даже инквизиция.

Его губы сжались в тонкую полоску, пальцы стиснулись в кулак до побелевших костяшек. Кристина его понимала. Беспомощность — само по себе плохо, а уж беспомощность перед преступником... И в то же время ей стало страшно. По спине побежал холодок, растекаясь по кончикам пальцев, заставляя их неприятно неметь. Сильные чары... Неизвестное оружие... Неизвестное, но очень могущественное. Способное подчинять души городов, а может быть, и делать их злыми. Способное вербовать всех без исключения противников, кроме инквизиторов...

Но об этом известно было лишь со слов самих инквизиторов.

— А вы сами пытались перехватить контроль над душами городов? — спросила Кристина.

— Когда на розыски бросили меня, — без улыбки ответил Лещинский, — сектанты больше не пробудили ни одной души. Они прибывали в новые города, но скоро были вынуждены уйти. Бежали все дальше, пока не оказались здесь. Так что стратегия, которую я собираюсь использовать, дает эффект.

Кристина закусила губу, переваривая услышанное. Щеки пылали. Они всегда пылали от избытка впечатлений. Значит, пробужденные души... беспорядки и поток злобы в мирных и добрых прежде городах... и неизвестные мощные чары... И другие инквизиторы. Значит, Лещинский не так давно разыскивает эту Марианну Бойко. А Кристина в музее обвиняла его... Она нервно схватилась за чашку и отхлебнула кофе. Теперь все казалось понятным. Но загадка, тот самый шлейф прошлого, никуда не исчезла. Лишь затаилась, прячась за ясными картинами, в которые теперь складывались события.

Почему Лещинского не бросили на розыски раньше, а ждали, пока преступница пробудит еще несколько городов? И почему бросили именно его? К тому же в компании злорадно хмыкающего Семена Никитича, который явно знал что-то неприятное...

Но обо всем этом Лещинский не сказал ни слова. Ловко обошел молчанием и это, и свою загадочную мигрень, разыгравшуюся, когда он рассказывал о преступнице. И то, что его связывало с преступницей. Кристина почти не сомневалась — что-то точно связывало. Но не спрашивать же в лоб...

— Вы притихли, — спокойно заметил Лещинский, тоже берясь за свой кофе. Кристина нервно воткнула ложечку в пирожное.

— Да так. Думаю. Зря вы пьете на ночь такой крепкий, — она говорила первое, что взбредет в голову, как всегда, когда пребывала в растрепанных чувствах.

— Что? — инквизитор усмехнулся. — Спасибо за беспокойство. Это не имеет значения. К тому же сейчас никто не будет спать. Сначала мы с вами договоримся о завтрашней стратегии, а потом можно провести ритуал для ограничения магии. Поздний вечер — для него самое время.

— Ну вот. — Кристина от неожиданности уронила ложечку. — Опять вы... А так хорошо сидели.

Лещинский негромко рассмеялся.

— Жаль вас разочаровывать, но это необходимо. И без магии никто не останется. Будет ограничение. Оно скажется на интенсивности чар, а не отменит их. Магические существа ослабеют. Тех же персонажей рекламы станет проще ловить. Сильные маги, возможно, даже не заметят разницы... Кристина, не дуйте губы, вы кажетесь ребенком. У меня такое впечатление, что я уговариваю вас идти в детский сад, а вам не нравится тихий час и невкусный суп.

— Ну, я не несу ответственности за то, что вам кажется, — фыркнула Кристина. — Ладно. Я понимаю, что это нужно. Проведем ваш ритуал... Кстати о детских садах. Сколько вам лет?

Вопрос все-таки вырвался, хотя она отчаянно пыталась сдержать любопытство. Но оно оказалось сильнее. Ну и ладно. И пусть инквизитор считает ее бесцеремонной. Ведьмы редко скрывают свой настоящий характер.

— Давайте не будем об этом, — развеселился Лещинский. — Не люблю, когда красивые девушки смотрят на меня, как на старика. Уж простите старика за такую причуду. Кристина тоже прыснула в чашку, чудом не расплескав кофе.

— Если не любите, так, может, надо помалкивать, что видели Юма? Ладно, молчите. На старика вы не тянете. Буду считать, что вам тридцать пять, и добавлять сотню или две... под настроение.

— Спасибо, что не тысячу, — вздохнул инквизитор. Они ненадолго замерли, глядя друг на друга и посмеиваясь. Когда Лещинский смеялся, он не казался таким пугающе замороженным. Кристине нехотато вспомнились его слова — «если доживу». Спросить, что ли, если ситуация располагает?

— А что...

— Теперь насчет того, как выманивать преступницу. — Он ловко перебил Кристину, как будто случайно, но она готова была поклясться, что намеренно. Предугадал вопрос и поспешил отвлечь. — Как ни странно, сектантов пугают техногенные катастрофы. Любого масштаба. От мелких аварий до взрывов, уносящих жизни. Но, конечно, чем масштабнее катастрофа, тем сильнее они нервничают. А когда они нервничают, они начинают делать глупости и выдают себя. В Ростове мы чуть не схватили преступницу с ее сообщниками. Тогда они вывернулись. В этот раз... думаю, не должны.

— Все-таки вы не оставите в покое наш водопровод, да? — вздохнула Кристина.

— Что? — опешил Лещинский. Он успел напрочь забыть о несчастных жителях «сталинки», обросших перьями из-за отсутствия воды. — О дьявол, при чем здесь ваш водопровод? Выберем что-нибудь другое, не настолько... хм... болезненное. Я затем и позвал вас, чтобы договориться!

— Ну ладно, — Кристина задумалась. — А почему они боятся техногенных катастроф? Может, они боятся, как все нормальные люди? Никому не понравится взрыв на химзаводе... или поломка водопровода.

Снова услышав о водопроводе, Лещинский мученически возвел глаза.

— Они начинают делать глупости, — повторил он. — Торопятся. Пытаются провести длительный ритуал оживления за десять минут. Или отправляют патрулировать улицы толпу магических существ, которых видят простые люди, и потом приходится кропотливо заматывать следы. Или пытаются заколдовать главу ковена или главу ложи, чтобы получить доступ к магическому сердцу города. — Тут Кристина вздрогнула. — И тогда их можно брать голыми руками, если подготовиться. В прошлый раз я плохо подготовился, и они прорвали оцепление, но в этот раз такого быть не должно.

— Но должна же быть причина, — Кристина не успокаивалась, ей казалось, что она упускает что-то очень важное. — И потом, здесь какое-то несоответствие. Вы говорите, они боятся этих техногенных аварий. Но преступница сама устроила аварию водопровода! Выходит, они...

Когда слово «водопровод» прозвучало в третий раз, Лещинский страдальчески уронил лоб в ладонь. Кристина скрипнула зубами.

— Нет, послушайте! Выходит, они боятся, только если эти аварии устраивает кто-то другой? А почему? Боятся, что он опередит их? Или боятся не успеть? Если после аварий они начинают торопиться, идут на риск, теряют голову, то, наверное, боятся не успеть. Возможно, все эти аварии для них — признак приближения того чудовища, в которое они верят?

— Возможно, — Лещинский поднял голову. — Все возможно. Только при чем здесь души городов?

— Это уже вопрос не ко мне, — произнесла Кристина вяло. Она выдохлась. Зато сказала все, что хотела. Конечно, инквизиция наверняка уже пришла ко всем этим выводам, но она должна была сказать. Просто на всякий случай. Теперь оставалось думать.

Какое чудовище может приближаться, давая о себе знать техногенными катастрофами? Кристину пробрала дрожь, когда она попыталась представить, что это может быть.

Попыталась, но так и не смогла.

Зачем это чудовище сектантам? Почему они действуют в одиночку, а не выложат все, что знают, инквизиции и магическому сообществу? Они хотят покорить монстра, уничтожить или задобрить, став его первыми жрецами?

Или все иначе? И никакого чудовища нет, а у инквизиции неправильные данные? И секта пытается проверить какое-то совершенно другое дело?

— Ладно, — сказала Кристина, одним махом допивая остывший кофе. — Нет смысла гадать. Мы все узнаем точно, только если поймем хоть одного сектанта. Кстати, как вы собираетесь их ловить после ритуала по ограничению магии? Вам же сложнее будет.

— Инквизиции — не будет. На антимагию ограничение не распространяется. Антимагия — это не магия, — сообщил Лещинский, глядя на Кристину с легкой опаской, будто боялся, что она сейчас швырнет в него недоеденное пирожное. Но новость ее не удивила. Кто бы сомневался, что инквизиторы оставят себе лазейку.

— Ладно... — повторила она, рассеянно постукивая ложечкой о блюдец. — Тогда нужна безвредная, но эффектная катастрофа... По-моему, это невозможно. Но я не могу позволить, чтобы пострадали люди!

— От физического вреда вы можете защитить их заранее. Сплетите какой-нибудь заговор, — сказал Лещинский. — А материальный я могу возместить.

— Что, из своего кармана? — сощурилась Кристина. — Инквизиция не такая нищая, как притворяется, или у вас фонд на такие случаи?

— Если региональное управление господина Муравьева предпочитает побираться, это их дело, — чуть раздраженно ответил он. — У меня есть деньги. Это ваш город, подумайте, какую катастрофу здесь удобнее устроить. В Ростове мы обрушили несколько недостроенных зданий и, — он замялся, — устроили прорыв водопровода, но если это такая большая тема...

Кристина уставилась на него. Потом, не выдержав, расхохоталась. Инквизитор сдержанно хмыкнул. Не понимал, над чем она смеется. Да она и сама не смогла бы объяснить.

Наверное, просто не выдерживали нервы.

— Обрушили... — пробормотала она, резко прекратив смеяться и уставившись на пирожное. — Обрушили...

Потом отломил ложечкой кусок лакомства и отправила в рот. Идея была где-то рядом.

Вертелась на краю сознания, не давая себя поймать. Лещинский благоразумно помалкивал, чтобы не мешать. А мог бы и помочь! Обозлившись, Кристина вскинула на него глаза... и тут идея наконец возникла на поверхности.

— Обрушим парочку жилых домов. Из-за проседания грунта, вызванного строительством по соседству. Годится?

— Вполне, — невозмутимо кивнул инквизитор. — Только как вы обрушите дома, не навредив людям?

— Постепенно, — отрезала Кристина. — Такой удобный случай! В центре полно дореволюционных зданий. Рядом строят офисный центр. Почва проседает. Старые стены и фундаменты не выдержат. Те дома уже давно аварийные. Они начнут трескаться, людей эвакуируют, и после этого все обвалится окончательно. И вам не придется ни за что платить, потому что новое жилье для людей купят за счет городского бюджета. — Она почувствовала, как губы против воли растягиваются в злой ухмылке: — Обязательно купят. Просто не смогут отказать, когда их попросят об этом ведьмы.

— Не хотел бы я быть мэром вашего Города, — заметил Лещинский себе под нос. На это Кристина раздосадованно фыркнула.

— Лучше скажите, смогу ли я сплести все нужные чары после вашего ритуала.

— Да сможете, — ответил он. — Тем более если все будет происходить постепенно...

Думаю, сможете. Если что-то пойдет не так, я буду рядом и отменю магическое воздействие.

— Тогда ладно.

Кристина встряхнула головой, выныривая из разговора, как из бездонной толщи воды. В ее мир хлынули звуки, запахи и цвета, которых она не замечала, сосредоточившись на деле. Донеслись разговоры, смешки, весь тот шум, какой обычно стоит в людном помещении, в котором каждый болтает о своем. Она не могла разобрать ни слова — действовали чары Веры Кунцман. Умопомрачительно смешивались запахи кофе, корицы, ванили и шоколада. Переливались искры в каплях воды в фонтане, отблески танцевали на листьях папоротника и медово-коричневых оконных стеклах.

Крестину на миг охватило чувство, будто она прощается с жизнью. Хотя расстаться предстояло всего лишь с частью магической мощи... Она беспомощно посмотрела на Лещинского.

— В чем там заключается ваш ритуал?

— Нам понадобится самая высокая точка города, на какой-нибудь крыше, — выражение его лица было сочувственным, но непреклонным. — Необходимо ваше участие и участие главы ложи, а также нескольких самых сильных ведьм и колдунов. Достаточно будет по пять человек от вас и от ложи. Кроме меня, от инквизиции будут Игорь Игоревич и Аль... — Лещинский огляделся, ища Яржинова, и не сразу заметил его: тот сидел в дальнем углу за столиком с целым десятком молодых ведьмочек. — Семен Никитич продолжит работать с документами.

— И на том спасибо, — вздохнула Кристина. — Сейчас будет вам крыша.

Глава 8. Жертва ритуала

На крыше офисной «свечки» из стекла и бетона хозяйничал пронизывающий ветер. От него не спасала тонкая осенняя куртка, в которую Кристина безуспешно куталась, стуча зубами; не помогали даже согревающие магические узоры, потому что их тут же сносило ледяными порывами. На магию вообще не стоило надеяться. Когда ее ограничат... Кристина снова дернула полы куртки, запахивая их на груди.

Крыша щерилась торчащими кверху антеннами. Невысокий, чуть выше колена, бортик давал призрачное ощущение безопасности, отгораживая от бездны, простиравшейся внизу. Офисная башня стояла на возвышенности. Город с нее просматривался как на ладони: рваные цепочки фонарей вдоль дорог, россыпь огоньков-витрин и искорок-окон. Кристина села на бортик и разглядывала дрожащее море огней. Колдуны и ведьмы скупко переговаривались.

Наконец раздался грохот, возвещающий, что прибыл последний колдун, которого сегодня ждали. Тимур Барсуков жил отшельником, и чтобы его вызвать, Лешке пришлось минут десять ругаться в трубку. Прилетел Барсуков на каком-то деревянном поддоне, который, похоже, подобрал возле ближайшего супермаркета. Вскочил, оттолкнул деревяшку ногой, пригладил встрепанную седую бороду и презрительно оглядел присутствующих.

— Добрый вечер, — сказал ему Лещинский. Остальные молчали, потому что Барсуков успел перессориться со всеми колдунами и почти всеми ведьмами Города. — Отлично, все в сборе. Кто-нибудь уже участвовал в ограничительном ритуале раньше?

— Ну, я участвовал, — процедил Барсуков через губу. — Опять до утра проторчим? Хотя о чем я, на эту деревню получаса хватит.

— Несколько часов. Надеюсь, успеем до трех. Вам понадобятся запирающие чары, которые используются, чтобы закрыть ход в какое-либо место магам и магическим существам, — начал объяснять Лещинский. А Кристина вздрогнула. Что? Несколько часов? До трех?! Сколько сейчас — часов девять? А еще более длительного ритуала он придумать не мог? Чтоб им всем пусто было! Мерзнуть на этой крыше до трех часов ночи, и то если повезет и не придется торчать до утра! Захотелось взвыть на растущую луну, насмешливо глядящую с неба.

— Перед вами появятся энергетические копии городских улиц, — продолжал Лещинский. — Для удобства я постараюсь разделить их на сектора. Каждый маг накладывает запирающие чары на каждую улицу, переулок и проезд в своем секторе. Да, занятие кропотливое. Все готовы?

— А вы что будете делать? — поинтересовалась Эля, вторая по силе ведьма после главы ковена. Кристина покосилась на нее с завистью: на Эле было дорожное длинное пальто, и от холода она явно не страдала.

— Поддерживать доступ к энергетическим копиям, — ответил Лещинский. — Дамы и господа, встаньте в круг спиной к нам.

Инквизиторы тоже встали спинами друг к другу, образуя небольшой треугольник. Прежде чем отвернуться, Кристина успела рассмотреть, что они делают.

Обычная магия. Вскинутые руки, узор в воздухе. Губы инквизиторов шевелились, но заклинания, которые они шептали, уносил ветер. Зато результат появился почти сразу. Вокруг кольца ведьм и колдунов начал сгущаться сияющий белый туман. Его свечение чем-то напоминало свет компьютерного монитора. Кристину обдало теплом, и она блаженно прикрыла глаза. Туман источал тепло. Интересно, почему?

Она отвернулась от инквизиторов и стала вглядываться в белое облако перед собой.

Мгновение — и в нем начали проступать линии, похожие на геометрическую паутину.

Сначала толстые, потом тоньше и тоньше, они сплетались, сходились в одной точке и разбегались десятками лучей... Это очень напоминало карту города. Или... или спутниковый снимок, очень четкий и детальный, очень миниатюрный — при желании можно было рассмотреть каждый дом, каждый киоск и деревце вдоль дороги.

Одно только портило эту красоту. Тот факт, что запирающие чары предстояло наложить на все миниатюрные улочки до одной.

Если бы Кристина раньше знала, в чем заключается ритуал, она бы, наверное, отказалась.

Сбежала бы и трусливо предоставила отдуваться кому-нибудь другому. Но сейчас деваться было уже некуда. Она глубоко вздохнула и принялась плести первый узор.

Благо хоть холод больше не пробирался под куртку.

Запирающий узор был несложным. На него уходило не больше минуты, а может, и меньше.

Зато в Городе оказалось действительно много улиц, переулков и подворотен. Кристина раньше и не задумывалась, сколько их. Теперь она ткала чары, и сияющие нити улиц гасли, но остальные, еще свободные, продолжали сиять, и становилось видно, что десять или двадцать штук — это капля в море. А может, даже меньше, чем капля в море.

Свистел ветер. Слух улавливал негромкие голоса и шепот инквизиторов, продолжающих читать заклинания. Монотонность происходящего гипнотизировала. Ведьмы и колдуны все чаще вздыхали и ворчали что-то невнятное.

Кристина потеряла счет времени. Однажды ей пришлось вынырнуть из обволакивающего гипнотического полутранса, когда Эля где-то за спиной громко спросила:

— А перерывы будут? Кофе попить?

Ей никто не ответил. Инквизиторам нельзя было сбиваться. Так и не дождавшись реакции, Эля театрально вздохнула и «погасила» запирающими чарами доставшийся ей центральный проспект.

— Если перерыв, то потом надо начинать все сначала, — с запозданием ответил Барсуков.

В его голосе сквозило явственное презрение к глупым инквизиторам и отсталому магическому сообществу в целом, раз они не смогли придумать более удобный ритуал.

Кристина не смотрела на часы. Время шло, но она не знала, с какой скоростью. За работой минуты пролетают незаметно, за монотонной работой — наоборот, ползут улитками...

Нельзя было отвлекаться от узора, иначе нити улиц не хотели гаснуть и продолжали нахально светиться. Руки уставали от того, что приходилось постоянно держать их на весу, и тогда Кристина плела чары по очереди, то правой, то левой.левой рукой работать оказалось непривычно, но со временем она приноворилась.

Очнулась она, когда попыталась найти в сером облаке перед собой светящуюся нить — и не нашла. Поморгала, всмотрелась в погасшую карту. Руки гудели, казалось, каждая из них весит целую тонну. Кристина опустила их.

Ей не верилось, что ритуал закончился...

Она оглянулась на инквизиторов. Лещинский спокойно кивнул ей, не прекращая читать заклинания. Всех троих опутывали летающие в воздухе полупрозрачные нити, тянущиеся к копиям улиц. Кристина отошла в сторону и присмотрелась к другим магам. Многие уже почти закончили. Вот погас сегмент города перед Барсуковым, и тот вперевалку отошел к краю крыши, достал сигареты, щелкнул зажигалкой, и воздух наполнился ядреным запахом дешевых сигарет. Затем с работой справилась Эля, тоже отошла и, вытащив телефон, стала кому-то звонить. Мужу, наверное. Ее муж держал сеть заправок по всей стране и знал, что Эля периодически варит зелья и летает на непригодных для авиaperелетов предметах. Когда это вскрылось, инквизиция чуть не стерла ему память, но потом нарушение спустили на тормозах. Раиса Петровна помогла.

Последние четверо или пятеро участников закончили почти одновременно. Когда погасла последняя улочка, инквизиторы разом вскинули руки.

Облако-карта, ставшее из белого серым, взвилось высоко в небо. Потом внутри него что-то полыхнуло, облако взвихрилось и словно развеялось, сливаясь с ночью. А затем опустилось на город.

Кристина не увидела, как оно движется, но заметила, что на миг поредевшие уличные огни выцветают, будто их мгновенно обесцвечивают. Секунда — и оттенки вернулись, фонари снова зажглись желтоватым. Кольцо инквизиторов разомкнулось. Заклинания стихли. — Когда будете улетать, — сказал Лещинский, — не стартуйте сразу. Убедитесь, что полетные чары сработали с должной интенсивностью.

— Не учи ученого, — буркнул Барсуков, подобрал свой поддон и начал накладывать полетные чары. Остальные напряженно наблюдали.

Барсуков сплел всем знакомый узор, но поддон, повисев в воздухе, обрушился вниз. Не сдаваясь, Барсуков подобрал его, повторил узор — поддон завис в воздухе, покачиваясь, будто не мог решить, падать ему или лететь.

Только с пятого раза Барсуков удовлетворился результатом. От души сплюнул на крышу, запрыгнул на свой транспорт и был таков. Кристина проследила глазами за его полетом.

— Не свалился, — констатировал Лешка Змеев. В его голосе слышалось легкое разочарование.

Остальные начали потихоньку собираться. Несколько ведьм и магов решили не рисковать и вызвали такси. Люк, ведущий с крыши на лестницу, оказался закрыт. На то, чтобы открыть его магией, вместо нескольких секунд ушло минут пять. Другие кое-как справились с полетными чарами. Крыша постепенно пустела.

Кристина несколько мгновений тупо смотрела на телефон. Потом вспомнила, что внизу дожидается ее собственная машина, на которой она приехала сюда из «Фонарика». Вместе с Яржиновым и Лещинским. Черт, их тоже нужно ждать, да? А может, не ждать... вот они, сейчас тоже будут спускаться... Мысли путались, в голове царила пустота и свистел ветер, набросившийся на Кристину с новой силой, едва исчезла призрачная защита от холода.

Казалось, вместе с магией Города кто-то ограничил ей и способность соображать. Возможно, так и было. Глава ковена связана с Городом сильнее, чем другие ведьмы. А глава логи — сильнее, чем другие колдуны. Но Лешка не выглядел отупевшим. Наверное, виновата усталость и недосып... Или нужно привыкнуть к этому состоянию, когда на руках будто висят свинцовые гири, на плечах лежат невидимые пудовые мешки, и все это тянет вниз, не дает колдовать, мешает думать...

Она потрясла головой. Так, завтра выходной. Никакой работы и тем более никаких поисков. Если секта околачивается в Городе с зимы, подождет еще день. Все равно в таком состоянии Кристина способна только на то, чтобы попасться им в лапы тепленькой. Она сварит несколько укрепляющих зелий, зелье бодрости, зелье хорошего сна, зелье невидимости на всякий случай. Потом выпится, потом приведет себя в норму и только после этого будет что-то делать.

— Вы идете? — окликнула она Яржинова и Лещинского. Кроме них, на крыше больше никого не осталось.

— Да-да, — Яржинов оторвался от созерцания города и шагнул к Кристине. — Простите. Удачно получилось, — он кивнул на мерцающую сеть улиц. Ну да, инквизиторы же, наверное, видят, как сработали запирающие чары.

— Поезжайте, — сказал Лещинский, тоже разглядывая ночную панораму. — Не ждите меня, у меня еще... дела.

— И какие это у вас дела? — бесцеремонно пробурчала Кристина. Яржинов, пожав плечами, взялся за крышку люка. — Думаете, после ограничения магии преступница сразу вылезет или что?

— Не раньше утра, — отозвался Лещинский, по-прежнему не оборачиваясь. — Утром тоже вряд ли, но на всякий случай вызовите нескольких ведьм, пусть подежурят в офисе. Сами вы, как я понимаю, будете отсыпаться.

— Правильно понимаете, — уже спокойнее сказала Кристина. Ну ладно. Хочет человек померзнуть на ледяном ветру в половине четвертого утра — да пожалуйста. Она развернулась и подошла к люку, в котором уже почти полностью скрылся Яржинов. Но что-то дернуло в последний момент оглянуться и посмотреть.

Лещинский уже не изучал городскую панораму. Он сел на крышу у самого бортика, прислонившись к нему спиной, запрокинул голову и устроил ее на краю каменной ограды. Закрыв глаза и застыл неподвижно.

— Нет уж, — сказала Кристина. — Это мне совсем не нравится.

Она бросилась к Лещинскому. Тот не реагировал, он не замечал ее и не замечал ничего вокруг. Кристина коснулась его холодной руки, беспомощно оглянулась на Яржинова... Тот казался чуть недовольным, но не удивлялся.

— Что происходит? — спросила Кристина.

Яржинов вздохнул с легкой досадой, будто его раздражало, что не удалось скрыть от ведьмы какой-то неопасный, но неприятный секрет.

— Проклятие, — ответил он неохотно. — Придет в себя — он сам вам объяснит, если посчитает нужным.

— Так, значит, он придет в себя? Когда?

Она снова посмотрела на Лещинского. По его лицу разливалась меловая бледность. Черты заострились, как у покойника. Руки были холодными, и Кристина попыталась нащупать пульс. Он нашелся с третьего раза. Тьфу ты черт... Значит, проклятие. Это, конечно, проливало свет на странные слова инквизитора — «если доживу», но... Но черт побери! Яржинов помолчал. Она внимательно смотрела на Лещинского. На плотно сжатые губы, стиснутые челюсти, закрытые глаза. Выражение лица не было страдальческим, скорее злым. Хотя Кристина не могла сказать наверняка.

— Через полчаса, максимум час, — наконец выдал Яржинов и сел на бортик неподалеку. — Лучше бы мы все-таки ушли. Он не любит, когда кто-то это видит. Но судя по тому, что он никуда не шел, он понимал, что Кристина уже не махнет рукой на то, что узнала.

— И почему никто до сих пор его не снял? Что за проклятие? — настаивала она. Хотя догадывалась об ответе. Какое еще проклятие невозможно снять, кроме ведьминского? Классического ведьминского проклятия с «замком» и «ключом». И в чем состоит ключ и замок? Вопросы, вопросы... И нахальный малолетний инквизитор, который не желает выдавать тайны своего начальника.

Лещинский еле слышно что-то пробормотал. Кристина вскинулась, прислушиваясь, но не разобрала ни слова. Он говорил по-польски.

Ей было страшно. Страшнее, чем тогда, когда она слушала о непобедимом оружии сектантов. Рассказы оставались рассказами, а это... это была наглядная демонстрация силы. Кристина не сомневалась, что Лещинского проклял кто-то из секты. В таких делах не бывает совпадений. Она могла только догадываться, что с ним сейчас происходит. Он что-то видит, проживает какие-то события или просто терпит боль... Зависело от проклятия. К тому времени как Лещинский открыл глаза, прошла целая вечность.

Кристина встрепелась, заглядывая ему в лицо. Она так и сидела на корточках, больше не чувствуя ночного холода. Яржинов листал ленту в телефоне. Почему-то это возмущало, будто он развлекался интернетом на похоронах.

Лещинский медленно провел рукой по лицу. Он словно не сразу понял, где находится и что делает. Потом увидел Кристину — и губы болезненно скривились.

Он шевельнулся, но продолжал сидеть на полу. И так ничего и не сказал.

— Что за проклятие? — минуя лишние расспросы, поинтересовалась Кристина. — Кто проклял — Марианна Бойко? Какой замок и ключ?

Лещинский слабо усмехнулся.

— Деловой... подход, — прошелестел он. — Мне жаль, что вам пришлось наблюдать эту неприглядную картину... Забудьте о ней. Все в порядке. Идите домой.

— Обязательно пойду, как только удостоверюсь, что вы не скончаетесь на этой крыше, — проворчала Кристина. — Будете возвращаться в отель?

— Вернусь. Позже.

Она покачала головой и устроилась поудобнее, чувствуя, как затекают ноги.

— Послушайте. Я понимаю, что ключ к проклятию может быть невыполнимым. Но если вы расскажете хотя бы о замке, я постараюсь помочь...

Замок называли основу проклятия, то, что изводило проклятого по воле ведьмы. А ключом — вторую часть, дополнительное условие. Именно через него можно было сломать

проклятие. Если, к примеру, замок гласил, что несчастный обречен до конца жизни страдать от роя кусачих пчел, то ключ создавал дополнительную проблему. Если бы проклятый обратился к ведьме за помощью, то пчелы закусали бы ее до смерти. Но одновременно ключ содержал и выход. Проклятому следовало просто не дать пчелам навредить ведьме, и тогда проклятие рассыпалось. Другое дело, что ключи почти всегда были невыполнимыми. Как защитить ведьму от пчел, если сам от них страдаешь? Но в случае Лещинского проклятие заключалось явно не в пчелах...

— Это не имеет значения, — отрезал он. — Я вижу кое-какую дрянь, которая заколдована на то, чтобы отнимать у меня силы. Обычно их остается достаточно, чтобы не валяться пластом, но после ограничительного ритуала моя магия тоже ослабилась. Все в порядке. Днем можем приступать к нашей техногенной катастрофе.

Его голос немного окреп, и сам инквизитор уже не так напоминал труп. Хотя выглядел все равно устрашающе.

— Вы же говорили, что инквизиторам ритуал не повредит.

— Значит, просчитался, — раздраженно дернул плечом Лещинский. — Посмотрите вон на Аля, ему-то не повредил.

Кристина покосилась на Яржинова. Тот мог бы служить натурщиком для статуи «Юноша с гаджетом». Современное искусство, концептуализм, переработанные материалы, целлофан и немного масла.

— Вам надо хотя бы сладкого чаю, — произнесла она. — И укрепляющего зелья...

— Идите домой, — повторил Лещинский. — Все нормально. Чай я как-нибудь достану, не волнуйтесь.

Она мученически вздохнула. Ну почему мужчины такие упрямые и несговорчивые?

Впрочем, риторический вопрос. Нужно действовать иначе. Ведьму еще никто не переупрямил.

— Ладно. Я отвезу вас и Аля по гостиницам. Где вы остановились?

— Я вызову такси...

— В «Речной», — быстро сказал Яржинов, отрываясь от дисплея. — Простите, Стефан Леславович. У меня денег кот наплакал, я не хочу на такси.

Лещинский смерил его насмешливым взглядом снизу вверх. Во взгляде явственно читалось «Предатель». Леславович, значит... Кристине захотелось его пнуть.

— Если бы я предлагала оттащить вас в гостиницу на своем горбу, можно было бы ломаться, — буркнула она. — А сейчас не время. Идти можете?

Вместо ответа Лещинский поднялся на ноги. Тряхнул головой, чуть пошатнулся, но не упал. Кристина снова вздохнула.

— Смотрите не свалитесь с лестницы.

По пустым ночным улицам машина летела быстро. Кристине нравилось ездить ночью. На центральных дорогах можно было смело разгоняться, не рискуя угодить в очередную яму. Ее охватывало чувство, что город безраздельно принадлежит ей. Что он, спящий, полностью во власти той, кто не спит. И она может делать с ним что угодно, держать на ладони и решать его судьбу.

Когда-то, наверное, примерно с этого начинали безумные колдуны и ведьмы, которые позже закончили жизнь на эшафоте за массовые убийства. Тоже поверили, что могут вершить чужие судьбы. Это отрезвляло.

До «Речной» было рукой подать. Через пару минут Кристина притормозила напротив облезлого фасада, и Яржинов устремился к светящейся двери.

— Я в «Ньюдоне» на проспекте Островского, — сказал Лещинский. — Если вам не по пути, посадите меня здесь, я вызову такси.

— Мне по пути, — отмахнулась Кристина. Машина вновь сорвалась с места. Замелькали светящиеся вывески.

— Проспект Островского в другой стороне, — осторожно заметил инквизитор через несколько минут.

— Я знаю. — Кристина усмехнулась и взглянула на него. — Только мы туда не едем. Мы едем ко мне. Сегодня вы ночуете у меня под присмотром. А еще принимаете десяток порций разных важных зелий. Как главная ведьма Города я очень не люблю, когда приезжие инквизиторы отдают концы на моей территории.

Она чуть сильнее вдавила педаль газа и с удовольствием проследила за стрелкой спидометра.

Глава 9. Похищение века

Лещинский коротко и изумленно рассмеялся. Ведьминская хитрость явно стала для него неожиданностью. Потом поднял руки в символическом жесте.

— Похищаете? Ладно, сдаюсь, что мне еще остается, — он снова фыркнул от смеха. — Но я вовсе не намерен отдавать концы, уверяю вас. По крайней мере, не раньше, чем мы поймаем преступницу.

— Конечно-конечно, — согласилась Кристина. Спорить она не собиралась. Она вообще не любила спорить. Зачем, если можно молча делать по-своему?

— Дайте мне хотя бы забрать бритву и зубную щетку, — почти жалобно сказал Лещинский некоторое время спустя. Что-то быстро он сдался. Буквально сразу. А значит, как бы он ни пытался делать хорошую мину при плохой игре, этот признак выдавал многое.

— Возле моего дома есть круглосуточный супермаркет. Купите там, — ответила Кристина. — Это в ваших же интересах. Если проклятие теперь всегда будет на вас так действовать, вам придется остаться у меня до конца расследования. Отказ приравнивается к неподчинению ковену.

— Это ковен обязан подчиняться инквизиции, — улыбнулся Лещинский. — Не то чтобы я был против общества привлекательной женщины...

— Вот и молчите, — буркнула Кристина.

Он собирался еще что-то возразить, но так и не стал. Кристина удовлетворенно кивнула.

Она терпеть не могла болтливых мужчин, спорящих из-за мелочей.

Они зашли в супермаркет, где Кристина быстро выбрала продукты, которых не хватало для ужина (точнее, уже завтрака) и для зелий. В состав зелья бодрости, например, входили лимоны и имбирь, а многие травы удобнее было не собирать и не сушить устрашающими пучками, норовящими осыпаться от любого сквозняка, а покупать в магазине. Или в аптеке. На кассе Лещинский как ни в чем не бывало достал карточку и заплатил за все вместе.

Кристина не сопротивлялась.

Задумывая «похищение», она ожидала куда большей неловкости. Но сейчас ей казалось, будто она уже вечность делит с Лещинским жилье. Стоило ему смириться, и все пошло как по маслу. Они направились во дворы, точно семейная парочка. Кристина посмеялась бы над этим, но ей было немного не до того — она пыталась судорожно вспомнить, куда подевала блокнот с рецептами зелий.

У подъезда им встретилась старуха. Она слепо брела куда-то, не разбирая дороги и хватаясь за стены, ветки кустов и спинки скамеек, чтобы не упасть. Сначала Кристина вздрогнула от неожиданности и тревоги: родственники не уследили за какой-нибудь выжившей из ума бабулей? Потом ее осенило, она шагнула к старухе идохнула на нее.

Старуха вскинула голову и мгновенно растворилась в воздухе.

— Патрульная, — негромко заметила Кристина. — Теперь все магические существа будут ползать, как сонные мухи, после этого ритуала?

— Возможно, — Лещинский выглядел отчего-то раздосадованным. Будто только что задним умом понял, что нужно было купить билет на поезд, который ушел еще вчера. — Или так, или спрячутся в свои логова и впадут в анабиоз. А, проклятие... Кристина, а много у вас в городе кого-то? Насколько они обычно активны?

«Кто-то» в этом случае выступало не местоимением, а именем нарицательным. Так называли один из подклассов гуманоидных магических существ. Внешне кто-то не отличался от людей. Мужчины, женщины, подростки, старики... Единственное отличие заключалось в одежде: у этих существ она могла быть только однотонной. Кто-то не представляли опасности, они были чем-то вроде живых носителей информации. Простые люди часто сталкивались с ними, сами того не понимая. Как часто в речи проскальзывает: «мне кто-то рассказал» или «кто-то мне об этом говорил»... Люди узнавали важные,

секретные или просто любопытные вещи, но если не могли вспомнить, от кого — значит, был замешан кто-то. Эти создания обожали разносить информацию, как вирус.

— Да как везде, — пожала плечами Кристина. Они поднялись на четвертый этаж. — А что? — Ничего. Вчера ко мне прислали кого-то с бестолковым предупреждением. Если пришлют и сегодня, не развеивайте его, он может быть полезным.

— О предупреждении вы, конечно, ничего не расскажете, — полуутвердительно переспросила Кристина, открывая дверь. Почему-то входить в собственную квартиру сегодня было страшновато. Будто там подстерегал некто или нечто... Но едва она включила свет, как дурацкое предчувствие исчезло. Остался тревожный осадок: иногда ведьминская интуиция нашептывает правильные вещи.

— Само по себе оно бессмысленно. Из посланника можно извлечь информацию, — отозвался Лещинский. — Вам чем-нибудь помочь?

Пожалуй, только этот вопрос напомнил, что у Кристины в доме чужой человек. Которого она к тому же притащила сюда без предупреждения. В остальном непринужденность никуда не исчезла. Гость по-прежнему не воспринимался помехой. Кристина, как обычно, бросила кроссовки в угол, оттащила пакет на кухню и принялась разбирать продукты. Ингредиенты для зелий сразу выложила на середину большого стола, который стоял в центре кухни, остальное сунула в холодильник, а похудевший пакет с бритвой, зубной щеткой и чем-то еще ткнула в руки Лещинскому.

— Я начну варить зелья прямо сейчас. Можете приготовить нам поесть... Не умеете готовить? Ну ладно. Я тоже не умею. Яичницу в микроволновку поставить сможете?

— Это и ваше коронное блюдо? — хмыкнул инквизитор.

— Не самое коронное, — задумалась Кристина. — Еще есть жареные сосиски...

Они расхохотались одновременно. Что поделать, домашнее хозяйство никогда не было сильной стороной Кристины. Зато она неплохо варила зелья. Это тоже можно было считать готовкой.

Кухню она отделала по собственному вкусу. В углу стоял угловой диван, словно созданный, чтобы забраться на него с книжкой, на стене висел светильник, возле дивана устроился массивный стол. Почти всю стену над светильником занимали огромные шкафы, сделанные на заказ. В одном из них хранились продукты, в остальных — зелья и их ингредиенты. Оставив Лещинского наедине с микроволновкой на краю стола, Кристина вскарабкалась на диван и нырнула в шкафы с головой, ненадолго утратив связь с реальностью. Ингредиенты хранились у нее подписанными и рассортированными, но искать все нужное пришлось долго. Она вынимала баночки и коробочки одну за другой, привычно выстраивая их на столешнице. А закончив, извлекла из тумбочки с посудой мультиварку.

Брови Лещинского поползли вверх, да там и остались.

— Что? — недовольно спросила Кристина. — Мультиварки никогда не видели?

— Видел, — с некоторым сомнением ответил он. — Но не знал, что ее используют для зельеварения.

— Почему бы и нет? — Кристина выудила из тумбочки две толстые, с запястье, заряженные магией свечи. Подумала и достала еще четыре. После ограничивающего ритуала нужно было позаботиться о том, чтобы зелье получило достаточно магии. Иначе оно вышло бы бесполезным. — Все равно плита будет занята.

Микроволновка пискнула, возвещая, что яичница готова. Кристина переставила ее на подоконник — остывать — а в микроволновку тут же сунула блюдо с кусочками горной смолы. Ее требовалось растопить. Потом выстроила перед собой мисочки и ступки, откупорила бутылку дистиллированной воды и принялась за работу.

Она привычно не обращала внимания на происходящее вокруг. На какое-то время из головы даже вылетело, что в полуметре от нее сидит посторонний человек. Магические свечи горели в подставках, закрепленных на стене над плитой, на противоположной стене горел светильник, по кухне плавал ароматный дым, пахнувший терпкой смолой и пряными травами. Кристина перетирала пальцами засушенные цветки и листья, отсчитывала чешуйки саламандры, отмеряла совиные перья и слезы призраков, толкла в ступе комочки сухой земли и молола на ручной кофемолке янтарь. А потом наблюдала, как все это растворяется в зелье без следа. Неаппетитные и несъедобные ингредиенты уже не

существовали, они превращались в магические заряды нужной силы и направления и вплетались в структуру напитка. В готовых зельях никогда не плавала чешуя или шерсть, не скрипела на зубах земля. По вкусу они больше всего напоминали аптечные бальзамы на травах. Только действовали, в отличие от бальзамов, сильнее.

Больше всего требовалось зелья бодрости. Кристина высыпала нужные ингредиенты в мультиварку, залила водой и выставила на режим «Суп». Второе по важности зелье, укрепляющее, она поставила вариться на плиту в трехлитровой кастрюле. Рядом в турке для кофе томилось средство с пафосным названием «Утолитель скорбей». По сути оно было просто разновидностью зелья, смягчающего эффекты проклятий. Кристина надеялась, что подействует.

Она засекла время и наконец вспомнила о госте. Повернулась к нему — и вздрогнула, до того странно он на нее смотрел.

Лещинский сидел, положив подбородок на скрещенные руки, и изучал Кристину взглядом, в котором мешался недвусмысленный интерес и изматывающая, какая-то волчья тоска. От этой несовместимой смеси стало некомфортно. Захотелось то ли поежиться, то ли проверить, не расстегнулся ли домашний халат. Кристина бросила взгляд вниз, но увидела только плотно запахнутые полы и завязанный пояс. Она поспешила отступить в тень.

— Что вы на меня так смотрите?

— Интересно, — невозмутимо ответил Лещинский. Голос звучал обыденно, будто эта душераздирающая тоска Кристине просто померещилась. — Никогда не видел, как готовят зелья... Точнее, видел урывками, но весь процесс от начала до конца — ни разу.

— Да ну? — усомнилась Кристина. Пугающее выражение исчезло из его глаз, и она рискнула сесть на диван напротив. — Прожили сто с лишним лет и ни разу не видели?

— Ну конечно. А вы, смотрю, не соблюдаете это правило? Что посторонним, а тем более мужчинам, при варке зелий присутствовать нельзя?

— Первый раз слышу, — сказала она. — Есть такое правило?

— Вообще-то есть. Все мои знакомые ведьмы его придерживаются, и очень строго.

— Ну, — протянула Кристина. — Бывает. Ваши ведьмы знакомые небось столичные?

— Не только, — он задумался, будто до сих пор не интересовался происхождением своих знакомых. — Из разных городов...

— В общем-то, без разницы. Я знаю, что в столице соблюдают кучу магических правил, а если кто-то обходится без них, это считается дурным тоном. Например, нельзя летать на бытовых приборах и современных изобретениях. То есть на пылесосе, например, летать — это плохой вкус, а на метле — пожалуйста. На коврик — сколько угодно, а на вентиляторе — ни-ни. И почему, если полетные чары одинаково хорошо ложатся на то и на другое?

Потому что предрассудки! — Кристина сама не заметила, как начала не на шутку заводить. Ей разом вспомнились все столичные ведьмы, с которыми она когда-либо пересекалась. Невыносимые особы! Кошмарные снобки с самомнением до небес, считающие, что столичное происхождение делает их магической элитой! — А если вы сунетесь в Санкт-Петербург, в Прагу или в Киев, лучше сразу бегите! Потому что у тех ведьм дурацких правил еще больше. И в каждом городе уверены, что подлинная магия только у них, а все остальные — жалкие профаны!

Лещинский рассмеялся, негромко и понимающе.

— А на самом деле подлинная магия только у вас?

— Подлинная магия у всех, у кого она работает, — Кристина проигнорировала поддевку. — У нас город простой, рабочий, аристократов здесь не водится и вековых традиций нет. Давайте сюда яичницу, а то вы так и будете заговаривать мне зубы, пока она не покроется льдом.

— В аристократах, — заметил Лещинский, — есть определенное очарование и стиль... Но с простыми рабочими ведьмами куда приятнее иметь дело.

— Надеюсь, это комплимент, — прищурилась Кристина, нацеливая вилку на свою часть яичницы.

— Ну разумеется! — уверил ее инквизитор. И уже тише добавил: — Я не так безрассуден, чтобы критиковать ведьму у нее на кухне.

— Что вы сказали?

— Ничего. Помидоров или огурцов не найдется?

...Они собрались спать, когда за окном почти полностью рассвело.

Кристина постелила Лещинскому в зале на диване и выдала в качестве пижамы старый спортивный костюм отца. Инквизитор окинул его таким несчастным взглядом, что Кристина на миг усомнилась, а правильно ли поступила.

— Не волнуйтесь, все чистое, — чуть оскорбленно сказала она. — Но если нужно, завтра заедем в отель за вашей любимой пижамой с зайцами, медведями или с чем там у вас. Лещинский хмыкнул, губы дрогнули от сдерживаемой улыбки.

— То есть вы и завтра собираетесь меня похитить? Не нужно куда-то ехать, вообще-то я сплю без пижамы...

— Конечно, собираюсь. Я похитила вас не для собственного развлечения... Хотя если вы спите нагишом, то отчасти и для развлечения, да. Но главным образом для того, чтобы облегчить вам борьбу с проклятием. — Кристина отбросила спортивный костюм на подлокотник дивана и отправилась на кухню. — Начнем прямо сейчас.

Вслед донесся негромкий смех инквизитора. А Кристина, переключившись на баночку, поймала себя на том, что тоже усмехается себе под нос. Ее приятно встряхивали и бодрили эти легкие пикировки. И ей все сильнее необъяснимо нравился Лещинский. С ним было весело, хотя ситуация не располагала к веселью. Ведьминское проклятие — неважная почва для шуток... Но он так держался, что заставлял забывать об этом. Кристина ценила людей, которые не вымогали сочувствие и не использовали свои ужасающие страдания, чтобы оправдать отвратительный характер. У тех, с отвратительным характером, к слову, и страдания чаще всего были надуманными...

Все это, разумеется, не отменяло необходимости действовать. И если Кристину что-то и бесило в Лещинском, так это его упорное нежелание рассказывать, в чем состоял ключ от проклятия.

Хотя, возможно, ключ был действительно невыполнимым...

Вернувшись в комнату, она застала инквизитора за изучением вида из окна. Двор в этот ранний час был пустынным. Где-то уже шаркал метлой невидимый дворник.

— Сядьте, — сказала Кристина. — Вы когда-нибудь пользовались «Утолителем скорбей»? Лещинский послушно опустился на диван, и она тут же забралась туда с ногами, устраиваясь рядом. Инквизитор скосил глаза на баночку.

— Не приходилось...

— Почему? — искренне удивилась Кристина. — Трудно было попросить какую-нибудь ведьму сварить вам?

Поколебавшись, она коснулась его глаз рукой, заставляя закрыть их. Как покойника, пронеслось в голове. Но «Утолитель скорбей» требовалось наносить на виски и втирать легкими движениями. Кристина просто... опасалась. Опасалась, что, если инквизитор продолжит на нее смотреть, она сделает что-нибудь не то. Мало ли какой порыв может прийти в голову. Ведьмы никогда не отказывали себе в исполнении желаний...

Густое зелье пахло смолой и пряными травами. Она зачерпнула его кончиками пальцев и провела по вискам Лещинского. Тот слегка зажмурился, запрокидывая голову и опираясь затылком о спинку дивана.

Ему нравилось. Складка между бровей разгладилась, губы тронула едва заметная улыбка. Казалось, он наслаждается этими прикосновениями, как лаской. Точно нелюдимый бездомный кот, впервые попавший в дом и настороженно дремлющий на подушке, вздрагивающий от прикосновений, но уже начинающий осторожно мурлыкать. Вот только мысли и желания при виде него возникали совсем не те, какие бывают при виде бездомных котиков... Кристина закусил губу и одернула себя. Ей хотелось его поцеловать. Ведьмы привыкли считаться со своими желаниями. Но не в таких же обстоятельствах! И не в такой совершенно неподходящий момент!

— Было немного не до того, — выдохнул Лещинский, и Кристина с запозданием поняла, что он отвечал на ее вопрос. Отвечал тоже с запозданием. Может быть, устал и медленно соображал.

Порция зелья закончилась. Кристина убрала руки со смесью облегчения и разочарования. Лещинский открыл глаза до того, как она успела вскочить с дивана, и она ненадолго застыла. Его взгляд по-прежнему было невозможно прочитать, но он гипнотизировал, не давая пошевелиться.

— Вы уверены, что вам нужно уходить? — вполголоса проговорил инквизитор. ...промурлыкал. Как тогда, в кафе. Только сейчас эти интонации казались куда более уместными. Подходящими к ситуации.

— Мне нужно...

Аромат зелья вползал в ноздри, дурманил, заставляя реальность и грезы смешиваться и сливаться воедино. Кристина осторожно подалась назад. Гипнотизирующий взгляд позволил ей отодвинуться. Удав не спешил нападать на кролика. Она хотела так же медленно и осторожно встать, но не выдержала и вскочила на ноги, почти отпрыгивая от Лещинского, от неподходящего момента и от своих несвоевременных желаний.

Наваждение рассеялось. Он не стал ее преследовать — только провел рукой по лицу.

Возможно, тоже боролся с наваждением.

— Мне нужно спать, — сказала Кристина. — И вам тоже. Особенно после зелья.

— Спасибо, — ответил он, поднимая на нее глаза. Теперь совершенно обычные светлые глаза, из которых исчезло странное выражение. — И спокойной ночи... Точнее, дня.

Его рука потянулась к переносице в уже знакомом жесте. Кристина покачала головой, но ничего не сказала. Зелью требовалось время, чтобы подействовать.

Она выскочила за дверь, прежде чем успела бы наделать глупостей.

Глава 10. Завтрак для пушки и как не стать им

Кристина отключилась, едва опустила голову на подушку. Даже не успела натянуть на себя одеяло. Она устала. Сначала не выпалась, потом целый день беготни, потом ночной ритуал... Последней связной мыслью стало: «И хорошо, что я его не поцеловала, а то пришлось бы еще час не спать...»

Ее разбудил холод. А еще — непонятное ощущение, будто ноги что-то сдавливает и тянет на себя.

Ощущение было слишком реальным для сна. Тем не менее Кристина еще некоторое время цеплялась за остатки дремы, надеясь, что все странности ей просто мерещатся. Потом «что-то» дернуло сильнее, выкручивая лодыжку, Кристина распахнула глаза...

И завизжала. Потому что увидела, как нижняя половина тела скрывается в дуле черной, матово поблескивающей и неизвестно откуда взявшейся в ее комнате пушки!

Завизжала — и не услышала собственного голоса. Ее пробил холодный пот, сон бесследно исчез. Она снова попробовала крикнуть — ни звука. Дернулась, ударила по пушке рукой, попыталась второй рукой уцепиться за спинку кровати, ногти царапнули по дереву... Без единого звука!

Вокруг будто воцарился вакуум. Тот, который засасывал Кристину внутрь пушки, как в гигантский пылесос. Опомнившись, она принялась ткать магический узор, иступленно орудуя обеими руками. Узор за узором — взрывной, грузоподъемный, даже полетные чары... но ничего не действовало!

Наоборот. Чем сильнее Кристина размахивала руками, чем больше оскудевшей магии вкладывала в попытку колдовать, тем сильнее ее влекло в пушечное дуло. Происходящее казалось кошмарным сном. Слишком невозможно, слишком нереально. Но невозможная пушка посреди спальни продолжала неумолимо тащить Кристину внутрь.

— На помощь! — изо всех сил закричала та, но снова не услышала собственного голоса.

Внутри пушки что-то утробно загудело, с каждым мгновением все громче и громче. По комнате замелькали тени — Кристина рассмотрела небольших полупрозрачных существ. Они собирались вокруг пушки, будто ждали чего-то, что вот-вот произойдет. И делались все яснее, все четче, теряли прозрачность, обретали форму... Уже не надеясь на магические узоры, Кристина схватилась руками за края дула, чтобы попробовать выкарабкаться...

Руки погрузились в металл, как в мягкий пластилин. Но она больше не смогла их выдернуть!

Пушка засасывала ее всем своим корпусом. А странные существа ждали... обеда?

Ждали, пока Кристину переварят им на радость?!

Ее захлестнула паника. Черт, не может она так нелепо погибнуть! Или это устройство не убивает? Что оно делает — превращает ведьм в союзниц Марианны Бойко?! Но даже злость на преступницу, помноженная на злость на саму себя, неспособную ей противостоять, не помогала. Руки больно вывернулись, Кристина снова беззвучно закричала...

Щелчок ручки и стук двери показались громом небесным в этом царстве тишины.

На пороге оказался Лещинский. Он вскинул ладони и хлестнул волной антимагии, накрывая всю комнату. Существа возле пушки замерли, будто кто-то остановил пленку, на которой они бегали и суетились. Пушка глухо чихнула... и продолжила свое черное дело!

Лишь через пару секунд Кристина поняла, что это был первый звук, который издало чудовищное устройство. Она снова задергалась, пытаясь вырваться. Руки ужасно болели, стиснутые за спиной и вывернутые под неестественным углом. Лещинский стоял, прижавшись спиной к стене, и бомбардировал пушку антимагией волна за волной. Кристину охватила слабость. Она нарастала, перед глазами заплясали мушки. Твердый металл дула будто плавился, мерзко облепляя тело. Пушка сменила стратегию, теперь она не засасывала, а заковывала жертву в подобие кокона. Теплый металл полз выше, выше по коже, добирался до рта, до глаз...

Еще одна волна антимагии обрушилась от двери, и Лещинский метнулся к Кристине, подхватывая ее под руки. Тиски размягчившегося металла разжались, но тут же снова начали твердеть. На миг показалось, что дуло пушки — это зубастая пасть чудовища. С огромными острыми клыками, пытающимися перекусить жертву пополам, жаждущими прожевать ее, чтобы насытить бездонную утробу. Вот клыки лязгнули...

Иллюзия пропала. Пушка снова стала пушкой, а Кристина вновь смогла пошевелить ногами.

Она сидела на полу и едва соображала, что происходит. Лещинский, вытащив ее, продолжил странное сражение. Он темным силуэтом маячил перед глазами, и Кристина едва различала его сквозь туманную пелену, затягивавшую обзор. Он хлестнул еще одной антимагической волной, и пелена стала еще мутнее. Руки, которыми Кристина опиралась о пол, подломились. Она упала ничком. Попыталась подняться — и не смогла...

Да это же из-за антимагии! Он выпил из всего живого вокруг себя столько магии, что даже Кристина обессилела. А пушка...

Пушка продолжала кровожадно раздувать дуло.

«Что ты за тварь?» — еще успела подумать Кристина, прежде чем пелена заволокла мир полностью, и наступило блаженное ничто.

Она очнулась на кровати. На собственной кровати, откуда ее недавно так нагло выдернули. Дернулась, подскочила, панически озираясь, увидела пушку и отшатнулась... но пушка не двигалась.

Кажется, Лещинскому все-таки удалось ее одолеть, подумала Кристина, падая обратно на подушки.

Точно почувствовав, что о нем вспомнили, инквизитор возник в дверном проеме. В руке у него была чашка. Когда он подошел и протянул ее Кристине, та с удивлением узнала собственноручно сваренное укрепляющее зелье.

— Выпейте, — спокойно велел Лещинский, пододвинул к кровати стул и оседлал его. —

Простите, что пришлось забрать вашу энергию. Она восстановится, — он взглянул на часы на стене, — к завтрашнему вечеру. Волновая атака не позволяет выбирать, против кого воздействие. А на более слабые атаки эти твари не реагировали.

Кристина приподнялась и осушила чашку. Затем с трудом подтянулась на руках и села на кровати. Голова гудела, как при головокружении, но не кружилась. Однако мир почему-то все равно покачивался на волнах, а предметы танцевали перед глазами, то приближаясь, то отдаляясь.

— Что это были за твари? — спросила она.

Зелье начало действовать. Взгляд прояснился, очертания мебели стали отчетливее, остатки мушек ушли из поля зрения. Пушка никуда не исчезла. А Кристина уже начала надеяться, что это была галлюцинация... Но старинное оружие неуклюже возвышалось посреди комнаты. А вокруг него...

— Мать-магия! Вы что, не развоплотили их? А если они сейчас бросятся?!

Кристина снова подскочила на кровати. Она заметила тех существ, которые окружали пушку.

Они напоминали бурдюки на тоненьких, как нарисованные ручкой палки, ножках. Шей не было, как и голов, глаза и щели ртов располагались в верхней части черного «бурдюка». Сейчас все глаза тупо таращились перед собой невидящим взглядом.

Лещинский вскочил и подошел к ближайшему существу. Кристина нехотела обратила внимание, что из одежды на нем только брюки от спортивного костюма. И что мышцы на руках не бугрятся, но все-таки перекачиваются под кожей, а плечи хочется потрогать... Она моргнула. Инквизитор присел на корточки перед тварью.

— Заглоты, — сказал он. — Уникальные в своем роде существа. Их силы в чем-то схожи с нашими, инквизиторскими. Они тоже обладают и магией, и антимагией. Только антимагии больше, и с ее помощью они могут питаться магией жертв. Ограничительные ритуалы на них не действуют. Но сейчас они не бросятся, мне удалось парализовать их силы.

— Отлично, — выдавила Кристина. — То есть вы... то есть они... Вы знали, что они существуют! Я впервые такое вижу! — Она совладала со ступором, теперь слова лились потоком. — Вы заставили провести ритуал, лишили нас возможности защититься, и эти твари смогли напасть! Почему вы хотя бы не предупредили?

— Потому что в магической фауне вашего города их нет и никогда не было, — ответил Лещинский, поднимаясь. — Как и ни в одной другой магической фауне. Заглоты водятся только в одном месте — в заповеднике при столичном управлении инквизиции.

— О...

Кристину будто ударили под дых. Она переводила взгляд с неподвижной твари на Лещинского и обратно, не зная, что сказать. Никто из делегации не мог притащить заглота с собой. Ни одного. Она сама встречала гостей. Разве что, пока ведьмы отвлеклись на делегацию, где-то в другой части Города открылся другой портал, и какая-нибудь пособница сектантов или даже сама Марианна Бойко стабилизировала его, впуская в Город инквизитора-ренегата со стаей заглотов в сумке. Других объяснений, почему заглоты оказались в Городе, у Кристины не было. И судя по задумчивому лицу Лещинского, у него тоже.

— Техногенную катастрофу придется отложить, — сказал он. — Может быть, она и не понадобится, если мы что-то узнаем. А мы с вами отправимся в столицу сегодня же вечером и попробуем выяснить, кто и как мог протащить их сюда.

— Я? — изумилась Кристина. — Но...

— Этот удар был направлен лично против вас, — Лещинский кивнул на пушку. — Секта считает вас серьезным противником. Если я улечу без вас, никто не помешает им ударить повторно.

— Господи, — только и проговорила Кристина. Ее затрясло. Пока еще не сильно, легким напоминанием о пережитом потрясении. Но слишком ощутимо, чтобы не обращать внимания. Секта считает ее серьезным противником? Ее? Ведьму, которая в последние сутки только и делала, что поражалась и ужасалась возможностям сектантов? Да где они рассмотрели серьезного противника?

Потом пришла злость. На себя. На то, что малодушно уступила превосходство врагу, пусть пока что только в мыслях, за то, что испугалась, а не впала в праведную ярость. Ее Город никогда не пасовал перед противниками! Он выстоял в Великую Отечественную, выдержал сотни потрясений и до, и после нее и наделял магией тех, в ком чувствовал такую же силу! А она, Кристина, только что чуть не предала этот дар. Нет, она не будет бояться! Если секта хочет войны, то получит ее! Отличную свеженькую войну с иголки, с пылу с жару — мало не покажется! А если Марианна Бойко попробует протянуть лапы к главе ковена... Она еще не знала, что сделает. Но решимость внушала оптимизм. Кристина встала, чувствуя, что пол перестал ходить ходуном. Шагнула к пушке, чтобы осмотреть получше... и поняла, что переоценила свою смелость.

Из глубины дула щерились длинные острые клыки. Точно такие, как почудились ей в том видении, когда пушка жадно затягивала в себя ее тело. Мощные, злобные, беспощадные... Кристина уставилась на них, как зачарованная. А ведь ее ноги совсем чуть-чуть не достали до них. На какой-то десяток сантиметров, если не меньше. Мать-магия...

— Это тоже заглот? — пробормотала она внезапно охрипшим голосом. — Оно плотоядное?

— Нет. Оно бы не съело ваше тело, — ответил Лещинский. — Сегодня вечером или завтра утром вас бы нашли мертвой и диагностировали гибель от полного магического опустошения. Заглоты питаются магией.

Он помолчал. Кристина, замерев, продолжала всматриваться в дуло. Оно намертво приковало к себе взгляд — и захочешь, не оторвешь.

— Эта пушка — конденсатор. Особенно сильные заглоты могут превращать подходящие предметы в такие... орудия, облегчающие жизнь. Человек пропускает яблоко через соковыжималку и получает сок, заглоты пропускают мага через конденсатор и получают чистую энергию, — добавил Лещинский. — И по-моему, я где-то ее видел совсем недавно. Она кажется знакомой. Вы ничего не припоминаете?

Его голос доносился, как сквозь вату. В ушах зашумело, перед глазами снова заплескали мушки. Но на этот раз ноги держали крепко. Кристина не собиралась снова терять сознание, на нее просто накатилась новая волна паники. Она представила, что было бы, если бы вчера Лещинский сопротивлялся чуть активнее. Если бы ей самой была чуть более безразлична его судьба, и она не притащила бы инквизитора к себе домой. Если бы случайные события и спонтанные решения выстроились в какую-нибудь другую цепочку, отличающуюся одним-единственным звеном...

— Кристина? Кристина!

Она едва осознала, что ее взяли за плечи и развернули, заставляя отвести взгляд от клыкастого пушечного дула. Только через несколько долгих мгновений поняла, что перед глазами уже не конденсатор заготов, а обнаженное плечо инквизитора, и заморгала, как разбуженная сова.

— Испугались? — сочувственно спросил Лещинский. Кристина не сразу вспомнила подходящее слово, чтобы ответить. Память коварно прятала известные слова, оставляя на поверхности сплошные междометия.

— Нет... Задумалась, — пробормотала она.

— Вы видели эту пушку раньше? Или похожую?

Кристина моргала. Стоило на миг прикрыть глаза, как перед ними вновь вставали острые клыки. Лещинский слегка сжал пальцы на ее плечах.

— Знаете, кажется, вам нужно отвлечься, — произнес он.

Нет. Промурлыкал. Снова. И Кристина отвлеклась. Сначала на инквизитора, потом на себя и на свою ненормально сильную реакцию на этот его тон... но оказалось, что план по ее отвлечению простирался несколько дальше.

Потому что Лещинский осторожно приподнял ее голову за подбородок и коснулся губ своими.

От удивления Кристина приоткрыла рот. А потом сама не заметила, как начала отвечать на поцелуй.

Ее руки словно сами собой легли на плечи Лещинского. По телу побежало тепло, изгоняя мерзкую нервную дрожь. Инквизитор целовал ее сначала осторожно, дразнящее, но с каждым мгновением Кристина чувствовала, как он все сильнее увлекается. Она и сама увлекалась. Сомкнув веки от удовольствия, она подалась ему навстречу и впустила язык в свой рот. После — может быть, секунду спустя, а может, вечность — обнаружила, что обнимает Лещинского, зарывается пальцами ему в волосы и прикусывает нижнюю губу, провоцируя на большее...

Когда поцелуй закончился, оба тяжело дышали, как от быстрого бега. Кристина посмотрела Лещинскому в глаза. В них медленно и нехотя гас огонь вождения, уступая место трезвости и расчету.

Интересно, вся эта сцена с начала до конца была чистым расчетом? Что-то не похоже...

Кристина убрала руки. Лещинский тоже разжал объятия, отпуская ее.

Слишком неохотно для просчитанного представления.

— Вы правы, — проговорила она, отворачиваясь. — Я видела эту пушку. И вы тоже ее видели. Совсем недавно. В историческом музее.

Из-за спины послышался изумленный смешок. Инквизитор неслышно шагнул к Кристине и обнял ее за плечи сзади. Тепло его кожи обжигало сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Хорошо, что в шкафу завалялась красивая рубашка, а не тот мешок, в котором Кристина привыкла спать. Как чувствовала. Она рассмеялась своим мыслям.

— Рад, что вы отвлеклись, — Лещинский проложил дорожку поцелуев вдоль ее шеи, и по телу побежали мурашки. — А теперь о поездке...

— Уверены, что хотите говорить именно о поездке? — не выдержала Кристина. Его рука скользнула по ее животу и остановилась на бедре.

— Да, — выдохнул инквизитор над ухом. — К сожалению, уверен...

Он отступил на шаг и продолжил уже деловым тоном:

— Сейчас половина пятого вечера. Максимум к семи мы должны вылететь в столицу. Что до техногенной катастрофы... наверное, лучше поручите нескольким ведьмам разведать обстановку, пусть посмотрят на те аварийные дома, которые вы собирались обрушить, и на стройку. Пусть все подготовят, чтобы при необходимости мы справились за несколько часов. И еще: не стоит вам пока ездить по городу в одиночку. Я поеду с вами в офис, оттуда за билетами на самолет. Не оставайтесь в одиночестве. Наедине с кем-то из ведьм тоже лучше не оставаться. Соберите компанию побольше.

Кристина тряхнула головой. Половина пятого? Черт, уже почти вечер. И тягучее, как смола, очарование момента улетучилось. Того момента, где она с Лещинским оказалась в другом измерении, вдали от забот и опасностей...

— Погодите, — опомнилась она. — Почему не оставаться наедине? Думаете, кто-то из моих ведьм подыгрывает преступнице? Или она маскируется под кого-то...

— Не исключено. Вчера я опросил их, но всегда лучше подстраховаться.

— А Лешкины колдуны? Черт, Лешка! — ужаснулась Кристина, только вспомнив о нем. — На него тоже могли напасть?

Не вслушиваясь в ответ, она бросилась к телефону и принялась набирать номер. Слова инквизитора пробились сквозь заслон беспокойства одновременно с голосом главы ложи:

— Вообще-то я сплю еще!

— ...они не нападают на несколько жертв сразу, потому что не могут переварить столько энергии. Им нужен интервал в два-три дня...

— Эй, — недовольно пробурчал Лешка. Когда его будили, вся обходительность и вежливость куда-то исчезали. — Стоило меня дергать, если ты меня даже не слушаешь!

— Хорош спать, — в тон ему ответила Кристина и на всякий случай коротко рассказала о заглотах. — Сиди у себя в ложе и не высывайся. Лучше забаррикадируйся, хотя это не поможет. Я еще позвоню.

Она повесила трубку под Лешкины возмущенные вопли.

— Вряд ли заглоты нападут на него, пока не добрались до вас, — прокомментировал инквизитор. — Но предупредить стоило. Давайте собираться, Кристина, не будем терять времени. — Он усмехнулся краешком губ. — Если хотите, могу приготовить яичницу. Через полчаса они выбрались из дома. Было не по себе оставлять там бездвиженных заглотов, но Лещинский обещал вернуться и забрать их. Кристине пришлось выдать ему запасные ключи. Еще одна деталь прибавилась к мозаике под названием «иллюзия совместной жизни». Теперь, когда Кристина успокоилась, выпила кофе и вернула себе ясность ума, ей вновь стало интересно, куда заведет эта иллюзия. Пожалуй, даже интереснее, чем раньше.

Кофе варил Лещинский. Оказалось, что он умел это делать очень недурно.

— Может, лучше сначала заглянуть в музей? — Кристина хлопнула дверцу машины и завела двигатель. — Вылететь в столицу сможем завтра утром. Если вообще будут билеты. У заглотов была с собой заколдованная пушка из музея! Раечка не ошиблась, там действительно орудует секта! И я понятия не имею, что можно там делать, почему именно эта пушка и что за ерунда творится в моем городе!

— Билеты будут, — уверенно ответил инквизитор. — В музей обязательно наведаемся, но позже. Сначала — заповедник с заглотами. Я должен точно знать, кто из инквизиции помогает секте... и если не помогает, то в чем тогда дело.

— Вы же говорили, у инквизиции иммунитет к внушению, — не удержалась Кристина. Машина свернула из двора на дорогу и влилась в поток автомобилей, к вечеру стремительно густеющий, как патока на огне.

— К магическому. Против сознательного перехода на сторону секты мы бессильны, — вздохнул Лещинский. — Правда, до сих пор, насколько я знаю, сектанты не пытались

вербовать инквизиторов. Тогда им бы пришлось рассказать, чего они добиваются, а это слишком большой риск. Но все случается в первый раз.

— И если у вас иммунитет к магическому внушению, то как вы умудрились поймать проклятие? — спросила Кристина.

Лещинский коротко рассмеялся. Она как раз вписывалась в сложный поворот и не могла взглянуть на его лицо, но отчего-то казалось: там досада.

— Это к делу не относится.

— Относится. Вас прокляла Марианна Бойко? За что?

— Неправильный вопрос, — ровным голосом ответил инквизитор. — Ни одна ведьма не является воплощением правосудия и не может карать или вознаграждать «за» что-то.

Правильный вопрос — почему. На него легко ответить. Потому, что представлял для нее опасность. Потому, что если бы не был ослаблен проклятием, мог поймать ее куда быстрее. Ваше любопытство удовлетворено?

Кажется, он вышел из себя. Хотя будь на его месте кто-то другой, Кристина бы не догадалась. Он не повысил голос, не источал язвительность и не сыпал обидными замечаниями. Просто ушел еще глубже под свой ледяной панцирь. Голос утратил интонации, стал монотонным, как у робота, а сам инквизитор изваянием застыл на пассажирском сиденье.

Только Крестину этим было не пронять.

— Нет, — ответила она. — Почему она прокляла именно вас, а не кого-то из других высших? Почему на вас подействовало проклятие, если у вас невосприимчивость к магическим воздействиям?

— К внушениям. Проклятие — не внушение.

— А первый вопрос? Почему именно вас?

— Как я уже говорил, это к делу не относится.

Машина угодила в «тянучку», и Кристина смогла сначала покоситься на Лещинского, а потом взглянуть внимательнее. Теперь он сидел с постной физиономией, на которой читался тщательно скрываемый... азарт? Черт, этого человека невозможно понять. Сначала он злился и досадовал, что она его допрашивает, а теперь, по-видимому, решил отнестись к этому, как к игре. Кто кого переупрямит. И судя по тому, что он был экзекутором, у него, наверное, накопился немалый опыт в этой игре.

«Просто скажи уже», — раздраженно подумала Кристина, впиваясь ногтями в оплетку руля.

— Можно подумать, что вам пять лет, а я допытываюсь, под каким деревом вы спрятали свою любимую машинку, — сказала она. — Чем больше упорствуете, тем сильнее я убеждаюсь, что какой-то секрет все же существует.

— Если проклятие меня доконает, — серьезно ответил Лещинский, — я завещаю вам свой антимагический дар. Станете экзекутором. Будете проводить допросы — скоро все преступники раскаются и стройными рядами отправятся по тюрьмам.

— А что, можно завещать дар? — раскрыла рот Кристина, ненадолго отвлекшись от зудящей тайны.

— Нет. Но вас, кажется, не смущает невозможное.

Она снова покосилась на него. Инквизитор ухмылялся. Чтоб тебя!..

— Ладно, — буркнула Кристина. — Так и быть, первый раунд за вами. Но не думайте, что я успокоюсь.

— Ни в коем случае, — еще серьезнее заверил он.

...Окна в офисе ярко светились. Ковен работал, даже когда главная ведьма отсыпалась.

Убедившись, что Кристина целой и невредимой вошла в холл, а в холле на диване пьют кофе другие ведьмы, Лещинский улетучился. Она недовольно посмотрела ему вслед.

Интересно, зелье честности на него подействует? Вряд ли. Оно работало как следует только с простыми людьми.

Потом Кристина повернулась к ведьмам, восседающим на диване со стаканчиками кофе в руках. И оторопела.

Из-под дивана медленно-медленно, едва переставляя лапы, выполз маленький полосатый котенок.

Зверек пошатывался, будто вот-вот собирался упасть, его глаза закрывались от слабости, шерстка слиплась и неопратно торчала в разные стороны. Котенок попытался сесть, и у него даже получилось, но тщедушное тельце кренилось набок... А ведьмы — вездесущие Лера с Катариной — продолжали безмятежно пить кофе!

Нет. Не так уж безмятежно. Заметив появление котенка, они панически переглянулись, да так и застыли, как под взором Медузы Горгоны. Лишь через несколько мгновений Лера повернула голову и робко покосилась на Кристину.

— В чем дело? — спросила та. — Откуда у нас больное животное и почему никто не отвезет его в клинику?

— Это... — начала Лера и замялась. Наверное, правдоподобное объяснение не желало придумываться даже после порции кофе. Катарина комкала наманикюренными пальцами край тонкого пушистого голубого свитера.

А котенок все так же медленно-медленно, пошатываясь, приподнялся на задние лапы, вытянул вверх передние... и на левой тускло вспыхнул миниатюрный огненный сгусток! Кристина зажмурилась. Запоздалое понимание осенило ее, когда места для сомнений уже не оставалось.

Таинственные отлучки Катарини и Леры, их попытки накормить кого-то кошачьим кормом, загадочная темная тень, метавшаяся по холлу, когда Кристина заглядывала под диваны... Ожог на руке Лещинского. «Одно мелкое и недружелюбное существо»... Что ж, теперь она выяснила, что это было за существо. Выяснила только теперь, когда оно ослабело после ритуала.

— Понятно, — сказала она. — И почему вы не вернули этого... персонажа на его рекламный плакат?

— Как это почему? — хором вскричали ведьмы. Они уже не сидели съезжившись. Наверное, теперь, когда их тайна всплыла на поверхность, поняли, что бояться, в общем-то, нечего.

— Как это почему? — повторила Катарина. — Вы только посмотрите, какой он ми-илый! Кристина с сомнением уставилась на котенка. Тот раскрыл пасть и зашипел — совсем как настоящий. Показались небольшие, но острые шильца-клыки. Котенок взмахнул лапой, и огненный сгусток полетел в Кристину, но погас на полпути.

— Очень милый, — согласилась она. — До ограничительного ритуала, я смотрю, он намного успешнее швырялся файерболлами?

Ведьмы промолчали, смятенно переглядываясь. Они не могли понять, злится начальство или уже простило их скрытность. Кристина и сама не знала. Ей было смешно. Смеяться мешало только то, что котенок был далеко не единственной и не самой главной проблемой, а остальные проблемы не желали отодвигаться на задний план. В холле тем временем собралась небольшая толпа.

— Из какой он хоть рекламы? — пробормотала Кристина, не в силах решить, что теперь делать. Еще позавчера она бы без тени сомнения отправила зверька обратно на его рекламный плакат, но теперь... Да, Катя с Лерой были правы. Милый. Все равно что живого котенка убить...

— «Мурискас», — призналась Лера. — Знаете, слоган у них — «Корм для умных кошек»? И котенок на бигбордах нарисован. Ну вот и...

— Кристина Сергеевна, — подала Катя жалобный голос. — Пусть он остается, а? Он же такой няшный! И совсем безвредный!

Зверек, точно поняв, что решается его судьба, притих, перестал шипеть и больше не пытался бросаться огненными шарами. Он сжался в комочек, печально опустил голову. На пол упала большая прозрачная слеза...

— Он магическое существо, — упрямо сказала Кристина. — Вам рассказывали, я надеюсь, что сектанты могут переманивать на свою сторону любых магических существ? — Она потеряла все еще ноющий после приключения с пушкой локоть и добавила: — Недавно я сама в этом убедилась.

Котенок яростно фыркнул — и тут же снова съезжился, сообразив, что вышел из образа. Кристина хмыкнула.

— Это значит «я не продаюсь»?

Котенок быстро-быстро закивал совершенно по-человечески.

— Ты гляди, и правда умный, — вздохнула она и присела на корточки. — Значит, слушай, умный. Можешь оставаться, если будешь вести себя, как обычный кот. Спать, есть, скакать по потолку, ходить в лоток. Если попробуешь связаться с сектой... Думаю, ты уже знаешь, что такое секта. Так вот, если попробуешь... вернешься на свой бигборд в ту же минуту! Понял?

Котенок фыркнул. Потом важно кивнул. Потом почесал ухо ногой, отряхнулся и вальяжно направился в дальний угол холла, где на купленной специально для нее собачьей кровати спала Раечка. Собаку нимало не тревожил шум и разговоры. Котенок обнюхал ее, чихнул и вскарабкался на спину, где безмятежно свернулся клубком.

— Ура! — завизжала Катя и полезла к Кристине обниматься. Та едва успела отшатнуться. Катарина схватила руками пустоту и недоуменно моргнула.

— А меня? — протянул с порога Яржинов, возникая из коридора. Ведьмочка ответила высокомерным взглядом.

— Кристина Сергеевна, — сказал он, мигом становясь серьезным. — Мне велели... В общем, если вам нужно будет куда-то ехать, берите меня с собой.

— Ладно, — кивнула она. — Кстати, съездить нужно... Девочки, где Эля?

— Ушла за булочками, — услужливо сообщила Лера. — Сбежать позвать?

Она тоже смотрела на Кристину влюбленным взглядом. Периодически оглядывалась на котенка, и тогда выражение ее лица делалось до смешного умильным. Кристина не знала, раздражаться ей или смеяться.

— Куда ты сбегашь — в булочную? — буркнула она. — Сейчас вернется.

В булочной при супермаркете неподалеку всегда продавали свежую, мягкую и ароматную выпечку, которая была слабостью Эли. Скоро ведьма возникла на пороге холла с бумажным пакетом. Отозвав ее в сторонку, Кристина рассказала о своих планах. Чтобы устроить управляемую техногенную катастрофу, требовалась помощь опытной и умелой ведьмы, которой можно было доверять.

— Обрушить дома? — переспросила Эля, вгрызаясь в слойку с вареньем. — А, это те на углу Ленина и Парковой? Ха! Мне нравится. Хочешь сказать, инквизитор это одобрил?

— Да он сам это предложил, — фыркнула Кристина. — Говорит, после техногенных катастроф легче выманивать сектантов.

— Псих, — констатировала Эля. — Но симпатичный псих. Мне он нравится. Вот как зыркнет своими глазищами, так и нравится!

— Элька, ты замужем! — рассмеялась Кристина, принявшись к пакету. Кажется, там завалилась булочка с корицей... Интересно, можно ее забрать, пользуясь начальственной властью?

— Зато ты — нет, — немедленно отреагировала Эля, пристально взглянув на нее. — Так что я бы советовала...

— Знаю я, что ты советуешь, — не дослушала Кристина. — Поехали лучше, посмотрим поближе на те дома. Нужно рассчитать силу воздействия, чтобы люди успели выйти и забрать вещи.

— Ладно... Если у нас хватит сил на что-то воздействовать, — с досадой вздохнула Эля.

В компании Яржинова, который в кои-то веки не сидел уткнувшись в телефон, они отправились в старый квартал на углу центральных улиц. Квартал выглядел пугающе.

Старинные четырехэтажные дома, когда-то красивые, с изящными очертаниями и капризно-витиеватой лепниной фасадов, теперь словно явились из фильма ужасов.

Кристина нервно потрогала пальцем одну из стен, опасаясь, что та вот-вот рухнет. А ведь здесь жили люди... За светящимся окном первого этажа висели жалюзи, мелькали силуэты... Многие наверняка не захотели бы выезжать, если бы у них кто-то спрашивал. Кристина надеялась только, что таких жильцов не очень много.

Лещинский вернулся, когда они с Элей приканчивали по третьей чашке кофе и по уши погрузились в обсуждение стратегии. Когда лучше начинать, какие стены и каким узором лучше повредить... Он стремительно вошел в кабинет Кристины и склонился к ней, наплевав на то, что шептаться при посторонних невежливо.

— Самолет через полчаса, — сказал он. — Поспешим. И еще кое-что: в городе полно заглотов.

— Что? — ахнула Кристина, рывком поворачиваясь к нему.

Глава 11. В гостях у президента

— Не кричите. Пойдем, — сказал инквизитор и почти потащил Кристину за собой. — Такси ждет. Ваша машина пусть остается здесь, ни к чему светить ее у аэропорта, — выйдя в коридор, он заговорил чуть громче. Кристина едва успела оглянуться на Элю и махнуть ей на прощание. Дверь кабинета захлопнулась за ними. — Заглоты ищут что-то. Или кого-то. Второе вероятнее. Судя по всему, они ищут вас. Насчет меня — не уверен, но это не исключено. Так получилось, что я отпугнул их до того, как выяснил точно.

— Так, помедленнее, — она потрясла головой. — Ищут меня?!

— Да, — безжалостно подтвердил инквизитор. Кристина поежилась, представив, как заглоты хватают ее в аэропорту. Интересно, какой предмет они заколдуют, чтобы превратить в этот, как его... резонатор? Могут они заколдовать целый самолет?

— Да черт, зачем они ко мне привязались? — в сердцах бросила она.

В полутьме двора ждало неприметное такси. Лещинский открыл дверцу, впуская Кристину, и сел рядом на заднее сиденье. Водитель молча тронулся с места, видимо, уже зная, куда ехать.

— Если вас это утешит, ко мне они привязались тоже, — усмехнулся инквизитор. —

Похоже, наш... гм... тандем сектантам не по нраву. — Водитель подозрительно покосился на них через плечо, и Лещинский заговорил тише. — Я отвлек их внимание, этого должно хватить, чтобы мы улетели незамеченными.

— А как их отвлечь? — Кристина уцепилась за призрачную ниточку надежды. Перспектива до самого конца расследования жить, опасаясь нового нападения, вызывала у нее откровенный ужас.

— Использовать их обездвиженных собратьев.

— Что, и все? Они разве еще не ожили? И заглоты вот так просто берут и забывают, что им поручили, когда это видят?

— Не совсем, — отчего-то смутился Лещинский. — Если убить у заглота мозг, существо живет еще пару часов, хаотично двигается и вносит сумятицу в ряды себе подобных... Когда оно обездвижено, мозг убить легко. Хотя нежелательно. Все-таки редкий вид.

— Тьфу ты, — вырвалось у Кристины. Она пожалела, что начала допытываться. Теперь перед глазами стояла еще и картина агонизирующих заглотов. — Спасибо хоть за то, что убрали их из моей квартиры. А пушка еще там?

— Я оставил ее в сквере у музея. Заглоты не смогут ею воспользоваться еще часов двенадцать.

Они успели за несколько минут до окончания посадки на самолет. Наученная опытом, Кристина не спрашивала, как инквизитор достал билеты. Чего доброго, окажется, что убил мозг еще у кого-нибудь.

Она устроилась в кресле, посмотрела в иллюминатор, за которым сустились сотрудники аэропорта. Самолетов она не боялась, но всегда задавалась вопросом, а успеет ли наложить на что-нибудь полетные чары, если самолет начнет падать? Наверное, зависит от высоты, скорости падения, скорости разрушения...

— Никогда не была в столичном управлении инквизиции, — сказала Кристина, отворачиваясь от иллюминатора. — И где там заповедник?

— А само столичное управление когда-нибудь видели? — вдруг заинтересовался Лещинский.

— Не приходилось...

Кристина и в столицу-то выбиралась всего пару раз в жизни — посмотреть. И еще пару раз бывала там проездом, когда путешествовала на поезде. Особых восторгов, как и отвращения, столица не вызывала. Разве что магические существа там были поспокойнее, да еще ведьмы считали себя пупом земли.

— Здание администрации президента знаете?

Кристина удивленно кивнула. Это здание знали все, кто хоть раз в жизни смотрел по телевизору новости. Его угрожающую громаду показывали каждый раз, сообщая о новых

поездках и встречах главы государства. Иногда на заднем плане мелькала ведьма, внедренная к тому в качестве жены...

— Ну вот центральное управление занимает этажи с восьмого по десятый. На одиннадцатом и двенадцатом у нас заповедники, исследовательские центры и прочее.

— Что?!

Кристине не хотелось спать, но она словно проснулась. Раскрыв рот, уставилась на инквизитора:

— Там же всего семь этажей.

— Ну конечно, семь, — широко улыбнулся он.

— Да, — пробормотала Кристина через некоторое время. — Полезно иногда кататься в столицу по делам...

Лещинский негромко рассмеялся. Кристина искренне надеялась, что он смеется не над невежеством провинциальной ведьмы. Хотя даже если и над невежеством — какое ей до этого дело? Ведьму не должно волновать, что о ней думают другие.

Полет до столицы занимал почти два часа. В салоне стоял легкий гул, успокаивающий, убаюкивающий. В иллюминаторы заглядывала ночь. Кристина, в общем-то, выпалась, несмотря на экстремальное пробуждение, но теперь сама не заметила, как задремала.

Проснулась, только когда тональность гула изменилась — самолет пошел на посадку.

— Надеюсь, парочка заготов не будет нас ждать прямо в аэропорту, — произнесла она, протирая глаза. — И вы не сказали, что мы будем делать. Прямо сейчас поедем в управление инквизиции? А потом?

Часы показывали половину одиннадцатого вечера. В офисе ковена в такое время уже не было никого, кроме пары ведьм-охранниц, совмещавших эту должность с обязанностями ночных дежурных. А между тем, кажется, именно ночью происходило самое интересное. Нет, определенно нужно менять график. Вот вернется Кристина в город — и поменять немедленно, установить круглосуточный рабочий режим, и чтобы каждая приходила на работу в то время, когда ей удобнее...

— Да, наведемся туда сейчас, а дальше — зависит от того, что мы узнаем, — кивнул Лещинский. — Ближайший самолет в Город — только в десять утра. В крайнем случае заночуем у меня, должен же я отплатить за гостеприимство. Но я сомневаюсь, что мы ничего не узнаем.

Когда он говорил о гостеприимстве, Кристина с подозрением взглянула на него.

— Боюсь представить, что же мы узнаем, — вздохнула она.

...Столица встретила сырым прохладным ветром. Недавно прошел дождь, и в воздухе все еще разливался запах мокрого асфальта, смешанный с острой терпкой свежестью. В здании аэропорта еще царило оживление, но какое-то рваное, замирающее в первых зевках и заторможенных сонных паузах посреди разговора. Зато магический фон города был нетронутым, не связанным ритуалами. Здесь даже дышалось легче... Выйдя на улицу, Кристина прикрыла глаза и несколько мгновений просто наслаждалась осознанием чистой неограниченной силы... пока не заметила, что в нее вплетается что-то еще.

Что-то... знакомое.

Даже не поймешь, хорошее или плохое и вплетается ли вообще. Просто некий флер непонятной энергии. Хотя Кристина вообще-то не отличалась чувствительностью к энергетическим потокам. Возможно, эта чувствительность проснулась, стоило попасть из Города с угнетенной магией в столицу со свободной. Или здешний фон всегда таким был, просто Кристина раньше не замечала. Или...

Она оглянулась на Лещинского, уже собираясь спросить, но тут же закрыла рот. Она просто не знала, как объяснить свое ощущение, потому что сталкивалась с подобным в первый раз. Неподалеку от аэропорта томились таксисты в ожидании клиентов. Лещинский кивнул одному из них и жестом позвал Кристину к автомобилю с шашечками.

— Вы вообще знаете, что в таких местах они ломают втридорога? — проворчала она.

— Вряд ли в три. Раз в пять, не меньше, — прикинул инквизитор. — Но я бы предпочел попасть в управление поскорее.

Он произнес это абсолютно серьезно, но Кристине снова почудилось, что он смеется над ней. Пожав плечами, она села в машину.

В здании администрации президента светилось несколько окон на разных этажах. На крыше едва заметно мерцали то ли антенны, то ли еще какие-то устройства. Кристина запрокинула голову и всмотрелась в ночное небо, пытаясь увидеть дополнительные несколько этажей.

— Пойдемте, — подошел к ней Лещинский. — Там примерно те же маскировочные чары, что и на вашем «Фонарике». Побывав в управлении однажды, ведьма или колдун сможет попасть туда в любое время без посторонней помощи.

Кристина опасалась, что он направится в центральную дверь, но Лещинский, хмыкнув, свернул к одной из боковых.

— Через главную дверь мы тоже ходим, — сказал он. — Нас принимают за своих. Первые лица страны очень удивились бы, если бы узнали, сколько посторонних бывает у них каждый день.

Кристина невольно кивнула. Что уж говорить об офисах, если у самого президента жена — ведьма.

— А скажите, — произнесла она на пороге, — эта преступница... Марианна Бойко... она же бывала в управлении инквизиции?

Лещинский чуть вздрогнул — а может, это ей показалось в неверном колебании ночных теней. Он открыл дверь. Впереди тянулся длинный полутемный коридор.

— Бывала.

— А в заповеднике заготовов? Туда может попасть любой, кто допущен в управление, или нужен отдельный доступ?

— Вообще-то отдельный, но... Кристина, это у людей бывают режимные объекты. — Она еще успела заметить, как Лещинский поморщился, а потом он прошел вперед, показывая дорогу и заодно надежно маскируя всяческие эмоции. — Наше управление — это немного другое. Никто и слова не скажет, если уважаемый авторитетный сотрудник сочтет нужным привести с собой кого-то и показать тот же заповедник или какую-то лабораторию. А высшие даже внимания не обратят. Не потому, что витают в облаках, а потому, что это мелочь, внимания не стоящая...

— То есть она приходила сюда с кем-то? — уточнила Кристина, сама не понимая, почему говорит вполголоса.

— Да. Она не всегда была преступницей. Много лет она считалась уважаемой и абсолютно законопослушной ведьмой.

— С вами? — уже почти шепотом спросила Кристина. Она не знала, что заставило ее задать этот вопрос. Тем более вслух.

Инквизитор ответил не сразу. И с каждой секундой его молчания ей становилось все яснее: что бы он ни сказал после, как бы ни отпирался, правда уже приоткрылась. Обратно под замок ее не спрячешь.

Но он не стал отпираться. Ответил лишь:

— Не только.

Значит, все-таки да...

Кристина свернула вслед за ним к лестнице и даже не потребовала вызвать лифт. Она думала. Сначала думала, стоит ли надавить, задать еще несколько вопросов, чтобы полная картина событий соткалась перед глазами... но сочла за лучшее отступить.

В конце концов, об основном она давно уже догадывалась. Иногда не стоит загонять человека в угол, чтобы он подтвердил догадки.

А тот непонятный флер чуждой силы, разбавляющий столичную магию, в этом здании ощущался еще сильнее. Кристина замечала его даже со своим временно пустым магическим резервом, на котором она бы не смогла сплести ни одного действенного узора. Уже пару раз порывалась сказать, но останавливалась, поняв, что просто не в силах описать этот флер. Да и потом, может, это нормально для управления инквизиции?

Лестница все не кончалась. Кристина запыхалась, потом ей захотелось пить, и она пожалела, что не купила бутылочку воды в аэропорту. Она смотрела под ноги, давно не интересуясь однообразными стенами. Лестницу устилал старомодный красный ковер-дорожка с темными полосками каймы... Мозг не уловил момента, когда цвет изменился. И все остальное изменилось тоже.

Дорожка стала темной, с тонким прихотливым серебристым узором по краям. Ступени больше не были бетонными, теперь в них угадывался камень, серый с темными прожилками. Стены вместо евроштукатурки покрывали дорогие деревянные панели, путь освещали небольшие, но стильные кованые люстры.

Лещинский кивнул Кристине, приглашая идти дальше.

— Смотрю, у вас тут ни в чем себе не отказывают, — не удержалась она. Инквизитор не отреагировал, лишь слабо пожал плечами. Его явно занимали другие мысли.

В заповедник вела большая металлическая дверь в конце широкой площадки. Замка на ней не наблюдалось. Лещинский приложил руку к тому месту, где полагалось быть скважине, и раздался громкий щелчок. Дверь приоткрылась, впуская в темное помещение.

Лещинский включил свет щелчком пальцев. Лампы под потолком зажглись не все, света хватало, только чтобы не наткнуться на предметы и кое-как осмотреть комнату. Скоро Кристина поняла почему.

Она оказалась в гигантском лабиринте. Точнее, подобии лабиринта. Каменные стены, балкончики, этажи, террасы на разной высоте перетекали друг в друга, оставляя широкие проходы и маня в темные закоулки, слишком маленькие для человека, но достаточно большие для...

Заглоты спали. Кристина увидела одного из них совсем близко — он забился в темную нору под каменной террасой. Спящее существо не казалось ни мерзким, ни опасным.

Пожалуй, оно было даже милым. Тонкие ножки подвернуты под бесформенное черное туловище, ручки-веточки уютно подпирают верхнюю часть бурдюкообразного тела.

Завороженная, Кристина присела на корточки и осторожно, чтобы не разбудить, посветила на создание телефоном. Обнаружились крошечные закрытые глаза и похожий на запятую рот.

Ей вдруг стало жаль его убитых собратьев. Твари ведь не виноваты, что они такие, какие есть. И тем более не виноваты, что их используют в своих целях сектанты... На глазах выступили слезы, и Кристина сморгнула их, поспешно пряча телефон.

— Да, они по-своему милы, особенно когда спят, — хмыкнул Лещинский, внимательно осматриваясь. Помещение казалось бесконечным, его стены терялись в темноте. — Но здесь не все. Обычно по ночам шагу невозможно ступить, чтобы не споткнуться об одно из созданий.

Кристина встала. Да, если так, то заповедник был почти пустынным. Один заглот там, один здесь...

— Может, они прячутся?

Лещинский неопределенно мотнул головой и пошел дальше. Кристине ничего не оставалось, как последовать за ним. Дверь, через которую они сюда попали, уже скрылась за нагромождениями лабиринтов, и Кристина сомневалась, что сможет быстро ее найти. Инквизитор ориентировался по каким-то насечкам с обозначениями на каменных сооружениях. Скоро Кристина поняла, куда он направляется — к стенам, тем самым, которые казались невозможно далекими и прятались в недрах лабиринта. Он свернул вправо, влево — и узкий проход вдоль стены лег под ноги.

В стене виднелась какая-то дверь, поодаль еще одна...

Сначала Кристина не обратила внимания. Двери и двери. Запасные выходы. Должны же быть запасные выходы? Потом она моргнула, нахмурилась, узнавая, шагнула ближе. Не веря, потрогала дверь пальцем...

— Скажите, что я ошибаюсь, — беспомощно выдохнула она, когда наваждение не развеялось. — Но это же входная дверь нашего исторического музея!

Не похожая. А именно та самая. Кристина узнала ее по ряду небольших медных блях — правая сверху совсем новая, это от нее вчера отразился солнечный луч, ненадолго ослепив Кристину, когда она входила в здание с Лещинским и Яржиновым. И негодующая надпись из трех букв под самой бляхой — наверное, кто-то другой, кого она точно так же ослепила, не стал сдерживаться. И та же потертая длинная ручка, исцарапанная, некогда полированная древесина...

Лещинский выглядел ошарашенным. И неудивительно. Кристина сама была ошарашена. Да она остолбенела от изумления! Некоторое время она моргала и встряхивала головой, ища отличия, не находя их и надеясь, что мираж сейчас пропадет. Даже заподозрила, что в

царстве заглотов это нормально — видеть галлюцинации. Но, похоже, в рамки нормы подобное не вписывалось. Потому что Лещинский тоже с трудом подбирал слова. — Вы уверены? Хотя... неважно. Это может быть какая-нибудь другая дверь, без разницы. Потому что вот здесь, — он жестом обозначил участок прохода, — вообще не должно быть никаких дверей.

Кристина не выдержала и выругалась, вкладывая излишки возмущения в два коротких выражения. Инквизитор согласно кивнул.

— Даже не знаю, стоит ли нам входить, — пробормотал он. И немедленно протянул руку к дверной ручке.

Едва его пальцы соприкоснулись с потертой медью, как та вздрогнула. Натуральным образом вздрогнула, словно живое существо! Дверь мелко затряслась, Лещинский дернул ручку, но она не поддавалась. Пространство поплыло легким маревом, ощущение флера чуждой силы обострилось до предела... и дверь растаяла в воздухе, оставляя после себя гладкую каменную стену.

— Черт, — прокомментировал он.

— Я же говорила, что сначала нужно было идти в музей, — после паузы сказала Кристина. — Хотя я не представляю, при чем здесь музей... Почему след вел туда, почему именно та пушка... Там что, какой-то незарегистрированный портал сектантов? Послушайте, Стефан, да там наверняка портал сектантов!

— Думаю, да, — согласился тот, все еще недоуменно хмурясь. — Только какого черта именно в музее?

— И пушка, — снова вспомнила Кристина. Пушка не давала ей покоя — неудивительно, после того как чуть не довелось расстаться с жизнью в ее дуле! — Мы что-то упускаем... Среди музейных экспонатов есть магические артефакты или заряженные предметы?

— Это уж вам видней, есть ли в музее вашего Города заряженные предметы, — пробормотал Лещинский. — Но заглотам не нужны заряженные, они могут трансформировать что угодно, если на нем нет специальной защиты. В этом изоляторе, — он мотнул головой, обозначая пространство заповедника, — защита есть. Да и не в том дело. Чтобы провести портал напрямик в центральное управление инквизиции, и чтобы никто из инквизиции не заметил — нужно... я не знаю, какая маскировка здесь нужна! Он запустил пальцы в волосы.

— А какая? — скептически уточнила Кристина. — Что-то я не встретила здесь ни одного инквизитора. Влезть на пустой этаж — много уметь не надо.

— Магическая защита, — вздохнул Лещинский. — Она реагирует на чужаков. А на сектантов — тем более. И этаж не пустой... хотя да, обычно в это время здесь болеелюдно. Пусто только во время совещаний высших. Но сейчас для совещания поздно.

Он отвернулся от опустевшей стены и неспешно побрел туда, откуда они пришли.

— Интересно, — буркнула Кристина, догоняя его. — У всех нормальных людей наоборот, когда совещание, жизнь кипит, секретари бегают.

— Так принято, — хмыкнул инквизитор. — Чтобы никто не мешал.

— И что, защиту невозможно обмануть? А как же те неизвестные силы, которыми владеет секта? Вы сами говорили, что справиться с ними не может даже инквизиция!

— Пока не может, — строго поправил Лещинский. В голосе Кристина расслышала тщательно завуалированное веселье. — Запомните, инквизиция может все. А если чего-то не может, то только потому, что не знает, какова суть тех чар. Что до защиты, то до сих пор ее никто не мог обойти. Секта, конечно, подчиняет себе всех магических существ, но это существо не поддается дрессировке...

— Кто угодно поддается дрессировке, — авторитетно заявила Кристина. В конце концов, если уж сам высший инквизитор был успешно укрощен не далее чем сегодня утром... Но тут до нее дошло кое-что поважнее. — Минуточку. Магическое существо? Вы хотите сказать — центральное управление инквизиции охраняет какое-то существо? Мать-магия, да вы здесь все самоубийцы!

— Кроме него есть несколько чисто магических контуров, — уточнил Лещинский. — И я бы посмотрел, как бы вы справились с дрессировкой подлого законёнка. Хотя, может, и справились бы. Не знаю, на кого из вас я бы поставил.

Подлый законёнок. Несмотря на смешное название, существо умело быть весьма опасным. Прозвище оно получило от понятия «закон подлости». Оно было бесплотным духом, способным читать верхний слой мыслей и понимать человеческую речь. Стоило ему уловить надежды или желания человека, как оно тут же пользовалось своим умением прогрызать дыры в ткани реальности, чтобы повернуть события назло. Автобус уезжал за секунду до того, как человек подбегал к остановке, над головой возникала дождевая туча, чтобы испортить новую причёску, а в вазочке в самый неподходящий момент заканчивались любимые конфеты. Конфетами подлый законёнок не брезговал и сам, глотая их вместе с обертками.

— Вы сами-то как с этим справились, если он неуправляем? — сощурилась Кристина.

— Для охраны лаборатория инквизиции вывела законенка лично. Он как ваши собаки.

Созданное существо всегда верно своему создателю.

Кристина покачала головой. Доводы ее не убедили.

— Конечно, его теперь допросят. И я бы созвал совет высших немедленно, повод слишком серьезен, — подумав, добавил Лещинский. — Пойдемте.

— Куда?

Он размашистым шагом покинул заповедник и запер дверь прикосновением руки. Потом начал спускаться по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— В зал Совета. Оттуда созвать их проще всего. Черт, если предатель зашелся в совете... Но все равно придется довериться совету, в одиночку мне никто не даст искать там сообщника сектантов.

— А значит, если он там есть, все будет бесполезно, — мрачно заключила Кристина. Они свернули с лестничной площадки в длинный извилистый коридор. Он то и дело разветвлялся или изгибался под разными углами. Вряд ли это место повторяло планировку администрации президента.

— Сообщник среди высших — это слишком, — сказал Лещинский. — Если он и существует, то среди персонала. Нужно опросить сотрудников лабораторий, зрителей заповедников... И потом, предатель среди высших быстрее выдаст себя. Остальные наблюдают за ними внимательнее.

— А может, все высшие, кроме вас, на стороне секты — об этом вы не думали? — буркнула Кристина. Он расхохотался. Хотя казалось бы, почему? Нормальная версия...

Очередной изгиб коридора — и впереди обнаружился широкий тупик-площадка, заканчивавшийся массивной двустворчатой дверью с тускло поблескивающими изогнутыми ручками.

Зал совета. Эта дверь не могла вести больше никуда. Все-таки тяжелая, давящая роскошь инквизиторского управления сделала свое дело. Кристина не могла сопротивляться, чувствуя, как ее атмосфера неумолимо проникает внутрь. Отравляет восприятие. Заставляет смотреть на все иными глазами. Трепетать перед величием и властью, и мрачным впечатлением готического замка, а не банального государственного учреждения... и чувством, что нет силы выше, чем та, чье средоточие лежит за этой дверью.

— Да, — пробормотала Кристина. — Если тебя на обычном суде засудили, можно пойти в международный суд, а если на инквизиторском — только бежать...

Может, поэтому и бежала Марианна Бойко?

Ну да. Невинная жертва давящего и готического инквизиторского управления. Только пушки с заглотами подсылает иногда, а в остальном — ангел с крылышками.

— О чем вы? — моргнул Лещинский.

— Да так, — ответила она. — О своем. А зачем идти сюда, чтобы вызвать членов совета?

Телефон больше нигде не ловит?

— Проще использовать чары круглого стола, — неожиданно рассеянно ответил он после небольшой паузы. Будто вдруг услышал что-то и прислушивался. Но Кристина не уловила никаких звуков...

Мотнув головой, инквизитор дернул дверь. Створки распахнулись — сразу обе.

...Стол действительно был круглым. Массивным, темным, тускло поблескивающим в свете тяжелой люстры.

И за ним сидели инквизиторы.

Они повернули головы, разом замолкая и глядя на прибывших. Кристина остолбенела. Опять. В этом месте не заканчивались сюрпризы. Происходящее казалось нереальным. Пустые коридоры, пустые залы, спящие заглофы, растворяющиеся в воздухе двери... и полуночное собрание совета высших инквизиторов. Высшие...

Она безмолвно изучала их, скользя взглядом по молодым и старым лицам. Их было довольно много, человек тридцать. Пустовали два места. Одно — с другой стороны стола, стул с высокой резной спинкой, другое — через пять или шесть человек от него.

— Добрый вечер, — первым нарушил молчание Лещинский, входя в зал. — Могу я узнать, по какому поводу созван совет? Или, — он скользнул взглядом по бокалу с коричневой жидкостью в руке у худой, как палка, ярко накрашенной дамы в черном, — раз меня не пригласили, можно считать это дружеским чаепитием?

Глава 12. Внушение без внушения

Дама скривилась, отхлебнула жидкость и скривилась еще больше. Кристина так и наблюдала за всем этим из коридора, не решаясь войти. Со своего места она видела лишь высокое окно в витой раме, за которым чернела ночь, и край старинного книжного шкафа с фолиантами. Никаких стульев для посетителей или скамеек для ожидания, как перед кабинетами чиновников. Гостям здесь, скорее всего, были не рады. А если даже Лещинского не позвали...

Впрочем, она давно догадывалась, почему его не позвали. По той же причине, по которой отправили на поиски Марианны Бойко.

— Вы были заняты, — проговорил глухой мужской голос. Тот, кто это произнес, едва виднелся из-за силуэтов остальных. — Мы не сочли возможным вас тревожить... Тем более что дело непосредственно касается вашей новой знакомой.

Он перегнулся через спинку стула, чтобы лучше рассмотреть Кристину — седой, но еще моложавый мужчина в сером костюме. И остальные вновь повернули к ней головы. Кристина ощутила себя под прицелом. Как клоун, вызванный на совет директоров для укрепления командного духа и корпоративной солидарности.

— Заходите, — бросил ей Лещинский. Над столом легким ветерком пробежал ропот.

— Она не член совета...

— Это же их ведьма... Города...

— Город...

— Город...

— Это радует, Павел, — сказал Лещинский седовласому. — То, что дело касается моей новой знакомой. Надеюсь, вы уже разобрались, почему заглофы исчезли из заповедника и напали на ее дом сегодня вечером? И какое отношение к этому имеет дверь, которая проявилась в стене заповедника?

— Что?!

Волна возгласов, вскриков и вопросов плеснула под потолок и разбилась о крупную лепнину на мельчайшие осколки эха. Инквизиторы заговорили, перебивая друг друга, с них слетела напыщенная респектабельность. Дама в черном то и дело нервно прикладывалась к стакану с напитком, но жидкости не становилось меньше. Какой-то тип с жутко неприятным лицом и складками на щеках, придающими ему сходство с жабой, кивнул на Кристину и что-то произнес, но оно потонуло в общем шуме. Седой застыл, как громом пораженный. Сухоощая старушка, одетая по моде восемнадцатого века, принялась громко стучать по столу инквизиторским перстнем-печаткой, но это не помогало.

Кристина покосилась на Лещинского. Тот смотрел на высших так, как разглядывал наколдованных собак в холле ведьмовского офиса, прежде чем наложить на них чары молчания. Потом вздохнул, отвернулся и, щелкнув пальцами, клонировал один из свободных стульев за столом. Сел на первый из дублей и кивком пригласил Кристину садиться на второй. Видимо, накладывая чары молчания на инквизиторов ему не позволяла корпоративная этика.

Потом он подпер ладонью подбородок и стал терпеливо ждать, пока шум поуляжется.

Но инквизиторы затихли, стоило Кристине опуститься на сиденье возле Лещинского. Теперь они смотрели на него с осуждением. Жабоподобный начал ворчать что-то о нарушениях правил, но старушка перебила его:

— Мы собрались по иному поводу. Нам поступила челобитная с прошением положить конец безобразиям, творимым сей ведьмою в ее Городе.

Кристина вытаращила глаза, поспешно переводя псевдостаринную речь на нормальный русский: на нее, что ли, донос написали? Ай да Марианна Бойко! А старушка тем временем продолжила, непринужденно переходя на канцелярский стиль коммунистической эпохи:

— Мы с товарищами должны были разобраться сами, а потом уже ставить вас в известность. Тем более что в прошлом вы уже были замечены в порочащих связях.

— Ида Амвросиевна, — укоризненно прогудел один из инквизиторов, мужчина в темных одеждах, горой возвышающийся над соседями.

— Ида Амвросиевна права, — отрезал другой, худой и изможденный, с фанатично горящими глазами. — Что ж, если означенная ведьма явилась сюда лично, сейчас во всем разберемся...

Глаза его, казалось, светились алым огоньком, как раскаленные угли. Когда эти угли поймали взгляд Кристины, той на миг почудилось, что ее душу подцепили клещами и медленно тянут наружу через грудину. Сделав над собой усилие, она моргнула, а потом принялась разглядывать потолок. Потеряв рычаг воздействия, инквизитор раздраженно выдохнул.

— Итак, меня зовут Богдан Сергеевич, и я, с согласия остальных экзекуторов, проведу допрос...

— Остальные экзекуторы не согласны, — раздался спокойный, но непреклонный голос Лещинского. — Господа, — он заговорил еще тише, еще более зловеще, заставляя остальных вслушиваться затаив дыхание. — Вы что, совсем с ума сошли? У вас из-под носа похитили заглотов, и теперь они терроризируют магов Города! Кто-то проник в управление инквизиции, и вы его даже не заметили, а теперь вы сидите и собираетесь допрашивать ведьму, на которую вам кто-то донес? Вы понимаете, что этот донос сделан, чтобы отвлечь ваше внимание?

Инквизиторы ненадолго притихли.

Кто-то моргал и встряхивал головой, будто пытаясь сбросить невидимые оковы, кто-то переглядывался с другими. Кристина ожидала, что Лещинскому немедленно возразят, засыплют аргументами и задавят авторитетом, но нет. Первая реакция была... странной. Потерянной. Как у разбуженных ото сна наяву.

Именно тогда Кристина начала догадываться, что с советом высших происходит что-то не то.

Она покосилась на Лещинского и встретила понимающий взгляд. Спутник пришел к тем же выводам. Это внушало некоторое облегчение. Если бы все до одного инквизиторы вдруг оказались в своем пространстве сна наяву, Кристина бы не выдержала. Возможно, рехнулась бы вслед за ними.

— В чем-то вы правы, — заявил Богдан Сергеевич, очнувшийся от недолгого замешательства одним из первых. — В Город необходимо отправить еще одну делегацию и тщательно все проинспектировать, чтобы убедиться в наличии заглотов и...

— Убедиться? — Кристина чуть не застонала от досады. С ними что-то происходило. Но что? Инквизиция ведь была неподвластна магическим внушениям. Что, кроме внушения, могло заставить их вести себя так?

Или высшие инквизиторы на самом деле просто не отличались от всей остальной бюрократической братии?

— Будьте добры, не перебивайте. — Глаза-угли сверкнули невыносимо ярко. — И уточнить путь их транспортировки, а также, разумеется, отправить обратно. Думаю, эту миссию возьму на себя я. Сегодняшние события внушили мне глубокое беспокойство за судьбу Города и его жителей, брошенных на произвол судьбы...

— На произвол судьбы?! — снова не выдержала Кристина. — А мы не ради них сюда явились?

— «Мы», — повторил Богдан Сергеевич тоном глубокого удовлетворения. — Вот теперь я окончательно убедился, что должен ехать. И в одиночку я не справлюсь. Кто готов разделить со мной столь тяжкое бремя?

Интересно, они все так изъясняются? Говорить простым человеческим языком — не для высших?

— Помощь в отлове заглотов нам пригодится, — сказал Лещинский. — И желательно, чтобы в Город отправился кто-то, кто помнил бы об этом... а не мечтал о новых инспекциях.

По залу пронесся невесомый, почти незаметный смешок. Кто именно смеялся, Кристина так и не поняла. Несколько человек.

— Я поеду, — сказала дама с бокалом. И отпила из него, видимо, отмечая удачный план.

— Спасибо, Дина, — ответил Лещинский. Кто-то собирался возразить, три или четыре человека начали говорить, но он не дал им влезть, повышая голос: — А теперь пойдемте наконец в заповедник! Портал в Город оттуда уже исчез, но остаточные колебания должны еще сохраниться. Вам наплевать, кто и как влез в центральное управление без вашего ведома?

Последний вопрос он почти выкрикнул, видя, что инквизиторы снова отвлеклись. Как школьники, не желающие слушать учителя, подумалось Кристине. Нет, с ними явно творилось что-то неладное. Но, наверное, было не так просто сходу вычислить, что именно, раз Лещинский все еще пытался апеллировать к их здравому смыслу. Хотя, может, для них подобное поведение нормально? Ему-то видней... А если ненормально? Кто это сделал — секта? Ай да Марианна...

— Да... Пойдемте посмотрим, — прокричала Ида Амвросиевна, выбираясь из-за стола. С ней отправились седовласый Павел, жабоподобный и две женщины, которые до сих пор помалкивали. Они были такими неприметными, что сначала показались близнецами. Одинаковые строгие костюмы серо-коричневых оттенков, стянутые узлами волосы и постные лица без следов косметики. Кристина тоже хотела подняться, но взгляд Богдана Сергеевича пригвоздил ее к месту.

— Идите, Стефан, — сказал тот. — Мы пока побеседуем с этой ведьмой. Не беспокойтесь, мы ее не съедем.

«Только попробуйте», — подумала Кристина. Она вновь почувствовала себя на своей территории. Высшие инквизиторы, попавшие под действие непонятных чар — это было совсем не то же самое, что высшие инквизиторы в обычном состоянии. Будь с ними все в порядке, она бы, может, и боялась. Трепетала бы перед их властью и мощью. Но сейчас... Кристина повидала слишком много заколдованных людей и вещей, чтобы сохранять перед ними пиетет. Заколдованное следовало расколдовать, помочь избавиться от чар. Хотя она все еще не до конца верила, что они заколдованы...

— Итак, — вернул к действительности голос Богдана Сергеевича. Бросив на Кристину ободряющий взгляд, Лещинский вышел. — Тернова Кристина Сергеевна. Какую помощь и услуги вы оказывали участникам группировки, именуемой «Знак Гефея»?

«Знак Гефея»? Знакомое название... Кристина даже не сразу вспомнила, что так называлась секта. Та самая секта, в которой состояла Марианна Бойко, в поисках которой инквизиция явилась в Город. А вспомнив, раскрыла рот. На нее что, пожаловались, что она сообщница сектантов?

И совет высших этому поверил? Вот теперь можно не сомневаться — они под каким-то странным заклятием.

— Никаких, — безмятежно сообщила Кристина.

И тут же поняла, что поторопилась сбросить высшего со счетов. Раскаленный взгляд пригвоздил ее к месту, не давая пошевелить и пальцем. Спина мгновенно задеревенела, руки начали неметь, будто застыла даже кровь в жилах. Мысли замерзли, и одновременно возникло омерзительное ощущение, что все их, одну за другой, тоненькими ниточками вытягивают через глаза и сматывают в клубки...

Определенно этот инквизитор обладал немалыми талантами по части вытягивания. Сначала душу через грудину, теперь мысли через глаза. Интересно, кишки у обвиняемых он вытягивал с тем же успехом?

Кристина резко зажмурилась. По векам полоснуло болью, но она упорно не поднимала их. С другой стороны стола раздалось недовольное сопение Богдана Сергеевича.

— Ладно, похоже, ей можно верить, — пробурчал он. Кристина приоткрыла глаза, но теперь старалась не смотреть на инквизитора. В ней закипала злость. Какого вообще черта этот нахал без суда и следствия применяет к ней свои... методы допроса, чтоб его? Точно ведь не обошлось без ментальных приказов! Или какого-то легкого чтения мыслей! Пусть чтение мыслей как таковое и было невозможным, но магическим гипнозом некоторые инквизиторы владели...

Интересно, Лещинский тоже?

Кристина была не из обидчивых. Она предпочитала не лелеять оскорбления, а сразу мстить. Поэтому, придя в себя, она молча слушала переговоры инквизиторов и думала, какая месть подойдет Богдану Сергеевичу.

Месть придумалась быстро. Простенькая, зато досадная и незаметная на первый взгляд. Кристина пошевелила пальцами под столом и почувствовала, что на такое ее полупустого резерва хватит. Магия начала понемногу восстанавливаться, ни одного серьезного узора Кристина бы не сплела, но сейчас серьезного и не требовалось. И она начала осторожно ткать узор. Рука все еще повиновалась неохотно. Слегка нагретый воздух подсказал, что магия сработала.

Посмотреть бы на этого Сергеевича, когда он попробует встать из-за стола. Жаль, не получится: придется уйти раньше, чтобы снять с себя подозрения.

Даже под этими странными чарами инквизитор не заметил в мыслях Кристины ничего, что мог бы расценить как помощь секте. Это радовало. Высшие начали спорить, решая, кто мог написать лживый донос, а Кристина молча слушала, все сильнее желая убраться отсюда. Какая вообще разница высшим, кто его написал? С каждой минутой ей казалось, что их мысли кто-то переключил. Просто влез в головы и переключил с важного на неважное, с нужного на ерундовое. Но какими чарами и какой невероятной силой?

Наконец раздался шаг. Вернулся Лещинский и остальные, кто отлучался в заповедник. Выглядели они слегка озадаченными. Лещинский, пожалуй, больше всех. Причины его смутения выяснились почти сразу — когда Ида Амвросиевна, усаживаясь на свое место, невозмутимо произнесла:

— Что ж, мы внесем ваше предупреждение в повестку дня на пятницу или на понедельник. А в Город нужно отправить еще одну инспекцию...

И остальные согласно закивали. Даже Дина, казавшаяся самой адекватной, отсалютовала бокалом и подтвердила:

— Проинспектируем как положено!

— Чудесно, — сквозь зубы процедил Лещинский. Он и сам был уже не рад, что попытался что-то доказать. — А что обо всем этом думает Безымянный?

Воцарилось молчание. Высшие уставились на него, как на ненормального. А Кристина уставилась точно так же на них.

Что это значит? Логичный же вопрос. И стул с высокой спинкой пустовал, наверное, неспроста. Безымянным называли главу совета. Верховного среди высших инквизиторов. Того, о ком говорили почтительным полупшепотом, а его личность окружали легенды, при том что лицо его было вполне земным и человеческим, и он неизменно присутствовал на всех собраниях совета... Во всяком случае, такой вывод Кристина сделала по всем оговоркам и упоминаниям его персоны.

— Какой еще Безымянный? — спросил Павел.

— Сдается мне, заговор тянется глубже, — подозрительно добавил Богдан Сергеевич, сверля теперь уже Лещинского взглядом своих глаз-угольев. Только на того это не произвело ровным счетом никакого эффекта. — Кто такой ваш Безымянный — какой-нибудь высокопоставленный сектант?

— С ними что-то не то, — еле слышно выдохнула Кристина, чуть склонившись к Лещинскому. — Нужно уходить.

Тот коснулся ее руки.

— Еще раз, господа: вам незнаком Верховный инквизитор?

— У инквизиции никогда не было Верховного, — высокомерно ответил Павел. — Мы уже высшие. Нет никого над нами.

Никого над нами...

В голове пронеслись строчки из какого-то давно забытого стихотворения. Лещинский вскочил, и Кристина с облегчением вскочила следом за ним.

— Вопросов больше не имею, — сказал он. — Хорошего вечера, господа.

Подхватил Кристину под руку и увлек к выходу. В спину донеслись возгласы.

— Стойте! Это нарушение протокола...

— Извините, мы торопимся! Увидимся завтра! — крикнул им Лещинский.

Никто их не преследовал. Шум остался позади. Кристина успела услышать: «А, пусть их... Помогите Богдану Сергеевичу!». А потом — «Проклятие! Я не могу пошевелиться!». Затем раздался грохот и новые крики...

— Признавайтесь, это вы что-то сделали с Богданом? — с усмешкой поинтересовался Лещинский, сворачивая к лестнице.

— Я, — с удовольствием сообщила Кристина. — Я приклеила его к стулу.

— Богдана? К стулу?

Лещинский даже остановился. А потом заливисто расхохотался. Кристина пожалела, что не увидела своими глазами, как злосчастный Богдан Сергеевич пытается подняться. Конечно, в обычном состоянии он бы развеял ее хитрые чары щелчком пальцев, но для этих резко поглупевших высших хватило узора с подковыркой, чтобы сбить их с толку...

— В обычное время вы бы даже руку поднять не успели, — точно прочитал ее мысли Лещинский. — Но все равно спасибо.

— Спасибо? А вы что, не очень-то с ним ладите? — заинтересовалась Кристина. — Надо было сказать, я бы еще что-нибудь к нему приклеила...

— Если много лет работать вместе, с кем угодно будут накапливаться конфликты, — инквизитор все еще улыбался, глядя на нее. Улыбка делала его лицо радостным, каким-то праздничным — бывают такие люди: какие бы чувства они ни вкладывали в свои улыбки, те выглядят праздничными, и все тут. Потом, опомнившись, он кивком позвал Кристину за собой и побежал вниз по лестнице.

— Эй, куда теперь? А вы не хотите допросить этого... подлого законенка? Может, он запомнил, кто проник в управление!

— Нет, это в одиночку не делается, — мотнул головой Лещинский. — Сейчас съездим домой к Безымянному. Мне что-то подсказывает, что его забыли не просто так. Возможно, воздействие сектантов началось с него...

Он резко замолчал, видимо, пораженный какой-то новой мыслью. Даже замедлил шаг и привычно потянулся к переносице.

Кристина вздохнула. Происходящее нравилось ей все меньше. Еще ей не нравилось, что Лещинский хватается сразу за множество деталей, не останавливаясь на какой-то одной. Может, если дожать до конца то же проникновение в заповедник, бросить на его расследование все ресурсы, напоить высших инквизиторов каким-нибудь зельем здравомыслия...

...то все равно бы не удалось ничего выяснить. Она сама не знала, за что хвататься. Зацепок не было, а те, что были, оборачивались еще большими странностями. Она надеялась хотя бы в столице нащупать след, а столкнулась с чем-то куда более чудовищным, чем просто заглоты в Городе. С заглотами хотя бы было более или менее понятно. А вот с инквизиторами...

— Одно из двух, — медленно произнес Лещинский. — Или мы приедем к Безымянному, застанем его дома или не застанем... или мы вообще не обнаружим ни его, ни его дома.

Может быть, они правы. И его действительно нет.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что не обязательно все то, чем кажется, — выдал Лещинский задумчиво, заставив Кристину несколько мгновений недоуменно моргать в попытках понять, что это значит. Затем снизошел до объяснений. — Нам с вами кажется, что с советом высших происходит что-то не то. Их заколдовали. Их заставили даже забыть о существовании Безымянного. Но если это не они, а мы под какими-то чарами... то, возможно, стоит пересмотреть наше расследование. Может, даже сама секта существует лишь в нашем воображении. Если мне мерещится Безымянный, почему не померещится секте?

Кристина ошарашенно уставилась на него, но Лещинский был абсолютно серьезен. На его лице читалось лишь замешательство и досада. И, что самое отвратительное, в его словах была доля истины. Сомнение уже заползло в разум, подтачивая мысли ядовитым дымком. Весь мир не может ошибаться, правильно? А весь совет высших инквизиторов — может или нет? Еще вчера Кристина с уверенностью бы ответила «нет». Это же высшие! Не может быть такой силы, которая сумела бы их подчинить. Но их и не подчинили, их лишь мягко и незаметно отвлекли. Не стали сражаться в лоб, а использовали хитрость. Или нет? Или мягко и незаметно отвлекли кое-кого другого?

— Они не говорили, что секты не существует, — только и смогла возразить она.

— Это успокаивает. Но реально ли все остальное — вопрос. Реален ли музей, нападение заглотов, мое проклятие, реальны ли вы, в конце концов?

— Ну, знаете, это уже наглость, — возмутилась Кристина. — Это оскорбительно — выслушивать от кого-то, что меня не существует!

Она протянула руку и щелкнула Лещинского по носу. Инквизитор ответил смешком.

— Оскорбительно? Хм, буду знать. Ладно, если вы существуете, то пойдемте. Моя машина здесь на стоянке.

Глава 13. Побег

Парковка под землей пустовала. В гулкой полутьме огромного помещения виднелось всего несколько машин. Дорогуших, надо сказать, машин. Неудивительно, если парковка принадлежала администрации президента. Охранник спокойно кивнул Лещинскому, не пытаясь его задержать. Кристина усмехнулась в воротник куртки. Ее все еще забавляло, что центральное управление обосновалось именно здесь. Действительно, инквизиция нужнее всего в администрации президента...

Машина у Лещинского оказалась черной, как и у Кристины. Только не «ауди», а «мерседес»-внедорожник. Устроившись на переднем сиденье, Кристина с любопытством осмотрелась. В салоне царил минимализм — ни «елочек» с химическим ароматизатором, ни подвесок или игрушек, любимых многими автомобилистами. Даже в бардачке почти пусто — какие-то документы, треснутый чехол от телефона и больше ничего. Слегка пахло кожаной обивкой сидений и чем-то еще, неуловимым, но приятным, остро-свежим.

— Не обессудьте, обходных дорог с ямами вспомнить не могу, придется ехать по обычным, — сказал Лещинский, заводя двигатель. Мягко заурчав, машина устремилась на улицу.

— И нечего мне припоминать, вы заслужили ту дорогу с ямами, — проворчала Кристина. Кажется, ему тоже нравилась быстрая езда. Дорога стелилась под колеса, мелькали засыпающие дома и вечно бодрые магазины, сияющие витрины и насупленные подворотни. Кристина понятия не имела, где расположен дом Безымянного и долго ли туда добираться, она просто разглядывала то городские пейзажи за окном, то Лещинского, расслабленно положившего одну руку на руль. Как вдруг...

Она насторожилась и вывернула шею, оглядываясь на дорогу после очередного поворота. Позади мелькнули и погасли фары. Темно-серая машина, какая-то безликая бюджетная иномарка, каких по любому городу бегают сотни и тысячи, мгновенно затерялась в темноте. Кристина присмотрелась. Машина не исчезла. Лишь затаилась, поняв, что на нее обратили внимание. Серая тень с выключенными фарами кралась за внедорожником, не отставая. А поодаль виднелось еще одно или два серых пятна...

— Что там? — спросил Лещинский.

— За нами следят. Присмотритесь. Они выключили фары.

Он взглянул в зеркало заднего вида.

— Уверены, что это за нами?

— Да... Да, иначе я бы не заметила! — уже тверже повторила Кристина. Она начала понимать, что обратила внимание на серые машины почти сразу после выезда с парковки. Но не придавала значения. Замечала их боковым зрением и не думала о них, пока ведьминское чутье не забило тревогу. А машины сразу поняли, что она приглядывается к

ним, и загасили фары. Значит, это были не просто машины. И за рулем сидели не просто люди... а может, и не просто ведьмы или колдуны, потому что даже ведьма или колдун вряд ли могли бы с такого расстояния и так быстро уловить момент, когда на них обратили внимание.

Если только не...

— Ваша машина долго простояла на парковке без присмотра? — поинтересовалась Кристина, поворачиваясь к Лещинскому.

Тот понял с полуслова. Вскинул свободную руку, соткал в воздухе быстрый проверочный узор и пробормотал заклинание. Что-то мигнуло фосфорическим голубоватым светом, и Лещинский молниеносно сжал кулак. Раздался пронзительный писк. От неожиданности Кристина подпрыгнула, а потом прикрыла уши ладонями.

Лещинский разжал пальцы и брезгливо стряхнул с них что-то, напоминающее черный пепел.

— Тот же почерк, — заметил он негромким спокойным тоном, но вторая рука стиснула руль до вздувшихся вен. — Они используют в своих целях любых магических тварей, даже безобидных. В моем случае — автоподпрыга...

— Это еще кто? — фыркнула Кристина. — У нас таких не водится.

— Да, в некоторых магических фаунах их истребляют дорожники, — сказал Лещинский. Кристина невольно кивнула: в Городе дорожники были настоящим стихийным бедствием, своими длинными клювами они пожирали асфальт так быстро, что бедные муниципальные власти не успевали его класть. — Просто мелкий паразит, который потихоньку подъедает запчасти, пока машина не начинает ломаться. Оказывается, его можно приспособить для слежки.

— Они теперь не отстанут? — Кристина снова оглянулась. Серые тени старательно прятались и шли поодаль, пропуская перед собой редкие машины простых людей. — Черт, у вас в столице еще одно гнездо сектантов! И связь у них налажена намного лучше, чем у инквизиции! Неудивительно — телефоны давно изобрели!

— Связь здесь ни при чем, — в голосе Лещинского впервые прозвучало раздражение. — А о том, что секта располагает какими-то неизвестными чарами, я говорил давно. Сейчас попробуем оторваться и заодно узнать, кого именно они подослали.

Он вдавил газ, и машина рванулась вперед так, что, казалось, вот-вот взлетит.

Серые тени ненадолго скрылись из виду. В этот момент инквизиторский внедорожник резко, с визгом тормозов, свернул вправо. Кристину швырнуло к Лещинскому на плечо, но тут же отбросило — машина вписалась в еще один резкий поворот. Окна, витрины и фонари мелькали, сменяясь с невообразимой скоростью. Где-то взвизгнули тормоза другой машины, нехотя попавшейся на пути. Взыл клаксон — звук, не успев раздаться, растаял вдали. По глазам ударил ослепительный свет, и тут же воцарилась тьма. Кристина заморгала. Она потянулась протереть глаза, но чуть не выпарапала их себе, когда ее бросило вперед. Наконец все стихло.

Машина медленно и бесшумно кралась по темной подворотне. Скоро подворотня вывела в неудобный двор, пронизанный сквозняками. Корпуса дома возвышались слева, справа, впереди, двор напоминал колодец. Еще одна подворотня скрывалась за выступом стены. Внедорожник нырнул туда, погасив фары.

— И чем это должно помочь? — пробормотала Кристина.

Лещинский жестом призвал ее помолчать:

— Смотрите.

Из подворотни неплохо просматривалась часть дороги, с которой они только что свернули. Кристина уставилась туда. Мимо проехала фура, затем пара легковушек — и наконец показались серые тени.

Она неосознанно сжала руки. Захотелось съежиться, скорчиться в комок не больше спичечной головки и забиться в угол, где преследователи никогда бы ее не заметили. И на этот раз Кристина даже не рассердилась на саму себя за пораженческие мысли. Ей было не до того... и было невозможно страшно увидеть того, кто сидел за рулем первой серой машины.

Кто там? Человек? Магическое существо? Очередное редкое чудовище?

Кем бы он ни был, водитель не заметил притаившийся в подворотне внедорожник. Серая тень скользнула дальше, туда, где преследователи потеряли Кристину и Лещинского. Тускло блеснул серебристый бок, на мгновение фонарь на другой стороне улицы просветил салон насквозь, и...

За рулем никого не оказалось.

Кристина вздрогнула и подалась вперед. Ее будто коснулись оголенным проводом. Померещилось? Или...

За первой серой машиной появилась вторая. За рулем никого не было. Как и на задних сиденьях, и на пассажирском переднем...

Третья пустая машина неожиданностью уже не стала. Кристина повернулась к Лещинскому, глядя на его реакцию.

Но он не казался особенно изумленным. Скорее задумчивым и слегка раздосадованным. Побарабанил пальцами по рулю и вполголоса произнес:

— Невидимость. Скорее всего, там маги, а не какие-нибудь твари. Черт. Они уже поняли, куда мы направляемся, но рискуем...

И машина сорвалась с места. Кристина скрипнула зубами, чувствуя, как ее вжимает в спинку сиденья. Почему она раньше не подумала о невидимости? Наверное, потому, что не так давно узнала, что высшие инквизиторы ею пользуются, не прибегая к зелью... Значит, там, в машинах, высшие инквизиторы?

Нет, глупость. Все высшие на совете. Кроме Безымянного. А в машинах просто сектанты, предусмотрительно запасшиеся зельем невидимости. Или нет? Кристина нервно оглянулась на стремительно удаляющуюся дорогу. Преследователи временно отстали. Кто там? Маги? Или некие чудовища, которых опоили зельем невидимости, чтобы их вид не вызывал панику?

Как будто панику не вызовет вид пустой машины, маневрирующей на дорогах без водителя. Высокие технологии в стране еще не дошли до такого уровня.

Лещинский гнал как сумасшедший. От аварий спасало только то, что улицы почти опустели. Внедорожник то и дело нырял в проулки и подворотни, проскакивал дворы насквозь, петлял по узким улочкам. Не выдержав, Кристина буркнул:

— Сами говорите, они уже поняли, куда мы едем. Неужели по прямой не быстрее?

— Нет, — ответил он, и тут же машина резко остановилась. Коротко взвизгнули тормоза.

Кристина осмотрелась. Она поймала себя на том, что учащенно дышит, будто это не автомобиль, а она сама мчалась по улицам на максимальной скорости.

Они стояли в закоулке в очередном дворе. С двух сторон двор обступали голые многоэтажки. Вся местность была холодной, неуютной. Кристина не сразу поняла, что такое впечатление складывается из-за отсутствия деревьев. Наверное, дома недавно простроили, и деревца еще не успели вырасти. Они покачивались на сквозном ветру, огороженные металлическими опорами, тоненькие, хрупкие.

— Дальше пешком, — сказал Лещинский. — Быстрее. Машину придется бросить здесь на неопределенное время. Надеюсь, она их приманит, это даст нам небольшую фору.

— Приманит?! — Кристина выбралась наружу вслед за ним, и инквизитор тут же сгреб ее под локоть, крепко прижав к себе. Она удивленно покосилась на него.

Лещинский ткал магический узор. Губы что-то беззвучно шептали. Кристина надеялась, что он накладывает чары невидимости. Идти пешком по улице, на которой уже могли подстергать неизвестные невидимые твари, было страшно. Особенно если они могли тебя заметить в этом безлюдном месте, где не затеряешься в толпе. В обоих огромных домах светилося всего по несколько окон. Ветер, пустынные площадки дворов, дремлющие у бордюров машины — все дышало опасностью. Казалось, преследователи сейчас выпрыгнут из ближайшего подъезда или просто из пустоты... и сожрут. Что еще может сделать неведомая тварь, кроме как сожрать?

А магия до сих пор не восстановилась. А те резервы, которые наскреблись, Кристина опрометчиво потратила на месть Богдану Сергеевичу. Нет, оно того стоило, да и те крохи ее бы не спасли, но...

Лещинский сжимал ее локоть, чтобы удобнее было накладывать и контролировать невидимость, но сейчас это было очень кстати.

— Пойдемте, — повторил он, закончив. — Туда, затем налево. Бежать сможете?

Он бросил взгляд на кроссовки Кристины, точно раньше не замечал, что у нее на ногах.

— Вы даже не представляете, как хорошо я могу бегать, — выдохнула она.

Лещинский выпустил ее локоть, перехватил за пальцы и потащил за собой.

Наверное, Кристина не бегала так быстро с тех пор, как сдавала кросс в институте. Но там, на заросшем травой стадионе, где по выходным жители близлежащей балки украдкой пасли коз, за ней никто не гнался. Сейчас тоже никто не гнался, но это только на первый взгляд.

Они пересекли широкую улицу и добежали до перекрестка поодаль, там свернули влево, проскочили еще несколько дворов, а потом ворвались в огромный круглосуточный супермаркет. Там, похоже, пятиминутные чары невидимости уже рассеялись, потому что охранник и сонные кассирши начали с удивлением разглядывать ночных посетителей.

Лещинский уволок Кристину в глубину стеллажей, подальше от широких панорамных окон, через которые с улицы просматривалась добрая треть торгового зала.

— Только не говорите, что этот ваш Безымянный живет в супермаркете, — пропыхтела Кристина, заторможенно изучая банки с кукурузой на полках.

— Что? — хохотнул Лещинский. — Нет. Но мы уже рядом.

Он увлек ее за собой в угол, куда не доставал вездесущий взор камер наблюдения, и принялся повторно ткать узор невидимости. А закончив через несколько секунд, снова потащил за собой.

Мимо кукурузы и огурцов в маленьких баночках, мимо лотков с подгнившими бананами и зелеными яблоками, мимо мутного аквариума с живой рыбой и витрин с умопомрачительно пахнущей колбасой — ко входу в подсобку. Вход от торгового зала отделяла штора из прозрачных резиновых лент. Наверное, немногочисленные продавцы заметили, как ленты на мгновение всколыхнулись и раздвинулись, пропуская кого-то... а может, списали это на ветер.

Из подсобки Кристина и Лещинский выбрались на задний двор и снова нырнули в проулки. На выходе из очередного проулка возвышалась новостройка.

Продолжая тащить Кристину за собой, Лещинский взлетел на крыльцо, раскрытой ладонью мазнул по кнопкам кодового замка — тот панически запищал, и дверь подъезда открылась. Лишь когда она со стуком захлопнулась за их спинами, инквизитор остановился и выпустил Кристину.

— Сюда они, конечно, скоро доберутся. У нас есть в лучшем случае полчаса, — сказал он и кивком позвал ее за собой. Они побежали по лестнице, не вызывая лифт.

— И как мы будем отсюда уходить? — Кристина еще перескакивала через ступеньки, но ноги уже начинали подкашиваться. — И вообще, что будет, если нас настигнут?

— Ничего хорошего. — Лещинский тоже слегка задыхался. — Если повезет, наложат те же чары, что на совет высших, если не повезет — убьют. А уходить нам лучше через портал. Можете связаться с вашими ведьмами?

— Портал? Будить ведьм среди ночи? — Кристина почти сразу осознала, что со стабилизацией вполне справятся ночные дежурные, да и другие ведьмы, та же Эля, еще не должны спать, но возмущение было уже не остановить. — И вообще я не смогу открыть портал, потому что резерв недостаточно восстановился для этого!

— Я открою, — спокойно ответил Лещинский. На шестом или седьмом этаже он остановился и с затаенным весельем взгляделся Кристине в лицо. — Для вас, похоже, дело чести — спорить со всем, что бы я ни предлагал?

— А вам нужно, чтобы все соглашались с любым вашим предложением и молча шли исполнять?

— Не обязательно. Но очень желательно, — невозмутимо подтвердил Лещинский. Потом отвернулся к одной из двух дверей на площадке, потянулся к звонку, замер на мгновение — и вдавил кнопку.

Из глубины квартиры раздалась еле слышная приглушенная трель.

И больше ни звука.

Эхо растворилось в тишине. От нее звенело в ушах, Кристина слышала, как в них все еще шумит кровь от быстрого бега. Не шаркали шаги, не лязгали замки, никто не подходил к двери. Лещинский стоял неподвижно, как изваяние. Прошла вечность, прежде чем он снова нажал на кнопку.

— Здесь он живет? — спросила Кристина. Молчание стало невыносимым. — По телефону связаться попробуйте.

— Да, пожалуй, — невнятно ответил ее спутник и сунул руку в карман за телефоном. Провел по дисплею, и в тишине прозвучал единственный короткий гудок. Он тут же оборвался.

«Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

— Ладно, — прошептал Лещинский. И его пальцы легли на замочную скважину.

Та немедленно полыхнула, взрываясь искрами магической защиты. Искры прошили руку инквизитора насквозь, он поморщился, но не убирал ладонь от докрасна раскалившейся железки. И та начала нехотя гаснуть. Скоро искры исчезли, металл остыл, а потом в недрах дверной коробки что-то негромко защелкало и заскрежетало.

— Если бы его не существовало, — стараясь говорить как можно тише, спросила Кристина, — это уже стало бы ясно, правда?

Лещинский не ответил. Он дождался, пока скрежет прекратится и дверь откроется. Потом, негромко зашипев от боли, убрал руку с замка и дернул за дверную ручку. Щелкнул выключатель, заливая прихожую и часть лестничной площадки холодным голубоватым светом.

Взгляду предстала большая прихожая, отделанная темным деревом. Тускло поблескивал дубовый паркет, в углу возвышался массивный шкаф, а с другой стороны — кресло ему под стать и небольшое зеркало. У зеркала на тумбочке валялся не сложенный до конца черный зонт. Рядом на полу темнел какой-то комок. Кристина присмотрелась: похоже на... пальто?

— Все-таки он существует, — пробормотал Лещинский и с облегчением прислонился спиной к двери.

— Вы здесь уже были? — Кристина оглянулась на него. Инквизитор кивнул. — А он всегда бросает свое пальто посреди прихожей?

— Точно не скажу, не жил с ним, — последовал серьезный ответ. — Но не просто так ведь он пропустил совет...

— Совет, члены которого забыли, что существует верховный инквизитор, — согласилась Кристина. Лещинский медлил, и она первой шагнула к прикрытой двери в ближайшую комнату.

В комнате оказалось пусто. Кажется, это была гостиная. Обставленная в том же слегка тяжеловатом классическом стиле, отделанная темным натуральным деревом, с мебелью, обтянутой светло-серой тканью, и таким же серо-коричневым ковром, она казалась безжизненной. Возможно, впечатление было обманчивым, и когда здесь собирались дружеские компании, эта холодная комната становилась уютнейшим местом на земле, но пока...

Оставив Лещинского осматриваться, Кристина проскользнула дальше. Заглянула на кухню, в ванную, еще в одну просторную гостиную или столовую — пусто.

За последней закрытой дверью обнаружилась спальня. Аккуратно застеленная кровать — неожиданно широкая, — парочка шкафов, стол, кресло...

На полу валялась пара опрокинутых стульев. Под столом темнел небольшой прямоугольник. Кристина шагнула к нему — и узнала аккумулятор от мобильного телефона.

Она опустилась на колени, заглядывая еще глубже под стол и под кровать. Остатки телефона обнаружились там, частично раздавленные и раскрошенные, частично отброшенные подальше к стене. Стекланные осколки экрана щерились мелкими острыми углами. Силиконовый чехол был оплавлен, электронные внутренности беспощадно выпотрошены, как у живого существа.

— Стефан! — позвала она, выпрямляясь.

Тот возник на пороге мгновенно. Наверное, уже шел сюда. Заметив, на что показывает Кристина, он метнулся к обломкам и поднял оплавленный чехол.

С лицевой стороны на силиконе еще просматривался какой-то узор. Вернее, символ. Что-то похожее на скрещенные мечи и сложную фигуру из кругов и закорючек.

— Да, похоже, это телефон Безымянного, — Лещинский закусил губу. — А сам Безымянный... Не стал бы он швыряться телефонами и еще крушить их. Его похитили. Причем забирали с боем. Интересно, почему их пропустила защита...

— А от ваших защит вообще есть хоть какой-то прок? — не удержалась Кристина. Он не ответил, только наклонился, сидя на полу, и принялся собирать обломки одной рукой.

— Странно, карту памяти они не забрали, и сим-карту тоже... Наверное, там ничего, что может нам помочь, но я бы восстановил этот телефон.

— Что у вас с рукой? — Кристина схватила его за вторую кисть, ту, которую он прикладывал к входной двери, когда открывал ее.

На ладони алел свежий ожог. Кое-где кожу прожгло до мяса, там выступили капли крови. Кристина непроизвольно поморщилась от одного взгляда и начала ткать исцеляющий узор, прежде чем сообразила, что ее резерв еще не восстановился. Лещинский мягко забрал руку.

— Не нужно, не поможет. Это защита. Чужака она бы испекла. Своего слегка попробовала на вкус, чтобы убедиться... Через час все само пройдет.

— Хорошенькая защита, — буркнула Кристина. — Своих калечит, а чужих преспокойно пропускает и разрешает им похитить хозяина дома! А потом наложить чары на остальной совет высших! Хотя если вашего Безымянного охраняет какой-нибудь подлый законенко, тогда я не удивлюсь, они примерно так и действуют!

— Нет, у него просто очень сильный магический контур, — улыбнулся Лещинский.

Кристина начала помогать ему собирать обломки. — На самом деле защита не должна была пропустить чужаков, они бы сгорели на месте. В том числе, если бы силой заставили Безымянного провести их в дом. Абсурд, его не заставишь силой!..

— Ну а они смогли, — вздохнула Кристина. — Знаете, до какой степени мне все это не нравится?

— Догадываюсь, — хмыкнул он.

— Это уже не секта, а гнездо каких-то полубожеств, которые могут все, — продолжала Кристина. — Они могли бы давно уже явиться к нам и уничтожить, а потом творить с душой города что угодно. Я не понимаю их логики! То есть с одной стороны понимаю, конечно... Но наложить чары на совет высших — это же сложнее, чем на наш ковен!

— Сложнее, — кивнул Лещинский. С его лица вновь исчезло всякое выражение, он отодвинулся в тень, так что Кристина не могла бы ничего прочесть по глазам, даже если бы задалась этой целью.

— Или Безымянный — их сообщник, — сказала она, перебирая собранные детали. Карта памяти на месте, сим-карта тоже, электронная начинка пострадала, но с этим должен справиться сильный узор. — Он мог наспех инсценировать похищение, наложить чары на остальных высших и уйти с сектантами. Эта версия мне кажется самой логичной. А если так, то ждать новых шагов секты в Городе можно с минуты на минуту. И если нам противостоит Безымянный... то это заведомо проигрышное сражение.

Лещинский молчал. Но Кристина знала, что он согласен. Других объяснений у нее не было. Если предположить, что сектанты сумели завербовать верховного инквизитора, все получало объяснение. И странное поведение высших, и появление заглотов...

Не было объяснения только у одного: почему сектанты до сих пор не добились своей цели? Почему не оживили души всех нужных городов и не сделали с ними то, что хотели?

Почему не победили свое чудовище, не воскресили его или не договорились с ним — ведь, кажется, на чудовище была завязана основа их идеологии? Почему, если были настолько всемогущи?

— И все же я сомневаюсь, что Безымянный мог переметнуться к секте, — задумчиво пробормотал Лещинский. Он разговаривал не с Кристиной, а будто сам с собой. — Я бы поверил, что он внедрился к ним, притворился, что им удалось его завербовать. Для прикрытия наложил чары на высших, бросил здесь телефон и так далее. Они не могли на самом деле превратить его в сообщника...

— Почему не могли? — поинтересовалась Кристина. Лещинский взглянул на нее с легким удивлением, словно успел забыть, что она сидит рядом.

— Потому что это слишком мелкая мошкара по сравнению с ним. Слишком незыблемый авторитет... У вас были когда-нибудь авторитеты? Он живет уже не первую сотню лет, Марианна для него младенец. Высшие — малые дети. Мы просто влезли не в свою часть расследования. Он внедрился к ним. Меня не предупредил, потому что я занимаюсь поиском только Марианны Бойко и ее сообщников, а в секте состоит больше людей, и она

расползлась по всему миру. Генерал МВД не оповещает рядовых оперативников о своих планах. Побег заготов — побочное действие тех чар, которые ему пришлось наложить на высших для прикрытия. Да, скорее всего, дело обстоит именно так...

Кристине очень хотелось ему верить. И она верила — но только отчасти. Скептицизм и ведьминская привычка во всем сомневаться не давали успокоиться и вернуться к своей части расследования. Они нашептывали, что тирада Лещинского уж очень похожа на попытку убедить самого себя.

— Ну а если и на авторитет нашлась проруха? Как именно ваша преступница воздействует на инквизиторов? Если она может перетянуть на свою сторону любого простого мага? Вы уверены, что она не могла тем же образом воздействовать на верховного?

— Иммунитет к внушению... Я уже говорил. Лучше свяжитесь с ковеном и попросите стабилизировать портал, нам пора уходить.

— Да я-то свяжусь, — Кристина поискала, куда положить пригоршню пластиковых обломков. Лещинский подставил ладонь. Она высыпала их туда, и он сунул обломки в карман своей кожаной куртки. Кристина достала телефон и начала набирать номер. — Я-то свяжусь... Ну а если обошлось без внушения? Ораторское искусство или там женские чары...

— Да скажите уж прямо — не могла ли она соблазнить Безмянного, — проворчал Лещинский. — Могла, конечно, почему нет. Высшие тоже люди. Только это не заставило бы его перейти на ее сторону. Он все-таки Безмянный, а не Безмозглый. А Марианна — не суккуб, похищающий разум.

— Значит, так она обошлась с вами — соблазнила? Или с вами у нее не вышло, решила попробовать с Безмянным? — тут же поинтересовалась Кристина. Длинные гудки падали в трубку. Ведьмы в ковене спали.

— С чего такие странные выводы?

Даже по голосу слышно было, что Лещинский посмеивается. То ли над ее настойчивостью, то ли над версией.

— Интуиция подсказывает.

— Неправильно подсказывает. Но это к делу не относится. — Он поднялся с пола и выглянул в окно, раздвинув пальцами пластины жалюзи. Тут в ковене взяли трубку.

— Алло...

Кристина так и не поняла, кому принадлежал этот сонный голос.

— Я открываю портал из столицы в свой кабинет! — рявкнула она. — Поэтому немедленно стабилизируйте пространство, потому что портал появится максимум минут через пять!

— Но... но, — заблеял тут же ставший куда более бодрым голосок. Кристина узнала Дарину, ведьму, старавшуюся почаще брать ночные дежурства. Как она утверждала — по семейным обстоятельствам. О самих обстоятельствах не распространялась, а Кристине было все недосуг выяснять самой. — Это же может и час занять! Мы же не успеем!

— Работайте быстрее, значит, — буркнула она. — Быстро, быстро, если не хотите, чтобы из портала со мной пришла еще какая-нибудь тварь!

— Тварь? Ой, подождите, не открывайте портал! Я позвоню, когда будет можно! — окончательно проснулась Дарина.

Кристина нажала отбой и встала, тоже приближаясь к окну. Из него просматривался почти весь двор, был виден даже козырек подъезда. Серые машины пока не появлялись. Хотя преследователи могли оставить их за домом.

Где-то тикали часы. Далеко в стороне проносились мимо автомобили. Кристина слышала рядом едва различимое дыхание Лещинского — и больше ничего.

— Вы закрыли дверь? — шепотом спросила она.

— Да, — ответил он тоже почему-то шепотом.

— А защита...

— Должна сработать как обычно. Даже если он ее перенастроил, у нас будет в запасе пара минут, пока они откроют дверь.

Пара минут — это много. За пару минут можно успеть спастись. Кристина даже знала как. Ей лишь не хватало способности пользоваться своей магией. А сутки без магии тянулись так медленно... За пару минут можно сдернуть с кровати покрывало, наложить на него полетные чары, открыть окно и улететь. Скрыться за домами, чтобы преследователи не

швырнули вслед какое-нибудь заклятие. И Кристине вдруг неудержимо захотелось улететь. Прямо сейчас, не дожидаясь, пока кто-то придет.

— Собственно, чего мы ждем? — сказал Лещинский и отвернулся от окна, начиная ткать узор для портала. Кристина перехватила его руку.

— Нет, они перезвонят. Если вы откроете портал раньше, туда может провалиться кое-что лишнее.

— Кое-что лишнее? — хмыкнул Лещинский. Кристина разжала пальцы, но теперь уже он сам перехватил ее за запястье здоровой рукой и стал осторожно поглаживать нежную кожу большим пальцем.

Кристина распахнула глаза. Момент был самый неподходящий из возможных. И тем не менее она замерла, наслаждаясь простыми прикосновениями. Но потом за окном что-то хлопнуло, и она, вздрогнув, оглянулась.

— Куда вы все время сбегаете? — шепнул Лещинский. — Там ничего нет.

Она посмотрела ему в лицо. Он улыбался. Еле заметно, краешками губ. В этой улыбке чудился непонятный веселый вызов. Будто Лещинский ждал от Кристины какой-то реакции, но она не могла понять какой.

— С вами все в порядке? — против воли тоже захотелось улыбнуться.

— Конечно, в порядке. Просто если хватаете меня за руку, не нужно так быстро бросать. Понимаете ли, я очень расстраиваюсь, — доверительно поведал он.

У Кристины вырвался смешок. Все слова резко закончились. Она так и не нашла, что ответить. На ум снова пришло сравнение с бездомным котом. Таким черствым, недоверчивым, потрепанным зверем, который уже не только мурлыкал в ответ на ласку, но и начинал выпрашивать ее сам. Подставлял рваное ухо и урчал, как ржавый трактор. Если задуматься, Лещинский вел себя точно так же. И с той же внезапностью и непосредственностью.

Кристина вздохнула. Нет, давно надо было завести кота. Или мужчину. Она так и не решила, о нехватке чего сигнализировали эти странные ассоциации, когда зазвонил телефон.

Глава 14. О ведьмах и чудовищах

— Можно открывать портал! — прокричала Даша. — Только... там точно нет тварей? — уже жалобно добавила она.

— Ты же ведьма, не должна бояться тварей, — проворчала Кристина. Лещинский выпустил ее руку и быстро соткал узор. В воздухе распахнулось синеватое окно. Он жестом велел Кристине подождать, просканировал портал еще одним коротким узором и лишь после этого пропустил ее вперед.

— Забыли выключить свет! — воскликнула Кристина, оборачиваясь. Она еще успела увидеть, как Лещинский гасит свет щелчком пальцев. Потом портал свернулся. Ее окружали привычные стены собственного кабинета. Дарина и еще одна ведьма, старушка Рада Кирилловна, суетливо заканчивали стабилизировать пространство — теперь уже после закрытия портала. Ярко горела люстра. Жалюзи были подняты, и в офис заглядывала тьма. Кристина метнулась к окну и опустила жалюзи.

— Лучше бы вообще не показывать, что здесь кто-то есть, — заметил Лещинский у нее за спиной. Кристина оглянулась. Он ткал какой-то узор. Эффекта она не заметила, но если этот узор заставлял всех любопытных видеть с улицы лишь черные окна и пустое здание, то магия была полезная.

Потом она повернулась к своему столу, придвинутому к окну боком, так, чтобы свет падал слева.

На столе стоял ее закрытый рабочий ноутбук. На крышке ноутбука, развалившись, спал котенок. Задние лапы он разбросал в стороны, а передние, извернувшись, вытянул вперед. Из приоткрытой пасти торчал кончик розового языка. На мордочке было написано безусловное блаженство.

— Какая наглость, — фыркнула Кристина. Тут она заметила еще кое-что. На краю стола стояло блюдо с остатками сметаны.

Дарина закончила стабилизировать пространство и уставилась на блюде перепуганными глазами злодея, позабывшего замести следы главного преступления всей своей жизни.

— Животных на моем столе кормим? — протянула Кристина. — Ты бы еще собаку сюда посадила. Ну а что, тоже неплохая замена главной ведьме.

— Да мы... Да я... Это не замена! Как вы могли такое подумать, Кристина Сергеевна! — запричитала Дарина. — Он просто так хорошо здесь лежал! Жалко было сгонять...

— Сгонять, чтобы покормить? Меня бы так гоняли, — прокомментировала Кристина. — Ладно, спасибо за портал. Идите отдыхать. И, Рада Кирилловна, — она взглянула на старушку. — Зачем же вы берете ночные дежурства? Вам спать нужно, а не порталы среди ночи открывать.

— В могиле выплусь! — жизнерадостно заверила та. — Пойдем, Дашенька, людям поговорить нужно, не мозоль им глаза...

Под ее журчащий голосок обе ведьмы покинули кабинет. Дверь со щелчком закрылась.

Поговорить нужно, — подтвердил Лещинский, плюхаясь на диван в углу. — И не только поговорить. Нужно действовать. Немедленно.

— И что вы собираетесь делать?

Кристина села за свой стол. Привычно потянулась к ноутбуку, но тут же получила по руке когтистой лапой и отдернула пальцы, с возмущением глядя на котенка. Тот хлестнул хвостом и продолжил спать.

— То же, что и раньше. Действуем по старому плану. Выманиваем сектантов. Утром начнем нашу техногенную катастрофу, чтобы не позже чем к полудню нужные дома уже обрушились. Потом — наблюдаем и ждем. Преступники проявят себя.

Он не пытался обнадежить Кристину или сам себя, а действительно не сомневался, что так и будет. Это было заметно. Только теперь, после всего, увиденного в столице, прогноз не радовал, а еще больше пугал. Кристина поежилась.

— И если они проявят себя, что вы будете делать? Вы уверены, что мы сможем им что-то противопоставить?

— А вот таких настроений не нужно. — Лещинский мгновенно подобрался. Глаза, прежде расслабленно прикрытые, теперь смотрели сурово, и лицо стало таким строгим, что казалось чужим. — Сможем. Вы заметили, в чем слабость секты?

— А у них есть слабости?

— Плохо. Конечно, есть. Вы видите, что они действуют, как слепой титан? Да, он титан, да, у него огромная сила. Да, он опасен. Но он опасен только потому, что слепо размахивает руками. Может прибить кого-то, кто попадет на пути, или снести парочку домов. Но не способен ничего сделать со своими настоящими врагами.

— Вот как вы на это смотрите? — чуть обескураженно пробормотала Кристина. — По-вашему, вот эта вся демонстрация их силы — это на самом деле слабость? Да они даже совет высших околдовали, а Безымянного куда-то утащили! Они похитили заглотов из-под носа у инквизиции и чуть не убили меня! А на вас наложили проклятие, которое вы не можете снять! Если это все слабость, то что для вас сила?

— Будь это сила, — Лещинский провел рукой по лицу, и его выражение снова стало спокойным и доброжелательным, — они бы давно добились цели. Их цель — дух Города. Скорее всего, они сейчас делают столько глупостей, потому что ваш Город для них особенно важен. Именно ваш Город и его душа. Мы еще вернемся к этому. Если понять, почему он так важен, можно понять многое. Так вот. С такой силой они давно могли уничтожить все помехи и сделать то, что собирались. Пробудить душу и подчинить чудовище... или что там они хотели сделать с чудовищем. Но вместо этого они подсылают к вам заглотов, а не пытаются убить лично, отвлекают совет высших на разную ерунду, вместо того чтобы сделать своими союзниками или убить... Это слабость. Или как минимум серьезное слабое место в их стратегии. Плюс еще нет доказательств, что Безымянный побежден.

— Ах вот оно что...

Он говорил точно то же самое, о чем Кристина думала в квартире у Безымянного. Почти теми же словами. Но делал другие выводы. Для нее все странные шаги секты не были

признаками слабости, а означали существование каких-то неизвестных и непостижимых планов. Новые козни в придачу к уже известным. Новые угрозы. Точка зрения Лещинского казалась крайне сомнительной.

— По-моему, вы недооцениваете противника, — скептически заметила Кристина. — Раньше переоценивали, а теперь недооцениваете. Это не слабость, а хитрость. Может, сектантам удобнее отвлекать высших, а не тратить время на лобовое противостояние... ну и так далее.

— А зачем им вообще высшие? Высшие не гонятся за сектантами, это делают простые инквизиторы. Чтобы добраться до заглотов и натравить их на вас? Стрельба из пушек по воробьям.

— Не надо о пушках, — вздрогнула Кристина. — Знаете, можно как угодно объяснять для себя поступки сектантов. Только если мы их выманим, то под ударом окажутся все. Если вы ошибаетесь, эта ошибка будет дорого стоить моим ведьмам, Лешкиным колдунам и всем жителям города, а не только вам.

— Предлагаете не трогать секту и оставить все как есть?

— Не предлагаю, — Кристина вздохнула, думая, что будет, если отказаться. Перестанет Марианна Бойко подсылать к ней заглотов или еще каких-нибудь тварей? Оставит Город в покое, когда пробудит его душу? Неделя беспорядков, которые должны были начаться с пробуждением души — звучало не так уж страшно... Неделью беспорядков можно пережить. Установить дежурство, заставить ведьм и колдунов утихомиривать людей. Возможно, с помощью магии или распылив над Городом какое-нибудь зелье. Зато потом сектанты уйдут и оставят в покое...

...оставят в покое побежденный Город и побежденную главу ковена, которой до конца жизни будет стыдно смотреть на себя в зеркало.

Или не будет?

Кристина потрясла головой. Взгляд снова упал на блюдце с остатками сметаны, и на миг она позавидовала котенку. Спит, ни о чем не думает, никого не боится, ест от пуза. Она бы тоже не отказалась от еды. Только идти в круглосуточный супермаркет было страшновато. Съездить домой на пару часов, что ли?

— Я проголодалась, — сказала она. — Лучше давайте поедим ко мне и поужинаем... то есть позавтракаем... а потом будем пререкаться дальше.

— До утра лучше никуда не ездить. Преступница ночью сильнее. Я не знаю, что может вас там ждать. Защита еще ослаблена после заглотов, а у меня через час должна начаться сегодняшняя порция видений, и я на какое-то время выхожу из строя. — Лещинский чуть заметно скривился. Но этот аргумент Кристину уже не интересовал, ей хватило первого. «Не знаю, что может вас там ждать»... Не в меру живое воображение нарисовало толпу хтонических черных тварей с полным набором клыков, когтей, рогов, копыт, дьявольски горящими глазами и дымкой потусторонней жути. Бр-р!

— Лучше закажите еду сюда с доставкой. Если сектанты и перехватят заказ, я еще успею прихлопнуть то, что они пришлют вместо курьера, — буднично посоветовал Лещинский.

— Вы что, нанялись меня пугать? — не выдержала Кристина, сверкнув на него глазами. — Вы уж определитесь со своей стратегией. Или вы нагоняете на меня жуть, или заявляете, что противник проявляет слабость и так далее!

Забыв о котенке, она потянулась к ноутбуку, чтобы поискать круглосуточные службы по доставке еды. И тут же повторно получила лапой по руке. Котенку очень не нравилось, когда его сон кто-то тревожил.

У Кристины вырвалась пара непарламентских выражений. С дивана донесся невнятный звук, подозрительно похожий на смех.

— Прихлопнуть чудовище — много ума не надо, — окончательно обозлилась она. — Лучше попробуйте согнать вот это чудовище!

Стоило приблизить к котенку руку, указывая на него пальцем, как когтистая лапа тут же поднялась наизготовку.

— А вы не боитесь с ним ссориться? — сощурился инквизитор. — Оно же магическое. Возьмет и сдаст вас сектантам со всеми потрохами...

Он улегся на диван, забросив ноги на подлокотник. Потом извлек из кармана телефон. Кристина возмущенно наблюдала. Нет, вот так и верь мужчинам! Оставят тебя наедине с когтистым чудовищем в самый ответственный момент!

— Что-то с круглосуточной доставкой у вас в Городе не очень, — прокомментировал Лещинский, видимо, зайдя в поиск. — Суши будете?

— Ненавижу суши, — Кристина оставила попытки добраться до ноутбука и влезла в свое кресло с ногами. — И нечего критиковать мой город. Нет ничего зазорного в том, что люди по ночам спят, а не объедаются.

— А пиццу?

— Нет! Только не пицца! Вы специально выбираете всякую гадость?

— Выбираю из того, что есть, — хмыкнул Лещинский, листая страницы сайтов. — Да что плохого в пицце? Это просто пирог с начинкой. Можно попросить любую. И еще здесь по ночам акция — две пиццы по цене трех...

— Что?!

— А, простите, три пиццы по цене двух. Не хотите? Ладно... Осетинские пироги есть.

— Какие еще пироги? Не знаю, как это — осетинские.

— Мясо на гриле...

— Не-ет.

— Бургеры...

— Нет.

— Что поделаешь, яичницы и сосисок с доставкой нет! — потерял терпение Лещинский. — Может, давайте я сгоняю на вокзал да привезу вам шаурмы, если вам больше ничего не нравится?

— Ну... — Кристина задумалась. Вернее, сделала вид, что задумалась. Вообще-то она бы с удовольствием съела все, кроме суши, но на нее нашло настроение покапризничать. Может быть, чтобы отомстить Лещинскому за то, что отказался спасти ее от котенка. — И что, правда поехали бы?

Он с независимым видом пожал плечами.

— Ладно, — сжалась Кристина. — Берите что хотите, только не суши. В том суши-ресторане еще лапша должна быть и салаты, вот их и закажите.

— Ведьмы, — выдохнул Лещинский, тыкая пальцем в дисплей. Хотя он и не смотрел на нее, но Кристина с достоинством выпрямилась в кресле. Конечно, ведьмы! Ведьма — это звучит гордо!

Стоило Лещинскому подтвердить заказ, как котенок проснулся. Он сел, встряхнулся, почесал задней лапой подбородок, а потом спрыгнул со стола и направился к двери.

— Злыдень, — проворчала Кристина ему вслед. — Понял? Это будет твоя кличка! И мне все равно, как там тебя назвали Катка с Лерой!

Лещинский рассмеялся. Котенок требовательно мяукнул и принялся царапать дверь.

— Не выпускайте его, — сказала Кристина. — Он слышал, о чем мы говорили. Я ему не доверяю. Если решит доложить обо всем Марианне Бойко... Сомневаюсь, что его остановит неумение разговаривать.

Злыдень резко развернулся, громко шипя. Шерсть на загривке встала дыбом. Котенок сел, а потом поднял переднюю лапу и коснулся собственной ушастой головы. Казалось, он пытался покрутить пальцем у виска, но не мог сделать это лапой.

— Он с вами не согласен, — усмехнулся Лещинский, с любопытством разглядывая Злыдня. — Сделаем так...

Он соткал в воздухе магический узор, и вокруг котенка вспыхнул легкий зеленоватый ореол, который сразу погас. Убедившись, что магия сработала, Лещинский открыл дверь. Злыдень высунулся в проем, чихнул и вернулся в кабинет.

— Чтоб тебя, — прокомментировала Кристина. — А что вы с ним сделали?

— Привязал к месту. Он не сможет покинуть это здание. А общаться с магическими существами на расстоянии не способна даже секта.

Опять услышав про секту, котенок покосился на Лещинского, выразительно потряс задней лапой и запрыгнул на подоконник. Инквизитор снова плюхнулся на диван.

— Итак, что там с техногенной катастрофой? Вы просчитали, какая нужна мощность заклинаний? Способы эвакуации людей?

— Не до конца. Но утром можем начинать. Если трещины по стенам пойдут где-то в пять-шесть утра, то к половине восьмого можно запустить панику и эвакуацию. Люди как раз проснутся и будут собираться на работу...

Пока не приехал курьер, они вполне мирно обсуждали детали плана. Кристина загнала подальше тревогу и сомнения. Можно, конечно, позволить сектантам оживить дух Города, можно справиться с беспорядками и забыть о секте, но что потом? Завтра те захотят поработить половину Города, а послезавтра — начнут убивать, почувствовав безнаказанность. Тоже смиряться и терпеть? Еще чего не хватало. Приступ трусости прошел, и она твердо решила сражаться до конца.

Потом Лещинскому позвонил курьер, чтобы уточнить номер дома. Телефон разразился странной мрачной мелодией, пожалуй, слишком тяжелой для чистого мужского голоса, который с надрывом запел что-то о гобеленах времени, руинах и вечной ночи. Кристина заморгала от удивления. Инквизитор не очень-то напоминал заядлого меломана.

К тому времени как он вернулся с пакетом, любопытство достигло пика. Сектанты все-таки не перехватили заказ, курьер оказался обычным человеком, Лещинский беспрепятственно забрал коробки с едой и сейчас искал среди кучи свертков в пакете одноразовые вилки.

Кристина не выдержала:

— Что это у вас за песня на звонке?

— Что? А, не помню название. Ученики выставили.

— Ученики?

Он отыскал сверток с вилками и протянул одну Кристине.

— Ну да. Это у ведьм и колдунов магия проявляется тогда, когда город наделит их даром, — рассказывая, Лещинский присел на край стола. — У инквизиторов и магия, и антимагия врожденная, все это проявляется лет в тринадцать или четырнадцать. При центральном управлении есть курсы. Если подросток с даром живет в другом городе, местная инквизиция организывает ему порталы на занятия. Ваш прошлый инквизитор вам не говорил разве?

Кристина покачала головой. Раиса Петровна вообще не отличалась болтливостью. О себе и своей семье не откровенничала, байками из инквизиторской работы не делилась. Только слушать умела хорошо.

— И что, вы преподавали на этих курсах?

— Да, там есть предмет «совмещение». Учат, как совмещать магию и антимагию. Это довольно трудно, на самом деле. Поэтому предмет обязательно должен вести кто-то из высших. Вот мне и достались в прошлом году ученики, — улыбнулся он. — Взяли в плен мой телефон и творили с ним что хотели. Сказали, что мне подходит.

Кристина засмеялась. На миг даже стало жаль, что она не попала на такие инквизиторские курсы. Хотя если угодить в группу к какому-нибудь Богдану Сергеевичу... С подростками очень многое зависит от того, как себя поставишь.

— Весело там у вас, — сказала она.

— Это вы еще не слышали, какой кошмар они выставили мне на будильник, — согласился инквизитор и, соскользнув со стола, направился к дивану.

— Еще услышу, — пробормотала Кристина. — Эй, вы куда, а лапша?

Свою коробочку она придвинула к себе, открыла и с предвкушением занесла над ней вилку. Лещинский улегся на диван, закинув руки за голову.

— Потом. Сейчас у меня плановое кино.

А, черт, точно. Проклятие с видениями. И зелье ему пора было принимать, но зелье осталось в квартире, в которой, несмотря на ведьминскую защиту, мог подстергать кто угодно... Кристина беззвучно выругалась и принялась поедать лапшу с овощной подливой. Что еще оставалось делать прямо сейчас?

Она успела съесть больше половины, когда дремавший на подоконнике Злыдень вскочил и, дергая хвостом, спрыгнул на пол. Он подбежал к дивану и устроился у Лещинского на плече, у самой шеи. По кабинету разнеслось громкое мурлыканье, в котором проскальзывали тревожные нотки.

— Лечишь? — спросила Кристина у котенка. — Или специально хуже делаешь?

Тот не отреагировал.

А Лещинский провалился в свое видение. На этот раз Кристина не испугалась, но при взгляде на него в душе поднималось тягостное чувство. Царапающая мутная тьма. Но не жалость... или, во всяком случае, не та унижительная жалость, от которой даже слабые бежали, как от чумы. Больше всего это чувство напоминало досаду. Ну почему такая дрянь, как проклятие, прицепилась именно к Лещинскому? А не к Богдану Сергеевичу или Павлу, или тому жабоподобному высшему, имя которого успело вылететь из головы? Хотя... вопрос риторический. Они не были замечены в «порочащих связях». И как его угораздило?..

Больше всего злило то, что ведьминские проклятия не снимались иначе, как с помощью ключа. Даже сама ведьма, наложившая проклятие, не всегда могла его снять. Только если искренне раскаивалась. А Кристина сомневалась, что Марианна Бойко будет раскаиваться. Хотя бы поэтому стоило отбросить страхи и выложиться на полную, чтобы поймать ее. И ее, и сообщников. За одно только проклятие ей светила казнь, а уж вместе со всем остальным... И к гадалке не ходи. Казнят. Кристина кровожадно подумала, что на это зрелище стоит посмотреть из первого ряда.

Она доела остатки лапши, достала из ящика стола вчерашние чертежи и планы, которые там оставила Эля, и стала вчитываться в ее пометки и предложения. Хотелось, как Злыдень, подойти к Лещинскому, устроиться рядом и погладить по голове, но она понимала, что ему бы это не понравилось. Амплуа пафосного страдальца — не для всех, кто-то предпочитает уделять поменьше внимания своим проблемам.

Вчера после ухода Кристины Эля успела вычислить самый удачный дом, с которого можно было начать. Всего они планировали обрушить восемь домов. Восемь древних развалюх, которые и без того дышали на ладан, дребезжали от проезжавших мимо трамваев, осыпались штукатуркой на головы хозяев, а в непогоду разражались какофонией сквозняков, завывающих в щелях стен. Кристина представила финальную часть плана — обрушение. Она словно наяву увидела, как стены складываются внутрь и падают, как вздымаются клубы пыли, как грохот сотрясает землю... И как злятся городские чиновники, которым придется выделять новые квартиры для жильцов в кратчайшие сроки. Кристина отлично знала, что деньги на это в бюджете есть. Просто в чей-то карман отправится меньше, чем планировалось. Ничего, переживут. Нужно только наложить на чиновников заклятие помощнее. Против жадности сработает не всякая магия. Жадность — это, пожалуй, еще более могущественная сила, чем любовь.

На верхнем чертеже было жирным маркером написано: «Заклятие паники!»

Точно. Элька гений. Если с утра наложить на жителей обреченных домов заклятие паники, можно не беспокоиться насчет эвакуации. Они сами упакуют все вещи и выбегут...

— Вижу, здесь все в порядке, — раздался голос Лещинского, и Кристина вскинула голову. Она и не заметила, когда он успел прийти в себя и сесть. Злыдень свалился с его плеча, но уцепился когтями за ткань серой футболки-поло, которая была у инквизитора под курткой, и вскарабкался обратно. Лещинский недоуменно скосил на него глаза и фыркнул. Злыдень фыркнул в ответ, улегся на плечо и громко замурлыкал.

— Да у вас идиллия, — прокомментировала Кристина. — Как вы?

— Отлично, — Лещинский погладил Злыдня. Кажется, тот и вправду пытался ему помочь, а не навредить. — А там у вас что — план?

— Да, — Кристина взглянула на Элькину подпись и не смогла сдержать торжествующей улыбки. — Когда рассветет, наложим на жителей заклятие паники, и можно начинать. У меня настроение разрушать!

Инквизитор ответил понимающей усмешкой.

Глава 15. Обвал

На рассвете зарядил мелкий холодный дождь. Не дождь даже, а морось, повисшие в воздухе капли чуть гуще тумана, влекомые ветром. Они впивались в лицо едва ощутимыми ледяными уколами. Прибывшая на своем юрком алом «матизе» Эля куталась в такой же

алый непромокаемый плащ. Кристина уныло натянула поглубже капюшон куртки и вышла на крыльцо офиса.

— Все живы? — бодро поинтересовалась Эля. Огляделась, заметила Лещинского в глубине холла, Радю Кирилловну, дремлющую там же на диване, Дарину, которая вывела Рачку на прогулку, и кивнула. — Ага, все. Хотя насчет этого, как его... Семена Никитича я бы не была так уверена. Он же до сих пор сидит в кабинете Рады Петровны с бумажками своими. — Что? Как до сих пор? — ахнула Кристина. Это когда же его отправили перебирать бумажки? Кажется... кажется, позавчера. А потом она напрочь о нем забыла. Он не маячил перед глазами, она и не вспоминала... Мать-магия! Она замахала Лещинскому, подзывая к себе.

— Какие вы чары наложили на Семена Никитича?!

— Кхм... Это не он, — чуть смущенно подала голос Эля. — Это я. Простите. Он когда ушел, так спокойно стало. Я и наложила узор, чтобы он работал и не отвлекался, и не трогал нас. А потом забыла...

— Какой суровый к инквизиции город, — вздохнул Лещинский. — Черт, нам сейчас некогда заниматься еще и Семеном Никитичем! Снимите с него чары и отправьте в отель спать. И вызовите Аля с Игорем Игоревичем.

Эля недоверчиво посмотрела на него, будто ждала, что на нее вот-вот наложат взыскание, а потом поспешила в офис.

— Если бы вся инквизиция временно исчезла и не мешалась под ногами, — в сердцах сказал Лещинский, — я был бы на седьмом небе. Поехали, Кристина, нам нужен весь запас ваших бодрящих зелий, потому что спать нам не придется еще долго.

— Не придется?

— После катастрофы можем устраивать засаду и ждать. Сектанты покажутся. Очень скоро. Через полчаса, час, в обед или к вечеру... Было бы обидно это проспять, как вы думаете?

Он слегка улыбнулся и кивком указал в сторону парковки. Кристина зашагала к машине.

— Что-то вы повеселели с тех пор, как явились в Город, — заметила она. — Признавайтесь, любите засады и погони?

— Согласитесь, они отлично развлекают, — ответил инквизитор, но смотрел на нее с легким недоумением. Не замечал, наверное, как превратился из примороженной ледышки в почти нормального человека. Ну пускай и дальше не замечает. Акцентировать на этом внимание стоило бы, если бы дело обстояло наоборот.

— Проверьте мою машину, — сказала Кристина, прежде чем завести мотор. — Вдруг сюда тоже посадили какого-нибудь автоподгрыза.

...В квартире никто не ждал. Ни единого завалящего заглота. То ли сектанты решили оставить ее в покое, то ли — что более вероятно — готовили нечто масштабное. Может, собирались оживить душу города прямо сегодня. Кстати...

— А почему они не оживляют души городов сразу, как только прибывают? — спросила Кристина. — Что они вообще делают так долго, что это вызывает аномалии фона? Зачем перетягивают на свою сторону магов и магических существ и к чему именно их принуждают? Зачем все это, если их цель — пробуждение души, и все?

Она прошла на кухню, порылась в ящиках, отыскала запасные баночки и пузырьки и начала переливать в них зелья. Лещинский медлил с ответом. Оглянувшись, Кристина увидела, что он стоит, прислонившись к стене, и беззвучно читает заклинания, водя перед собой руками и периодически принимаясь плести какие-то узоры.

Она вздохнула. Если бы это помогло, пусть бы хоть оббил все стены авиационной сталью и превратил квартиру в бункер без окон. Смелость смелостью, но Кристина понятия не имела, сможет ли вообще хоть раз уснуть у себя дома до того, как секта будет разгромлена. Как спать, если каждую секунду ждешь, что стоит тебе задремать — и пробуждение будет уже в пасти зубастой пушки?

— Им нужно не только это, — ответил Лещинский, закончив чары. — Пробуждение души — это как бы... вишенка на торте. Нет, важнее. Финальный этап, завершение, очень важное, но не единственное. Их главная идея не в том, чтобы пробудить души всех городов мира и радоваться. Их идея в том, что грянет некое чудовище... Остальная деятельность — подготовка к встрече чудовища. Не знаю, собираются ли они встречать его с оружием или с хлебом и солью.

— Думаю, что с хлебом и солью. То есть, по-моему, они собираются его зачем-то использовать. Чтобы просто обезвредить какое-нибудь чудовище, не нужно городить огород, можно обратиться к инквизиции за помощью и бороться с ним вместе, — заметила Кристина. Она критически осмотрела батарею пузырьков на столе. Переливать в них зелье можно было до вечера. Да и зачем? Отодвинув пузырьки, она извлекла из холодильника недопитую двухлитровую бутылку «Кока-колы», вылила газировку в стакан и принялась мыть бутылку под краном.

— Тоже так думаю, — согласился Лещинский. — Вообще неплохо бы поймать какое-нибудь существо, которое они используют, и допросить. Жаль, до сих пор мне не попадались те, кто умеет разговаривать. Только один кто-то, и тот сразу исчез.

— Сектанты же как-то с ними разговаривают, — Кристина по привычке соткала короткий, из пары движений, узор, которым пользовалась, чтобы сушить мокрые вещи. Вымытая бутылка мгновенно высохла. Магия вернулась! Кристина ненадолго замерла, глядя на пустую пластиковую бутылку, как на восьмое чудо света.

— Все равно не очень-то тратьте резерв, — предупредил Лещинский. — Вам он понадобится, когда придется ловить магических существ... или самих сектантов.

— Вы так уверены, что будет кого ловить, — проворчала Кристина, закручивая крышку. В несколько пузырьков она налила восстанавливающего зелья, а остатки допила прямо из кастрюли. Потом положила в отдельную баночку немного «Утолителя скорбей» и сыпала запасы в тканевую сумку, с которой иногда ходила на рынок.

— Будет, — усмехнулся Лещинский. — Не знаю точно где, но будет. Представьте, что вы выкуриваете из щелей тараканов. Может, они и не побегут полчищами, но вы точно это заметите.

— Вот не нужно, у меня нет тараканов, — проворчала Кристина, вручая ему сумку. — И мы опять залезем на самую высокую крышу и будем ждать, пока они побегут?

— Не думаю, что с крыши мы что-то увидим. Одно из двух. Или они затеют что-то, что трудно будет не заметить — например, зальют центр города кремом... — задумчиво произнес он, а Кристина скривилась, вспомнив отвратительный вкус. — Или нам придется пройти по самым важным местам, тем точкам, где преступники уже наследили, и поискать новые следы. Заглянуть в тот подвал с водопроводом, в вашу квартиру — я оставил там отличную ловушку для чужаков — подежурить в офисе...

— А лучше в музее, — сказала Кристина. Они как раз вышли из подъезда, и она резко обернулась, гневно уставившись на Лещинского. — Погодите, что значит — ловушку? Я разве соглашалась, чтобы моя квартира превратилась в мышеловку?

Он безмятежно шурился на выглянувшем из-за туч утреннем солнце.

— Что, опять? Мы, кажется, уже решили, что со мной не нужно спорить.

— Когда это мы так решили?

— Если еще не решили, можем решить прямо сейчас. Как скажете, — еще безмятежней предложил Лещинский. — Хотя если вам нравится сам процесс...

— Кто-то давно не катался по колдобинам, — фыркнула Кристина, отвернулась и направилась к машине. Сзади раздался смех.

— Сдаюсь и прошу помилования! Но ловушку все равно не уберу. Не волнуйтесь, когда вы вернетесь домой, я ее перенастрою, вам не придется делить жилье с заглотами или тем, что попадет в силки. Жаль упускать такой случай, в них может попасться что-то полезное. Кристина проигнорировала пояснение. Она прекрасно понимала, зачем нужна ловушка и чем полезна. Просто... просто, кажется, ей действительно нравился процесс. Нравилось пререкаться, поднимать себе настроение и заодно выводить инквизитора из себя или смешить, чтобы не дать снова покрыться коркой льда.

А еще она просто была ведьмой. Любой уважающей себя ведьме полагалось иметь склочный характер.

В офисе жизнь уже кипела. Одни ведьмы подъезжали на машинах, другие бежали к зданию с троллейбусной остановки. Зевающий Яржинов ждал, убивая время попытками дрессировать Раечку. Он бросал ей палку и предлагал собачьи лакомства, чтобы она приносила ее. Но Раечка не интересовалась палкой, и лакомства исчезали в зубастой пасти безвозмездно. Игорь Игоревич стоял за спиной у Эли, листая ее чертежи и иногда

перебрасываясь с ней короткими репликами. Сама Эля собрала вокруг себя на крыльце человек десять ведьм и распоряжалась:

— Вы все на подстраховке. Сейчас выдвигаемся на объект, — Кристина хихикнула от обозначения «объект», — и я накладываю заклинание паники. Ваша задача — проследить, чтобы все жители проснулись, собрали вещи и покинули дома. Через полчаса после заклания паники пускаем по стенам трещины. Я дам отмашку, в это время часть из вас должна будет следить, чтобы дома не рухнули, пока все жители не выйдут. Распределение: Катя, Лена и Илона — дом номер сорок шесть, Ольга Ивановна, Марина и Лера — номер сорок восемь...

Прибывающие ведьмы подходили к ней и получали свой участок работы. Кристина оперлась о крышу машины.

— Иногда мне кажется, что от Эльки на моей должности было бы больше толку, — сказала она. И, подумав, добавила: — Даже не иногда, если честно.

— Городу виднее, — уверенно ответил Лещинский.

— А мы точно можем знать, что ему виднее? Только потому, что однажды рядовая ведьма просыпается с ключом в руке, и лишь у нее он открывает кабинет главы ковена? — пробормотала Кристина. Не ради того, чтобы поспорить. Этот вопрос давно не давал ей покоя. С тех самых пор, как со светящимся ключом в руке проснулась она сама.

— У вас никто не пробовал пойти против воли Города? — поинтересовался Лещинский. — Ни разу? В некоторых городах пытались устроить выборы главы ковена. Еще в одном, в Новосибирске, кажется, старая глава ковена отказалась передавать власть новой. Итог был один. Они больше не могли черпать магию из городского фона. Стали обычными людьми. Силы вернулись только после того, как ведьмы признали главенство избранницы города.

— Занятно, — сказала Кристина. Не то чтобы она постоянно мучилась комплексом самозванца, но сейчас ощутила некоторое облегчение. — Может, сектанты для этого пробуждают души городов? Чтобы заставить их передать власть нужным людям?

Поставить своих ведьм над каждым городом...

Лещинский молчал. Повернув голову, Кристина обнаружила, что он внимательно смотрит на нее. Так пристально, что ей стало не по себе, и она набросила на голову капюшон, хотя дождь давно закончился.

— Простите, — хмыкнул инквизитор, отводя взгляд прозрачных глаз. — Да, очень разумная мысль. Настолько, что я бы попросил высших проверить, кто возглавляет ковен в городах, переживших пробуждение... если бы высшие были чуть адекватнее. Игорь Игоревич!

Он махнул инквизиторскому адвокату, и тот поспешил к ним. На лощеном бесстрастном лице проступало удивление.

— Очень заняты в этой операции? — Лещинский кивнул на Элю. — Подстраховываете? Отлично, давайте сюда чертежи, я сам подстрахую. А вы пока свяжитесь с ковенами тех городов, где преступники уже пробудили души, и проверьте главных ведьм. Проверьте все нити, которыми они могут быть связаны с сектой.

— Связаны с сектой? Главные ведьмы? — лицо адвоката оставалось бесстрастным, но глаза, и без того слегка навывкате, стали большими и выпуклыми, как у мультяшной лягушки.

— Просто проверьте, — повторил Лещинский. Игорь Игоревич уже совладал с эмоциями и спокойно кивнул.

— Я могу воспользоваться каким-нибудь компьютером ковена?

— Конечно. Лучше берите мой ноутбук. Там магический антивирусник против шпионов. Если вас к нему пустят, — рассеянно ответила Кристина. Ее голову занимала новая задача: как разместить такое количество ведьм-помощниц в нескольких машинах? Может, лучше арендовать автобус?

— А кто может не пустить? — не понял Игорь Игоревич.

— Одна когтистая зверюга, — отмахнулась Кристина и направилась к Эле. Та как раз строила ведьм в шеренгу по трое, как в детском саду.

Наконец все кое-как разрешилось. В нужном квартале ведьмы разошлись по своим участкам, оставив машины на большой парковке в центре. Все, кроме одной.

...Кристина припарковалась на обочине, втиснув «ауди» в ряд таких же жмущихся к тротуару машин. С выбранного места как минимум половина обреченных домов просматривалась, как на ладони. Рядом на пассажирском сиденье устроилась Эля. Она уже успела выйти из машины, пройти между домами и наложить на каждый по заклинанию паники. Теперь она с высунутым от усердия кончиком языка терзала свой телефон. Что-то мигнуло, и на большом дисплее включилось видео с уличной камеры наблюдения. — Подселила сюда парочку электронных буквоедов, — пояснила Эля в ответ на удивленный взгляд Кристины. — Они помогли подсоединиться к камере возле супермаркета. Вон там.

Она махнула рукой. Супермаркет располагался на площади за кварталом со старыми домами. Отсюда его было не видно.

— А к телефону Марианны Бойко они могут подключиться? — подал голос Яржинов. Их с Лещинским сослали на заднее сиденье. Лещинский помалкивал, сосредоточенно колдуя над остатками телефона Безымянного. Но Кристина не сомневалась, что он внимательно прислушивается ко всему происходящему.

— С учетом обстоятельств, — ответила она вместо Эли, — я бы спрашивала, не может ли Марианна Бойко подключиться к нам.

— Каких обстоятельств? — моргнула Эля. — Вы что-то узнали?

Кристина замялась. Она не знала, стоит ли рассказывать кому-то, пусть даже и своей правой руке, о Безымянном и всех догадках на его счет. На помощь пришел Лещинский: — Ничего, что могло бы быть сейчас полезным. А буквоедов лучше пока не используйте, пока я не проверю ту колонию, что живет в компьютерах ковена. Это тоже магические существа.

Эля покосилась на него в замешательстве.

— Подключение к камерам пусть остается, — он правильно истолковал ее немой вопрос. — Просто не пускайте их в устройства, из которых есть доступ к важной информации. Или давайте я изгоню их из телефона.

— Нет уж, — Эля спрятала смартфон за спину. — Вы их убьете. Я поняла. Кристина, связь с ведьмами пока через тебя.

— Меня считают монстром, — с иронией посетовал Лещинский, снова склоняя голову над обломками.

В окна машины светило солнце. Люди спешили мимо по делам. К трамвайной остановке неподалеку прибыла грохочущая железная туша, и толпа хлынула внутрь. То и дело по проспекту чуть в стороне проезжали переполненные маршрутки, выплевывали порции пассажиров и заглатывали новые, а потом медленно, кренясь набок от неподъемного груза, снова пускались в путь. Утренний дождь оставил после себя только слабеющий запах мокрого асфальта, влажную землю вокруг деревьев по краям тротуаров и потемневшие от воды трещины в асфальте.

Заклятие паники должно было уже сработать, но эффекта пока не наблюдалось. Ну разве что чуть чаще хлопали окна квартир, дребезжало стекло и открывались двери подъездов. И чуть больше машин то и дело ныряло во дворы. Джипы, выдавшие виды легковушки, парочка «газелей»...

— Я бы уже пустила первые трещины, — сказала Эля.

— Ну пусти, — согласилась Кристина. — Если это подействует...

Она знала, о чем говорила. За время сидения в машине она успела налюбоваться на аварийные дома вблизи. Стены и без того покрывала сеть трещин, порой таких широких, что сквозь них виднелись пестрые внутренности квартир. А может, это были тряпки, которыми несчастные обитатели квартир пытались заткнуть хотя бы самые большие прорехи, чтобы спастись от ветра. Жители так привыкли к утlosti своих жилищ, что могли и не заметить парочку новых трещин. Без заклинания паники ничего бы не получилось. Эля соткала узор. Крышу ближайшего дома бесшумно расчертила трещина. Она была красивой, в чем-то даже щегольской: длинная извилистая молния с симметричными ответвлениями. Кристина залюбовалась. Такие же молнии появились на других домах — они пересекали крыши, балконы, пока еще целые стены...

Крики донеслись даже сквозь городской шум. Двери подъездов захлопали чаще, во дворы начали выбегать люди. Уже полностью одетые, многие даже с сумками. Чары паники работали.

Вот только чары разрушения работали тоже. От одной из крыш отвалился огромный кусок металла и полетел вниз. Прямо на группу людей под окнами.

Кристина и Эля одновременно вскинули руки. Черт, пятый этаж, эта дрянь долетит раньше, чем...

Скрежетнуло опускаемое стекло автомобиля, и Лещинский выдохнул короткое заклинание. Металлический обломок подхватил налетевший порыв ветра, отнес в сторону и с оглушительным грохотом швырнул на угол соседнего дома. Лязг слышно было даже сюда, через широкую дорогу и тротуар. Обломок безобидно съехал вниз по стене, а люди во дворе бросились врассыпную.

— План придется менять, — констатировал Лещинский. — Эти дома больше ничего не выдержат. Никаких трещин. Запас прочности не нулевой, он отрицательный.

Он высунулся в окно и цепко оглядывал окрестности. Свободная рука сжимала телефон в чехле с узором. Какой-то новый телефон, у самого Лещинского был просто черный...

Кристина моргнула.

До нее начало доходить, откуда взялось устройство.

И не только до нее. Яржинов смотрел на рисунок чехла с недоверчивым ужасом. Так смотрят, когда безмятежный океан под ярко-синим небом вдруг встает на дыбы и обрушивает цунами на побережье. Ничто не предвещало, никто не обещал, такого вообще не могло быть!

— Это... — в замешательстве начал Яржинов. Лещинский обернулся к нему.

— Это то, что мы нашли в столице. Его нужно исследовать. Не думаю, что там будет что-то полезное, но проверю. Вопросы?

— У матросов нет вопросов, — заторможенно пробормотал Яржинов.

— Что вы там бурчите? — повернулась к ним Эля. — За домами следите, весь наш план летит к чертям, если они сейчас посыплются, мы не удержим!

— Я вообще удивляюсь, как они продержались до сегодняшнего дня, — сказал Лещинский. — Не волнуйтесь, я слежу. Хотя лучше бы создать ведьминское поле, если у вас там достаточно ведьм, — он кивнул в сторону дворов.

Ведьминское поле было трудоемкой магией, но нужной. Его использовали, спасая людей от разрушений, взрывов, обстрелов и бомбежек. Над участком, кварталом или целой улицей натягивали чары, внутри которых ведьмы могли по своему усмотрению управлять воздухом и отчасти временем. Замедлить падение бомбы, заставить рушащийся дом держаться, даже когда держаться было нечему... Для этого требовалось не меньше тринадцати ведьм и одна в качестве координатора.

— Дай, — Эля забрала у Кристины телефон и принялась искать помощниц, которые рассеялись по кварталу. Выбрав всех, она поднесла телефон к уху и открыла дверцу.

Кристина тоже потянулась к ручке со своей стороны, но Лещинский остановил ее:

— Сидите на месте, не расходуйте резерв. Вы будете нужнее, когда начнем ловить тех, кого выманим.

— Моя магия уже восстановилась! — возмущенно оглянулась она.

— И этот ритуал вынет ее из вас еще на сутки. Я понимаю, что тяжело отсиживаться в стороне. Ничего, очень скоро вам будет чем заняться.

Скрипнув зубами, Кристина кивнула Эле, и та побежала к аварийному кварталу.

— Я начинаю подозревать, — произнес Лещинский, помолчав, — что поле установлено здесь уже давно. Ну или что-то другое удерживало эти дома от обрушения. Нужно будет после обыскать развалины.

— Сектанты удерживают дома? Но зачем? — Кристина с сомнением покосилась на суетящихся во дворах людей. Баулов, сумок и коробок прибавлялось. Не дожидаясь обрушения, жители паковали вещи. Со стороны проспекта свернули две неприметные машины с красно-синими надписями «Служба спасения».

— Не факт, что сектанты, и не факт, что удерживают. Я просто удивляюсь.

— Ну проверим, — согласилась Кристина. — Только мне кажется, после аварии лучше сразу ехать в музей. И посмотреть, как он себя поведет.

— Посмотрим, — ответил Лещинский себе под нос, и непонятно было, говорит он о ситуации в целом или конкретно о музее.

Пискнул, включаясь, телефон Безымянного, и в салоне воцарилась тишина.

А дальше события стали развиваться как по писаному.

Угрожающе затрещала стена ближайшего дома. Над ней поднялся еще более угрожающий клуб строительной пыли. Вопли ужаса снова перекрыли остальной городской шум, случайные прохожие в панике поспешили скрыться подальше, а водители маршруток свернули на обходные дороги. Некстати подъехавший к остановке трамвай замер, не открывая двери, и даже, казалось, съежился... и стена, пошатнувшись, отошла от фасада. С грохотом полетели вниз вещи и мебель. Стена держалась. Она должна была рухнуть в ту же секунду, но вопреки законам физики еще держалась отдельно от дома, и сквозь обширные трещины виднелось небо и недра квартир.

Завыли сирены. Во дворы бесстрашно ныряли все новые и новые аварийки. Из них сыпались бравые МЧСники. Они пытались отогнать жителей от распадающихся домов, но те упирались и рвались забрать вещи, все до последней пластиковой собачки на ветхом комод. То и дело сверху падали куски лепнины с балконов, осколки кирпичей, куски металла и мелкое каменное крошево. Но все это таинственным образом приземлялось на асфальт, минуя людей. Потом отошла еще одна стена. Потом на землю не спеша, как в замедленной съемке, спланировала крыша, не удержавшись на растрескавшихся балках.

Толпа редела, редела и наконец исчезла с последней семьей, погрузившейся в машину.

Другие машины, массивная спецтехника, уже вились вокруг опасного района. Появились первые желтые ленты, перегораживающие вход.

Трель собственного телефона вывела Кристину из оцепенения. Она схватила трубку.

— Пора уже, — запыхавшимся голосом прокричала Эля. — Скажи там этим... можно уже рушить все к чертям или еще тянуть?

— Можно, — ответил Лещинский с заднего сиденья. Эля так кричала, что инквизиторам было отлично слышно даже без громкой связи. — Если уже проверили, никого ли не осталось.

— Да никого там не осталось! — гаркнула Эля. — Крис, ну мы тогда начинаем!

— Подождите, — не выдержала Кристина. — Я сейчас подойду!

Она открыла дверцу.

— Сидите, говорю же вам, не тратьте резерв... — снова начал Лещинский. Но она перебила его:

— Нет уж. Вы меня не остановите. Это мой город, и я должна быть там!

Хлопнула дверцей и побежала во дворы, игнорируя предостерегающие крики МЧСников. Ей надоело отсиживаться в машине. Не могла она отсиживаться в машине, пока остальные ведьмы там, свободные и сильные, плетут важные чары и влияют на судьбу Города! Она должна была быть с ними, а не трястись над своим резервом, как скряга над золотом! Колдовство на благо Города еще не истощило ни одну ведьму!

Она отыскала девчонок. Те стояли кружком во дворе, а со всех сторон возвышались полуразрушенные дома, держащиеся лишь за счет ведьминского поля. Кристина влила свою силу в этот поток.

Вокруг ведьм соткался невидимый воздушный купол. Поле схлопнулось до него, а оставшиеся без поддержки стены со стоном и грохотом обрушились вниз.

Это было даже красиво. Завораживающе. В воздух взметнулись клубы пыли и мелких каменных осколков. Ближайший дом словно взорвался пестрыми внутренностями — разноцветными обоями, остатками ветхой мебели и ковров. Эля кивком указала на него — он не хотел падать, упрямо сохранял равновесие. Стрела объединенной ведьминской силы ударила туда, и дом буквально рассыпался, выпуская новые пыльные облака.

Кристина закашлялась. Ненадолго пыль закрыла обзор. По воздушному куполу дождем барабанили камни, и можно было почувствовать, как он пружинит, отбрасывая их в стороны. Когда вокруг прояснилось, Эля все так же молча указала на следующий дом — и стрела вонзилась в него...

Вокруг все рушилось, осыпалось, скрежетало и грохотало. Кристину охватило нечто вроде эйфории. В разрушении было какое-то странное наслаждение. И хотелось разрушать снова и снова, с удовольствием наблюдая, как обваливаются целые дома.

Она даже пожалела, что такая возможность выпадает редко. Каждому нужно, чтобы в свободное время он мог сделать паузу и обрушить парочку домов. Это очень успокаивает.

Глава 16. Музейная диковинка

...Ведьмы ушли незамеченными, пользуясь тем, что клубы пыли скрыли их из виду МЧСников. Они рассеялись по соседнему кварталу, затерявшись среди перепуганных жителей, потом обогнули стройку, рабочие с которой напряженно следили за происходящим, и встретились возле «ауди» Кристины. Инквизиторы уже вышли из машины и негромко совещались.

— Значит, договорились, Аль, берешь ведьму в помощь, накладываешь невидимость и обыскиваешь это все, — Лещинский кивнул на руины. — Ищи магических существ или следы чар. Попадутся существа — замораживай и звони мне. Дамы, прогуляйтесь по городу, — он повернулся к остальным ведьмам. — По двое. Рассейтесь по разным районам и наблюдайте за магическими аномалиями. Увидите что-то нетипичное — звоните Кристине Сергеевне. С которой мы сейчас, — он взглянул на Кристину, глаза горели азартом, — очень быстро отправимся в музей, потому что там действительно может что-то проявиться. Все, не стоим на месте!

— В музей? — обескураженно переспросила ведьма Марина, вытряхивая пыль из белокурых волос.

«Дожили, не было времени даже рассказать своим же сотрудницам, при чем здесь музей», — подумала Кристина. Хотя, может, и хорошо, что не было. Еще не факт, что в колене нет предательниц.

Яржинов молча сгреб под руку Катарину и потащил к развалинам. Кристина захлопнула дверцу и завела двигатель.

— Колдунов из ложи надо привлечь к патрулированию, — сказал Лещинский и сам набрал номер. Лешкин, по-видимому. Судя по тому, что собеседник долго не отвечал — точно Лешкин. Глава ложи ненавидел рано вставать, а на часах было всего-то десять утра.

— Что там с телефоном Безымянного? — спросила Кристина. — Вы что-то нашли?

— Ничего ценного, как я и думал. Несколько неизвестных номеров, парочка интересных документов, но дела они не касаются... Доброе утро, Алексей, мне нужна помощь ложи. Организуйте патрулирование Города...

Ничего ценного. Ну что ж, это было ожидаемо. Хотя неизвестные номера нужно пробить по базе. Но если Безымянный готовил свой отход и бросил телефон для отвода глаз, то сам должен был вычистить оттуда всю информацию. Тоже странно. Он же не мог не предусмотреть, что его будут искать и не поверят в подобное прикрытие... Или расчет был как раз на то, что не поверят? Такое себе предупреждение-намеки для тех, кто способен понять?

Или не было никакого предупреждения, а его действительно похитили?

Мозг уже начинал закипать. Кристина припарковалась чуть в стороне от музея и направилась ко входу, но Лещинский окликнул ее:

— Нам не сюда. Попробуем для разнообразия черный ход и подсобные помещения. В залы мы еще вернемся чуть позже. Пока просто ждем, не проявит ли себя какая-нибудь магия.

— А здесь вообще есть черный ход?

В существовании подсобных помещений Кристина тоже сомневалась. Она просто не обращала внимания, были ли в музее еще какие-то двери, ведущие в какие-нибудь скрытые от посетителей комнатухи, а не в залы с экспонатами.

Оказалось, были. И полно.

В задней части здания темнела ничем не выдающаяся железная дверь, наполовину скрытая ветвями деревьев. Старый парк подступал к музею вплотную, и раскидистые кроны деревьев касались стен. Дверь оказалась закрытой, но Лещинский вскрыл замок так же, как в квартире Безымянного, приложив к нему руку. На ладони уже не оставалось и следа ран.

Кристине на миг стало интересно, не набросится ли на него защита музея. А что — если

здание оккупировали сектанты, то вполне могли поставить на него защиту или хотя бы магическую оповещалку, чтобы не пропустить вторжения чужаков. Она соткала узор, проверяя, есть ли на стенах чужая магия.

Никаких чар не обнаружилось. Разве что здание на долю секунды замерцало неоновоголубоватым, но это мог быть просто побочный эффект узора.

— Нет здесь ничего, я бы заметил. — Лещинский, от внимания которого не укрылся ее маневр, похлопал рукой по замку. Тот негромко щелкнул. Лещинский взял Кристину за плечо и наложил невидимость на себя и нее.

— Удобно все-таки, — прокомментировала она. — Банки грабить не пробовали?

— Тихо. На звуки чары не распространяются. И да, однажды я грабил банк. Молодой дурак с магией хуже обезьяны с гранатометом.

От этой неожиданной детали его биографии Кристина ненадолго потеряла дар речи, и они бесшумно вошли в музей. Дверь еле слышно закрылась за спиной.

Полутьма коридора ослепляла после яркого утреннего солнца. Вскоре глаза начали привыкать к ней, и Кристина рассмотрела стены, выкрашенные в бежевый цвет, потертый дощатый пол, ответвления, убегающие вправо и влево, пару деревянных дверей. Откуда-то доносились еле слышные голоса.

— Что теперь? — шепотом спросила она. — Кого или что мы здесь ищем?

— Вспомните все проверочные узоры, какие знаете. Я бы просветил персонал этого музея, пока они нас не видят, — еле слышно ответил Лещинский.

Он свернул направо, и Кристина последовала за ним. Музей внутри казался довольно большим. Больше, чем можно было решить, пройдясь по выставочным залам. Пахло старыми бумагами, пылью, всем тем, чем обычно пахнет в ветхих квартирах допотопных домов, и самую малость — чаем с лимоном.

Дверь ближайшего кабинета оказалась открытой — а может, Лещинский успел открыть замок, пока Кристина принималась. Он одними губами произнес заклинание, соткал узор...

Пустота предсказуемо не проявила никого и ничего лишнего. Тот же письменный стол, книжный шкаф, заваленный папками, и несколько сдвинутых стульев у стены. На стульях и возле них громоздились красно-черные вывески и растяжки. «Выставка к годовщине Октябрьской революции!» — кричали с них массивные угловатые буквы.

Никого. Ничего. Только после заклинания помещение вновь на доли секунды окуталось неоновым свечением.

— Так и должно быть? — спросила Кристина.

— Как?

— Вы ничего не заметили?

Лещинский, удивленно приподняв брови, ждал продолжения. Кристина толкнула его в пустой кабинет и поплотнее прикрыла дверь.

— Пусть я лучше выставлю себя невеждой, — мрачно сказала она свистящим полусшепотом, — но после проверочных чар так и должно быть, что все вокруг начинает светиться? Ненадолго, едва успеваешь заметить. Но светится ярко.

— Нет, — медленно произнес инквизитор. — Светиться ничего не должно.

Теперь уже Кристина смотрела на него и ждала продолжения. Лещинский недоуменно морщил лоб.

— Хотя, может, это и не аномалия, — добавил он. — Может, индивидуальное восприятие магического ответа. Вы задаете вопрос, сплетая узор. Мозг может по-разному трактовать ответ у разных людей. Я просто получаю безусловное знание. Кто-то может видеть, как зачарованные предметы светятся...

— Светился весь музей, — напомнила Кристина.

Впрочем, из общей картины событий это не выбивалось. В музее наследили сектанты, в этом не оставалось сомнений. Почему они не могли заколдовать его целиком?

— Светятся необычным оттенком, — уточнил Лещинский. — Но да, музей может полностью быть под каким-то заклинанием. Только я его не нахожу, вот в чем загвоздка.

— Грош была бы цена той тайной магии, обнаружить которую любой инквизитор сумел бы за секунду, — буркнула Кристина. — Вы сами говорили, что они пользуются какими-то новыми неизвестными чарами.

— Да. А еще мне кажется, что в последнее время мы списываем на эти чары слишком много странностей.

— Даже если так — и что?

Лещинский тяжело вздохнул, а потом неожиданно коротко рассмеялся.

— Действительно. Ничего. Продолжаем поиски. Умеете вы одним вопросом отсечь лишнее. Он обновил заклинание невидимости и жестом позвал Кристину идти дальше. Вернувшись в коридор, он принялся ткать еще один узор, подкрепляя заклинанием.

Ни узора, ни тем более заклинания Кристина не знала. Но судя по некоторым комбинациям движений, это была разновидность проверочной магии. Наверное, какая-то специфическая, инквизиторская. Она заняла больше времени, чем обычные проверочные узоры. Но, закончив, Лещинский лишь покачал головой.

— Нет. Никакой магии, никакого свечения. Если так ничего и не найдем, устроим здесь засаду. Что-то может проявиться, когда сектанты забеспокоятся после катастрофы.

— А они забеспокоятся? На их месте я бы уже сообразила, что их выманивают.

— Не исключено, что они тоже сообразят, — отозвался Лещинский. — Или уже давно все понимают. Но все равно начинают паниковать, потому что на кону что-то слишком важное. «Что? — хотелось спросить Кристине. Даже не спросить, а крикнуть изо всех сил, будто крик мог приблизить ответы или вырвать их у мироздания. — Что такого важного может быть на кону? Почему именно мой город — решающий? Что, черт побери, здесь происходит? Какое чудовище они так ждут?!»

Но она промолчала.

Они говорили шепотом, так тихо, что из кабинетов никто бы не услышал. Но когда раздались шаги, оба съежились, как школьники, которых застал врасплох учитель. Судя по звуку, кто-то спускался с лестницы.

Черная лестница здесь тоже была, с запозданием поняла Кристина. Конечно, была. Какой смысл в отрезанной от «парадной» части музея половине, если в ней можно пользоваться только первым этажом?

А ведь должен быть еще и подвал... Тот, где держат часть экспонатов, хранящихся не в фондах. Часть экспонатов, всякие вывески, стеллажи и современные вещицы, с помощью которых оформляются тематические выставки и мероприятия... Все это и прочий хлам. Оно тоже светится? В нем сидят какие-нибудь твари?

Страх куда-то исчез. Вместо него появилось любопытство. Обжигающее, смешанное с азартом погони.

Из двери в дальней части коридора вышла полная женщина в мешковатом шерстяном костюме. В руках она держала какие-то бумаги. Стоптанные туфли шаркали по полу. Кристина узнала директора. Та часто мелькала в городских СМИ — настолько часто, что даже ведьмы, которые просматривали новости лишь затем, чтобы проверить, не просочилось ли туда что-то о магии, узнавали ее в лицо.

Женщина подошла к одному из кабинетов и скрылась внутри. Кристина прокралась поближе и взглянула на табличку. Там значилось: «Директор музея».

Она оглянулась на Лещинского. Тот уже стоял за плечом и ткал магический узор, сопровождая его беззвучным заклинанием. Кристина с сомнением покачала головой. Нет, они, конечно, пришли, чтобы все здесь проверить, да и музей реагировал на проверочные чары как-то странно, будто уже был заколдован, но... Но проверять директора музея? Эту, как ее... Ольгу Ивановну Кириченко? Она вечно выступала на всех местных телеканалах, писала статьи и давала интервью городским газетам и сайтам, рассказывала о плачевном состоянии музея, о богатых фондах, об экспонатах, которые портятся, потому что злобредные городские власти не выделяют денег на их правильное содержание, зазывала людей на экскурсии, организовывала выставки... Лещинский что, подозревал, что она не человек? Или зачем это?

Хотя, может, и не человек. Живой человек просто не мог столько лет гореть энтузиазмом и не перегореть!

Кристина усмехнулась своим мыслям и продолжила скептически наблюдать за Лещинским. Тот закончил узор... и его лицо недоуменно вытянулось. Он поморгал, даже ненадолго зажмурился и потряс головой, а потом принялся творить чары повторно.

Ну и что такого он мог узнать? Что в кабинете директора обитает выводок магических существ? Что она сама — магическое существо?

А может, Марианна Бойко приняла ее облик и прячется здесь? Скептицизм Кристины поугас. Версия казалась правдоподобной. Но не могла же Марианна просто пройти мимо них с Лещинским, пусть даже и невидимых...

Инквизитор закончил узор и занес руку, раздумывая, не повторить ли его в третий раз.

— Да что там такое? — нетерпеливо спросила Кристина.

— Вы же видели, как она заходила в кабинет? — ответил Лещинский вопросом на вопрос.

— Ну да.

— Никуда не уходила и не выпрыгивала в окно?

— Не знаю, выпрыгивала ли она в окно, но с какой стати ей выпрыгивать? — изумилась Кристина.

— С той, что, судя по ответу магии, в кабинете никого нет.

— Что?

Кристина не стала долго выяснять, не ошибся ли он. Просто шагнула к двери и дернула ручку.

Дверь распахнулась. Из-за стола удивленно взглянула полная пожилая женщина. Она поморгала, нахмурилась, поняв, что в коридоре никого нет, и встала.

— Чертовы сквозняки, уже и здесь от них житья нет, — проворчала она, подошла к двери и плотнее закрыла ее.

Оставшиеся в коридоре Кристина и Лещинский молча уставились друг на друга.

Невидимость распространялась только на посторонних.

Потом Кристина все так же молча принялась ткать проверочный узор сама. Она должна была убедиться. Может, на магию Лещинского влияет проклятие. Мало ли как оно способно действовать. Может, Марианна Бойко не просто ослабила его, а еще и извратила его дар, мало ли на что способны эти сектанты...

Так и есть. Кабинет просвечивался чарами насквозь, и в нем никого не было.

Магия не показывала ни души в радиусе пяти метров. Чуть дальше ярко сияло человеческое сознание, пульсируя красным от негодования. Это электрик, ругаясь, ремонтировал проводку на втором этаже. А еще дальше...

— Вы остальной музей просвечивали на предмет людей? — хриплым шепотом спросила Кристина. — Потому что я нахожу здесь только электрика и парочку посетителей. Где смотрительницы?

— Нигде, — согласился Лещинский. — Их тоже не существует.

Они снова уставились друг на друга. Кристина не знала, что говорить и что думать. В голове не оставалось ни одной мысли. Она чувствовала себя непроходимой тупицей.

Бывает, магия обнаруживает, что человек — не совсем человек, что это магическое существо в человеческом облике. Но тогда она хотя бы показывает, что там магическое существо! И можно уже разбираться, кто из них решил выдать себя за обычного горожанина. Это мог быть кто-то или патрульный — хотя тех нетрудно было распознать и без проверочного узора, просто взглянув на одежду или дохнув на существо. Еще по Городу бродил загадочный господин П, который тоже выглядел как человек, но тот никогда не притворялся женщиной, его облик был мужским. Наконец, на любое существо какой-нибудь маг мог наложить маскировочные чары. Но это...

Кристина никогда еще не сталкивалась с людьми, под обликом которых скрывалась бы пустота.

— Я идиот, — наконец сказал Лещинский. — Нужно было проверить их, еще когда мы пришли сюда в первый раз.

— Да бросьте. Мы искали Ма... преступницу, — Кристина теперь опасалась произносить имя Марианны в музее, пропитанном чарами. — Собака ее не нашла, Аль не нашел, у вас тоже сердце не екнуло, — она не удержалась от небольшой шпильки. — Кто мог подумать, что с сотрудниками что-то не так?

— Не утешайте, я все равно идиот. Нужно проверить весь здешний штат до единого.

Теперь обычными человеческими методами, вся биография, все документы по базам данных. У вас есть доступ к полицейским базам данных?

— Буквоеды могли бы получить, но раз вы противник буквоедов... Кто-то из Лешкиных колдунов настраивал, кажется. Надо у Лерки спросить.

— Отлично, прямо сейчас и спросите. Освободите от патрулирования тех, кто может добраться до баз данных, и пусть проверяют. Давайте выйдем пока в парк. Потом вернемся, нужно найти здесь отдел кадров, там тоже должны быть документы. Я хочу понять, как такое, черт побери, возможно!

Кристина бы тоже не отказалась понять. Ведь Ольга Кириченко была директором уже много лет. Да и смотрительницы — они ведь прожили целую жизнь, где-то работали, где-то обитали. Они не появились в один миг, как только Марианна Бойко прибыла в Город! По спине пополз неприятный холодок. Не могли же сектанты оккупировать Город так долго? Настолько долго, что сотрудницы музея успели состариться? Или здесь замешана та же магия, что и с высшими, которые забыли о существовании Безымянного? Может, ведьмы и весь Город просто забыли, как однажды из ниоткуда появились магические порождения секты и...

...и основали исторический музей. Чтобы учителям было куда водить школьников на экскурсии.

Хотелось побиться головой о стену. Вдруг в мыслях бы что-нибудь прояснилось. Кристина с наслаждением вдохнула свежий воздух парка. Они отошли от музея и смогли разговаривать в полный голос. Шептать уже надоело, в горле от этого начало неприятно першить. Кристина набрала Леркин номер и слушала мерные гудки.

— Это оно и есть? — спросила она у Лещинского. — Сектанты паникуют и совершают ошибки...

— Пока еще нет. Вообще-то я ожидал, что в музее появятся заглохлы или кто-то еще, а может, оживет какой-то экспонат, — сказал он неожиданно растерянно. — В эти кабинеты я свернул просто потому, что все было тихо, а залы мы уже осматривали.

Лера наконец ответила. Голос еле пробивался через городской шум, на заднем плане что-то грохотало и завывало сиренами. Кристина дала ей задание и велела немедленно возвращаться в офис.

— Сейчас попробую! — прокричала помощница. — Если найду, как уехать! Здесь авария какая-то, все перекрыто!

— Где? — насторожилась Кристина. — Вы где сейчас?

— Да возле центрального универмага! — ответила Лера. Кристина насторожилась еще больше. Центральный универмаг располагался совсем недалеко от обрушенного квартала.

— Там все нормально или это магическая авария?

— Да нормально вроде! Просто машина у кого-то заглохла, в него врезались, сейчас транспорт не ходит, пойдем через парк!

— Черт, ну наложу на что-нибудь чары и добираться по воздуху! Что? Увидят? Ну поднимись повыше и держись над деревьями, и еще лети быстрее, они не разберут, кто там будет небо разглядывать с утра в будний день! Все, быстренько!

Кристина нажала отбой. Лещинский посмеивался.

— И чему вы учите подчиненных? А нам потом следы заметай, — заметил он. — Возвращаемся, посмотрим документы в отделе кадров. И я бы попробовал допросить директора или кого-то из этого несуществующего штата.

— Не боитесь спугнуть секту?

— Мы все утро работали над тем, чтобы ее спугнуть. Думаю, допрос не повредит... С дороги донесся отчаянный визг тормозов, а затем грохот и металлический скрежет. Взыли клаксоны, снова завизжали тормоза, послышались крики людей.

Кристина на мгновение застыла, и они с Лещинским, не сговариваясь, бросились к проспекту.

Глава 17. Погоня

И без того узкую проезжую часть перегораживал микроавтобус. Кругом валялось битое стекло. Свисала отвалившаяся табличка с номером 101 и списком улиц — микроавтобус

оказался маршруткой. Люди выскакивали из него прямо на дорогу, не обращая внимания на сигналившие автомобили. Образовалась пробка. Кто-то уже кричал в трубку: «Алло, полиция! Авария! Че? Да не нужна нам скорая, больных тут нет!» Водитель маршрутки, прижимая кулак к разбитому лбу, отчаянно материл другого водителя, который врезался в микроавтобус на своем джипе. Кристина разобрала слово «заглохла», но что заглохло и почему — понять так и не удалось.

— Многовато аварий, — буркнула она. — Улицы узкие, а эти носятся...

— Или наоборот, — задумчиво добавил Лещинский. — Носились бы, но машины глохнут. Если заглохнет еще парочка, я решу, что секта начала проявлять себя.

— Секта глушит машины? Но зачем?

— А это мы еще узнаем, — усмехнулся он. — Если, конечно, я прав. Логика в этом есть — их пугают техногенные катастрофы, поэтому они ополчились на технику...

Кристина моргнула. Она хотела сказать «ну да, но для «ополчились» маловато поломок», но тут у Лещинского зазвонил телефон.

— Да, — он некоторое время молча слушал, потом кивком позвал Кристину за собой и поспешно направился туда, где она оставила машину. — Вы уже видели, кто именно... Отлично, постарайтесь поймать хоть одного! Выезжаем!

— Что там? — выпалила Кристина, не успев повесить трубку. Ее машину со всех сторон зажало в пробке, и она тихонько выругалась, поняв, что выехать в ближайшее время не получится.

— Аль, — ответил Лещинский. — Они еще на руинах. Рядом стройка. А по ней уже прыгают какие-то существа и пытаются сломать краны и машины. На этот раз секта решила атаковать технику.

Кристина закусила губу. Прыгают? На ум пришло сразу несколько видов существ, которые передвигались прыжками. Одно из них как раз очень даже могло сломать любую технику и вывести из строя целую электросеть... Любопытно. Хоть бы твари не ушли на этот раз! Но тут они приблизились к машине, и она тихо застонала от отчаяния.

— Мы не выедем. Никак. Если только не разогнать эту пробку магией, а я такой магии не знаю.

Машины теснились, как кильки в банке. Даже реши Кристина нарушить все мыслимые правила и поехать по тротуару, она бы не пробралась туда, потому что от проезжей части его отделял металлический забор.

— Черт, — сказал Лещинский. — Ладно, значит, придется лететь. Возьмите в машине что-нибудь пригодное, только быстрее!

Ничего подходящего для полетов в салоне, как назло, не было. Кристина мрачно подумала, что нужно купить сноуборд и возить его с собой на случай, если придется срочно улетать. Или не сноуборд, а хотя бы какой-нибудь коврик... Коврик!

Она выхватила резиновый коврик и захлопнула дверцу. Резина была пыльная, к тому же размер оставлял желать лучшего — на таком даже в одиночку с трудом удержисься.

Ругаясь про себя, Кристина продемонстрировала находку Лещинскому. Судя по его лицу, он думал то же самое. Но все же взял коврик, и они с Кристиной нырнули в парк, подступавший к самому проспекту.

Полетные чары накладывал Лещинский. Вместе с невидимостью. Что ж, хотя бы насчет конспирации можно было не беспокоиться. Еще он умудрился как-то растянуть утлый транспорт, так что на нем удалось поместиться верхом. Они взлетели, задев ветки деревьев и сидя на коврике, как на мотоцикле. Кристина обхватила Лещинского за пояс, чтобы не свалиться, и с досадой подумала, что зря все-таки метлы вышли из употребления. Когда каждая ведьма возила с собой в багажнике метлу, наверняка было удобнее. Хотя тогда ведь не было автомобилей. Когда каждая ведьма возила с собой в телеге метлу...

Прыгунов она увидела еще с воздуха.

Стройплощадка опустела — наверное, работы прекратились, когда обрушились дома. Рабочие ушли. Рядом, отделенные высоким забором, простилались руины домов. Среди них сновали МЧСники в касках. Они не замечали, как по стройплощадке что-то резко, скачками, движется. Замирает и снова совершает прыжок, как огромный кузнечик. И что этих кузнечиков — три, четыре, пять, десяток... два десятка!

— Отлично, — выдохнул Лещинский.

Он соскочил с коврика, не успев приземлиться. И сразу вскинул вверх обе руки. Воздух перед ним словно загустел, потек маревом, какое бывает в знойный летний день над плавящимся асфальтом. Прыгуны замедлились. Прыжок превратился в неспешный полет. Плавный, заторможенный...

Кристина смогла разглядеть существ. Так и есть. Электрические одноноги. Они передвигались на единственной длинной суставчатой ноге с тремя коленями, смотрящими в разные стороны. Заводились они в источниках питания — реже в аккумуляторах, чаще в генераторах, трансформаторных будках и на подстанциях. И еще их появление можно было вызвать искусственно. Существовал такой узор — его когда-то изобрел один ленивый маг, когда его район оказался обесточен. Маг надеялся, что электрические одноноги помогут отремонтировать электросети. Именно тогда стало ясно, что ремонтировать эти создания не умеют, зато виртуозно умеют разрушать. Лучше всего они разрушали то, что работало от электричества, но не брезговали и любыми другими устройствами и механизмами. Да уж, для того, чтобы вывести из строя побольше машин, они и впрямь подходили идеально...

Остальные создания брызнули во все стороны. Но они не интересовали Лещинского. Он захватил в магическую ловушку ближайшего однонога, и теперь незримая сила подтягивала того все ближе.

Одноног заверещал. Голос его напоминал электрический треск, с каким искрит неисправная проводка. Широко раскрылся огромный рот, полный длинных кривых зубов-молний. Ногу венчала голова, туловище отсутствовало. Из головы торчали тонкие длинные руки, такие же суставчатые, как нога. На кончиках пальцев уже разгорались шаровые молнии, готовые сорваться и ударить в обидчика...

Лещинский хлестнул ладонью по воздуху. Молнии сразу погасли, и одноног безвольно обмяк. Инквизитор заставил его плавно опуститься на землю.

Со стороны руин к ним уже бежали Яржинов и Катя, пробравшиеся через дыру в заборе. «И что вы собираетесь с ним делать?» — хотела спросить Кристина. Помешал оглушительный треск. Подъемный кран, вытянувший стрелу над каркасом будущей новостройки, вдруг накренился, постоял, точно размышляя, нужно ли падать — и медленно обрушился прямо на перекрытия. Земля едва заметно содрогнулась. Поднялся клуб пыли, от грохота чуть не заложило уши. Послышался далекий звук сирен.

— Жесть, — прокомментировала Катарина, отряхивая невидимые пылинки с модной спортивной куртки. — Это они сломали?

— Они, — ответил Лещинский, разглядывая однонога. — Почти уверен, что их вызвали искусственно. А это существо мы можем превратить в путеводную нить, которая приведет нас к материнскому генератору... Точнее, в путеводную молнию.

— Вряд ли сектанты будут дожидаться, пока мы их там застукаем, — скептически сказал Яржинов.

— Они должны быть неподалеку. Иначе не смогут управлять одноногами. Управление должно происходить через материнский генератор, из которого появились существа, или я ничего не смыслю в магии, — Лещинский водил над бесчувственным одноногом руками, и того окутывал электрический кокон. Кокон светился все ярче, ярче... И Кристина со смесью ужаса и отвращения поняла, что это не кокон! Электрические нити выходили из тела однонога. Он словно разматывался — или сматывался, — превращаясь в большой клубок... Путеводная молния!

— Это обязательно? — морщась, спросила Кристина. Лещинский с недоумением поднял на нее глаза.

И тут солнце закрыли тени.

— Зачем же издеваться над слабыми? — укоризненно прогудел кто-то. Кристина взглянула туда — и поняла, что не ошиблась. Действительно. Кто-то.

Еще секунду назад их не было, а теперь они стояли плотным кольцом, окружая ведьм и инквизиторов. Десять или двенадцать кого-то — крепких высоких парней в одинаковой коричневой одежде. Они многозначительно разминали кулаки. Кристина с изумлением уставилась на это зрелище. Нет, серьезно? Они серьезно пытаются угрожать магам кулаками?

Но тут на кулаках вспыхнули фосфорические сгустки пламени, и она поняла, что все куда серьезнее, чем кажется.

— Аль, поддержи, — коротко сказал Лещинский и бросил тому что-то невидимое. Яржинов сделал движение, будто ловил это что-то. Какие-то незримые нити. Одноног дернулся, но снова закатил глаза и замер. А Лещинский, вскинув руки, первым пошел в атаку.

Кто-то замедлились. Кулаки стали сжиматься вяло, заторможенно. Огненные сгустки на них дрогнули и начали таять... И тут же полыхнули с новой силой!

И сами кто-то, казалось, мигнули, как некачественное изображение на экране телевизора. Исчезли и в ту же секунду возникли снова, уже не ослабленные антимагией, а обновленные. Опомнившись, Кристина принялась ткать узор, отпугивающий магических существ.

— Катька, помогай! — зашипела она на ведьмочку. Та вздрогнула и тоже начала плести узор.

— Погодите, — сказал Лещинский, не опуская рук. Он снова и снова замедлял движения кого-то, и те снова и снова исчезали и перезагружались, не давая ему времени стереть их полностью. — Они нам еще нужны.

— Нужны? Хотите стать первым в истории инквизитором, которому начистило физиономию магическое существо?

Сразу от нескольких кого-то послышались басовитые смешки.

— Не отвлекайте, — раздраженно сказал Лещинский и снова с отяжкой хлестнул рукой воздух. Кажется, прошептал еще и заклинание, но Кристина не расслышала, потому что кто-то начали с шипением испаряться.

Выглядело это, пожалуй, еще более жутко, чем одноног, опутанный нитями из самого себя.

Там, где стояли человеческие фигуры, теперь клубился бесконечный черный дым. Он метался, как живой, пытаясь вновь собраться в фигуры и раз за разом терпя поражение.

Остался один-единственный кто-то, и в него Лещинский вперил взгляд прозрачных глаз...

Нет, уже не прозрачных. В них зажглись зловещие багровые угольки. Точно как тогда у Богдана Сергеевича, в тот вечер, когда Кристина оказалась на импровизированном допросе. Или даже страшнее. Может, потому, что с Богданом Сергеевичем она была почти не знакома, а вот видеть темную сторону человека, которого знаешь как спокойного, рассудительного и доброго — это впечатляет сильнее. Да и был ли Лещинский добрым вообще? Или такая иллюзия создавалась из-за его вежливости?

— Кто тебя послал? — не повышая голоса, спросил он у кого-то.

Тот раскрыл рот — и закрыл. Снова раскрыл, попытался что-то сказать, но из горла вырывалось только мычание. А может, все было наоборот, и кто-то пытался не говорить, а заставить себя молчать... Кристина вспомнила, как действовал взгляд Богдана Сергеевича. Выпивал мысли, лишал воли, заставлял помимо собственного желания говорить правду. Кто-то пытался сказать правду, но некие чары, наложенные на него и не менее мощные, чем инквизиторские, схлестнулись с воздействием Лещинского. Поле боя стал несчастный кто-то. Его лицо побагровело, он зажимал себе руками рот, но не мог отвести взгляд или даже моргнуть, чтобы вырваться из-под внушения.

— Великая Пустота... — наконец то ли выговорил, то ли простонал он.

Великая Пустота? Кажется, это было что-то из верований кого-то. Как существа, наделенные разумом, они имели свои верования. Великая Пустота считалась божеством, создавшим кого-то. Интересно. Марианна Бойко сумела и ее подчинить? Да бред, никакой Великой Пустоты не существовало, магические создания зарождались из магических флуктуаций. Или нет?

Хотя все могло быть проще — Марианна притворилась Великой Пустотой. Много ли нужно, чтобы создать иллюзию?

— Где она? — продолжил допрос Лещинский.

Кто-то снова ударился в пантомиму. Но на этот раз ограничительная магия оказывалась сильнее. Существо так ничего и не сказала. Хрип перемежался со сдавленными стонами, руки сжимали рот, глаза выкатывались из орбит, точно кто-то собирался вот-вот лопнуть. «Да прекратите! — хотелось крикнуть Кристине. — Вот уж точно — издевательство над слабыми!»

Но кто-то был не просто каким-нибудь созданием, над которым Лещинский решил поглумиться от нечего делать. Он был источником информации. И Кристина прикусила язык.

— Можешь не отвечать, — медленно произнес инквизитор, не отводя взгляд. Видимо, понял, что ничего не добьется. Кто-то слегка расслабился, ужасающая гримаса муки разгладилась.

— Зачем ты ломаешь машины? — спросил Лещинский, отвлекая кого-то. Решил временно отступить, дать существу поверить, что его самая главная тайна в безопасности, а потом ударить? Похоже на то.

— Чтобы задержать ЕГО, — неожиданно внятно ответил кто-то.

Наверное, на эту информацию у него не было табу. Забыли наложить или не посчитали нужным. Кристину пробрала дрожь от замогильного тона и лица, исполненного уверенности в правоте.

— Кого именно? — отрывисто уточнил Лещинский.

— Техно... гена, — медленно ответил кто-то. — Техногена... он придет, и машины будут править нами, и машины станут магией, и маги исчезнут...

Голос стал монотонным и абсолютно бессмысленным, будто существо уже превратилось в машину и озвучивало печатный текст голосовым ботом.

Кристина вздрогнула. Восприятие мгновенно обострилось до предела, ее будто ударили под дых. «Он придет»! Неужели речь о том чудовище, пришествия которого боялись сектанты? Ни о ком другом кто-то говорить просто не мог. Он придет... Машины станут править, а маги исчезнут...

Техноген...

Перед глазами пронеслись апокалиптические картины — то ли «Восстание машин», то ли еще какие-то кадры из старого киберпанка. Машины строились в колонны и маршировали в неведомые дали, роботы надевали на людей наручники и бросали в тюрьмы, а сами занимали их место, и варили себе по утрам кофе в турках, а потом выливали его за окно, и нюхали цветы, не чувствуя запаха, и сажали на огородах помидоры, которые осенью так и оставались гнить на кустах... Бр-р. Кристина потрясла головой, обуздывая разгулявшуюся фантазию. Тем более что кто-то, кажется, совсем другое имел в виду. Но что?

Об этом спрашивать нужно было уже не его, а Марианну Бойко или ее сообщников, будь они неладны.

Глаза Лещинского полыхнули ярче. Кто-то замер истуканом, потеряв контроль даже над мелкой моторикой и мышцами лица.

— Иди к Великой Пустоте, — тихо и вкрадчиво сказал ему Лещинский. — Нас здесь нет. Ты никого не видел и ни с кем не разговаривал. Иди туда, где Великая Пустота говорила с тобой.

Кто-то послушно развернулся — и потерял всякий интерес к собеседникам. Забыл, что его только что допрашивали и пытались выведать, где находится Великая Пустота, забыл, что эту тайну нужно было оберегать всеми силами. Он начал быстро пробираться по стройплощадке, перепрыгивая через траншеи от гусениц кранов и обходя горы земли и песка.

Но когда зрительный контакт с инквизитором разорвался, кто-то снова обрел способность соображать. Поэтому, преодолев пару десятков метров и подойдя к забору, он остановился. — К Пустоте не нужно идти, — произнес он, обращаясь к самому себе. — Чтобы попасть в Пустоту, нужно слиться с ней...

И его фигура поплыла, оборачиваясь клубами дыма. Несколько секунд — и кто-то рассеялся, как прежде его собратья.

— Черт, — сказал Лещинский абсолютно нормальным тоном. — Номер не прошел. Ладно, попробуем с одноногим.

Зловещий огонек в глазах исчез, инквизитор выглядел как обычно. Он перехватил у Яржинова невидимые нити контроля, и бесчувственный одноног завис в воздухе примерно в полуметре от земли.

— Они все погибли! — со смесью удивления и возмущения проговорила Катарина. — Жалко-то как...

Кристина сказала бы это немного иначе, но в целом была согласна. Да и вся недавняя сцена оставила неприятное послевкусие.

— Магические существа не погибают, это нежить, — чуть раздраженно ответил Лещинский. — Или вам бы хотелось, чтобы я отпустил их, и они бросились напрямик к преступникам — предупредить?

Ему не ответили, да он и не ждал. Вскинул руки, заставляя однонога светиться ярче, и стал одними губами произносить заклинания. Вскоре из клубка, в который превратилось создание, показался кончик нити. Лещинский схватил его. Сухо затрещало электричество. Одноног отлетел на несколько метров — и быстро-быстро покатился по воздуху.

— А теперь — за ним, — скомандовал Лещинский. — Аль, невидимость держи.

Он что, успел наложить невидимость? Наверное. Иначе люди шарахались бы от странной картины, а движение бы замерло из-за сотен желающих заснять причудливое зрелище на смартфон.

Светящийся электрический клубок катился вперед, держась в воздухе чуть выше колен человека. Он стремительно покинул стройку, обогнул площадку и понесся вдоль забора. Потом свернул в проулок и миновал его со скоростью курьерского поезда. Свернул на более широкую улицу, оттуда — в подворотню, пролетел насквозь пару дворов и понесся по широкому проспекту.

Все четверо преследователей едва успевали за ним. Лещинский большими петлями наматывал на руку электрическую нить, которая все удлинялась. Лабиринт Минотавра в городских джунглях... Сначала Кристина удивлялась, почему было не поехать на машине, но скоро все стало ясно. Клубок несея, не разбирая дороги. Пару раз он нырял в щели между секциями заборов в каких-то глухих углах, окруженных складами. Тогда приходилось поспешно штурмовать преграду и догонять клубок, который катился без остановки.

Времени о чем-то задуматься не оставалось. Кристина могла думать только о том, как бы не споткнуться и не упасть на полной скорости, а еще — как не потерять из виду клубок. Но на краю сознания тенью маячило недоверчивое ожидание. Они что, сейчас найдут материнский генератор? Вот так просто? А оттуда рукой подать до сектантов или хотя бы до одного-единственного сектанта, который контролировал появление одноногов. Но и один может стать источником информации. Никуда не денется, станет! И что, они уже вот-вот доберутся наконец до секты и разгромят ее?

Пробираться по улицам становилось труднее. На пути попадалось все больше аварий и заглохших автомобилей. Пока один одноног вел преследователей к генератору, остальные бесчинствовали, с наслаждением уничтожая проводку и громя машины и устройства, попадавшие на пути. Кажется, вечером ковен ждала другая проблема — как вернуть электричество в обесточенный город, пока не случилось чего-то ужасного? Но об этом можно было задуматься потом, когда бесконечная гонка завершится, а главная добыча окажется в руках охотников, и можно будет остановиться, выдохнуть...

Лещинский остановился. Кристина не сразу поняла, что изменилось. Потом заметила.

Сияние погасло. Электрическая нить уже не сияла у него на руке, не светилась впереди, а на ее конце не искрил бело-голубым электрический одноног. Он просто испарился.

Стало очень тихо. Будто на Город давно опустилась ночь. Не шумели остановившиеся машины, и исчез еще один источник звука, но Кристина не могла разобрать какой. Только теперь она осознала, что все это время слышала звон стекла, удары по металлу и глухое буханье ног по асфальту, стенам, каменным крышам... Это полчища одноногов скакали по Городу, добывая магией то, что не могли разрушить физически.

Лещинский глубоко вздохнул и осмотрелся, пытаясь понять, где очутилась экспедиция.

Хотя что он мог понять в незнакомом городе? Кристина тоже начала оглядываться. Их занесло в дальний микрорайон, где заканчивалась ветка метро и совсем близко, угрожающе рельефные и живые, дымили заводы.

— В чем дело? — спросила она.

— Скорее всего, кто-то или что-то спугнуло секту, — ответил Лещинский. — Что-то очень серьезное, если они прекратили...

У Кристины зазвонил телефон, заглушая остаток фразы. Она схватилась за устройство. Самый подходящий момент для дурных вестей. Вряд ли это звонила мама, чтобы напомнить: «Когда ж ты уже за картошкой приедешь, давно уже выкопали!»

— Да, — нетерпеливо бросила Кристина.

— Где заглоты? — панически заверещали в динамик, заставив ее подскочить от неожиданности. Опять заглоты? Да сколько можно! — Они хотят, чтобы я провела их к вам домой, Кристина Сергеевна! Что делать?

Звонила Лера. Кристина поморгала, судорожно пытаясь понять, о чем та говорит.

— Кто просит? С какой стати кто-то ломится ко мне домой? При чем здесь заглоты?

— Так инквизиторы же! Новые! Они сказали, что вы уже знаете, ну, что они приедут ловить заглотов! Они злые очень, что я попросила их подождать с порталом, мне некогда было, как раз по телефону разговаривала. Они открыли портал у Алексея Викторовича в ложе, а потом приехали к нам на маршрутке и давай на меня орать! Кристина Сергеевна, скажите им...

— Какие инквизиторы?

В голове начало проясняться. Действительно, кто-то совсем недавно грозился приехать и провести какое-то разбирательство, а еще выловить заглотов, затаившихся где-то в Городе...

— Высшие, Кристина Сергеевна! Сразу двое! И с ними Семен Никитич. Документы требует...

Как всегда. Ему в прошлый раз не хватило документов, что ли?

— Скажи им, что я занята. Адрес мой не давай. Выдай им те бумажки, над которыми Семен Никитич сидел. Если мало — купи десять пачек бумаги, и пусть буквоеды напечатают новые. И спроси у Эли, каким заклинанием она заперла Семена Никитича в кабинете, может, получится повторить... Что?

— Заклинание лишнее, — сказал Лещинский, услышавший об инквизиторах. Его голос вновь утратил интонации, на лицо вернулось застывшее выражение. — Скажите, что мы сейчас приедем. Свое дело они уже сделали.

— И как это понимать? — проворчала Кристина, положив трубку. — Они спугнули сектантов? Какого черта, как это возможно? И что теперь делать?

Вокруг начиналась суматоха. Из магазинов выходили продавцы, над мертвыми машинами суетились безутешные владельцы. До мобильной связи одноноги добраться не успели, и люди кричали в трубки, призывая электриков, механиков и прочих бытовых колдунов. Катя перешептывалась с Яржиновым, но оба замолчали, когда Лещинский заговорил.

— Портал. Ваша помощница, кажется, сказала, что они прибыли через портал и открыли его в ложе. Портал — сильное магическое возмущение, особенно сейчас, когда поле Города приглушено. Его заметили. А потом эти олухи ехали в маршрутке, где их могло видеть сколько угодно магических существ. Вот и результат.

Кристина тяжело вздохнула. Машина осталась в центре, а какие маршрутки курсировали отсюда до главного проспекта, она не знала. До метро идти было далеко... Ай, черт! Как она могла забыть, что все машины в Городе заглохли, и маршрутки в том числе! И ведь бесконечные ряды автомобилей выстроились на проезжей части совсем рядом, но воспринимались как-то отстраненно. Может, одноноги еще не добрались хотя бы до метро?

— И что теперь делать? — потерянно пробормотала она.

Хотя, если облава отменялась, фронт работ был ясен. Для начала восстановить все, что испортили одноноги. Интересно, оно подлежит магическому ремонту?

— Да что теперь, — тоже вздохнул Лещинский. — Возвращаемся. Сектантов мы сегодня не найдем, эти идиоты их спугнули...

— Да почему же спугнули, если сектанты сами их и заколдовали? — Кристина возмутилась, хотя сама не знала почему. Наверное, потому, что противники решили испугаться собственноручно заколдованных инквизиторов. Нет, ну надо же, какая наглость!

— Значит, слабо заколдовали. Пытались отвлечь, но не вышло, все ограничилось легкой придурковатостью, — бросил Лещинский, думая о чем-то своем. Кристина фыркнула.

Яржинов и Катарина наострили уши.

— Чего? Высших инквизиторов превратили в придурков? — заинтересовался Яржинов. — Так пошли, что мы стоим! Я хочу это видеть!

— Еще успеешь увидеть, — неодобрительно покосился на него Лещинский. — Вот что, я проверю, насколько они адекватны, и если более-менее адекватны, то пойдем с ними устанавливать ловушки на заглотов. Для таких чар нужны сотрудники заповедника, но я думаю, мы тоже сгодимся. Все равно сегодня сектанты уже не проявят себя. Их придется выманивать заново. И придумать для этого что-то более масштабное.

На лице Яржинова все яснее проступал восторг. Ему не терпелось посмотреть на заколдованных высших. Ну хоть кому-то радость, подумала Кристина.

— Еще более масштабное? Такими темпами мы сами разрушим Город, и сектантам можно не трудиться, — фыркнула Кристина. — Какого черта? Почему они не боятся вас и остальной делегации, а этих... заколдованных боятся?

— Ко мне на хвосте они привыкли, — пожал плечами Лещинский. — Ну и несколько переоценивают проклятие. А новые высшие — повод действовать осторожнее.

— Если это повод, то вы ни одного заглота не поймаете, — проворчала Кристина. — Они же спрячутся.

— Ловушки их притягивают. Да и не думаю я, что секта продолжит управлять заглотами. Это такие существа, что если с одного раза не вышло — больше их не используют. Все равно что натравливать на вас лабораторных крыс вместо обычных.

— Если лабораторные крысы — носители какой-то редкой и опасной болезни, то почему бы и нет, — заметила Кристина. — Ладно, вы с Алем возвращайтесь, а я пока отправлю ведьм и колдунов все это чинить, — она кивнула на неподвижные машины. — Катя, ты остаешься со мной.

— А может, я тоже в офис вернусь? Мне очень нужно! Там... там... цветы не политы, вот! И котенок некормленный! — заныла ведьмочка. Ее глаза горели любопытством, точно как у Яржинова. Всем не терпелось посмотреть на бесплатный цирк — высших инквизиторов, зачарованных на легкую придурковатость. Вот Лещинскому что, трудно слова выбирать, чтобы не интриговать по чем зря?

— Нет, — злорадно отрезала Кристина. Потом сжалась. — Не волнуйся, ты с ними еще встретишься... С цветами, я имею в виду. Узор от ран помнишь?

Катарина кивнула.

— Накладывай его на машины, — распорядилась Кристина. — Если не поможет — будем думать, что делать дальше.

И она отошла в сторонку, чтобы позвонить Лере и написать в рабочий ведьминский чат новые указания. Лещинский и Яржинов направились куда-то во дворы. Там валялось достаточно мусора, на который можно было наложить полетные чары и не тратить время на метро.

Глава 18. Куда приводят страхи

— Техноген, — бормотала Кристина, уже почти автоматически накладывая целительские чары. К счастью, для ремонта машин их оказалось достаточно, поломки были не очень серьезными. Одноноги не успели натворить ничего непоправимого. — Техноген... Они боятся, что придет техноген и поработит магов. И поэтому ломают технику. Логично, если этот техноген черпает из нее силу... А еще они пробуждают души городов. Душа города может справиться с техногеном? Или им нужны свои ведьмы на посту глав ковеннов? Зачем? Как это поможет победить техногена?

— Кристина Сергеевна, вы это уже говорили, — пронила Катя. — Не знаю я. У меня уже руки болят.

Она тоже непрерывно плела магический узор, повторяла те же самые движения раз за разом. Проспект оживился, многие машины сдвинулись с места и лавировали среди тех, которые пока не могли завестись. Часть поломок владельцы исправили сами. Магазины, прежде обесточенные, теперь гордо сверкали витринами. Электрический свет прорезал наползающие сумерки. Надо же, уже почти вечер. А Кристина и не заметила, как пролетел день. Столько хлопот... И все напрасно. Или без видимого результата. Они ни на шаг не приблизились к разгадке. Нет, немного приблизились — мотивы сектантов стали чуть

яснее, всплыл некий техноген. Но это не давало ответ на вопрос, где искать Марианну Бойко с сообщниками. И какими такими чарами они пользуются, что становятся непобедимыми. И при чем здесь музей. И что с Безмянным. И...

— Девки, — робко поинтересовался прокуренный голос, — а вы че руками машете? Вы глухонемые, да? А как тогда разговариваете?

Кристина поморгала. Они с Катей встали на углу возле большого перекрестка и накладывали чары на максимальное количество машин и домов, до которых могли дотянуться. От толпы, ждущей у светофора, отделился плюгавенький мужчина и с недоумением их разглядывал.

— Колдуем мы, не видно, что ли? — пробурчала Кристина, не прекращая работу. Собеседник отчего-то рассердился.

— Тьфу, ненормальные, — сплюнул он и вернулся к светофору. Загорелся зеленый.

— Может, «свои» главы ковенов должны как-то по-новому выстраивать политику ковенов, — продолжала Кристина размышлять вслух. — Угнетать развитие технологий... Но это же бред, кованы не могут влиять на человеческое общество, они только контролируют магию. Инквизиция не позволит им вмешиваться... Хотя, может, затем сектантам и понадобился Безмянный?

— А что с Безмянным? — заинтересовалась Катя. Как и все, она не раз слышала о верховном инквизиторе, но он оставался существом недостижимым и полулегендарным. Кристина опомнилась.

— Ничего... Сектанты подбираются к нему, — расплывчато ответила она. — Слушай, я тоже устала. Давай зайдем в кафе, передохнем.

— Давайте, — обрадовалась Катя.

Они нырнули в ближайшую пиццерию и сели у окна. Кроме пиццы в меню были еще блины и пироги, а в баре — куча алкогольных и безалкогольных напитков. Кристина взяла себе блинчик с грибной начинкой и крепкий кофе с медом. Стоило ей сесть за столик у окна и расслабиться, глядя на вечерний город, как навалилась усталость. Она казалась многотонной, хотя Кристина ничего особенного не делала. Ну да, совсем ничего — только несколько часов кряду колдовала, расходуя магию понемногу, но непрерывно, а до этого почти сутки не спала. А магический резерв, что ни говори, еще не до конца восстановился, да и ограничительные чары, наложенные на Город, давали о себе знать. Они были нипочем, кажется, только сектантам, чьи посланцы — одноноги, кто-то и бог весть кто еще — бодро носились по улицам, круша технику. И теперь неизвестно еще, когда получится добраться до секты и снять ограничительные чары, потому что из-за появления высших все пошло наперекосяк...

Кристина залпом допила кофе. Растворенный в чашке пакетик меда не мог заглушить горечь до конца. Черт, нужно не кофе, а бодрящее зелье. Или просто поехать домой и поспать...

— Что-то я расклеилась, — пробормотала она. — Продолжим завтра, пожалуй. Город кое-как ожил, до завтра дотерпит.

Действительно, за окном проносились по дороге машины, сияли витрины и светились окна домов напротив. Пробки постепенно рассосались. То, что еще нуждалось в ремонте, реанимировали владельцы. Кристина вяло подумала, что поступает нехорошо и что в этом как раз заключается работа ковена: защищать невинных людей от последствий чар и магических аномалий. А сейчас она собиралась бросить людей и вынудить самостоятельно оплачивать ремонт. Но не скажешь же им «Подождите, пока ведьмы и колдуны выпьются и все починят».

— Да уже нормально все, Кристина Сергеевна, — сказала Катя. — Если что не работает, другие подежурят. Аль пишет, что еще много ведьм и половина лож патрулируют Город. Ищут магических существ и заодно убирают последние поломки. Не волнуйтесь...

Она держала в руке телефон и что-то быстро печатала, то и дело отрываясь от экрана и тревожно поглядывая на Кристину.

— Магические существа спрятались, теперь долго не появятся... — проговорила та.

Лещинский утверждал это с уверенностью. И в целом Кристина ему верила, но... Но при мысли, что сейчас придется ехать домой и ложиться спать, сонливость слегка отступила. Это было сильнее ее. Можно сколько угодно верить, что больше никто не нападет, но

подсознанию не объяснишь. Она не знала, сумеет ли заснуть. Может, в офисе переночевать?

Нет уж. Не дождутся. Если она начнет бегать из собственного дома, это будет значить, что противники взяли верх. Запугали главную ведьму и утвердили свое превосходство. От одной мысли об их превосходстве в душе поднималось неконтролируемое бешенство. Нет уж! Она поедет домой и ляжет там спать, даже если придется трястись под одеялом всю ночь или наглотаться снотворных зелий до полной невменяемости!

Впрочем, был еще Лещинский. Который в прошлый раз вовремя заметил нападение, несмотря на то, что заглоты действовали совершенно беззвучно. И если он посмеет отправиться на ночевку в отель, а не к Кристине...

Она яростно раскромсала ножом остатки блинчика и доела его, после чего взялась за телефон.

— Лера, где инквизиторы? И что там с сотрудниками музея, ты что-то узнала?

— Инквизиторы недавно вернулись, в гостиницу поехали... В «Речную», — хихикнула помощница. — А с музейными нормально все. Люди как люди, ничего за ними не замечено. Родились, учились, работали. Что я вообще должна была искать?

— Все, что найдется, — мрачно сказала Кристина. — Не было никаких, я не знаю... провалов? Чтобы они исчезали на несколько лет или десятилетий? Или странностей каких-нибудь? Ты проверяла, точно ли они учились там, где записано? Написать что угодно можно!

— Вы меня пугаете, — после паузы проговорила Лера. — Они что, шпионы какие-то или сектанты замаскированные?

— Все может быть. Так проверяла или нет?

— Ну, — неуверенно ответила Лера, — ездить по учебным заведениям всяким уже поздно, но я могу еще позвонить людям, которые указаны в досье, детям этих музейных смотрительниц, мужьям, коллегам с прошлой работы. Однокурсников могу поискать... Только их же много! Там в штате музея двадцать человек!

Голос стал паническим. Кристина задумалась. Звонить детям? Интересно, несуществующие люди могут рожать настоящих реальных детей? Звонить мужьям... Да здесь до роддомов надо добираться. И проверять, действительно ли старушки-смотрительницы и молодящаяся директриса Ольга Кириченко некогда появились на свет. Потому что если появились, останется только признать, что все это время в мире существовали не только обычные люди, но и люди ненаходимые, которых не определяла магия. Просто иной вид. Ничего подозрительного.

«Ты сама-то в это веришь?» — подумала Кристина.

— Возьми директора музея. Ольгу Ивановну Кириченко. Посмотри документы роддома, в котором она родилась, если найдешь, — сказала она. — Состряпай какой-нибудь официальный запрос, завтра утром свяжемся с этим роддомом и проверим. А сегодня позвони ее мужу, детям, коллегам и однокурсникам, кому сможешь. Сочини там какое-нибудь объяснение, зачем ты их расспрашиваешь. Главная задача — убедиться, что она нормальный человек, а не магическое существо.

— Но... но как она может быть существом? — осторожно поинтересовалась Лера. — Это же легко вычисляется.

— Да вот я подозреваю, что иногда не очень-то легко, — вздохнула Кристина. — Я потом тебе не по телефону расскажу, что с ней. Все, до завтра. Я буду утром.

— А что такое с директором музея? — спросила Катарина. — А инквизиторы завтра утром в офис приедут?

— Любопытная ты, Катя, прямо как ведьма, — фыркнула Кристина. — В музей ведет след сектантов, но в самом музее мы не видим никаких чар. Вообще ничего необычного. Только стандартные проверочные чары показывают, что там нет людей. Директрису и смотрительниц в упор не видят. Да, инквизиторы еще заявятся, они же заглотов не переловили.

— А... а, — Катя раскрыла рот. — Но как директриса может быть не человеком? Такого не бывает, чтобы чары... И кто такие заглоты?

— Твари с зубастой пушкой. Лучше тебе и не знать, — рассеянно сообщила Кристина и провела пальцем по дисплею телефона, собираясь позвонить Лещинскому. Но тут телефон разразился трелью сам.

— Вы там где? — бодро спросил Лещинский. — Домой едете? А то мне, знаете, будет не по себе хозяйничать у вас в квартире в одиночку. Вдруг какие-нибудь ложечки пропадут.

— Мультиварку, главное, не украдите, — проворчала Кристина. — Помните, где я оставила машину? Встречаемся возле нее.

На дорогах было спокойно — ни пробок, ни аварий. Кое-где к обочинам жались автомобили, но сложно было понять, сломались они или их просто там припарковали. Почти во всех домах горел свет, хотя Кристина увидела несколько обесточенных. Проезжая мимо в маршрутке, она не успела рассмотреть номера.

Лучше бы, конечно, нашла что-то подходящее и полетела, а не тряслась в переполненном микроавтобусе. Но она слишком устала. Магия отзывалась, но так слабо и с таким запозданием, что Кристина могла бы просто свалиться, как сбитый самолет.

Лещинский уже ждал возле машины. Окинув Кристину цепким взглядом, он предложил сесть за руль. Она отмахнулась. Навигатором не пользовалась, а постоянно подсказывать дорогу не знающему города инквизитору... Проще было ехать самой. Дальнобойщики вон иногда сутками за рулем, и ничего.

— Что там с заглотами? — спросила она, вливаясь в поток машин. — И как поживают инквизиторы? Там же Дина и Богдан Сергеевич, правильно?

— Они, — кивнул спутник. — Такие же. Слегка не в себе, но колдуют, кажется, на своем обычном уровне. Нужно только их постоянно направлять и не давать отвлекаться. Мы расставили ловушки-приманки. Днем в каждой ловушке работал портал в заповедник. В заповеднике дежурили сотрудники. На ночь я погасил порталы, завтра отправим в столицу тех, кто остался.

— И тогда инквизиторы тоже уберутся? — с надеждой спросила Кристина.

— Увы, вряд ли, — Лещинский пытался говорить с сочувствием, но посмеивался. — Они все-таки хотят провести инспекцию. Но мы дадим им в помощь Семена Никитича и не будем обращать внимания.

— А так можно? — усомнилась Кристина.

— Можно, — заверил Лещинский. — Кстати, ваша помощница говорила, что нашла информацию о сотрудниках музея...

— Да, и о том, что они не отличаются от людей. Она вам все рассказала? — оживилась Кристина. — Вы собирались побеседовать с директором музея, помните?

— Помню. Я не знаю, когда мы завтра закончим с заглотами. Если утром окажется, что директор на самом деле существует и о ее рождении есть запись в архивах роддома... Побеседуйте с ней сами, только в одиночку не ходите. Возьмите Дину, я оставляю ее в офисе. Только перед тем, как войти в музей, напомните ей, что вы идете в зачарованное место, что там, возможно, действует секта, и так далее. Высшие в целом вменяемы, просто представьте, что разговариваете с пьяными.

Кристина, рассмеявшись, кивнула.

...В ловушке, оставленной в ее квартире, не обнаружилось никого опасного. В сетях трепыхался лишь безобидный домашний всеядец. Это вечно голодное животное, похожее на откормленного до шарообразной формы енота, питалось всем подряд. Проникнув в квартиру, оно заглатывало оставленные на виду ключи, мобильные телефоны, одежду, посуду и вообще все, что видело. Даже секта вряд ли сумела бы использовать его, чтобы навредить Кристине, потому что зверек был непроходимо глуп. Он мог думать исключительно о еде. Скорее всего, он просто пролез в квартиру, ища, чем поживиться. Держа существо за загривок, Лещинский на всякий случай наложил на него проверочные чары. Те предсказуемо ничего не выявили.

— А может, в музей его запустить? — пробормотала Кристина, зевая. — Пусть переполошит там всех, может, что-то и всплывет...

— Даже не знаю. А если он никого не переполошит, а только съест пару десятков редких экспонатов?

— М-да, загвоздка... Ну выпустите его, если считаете, что можно.

— Можно. Я сотру ему память, у таких существ она легко стирается.

Кристина пожала плечами и поплелась на кухню. Они поужинали привычной яичницей с сосисками. После еды спать захотелось еще сильнее. Кристина вяло махнула рукой в сторону шкафа, предлагая Лещинскому постелить себе на диване самому. Потом зашла в свою спальню. И нервозность набросилась на нее с новой силой. Собственная кровать казалась черной дырой, на дне которой предвкусшающе скаплились зубастые пушки. Кристина села в кресло, не решаясь даже снять покрывало. Она из остатков сил ругала себя последними словами, отлично понимала, что больше никто не вломится к ней домой, особенно сегодня, когда секта временно ушла в подполье, особенно после того, как Лещинский увешал ловушками подходы к квартире, особенно после того, как первое нападение провалилось... Понимала, но ничего не могла сделать. Еще лучше она понимала, что если пересилит себя и ляжет в постель, то так и не сомкнет глаз до утра. А утром благополучно сойдет с ума от невозможности спать. У Лещинского там номер в отеле снят... Может, поменяться? Пусть ночует здесь, а Кристина поедет туда. Или заставить его перетащить диван в ее спальню, чтобы был рядом? Тьфу, какая ерунда. Кристина все сильнее чувствовала презрение к себе за подобную слабость. Не помогли бы здесь ни гостиницы, ни диваны. Только зелье против неврозов. Но вот беда — его требовалось принимать не менее пяти дней, чтобы получить хоть какой-то результат. Еще, пожалуй, она бы успокоилась, если бы Лещинский спал вместе с ней. Даже заглоты не смогут вытащить из постели одного человека, не потревожив второго, правда? Тоже ерунда. Он не согласится. Мало ему своего проклятия, чтобы еще носиться с полоумной ведьмой, которая не может справиться с нервами. Позор какой. Тихо скрипнула, поворачиваясь, ручка двери. Кристина дернулась и подпрыгнула на месте. — Простите, если помешал, можно открыть окно? — спросил Лещинский. Потом удивленно воззрился на Кристину. — А вы почему не спите? — Не могу, — честно призналась она, поднимаясь с кресла. — Все время жду заглотов. Да, открывайте окно, чтобы им было легче влезть. Лещинский ненадолго опешил, потом издал короткий смешок. — Никто не влезет. Если заглоты и будут передвигаться по Городу сегодня ночью, то только в направлении ловушек. И я выставил дополнительные ловушки снаружи вашей квартиры. В конце концов, я в соседней комнате и замечу, если кто-то влезет, хотя это невозможно. — Думаете, я не понимаю? — мрачно отозвалась Кристина. — Все в порядке, идите спать и открывайте окно. — Конечно, все в порядке, — усмехнулся инквизитор. — Я вижу. Мы поменялись ролями, и теперь вы отказываетесь признавать свою проблему? Тогда придется бить вас вашим же оружием. Кристина заинтересованно подняла голову. — Бить меня? Это уже любопытно. — Не знал, что вас волнует эта тема, — его усмешка стала шире. — Но я вообще-то о другом. Что сделать, чтобы вы не боялись? Состряпать магическую сигнализацию? Перетащить свой диван к вам в комнату? Сигнализация. Кристина задумалась. Можно спать и знать, что магическая сирена взвояет истошным голосом, если в квартиру проникнет хоть один заглот... Ну да, заглот, которые отлично умеют глушить звуки. И даже если сигнализация вместо сирены устроит какое-нибудь локальное землетрясение, все равно черта с два это поможет. — Ничего, — ответила Кристина. — Здесь нужно простое успокоительное зелье. Оно подействует, — она не сдержалась и добавила: — Дней через пять. Лещинский покачал головой. — Ну, больше я ничего не могу сделать. Не предлагать же спать в вашей постели. — А почему бы и нет? — поинтересовалась Кристина. Хотя пять минут назад сама же отвергла эту идею. Он изумленно хмыкнул. — Потому что вы переоцениваете мою выдержку.

Она уставилась на него, осмысливая услышанное. Он что, хочет сказать, что не сможет просто так спать рядом в кровати, не удержится и начнет приставать? «Приставать». Пришедшее на ум обозначение рассмешило. Кристина сдержала неуместное веселье. Но от всего этого тело неожиданно окатило волной странного возбуждения, жаркого и почти нестерпимого. Хотя почему странного? Все укладывалось... в пределы нормы.

— Я думала, отсутствие выдержки — удел семнадцатилетних, — провокационно заметила она, пристально следя за взглядом Лещинского. — Мужчины постарше уже не реагируют так на всех женщин.

Он не оскорбился. Казалось, эта шпилька его развеселила.

— А я и не реагирую на всех женщин. Только на вас.

Кристина моргнула. У нее вырвался смешок.

— Почему вас это удивляет? — улыбнулся Лещинский. — Вы мне нравитесь. Вы меня привлекаете. Я вас хочу, в конце концов. Просто у любой выдержки есть предел. Это было откровенно. Возможно, даже слишком. Откровенность выбивала почву из-под ног. Кристина помедлила, прежде чем найти с ответом. Она просто не знала, что сказать. До сих пор он всегда был таким сдержанным...

...за исключением тех минут, когда целовал ее. И тогда ничто не говорило о равнодушии. Похоже, кто-то очень хорошо умел скрывать эмоции. Почему перестал сейчас?

Кристина догадывалась об ответе. Усталость. Лещинский ведь тоже устал. А в таком состоянии уже не оставалось сил на уклончивые ответы, тактичные отговорки, нагромождение лишней полуправды...

— Ну а если я не стану возражать? — после паузы сказала Кристина.

— Настолько боитесь заглохнов, что готовы расплатиться честью за охрану? — глаза собеседника заискрились сдерживаемым смехом. — Да бросьте. Никто уже не нападет.

— Хорошего же вы обо мне мнения, — фыркнула она. — Ну а если вы меня тоже... привлекаете? Это так невероятно?

Лещинский усмехнулся. В этой усмешке было что-то непонятное. Немного недоверия, немного радости... и что-то еще, что сразу погасло, когда он склонил голову и шагнул к Кристине.

— Только не сейчас, — поспешно уточнила она. — Потому что если вы ляжете со мной, то я засну, как только коснусь подушки. Я устала. Надеюсь, вы не станете проделывать всякие непотребства с бесчувственным телом.

— Нет, — выдохнул он и сгреб ее в охапку. — Только с находящимся в полном сознании. Черт, Кристина...

Он прижал ее к себе и уткнулся лицом в волосы. Руки медленно скользили вниз по спине. Кристина замерла, тоже обнимая его. Замерла, хотя казалось, что она вот-вот взорвется от нахлынувших ощущений, тянущих в разные стороны. Гремучая смесь: зарождающееся желание и покой, страсть и безопасность. И еще усталость, которая делила все на два и не давала сполна насладиться древней игрой.

— Нам нельзя, — обреченно пробормотал Лещинский, не выпуская ее.

— Это еще почему? — спросила Кристина ему в плечо.

— Может быть опасно... Прежде всего для вас.

— Только не говорите, что в порыве страсти вы превращаетесь в чудовище, — нервно фыркнула Кристина. Хотя она бы не очень удивилась, если бы так и оказалось.

— Я ни во что не превращаюсь, просто... А, черт, уже не важно. Но они до вас не доберутся даже через мой труп, — прошептал он. Кристина почти не слушала. Она слышала только тембр, не вникая в слова. Какая-то опасность... Как будто сейчас нет опасности. Лещинский снова о чем-то умалчивал. Как всегда. И ей снова хотелось то ли пнуть его, то ли...

— Поцелуйте меня, и будем спать, — потребовала она, чувствуя, что глаза сами собой закрываются. — Продолжим утром.

— Обязательно, — шепнул Лещинский, касаясь ее губ.

И Кристина действительно отключилась, стоило голове опуститься на подушку.

Пробуждение было... теплым.

Открыв глаза, Кристина обнаружила, что лежит в кольце рук. Прямо как в каком-нибудь романтическом фильме. Она прижималась спиной к груди Лещинского, а тот по-хозяйски закинул на нее руку. Одеяло сбилось куда-то в сторону, но тепло было и без него.

Кристина поморгала, не шевелясь и не оборачиваясь. В окно били утренние солнечные лучи. Судя по солнцу, было часов восемь. А может, девять.

Так. Вчера она, потеряв всякое понятие о сдержанности, фактически затащила инквизитора в постель, пообещав ему утренний разврат, потому что слишком устала для вечернего.

Кристина зажмурилась. Но тут же вспомнила, что он первый начал.

И что теперь де...

— Доброе утро, — бархатно промурлыкали ей на ушко. — Раздумываете над тем, как улизнуть?

— Есть немного, — призналась Кристина, прежде чем успела подумать, что произносит ее язык. — Я еще не умывалась и...

Лещинский легонько провел ладонью по ее животу, и она непроизвольно чуть выгнулась.

Нет, все-таки когда долго живешь одна, в этом есть свои минусы.

— Если единственное препятствие — это умывание, — сказал Лещинский, — то я никак не могу вас отпустить. Иначе потом не поймаю...

В следующую секунду горячее дыхание обожгло шею, и он принялся медленно целовать нежную кожу.

Кристина сама не заметила, как перевернулась на спину, позволяя ему спустить бретели ночной сорочки с плеч. Она прикрыла глаза и какое-то время не шевелилась, прислушиваясь к ощущениям. Тело реагировало именно так, как и должно было. Нет, пожалуй... острее. Ей захотелось привлечь инквизитора к себе, и она сделала это. Тяжесть мужского тела пригвоздила к кровати. Кристина потянулась к Лещинскому и слегка прикусила ему мочку уха, а потом опять выгнулась и царапнула обнаженную спину, требуя не медлить.

Он подчинился. Опираясь одной рукой о подушку у головы Кристины, нависая над ней, он нетерпеливо сжал ее грудь свободной рукой и приник к губам. Кристина жадно ответила на поцелуй, забрасывая одну ногу Лещинскому на бедра, чтобы он не вздумал отстраниться.

Он коротко рассмеялся, и Кристина прикусила ему губу, требуя не отвлекаться. Ее охватила бесшабашность пополам с желанием. Крутой коктейль бурлил в крови, заставлял вцепляться в мужчину, как в добычу, играть с ним, как с добычей, и заявлять свои права. К обоюдному (сомневаться не приходилось!) удовольствию.

Ведьмы привыкли получать то, что хотят...

...Мобильный телефон звонил и звонил. Незатейливая мелодия повторялась раз за разом, громко и назойливо. До того назойливо, что в конце концов достучалась до затуманенного сознания Кристины и вынудила прервать поцелуй.

— Черт, — пробормотала она. — Если там какая-нибудь ерунда, я их убью...

Лещинский хмыкнул, потянулся к прикроватной тумбочке и подал телефон. Тот продолжал звонить. На дисплее мигало имя Леры. Кристина помедлила, в глубине души надеясь, что та бросит трубку и решит перезвонить позже. Хотя бы через полчаса. А лучше через час. Ну почему вся жизнь подчиняется закону подлости? Может, подлый законен, пользуясь невидимостью, уже обосновался в квартире?

— Ответьте, — шепнул Лещинский, не отстраняясь. — Там может быть что-то важное.

О да. Кристина не сомневалась, что там что-то важное. Она провела пальцем по дисплею, и в уши тут же ворвался панический голосок Леры.

— Кристина Сергеевна! Приезжайте скорей! С Богданом Сергеевичем что-то не то!

Ну конечно, нужно приехать поскорей. Она тяжело вздохнула, отодвинулась от Лещинского и села на кровати.

— Что случилось?

— Я не знаю, он какой-то странный!

— Лера! Он всегда странный! — обозлилась Кристина. — Это повод меня дергать с утра?

— Ну, он ни на что не реагирует, не отвечает почти ни на какие вопросы, я его и про заглотов пыталась расспрашивать, и про музей, он только смотрит! Или даже не смотрит. А сам сидит посреди нашего холла и рисует картину!

Рядом беззвучно захохотал Лещинский, который отлично слышал Леркины вопли. Кристина мученически возвела глаза к потолку. Она догадывалась, что случилось с несчастным инквизитором и почему на него вдруг нахлынуло вдохновение. Нужно было ехать и расколдовывать его. Вот ведь...

— И как у него, хорошо получается?

Лера, кажется, растерялась от этого вопроса. Плохо. Значит, талантом Богдан Сергеевич не блистал. Тогда тем более нужно было расколдовывать.

— А может, пусть рисует? — жалобно спросила Кристина скорее у Лещинского, чем у Леры. — Сидит тихонько, никому не мешает...

Потом потрясла головой, буркнула: «Ладно, скоро буду» и поплелась в ванную. После встречи с тем существом, с которым столкнулся Богдан Сергеевич, не всякий сохранял здравый рассудок. Те, у кого хватало способностей, становились знаменитыми художниками, композиторами, поэтами или писателями. Но чаще способностей не хватало. И тогда без помощи мага пострадавший просто сходил с ума от понимания, что идеал недостижим.

Да уж, давненько в Городе не было видно этого... ценителя искусства. Интересно, его на Богдана Сергеевича натравила секта или они встретились случайно?

Глава 19. Прогулка с последствиями

Они собрались рекордно быстро, даже не успев выпить кофе. Кристина поспешно натянула джинсы, толстовку и куртку, собрала волосы в хвост и не стала краситься. Мало ли сколько способностей у Богдана Сергеевича и как скоро он начнет сходить с ума! Нужно было поторапливаться.

Но когда у двери Лещинский поймал ее и коснулся губ быстрым поцелуем, Кристина на несколько секунд замерла, наслаждаясь скуными ласками.

— Смотрите не сбежите до вечера, — сказал он после. — И берите в музей Дину!

Кристина кивнула, улыбнулась ему уголком рта и открыла дверь.

Если подлый законенок и проник к ней в квартиру, то там он, наверное, и остался, потому что в одной из любимых кофеен Кристины по дороге в офис не было очереди. Она купила стакан капучино, и это окончательно примирило с действительностью.

Притормозив на светофоре, она отхлебнула ароматный сладкий напиток и блаженно прикрыла веки. Нехорошо, конечно, есть и пить за рулем, но ведьме можно.

Водитель стоящей рядом маршрутки поприветствовал ее, отсалютовав своим стаканом. В одной руке он держал кофе, в другой пирожок, в третьей мобильник, четвертой и пятой пересчитывал деньги, а шестой держался за руль. Правда, видеть все руки этих существ могли только ведьмы, для простых смертных водители маршруток были такими же людьми. Хотя порой и смертные что-то подозревали.

Богдан Сергеевич действительно обнаружился в холле. Он восседал на табуретке прямо в центре. Перед ним стоял мольберт. Руки инквизитора, одежда, волосы и даже лицо были перепачканы краской. Чуть поодаль за мольбертом неподвижно замерла Рачка, на голове которой живописной медузой раскинулся Злыдень. Когда собака пыталась сменить позу, он кусал ее за ухо.

На появление Кристины и Лещинского Богдан Сергеевич не отреагировал. Можно было подойти к нему вплотную и даже беззастенчиво пялиться, как он рисует — он лишь продолжал наносить на холст стремительные мазки. Картина получалась неплохой. Во всяком случае, собака на ней не походила на кота и наоборот.

— Вот! Вот видите! — закричала Лера, появляясь из коридора. — Он уже час так сидит!

— Лер, ты давно в ковене? — задумчиво спросила Кристина. — Прости, забыла.

— Ну... Лет пять, — опешила помощница. — Да, точно, пять. Как меня из магазина обуви уволили, так и получила магическую силу. А что?

— Ничего. Значит, господин П в последний раз появлялся больше пяти лет назад.

Интересно, что его заставило объявиться на этот раз. Запомни, Лера, если встретишь на улице мужчину в темном пальто и в шляпе, не смотри ему в глаза. Это несложно, свою

шляпу он так надвигает на глаза, что лица почти не видно. Но если приподнимет — пиши пропало. Если посмотреть ему в глаза, станешь вот такой, — она кивнула на Богдана Сергеевича.

Лера моргала. Лещинский заинтересованно прислушивался. Он наверняка знал о существовании господина П, но вряд ли сталкивался вживую. Это существо было уникальным и водилось только в Городе. Ну, может, еще в нескольких городах — в Токио, в Барселоне, в Париже... Тамошние ведьмы о нем не распространялись, но Кристина догадывалась. В столице таких точно не было.

— Каждый, кто попадает под влияние господина П, становится одержим идеей угодить господину П. А угодить ему можно только с помощью искусства. Картины он любит, музыку, стихи, книжки хорошие. Вот человек и начинает писать картины, музыку... ну и так далее. Только с господином П можно встретиться всего раз в жизни. Есть некоторые, кто утверждает, что можно увидеть его снова, и он одобрит твою картину или сонату, скажет «Превосходно!»... Ну или «Перфекто». Поэтому его и называют господином П. Мистер Перфекционизм, — усмехнулась Кристина. — Но лично я не знаю никого, кто сумел бы встретиться с ним повторно. Если вовремя не расколдовать, человек ударяется в искусство на всю оставшуюся жизнь. Айвазовский был из таких, Булгаков, Алексей Толстой... Да много их. Но им повезло, у них были врожденные способности. Если способностей нет, господин П их не прибавляет. И тогда жертва сходит с ума.

Лера с новым интересом уставилась на картину Богдана Сергеевича. Видимо, пыталась определить по ней наличие способностей.

— Ну, у него получается лучше, чем получилось бы у меня, — вынес вердикт Лещинский. — А долго расколдовывать?

— Не очень, — сказала Кристина и отправилась в свой кабинет за заряженными магией кольцами. Чары господина П были приставучими. Без дополнительного магического заряда с ними бы пришлось возиться часа три.

Но и с зарядом Кристине пришлось повторить узор четыре раза, прежде чем взгляд Богдана Сергеевича стал осмысленным. Узор был сложным и запутанным. Перед тем как его накладывать, Кристина долго листала тетрадь со схемами редких узоров, хранившуюся в ковене уже лет триста. Засаленные станицы перелистывались плохо. Время шло. Кристина нервничала. В довершение всего в офис явилась Дина со своим неизменным бокалом с коричневым напитком (да что у нее там за гадость?!) и начала заглядывать через плечо.

— Ух ты! Какая музейная реликвия! А кто ее составлял? А почему не оцифруете? А она точно старая? В одном сериале была такая книга, еще и с картинками, ее специально для съемок делали!

Кристина закатила глаза и постаралась ничего не слышать. Дина ребячилась, но за ее дурашливым поведением чувствовался стальной стержень. Она будто глумилась, намеренно стараясь казаться глупее, чем есть. Может быть, сейчас магия секты гипертрофировала эту ее склонность, позволяя лучше рассмотреть, а в обычное время Дина просто казалась легкомысленной и мало чем интересующейся дамочкой. Кристина знала таких людей и немного опасалась их.

После четвертого узора Богдан Сергеевич дернулся всем телом, поморгал и потрясенно уставился на картину.

Увидев, что он прекратил рисовать, Злыдень спрыгнул с головы Раечки, подбежал к нему и стал трогать лапкой за ногу. Инквизитор не обратил внимания.

— Что это за чары? — спросил он, вскакивая. — Кто... Какого черта! Вы позволили сектантам до меня добраться?! Я немедленно составлю акт! Где Семен Никитич? Пусть немедленно подошьет эту вопиющую наглость к общему отчету об инспекции... Да что за?..

Поняв, что его портрет никто не собирается заканчивать, Злыдень подпрыгнул и вцепился когтями Богдану Сергеевичу в бок. Тот с размаху опустил тяжелую руку, но за миг до того, как его прихлопнули бы, Злыдень растаял в воздухе, чтобы материализоваться на голове у жертвы.

— Мя-а-а! — пронзительно завопил он в ухо Богдану Сергеевичу.

— Ну хватит! — воскликнула Кристина. Котенок обиженно посмотрел на нее и красивым прыжком спикировал с головы Богдана Сергеевича на пол. — Господин П не может

работать на секту, иначе он бы внушил вам сразу отправиться к ним и сдать всю информацию, какая у вас есть. Его вообще не интересует ничего, кроме искусства.

— Я должен найти его и допросить, а потом внести в отчет! — упрямо заявил Богдан Сергеевич. Кристина фыркнула.

— Ну попробуйте. С ним можно встретиться только раз в жизни, но вдруг вам повезет. Удачи в поисках.

— Заглоты, — напомнил Лещинский. — Богдан, пойдем, мы еще не проверили ловушки.

— Ах да, — спохватился тот. — Ладно, тогда поищем его после ловушек.

И они удалились. В холле стало тихо-тихо. Лишь Злыдень в углу шумно вылизывался, смывая с себя человеческий запах.

— Н-да, — протянула Кристина. — Лера, ты в роддом звонила? Что там с Ольгой Кириченко?

— Звонила! — вскинулась помощница. — И ничего. В смысле, они подняли архивы, и оказалось, что Кириченко действительно родилась и она обычный человек...

— Кто такая Кириченко и почему она должна быть необычным человеком? — заинтересовалась Дина.

— Сейчас посмотрим, — пообещала Кристина. — Придется с ней побеседовать. И я буду просить, чтобы вы пошли со мной.

— Да давай на «ты»! — панибратски сказала Дина уже на пятой минуте прогулки. Она блаженно подставляла лицо утреннему солнцу, прихлебывала из неизменного бокала и явно наслаждалась жизнью. Интересно, это побочный эффект той магии, которую наложили на совет высших, или свойство характера? Наверное, свойство. Богдан Сергеевич ведь сохранил и даже, кажется, приумножил свою мрачность и дотошность.

В музее оказался выходной. Ольга Ивановна отсыпалась у себя дома. Кристина позвонила ей и представилась следователем по делу о мошенничестве. «Я хочу побеседовать с вами в качестве свидетеля, — вдохновенно врала она. — Не под протокол, просто беседа. Будет лучше, если вы подъедете в музей. Мы раскрыли преступную группировку, глава которой прикрывалась вашими документами. Нет-нет, вас ни в чем не подозревают! Мы знаем, что вы не мошенница. Просто хотим кое-что уточнить». Кристина понятия не имела, как должен говорить следователь в такой ситуации, но Ольга Ивановна поверила и пообещала приехать в музей в течение часа.

Тогда Дина предложила пройтись до него пешком. Кристина согласилась. В конце концов, на центральном проспекте, по которому они сейчас неспешно брели, еще оставалось немало обесточенных магазинов и заглухших машин, и она время от времени накладывала восстанавливающий узор. Дина ничего не замечала. Она прихлебывала коричневый напиток и трещала взахлеб.

— Как давно я не общалась с нормальными людьми! Ты понимаешь, у нас в совете высших все такие, как этот Богдашка. С ними каши не сварить! Ну то есть работать с ними можно, а так чтоб поболтать, погулять, сходить куда-то — фигушки. Сухари, понимаешь! А я даже подруг нормальных завести не могу! Люди так быстро старятся и умирают. А ведьмы, они же с инквизицией не очень дружат. Потому что поехавших много! Инквизиторов поехавших, я имею в виду. Таких как Богдашка или Семен Никитич... Где Семен Никитич? Богдашка хоть его вызвать не успел сегодня, я надеюсь? Так вот, ведьмы. У столичных это вообще зашвар, с инквизицией якшаться, если не в официальных расследованиях...

Кристина старалась пропускать мимо ушей ее болтовню, как делала всегда, когда доводилось сталкиваться с излишне общительным собеседником. Но у нее никогда не получалось. Поневоле разум улавливал информацию. Она рассмеялась, услышав словечко «зашвар». Оно так дико звучало из уст представительницы совета высших. Но смех резко оборвался, когда Дина, все так же беззаботно разглядывая сверкающие витрины, произнесла:

— Одна Марианна была нормальная. Ну то есть как нормальная — она просто так себя поставила, что ее уважали. Знаешь, есть такие люди. Ей было можно жить с инквизитором и общаться с другими, это была как бы часть ее стиля. Она, наверное, думала, что ей и вступление в секту простят. Только такое, увы, на часть стиля уже не тянет...

— Э-э, — осторожно начала Кристина. — Ты про Марианну Бойко сейчас? А ты с ней дружила, что ли?

— Ну да, — Дина чуть удивленно воззрилась на нее, будто ее поражало, что кто-то мог об этом не знать. — Я же говорю, она с нашим Стефаном жила и с другими общалась. Но так бывает, всеобщие любимцы часто теряют берега.

Кристина буквально почувствовала, как зрачки расширяются в предвкушении раскрытия тайны.

Нет, она давно догадывалась, что связывало Лещинского с Марианной. Но одно дело — догадываться, а другое — услышать подтверждение. Вместе с подробностями. Уж Дина с ее болтливостью выдала бы все подробности, которые знала. Кристина поколебалась, размышляя, какой наводящий вопрос задать. На миг ее охватило чувство, что она предаст Лещинского, вламываясь в его прошлое и его тайны, которые он предпочитал не разглашать. Но ведьминское любопытство оказалось сильнее. И потом, она просто слушатель. Это Дина в курсе подробностей, это Дина решает, рассказывать или нет, это на ее совести эфемерное предательство. Правда?

Ведь правда?

— Я думала, это Марианна его прокляла, — осторожно заметила Кристина. — Зачем ей было с ним жить?

— О-о, ты не в курсе, — обрадовалась Дина. — Ну понятно, он-то помалкивает, это мне можно трепаться о чем угодно, ха-ха... Конечно, она прокляла. Но это было в конце. А вообще Марианна — это его роковая любовь.

— Ого, — только и сказала Кристина. — А почему роковая?

— Потому что ты сама видишь, чем все кончилось, — хихикнула Дина. — Ну, если серьезно, это надо было видеть. Красивая была пара. Искры летели. Ну то есть... при нас они никаких разборок не устраивали и особо не обжимались, но все равно видно же... Кристина посмотрела на трансформаторную будку, возле которой копошились рабочие, и постаралась сосредоточиться на ней. Думать о будке, думать, как будка, стать будкой... Тьфу, не в тему. Сосредоточиться и отвлечься от Дининой болтовни не получалось. А Кристина уже успела пожалеть, что задала вопрос.

Коробил легкомысленный тон спутницы и ее просторечные словечки. Еще больше коробила полученная информация. Вот зачем было спрашивать? Теперь Кристина не знала, как относиться к поползновениям Лещинского в ее сторону. Утром все было просто и ясно. Кристина видела, что она ему нравится. Причем сильно. Ее тоже тянуло к инквизитору как магнитом. Да она почти влюбилась в его неизменное спокойствие, легкую иронию, ум и опыт, и надежность, и в забавные перепалки с ним, которые он сразу подхватывал. Но если там была такая любовь, как говорила Дина... Даже если слова Дины следовало делить на десять, как слова любой болтушки-сплетницы... Все равно — разве такая любовь забывается настолько быстро?

— Они раз пять, наверное, расходились, потом опять сходились, — продолжала трещать собеседница, подливая еще больше масла в огонь сомнений. — Уходил, по-моему, он. Хотя я точно не в курсе...

— А проклятие? — перебила Кристина. — И почему его отправили ее ловить? Это же глупо! Они там не боятся, что любовь разыграет в самый неподходящий момент?

Она невольно переняла манеру Дины — «он», «она», «они» и никакой конкретики. Но Дина прекрасно поняла, о чем речь.

— А, да, проклятие! — протарахтела она. — Ну так вот, жили они, жили, а потом оказалось, что Марианна уже пару лет как в секте. Вскрылось это, когда душу какого-то города пробудили и ее на месте застукали. И все гадали, Стефан прохлопал это или был в сообщниках. Ну, он, конечно, утверждал, что прохлопал. Марианну сразу накрыли «инквизиторской клеткой», — Кристина не знала, что такое «инквизиторская клетка», но решила не уточнять. — И начали расследование. Никаких доказательств, что Стефан в чем-то замешан, не нашли, но на него все равно косо смотрели. А потом на тюрьму напали сектанты... Ну и Марианна сбежала, а на прощание наградила его проклятием. Он перед этим вечером заходил к ней, о чем-то говорили, только никто не знает о чем. Может, помогал нападение организовать, ха-ха! Может, проклятие для отвода глаз нужно было. Но опять же, никто не знает точно.

«Хорошенький отвод глаз», — подумала Кристина. Вслух она спросила:

— Да как они могли напасть и так легко ее вытащить? Разве инквизиторская тюрьма — это не неприступная крепость?

— В том и прикол! — запальчиво воскликнула Дина и залпом осушила сразу половину бокала. Тот оставался полупустым ровно несколько секунд, а потом вновь сам собой наполнился жидкостью. — Ну то есть тюрьма — это не крепость, там другая магия. Они как-то взломали магию. Нашли выход и вскрыли клетку. Наши, естественно, опять подумали на Стефана. И опять ничего не нашли. Вообще ничего, не только на него, никто не понял, как сектанты вообще магию взломали. И все... Поначалу на секту охотились другие следователи, а потом кому-то... да кому, Безымянному, конечно! — пришло в голову, что Стефана надо отправить на розыски. И пусть отрабатывает, если прохлопал. На Безымянного сразу взъелись, мол, вы чего, а если он их пособник! Но Безымянный с ним о чем-то долго тер наедине, и кончилось тем, что Стефана таки отправили. Ну и оказалось, не зря, пару раз он ее почти поймал, да и теперь...

— Дина, — вкрадчиво сказала Кристина. — А кто такой Безымянный?

Она отлично помнила вечер в центральном офисе инквизиции. И помнила массовую амнезию, охватившую весь совет высших. Пустой стул с высокой спинкой, вопрос Лещинского, бараньи взгляды и слова «Мы уже высшие, нет никого над нами». Вы же забыли о существовании верховного инквизитора, так что ж ты сейчас о нем рассказываешь?

— Ну... — заморгала Дина. — Это...

Она вдруг стала ужасно напоминать кого-то, которого допрашивали на стройке. Лицо вытянулось, глаза стали пустыми. Наконец она встряхнулась, как собака, и с натянутым смешком ответила:

— Знаешь, я была уверена, что у нас был какой-то Безымянный, и он был самый главный. Черт его знает почему. Глючит, наверное.

И все же, несмотря на то, что Дина так ничего и не вспомнила, сейчас она казалась адекватной. Кристина рискнула спросить:

— А ты не думала, что вас могла заколдовать секта? Заставить забыть Безымянного?

— Заколдовать нас? — нахмурилась Дина. — Ну не знаю. Да не-ет, мы же высшие, как они нас заколдуют?

— В тюрьму же как-то влезли, хотя ее тоже вы делали. Или не вы?

— Ну... — снова задумалась Дина. — Делали-то мы, но влезть в тюрьму — это же не то, что влезть в голову. Я не знаю, как они нашли выход...

— А какой там выход? Как вообще эта тюрьма выглядит? — не утерпела Кристина. Впечатления от услышанного она загнала поглубже в подсознание. Слишком много информации свалилось одновременно. Все эти подробности о Лещинском, его «роковой любви» и ее побеге нужно было еще переварить. Зря она спросила. Рано или поздно он рассказал бы сам. А теперь, как подозревала Кристина, ей даже в глаза ему будет стыдно смотреть. Хотя Дина нисколько не стеснялась...

— Может, зайдём пирожных поедим? — спросила та. — И я расскажу про тюрьму.

Она кивнула на вывеску кондитерской. Кристина вздрогнула: с огромного плаката скалилась фея, та самая, которая чуть не утопила в креме центр Города.

— Здесь пирожные дрянь! — поспешно воскликнула Кристина. — И вообще-то нам надо поторопиться, мы не просто гуляем, мы идем допрашивать директора музея! Которая может оказаться какой угодно тварью. Дина, не расслабляйся, это магическое место!

— Ну ладно, — протянула та и ускорила шаг. — На самом деле нечего тут рассказывать. Инквизиторская клетка изнутри для заключенного выглядит как обычная камера в тюрьме. В нее сажают на время расследования. А снаружи она уменьшается до небольшого кубика. Кубик стоит на столе у следователя, у него их обычно десятки. Иногда он сбрасывает их в шкаф, хотя вообще-то это запрещают права заключенных... Ну а когда вина доказана, преступника переводят в тюрьму. Если приговора еще не было, но с виной уже все ясно, кубики с клетками тоже отправляют на хранение в тюрьму. Это трамвай.

— Что? — Кристина вздрогнула и отвлеклась от трамвая, который стоял на рельсах, печально опустив рога. Она как раз накладывала на него целительские чары. — Ну да, трамвай. Заглох еще вчера, до сих пор не завели.

— А, этот. Да заведут. Тюрьма — трамвай.

— Как трамвай?

Кристина вернулась к настоящему трамваю, застрявшему на рельсах. У нее не сразу получилось сплести узор.

— Очень просто. По столице ездит обыкновенный трамвай. «Татра», кажется. Два вагона. И все заключенные годами едут в нем и едут. Стоя, сидячих мест нет. Грохот, тряска, летом жара, зимой холод. Нельзя отдохнуть, невозможно спать, со всех сторон толкают. Ругаются... те, у кого остались силы. Если кто-то падает, его приводят в чувство магией, и он снова должен стоять. Трамвай никогда не останавливается, не считая случаев, когда в него загоняют нового заключенного или освобождают кого-то, кто отбыл свой срок. Дина рассказывала об этом спокойно и даже весело. Кристине же показалось, что волосы на затылке слегка шевелятся. У простых людей инквизиторские пытки стали притчей во языцех. Конечно, у простых людей была своя инквизиция, невежественные простецы, готовые уничтожить все, что казалось им подозрительным. Но, может, у них и была какая-то связь с инквизицией магической...

— Но вообще-то за серьезные преступления мы казним, — небрежно сказала Дина. — Горбатого, знаешь ли, могила исправит... Точно не хочешь пирожных?

И она в очередной раз отхлебнула из бокала.

Да уж. День становился все более зловещим. После всего услышанного о Лещинском и о Марианне и после добавки в виде страшилки о трамвае самое время есть пирожные.

Когда впереди показалось здание музея, Кристину охватило странное предчувствие. Она даже остановилась и прикрыла глаза, пытаясь то ли справиться с собой, то ли разобраться, о чем предупреждает интуиция...

Но стоило закрыть глаза, как предчувствие мгновенно выключилось, застигнутое с поличным.

— Ну ты там идешь? — поторопила ее Дина. — Сама говорила, что надо спешить!

— Да, — Кристина распахнула глаза. — Посмотри на меня.

Инквизиторша уставилась на нее.

— Еще раз: мы идем в зачарованное магическое место. Там может быть абсолютно любая магия. Оно может оказаться чем угодно. Внутри может скрываться кто угодно. Когда я накладываю на него проверочные чары, оно светится. Когда Лещинский проверял тамошних сотрудников, магия их не выявила, а показала вместо них пустое место. Все, что ты увидишь, может оказаться иллюзией...

— Да знаю я, знаю, слышала уже, — Дина отвернулась. — Нет, странный городок у тебя, конечно. Людей-пустых мест я еще не встречала. Может, Стефан колдовать разучился?

— Зайдем — проверишь их еще раз. Каждую смотрительницу, — ответила Кристина. — Все, хватит стоять.

И она первой поднялась на крыльцо и дернула дверь. Когда нога коснулась порога, Кристине показалось, что она сама идет в пасть зубастой пушки. Бросается в пропасть, на дне которой скалятся пушки, совсем как те, что почудились ей вчера ночью... Только сегодня некому было спасти ее от кошмаров.

Все летело в пропасть...

...Холл музея заливал безмятежный свет осеннего солнца. В здании царила тишина, нарушаемая далекими голосами где-то в залах с экспонатами. Мирная картина так контрастировала с кошмарами Кристины, что та не сразу сориентировалась.

— Вам помочь? — окликнула ее билетер. — О, да я же вас помню, наш постоянный клиент! Женщина лет шестидесяти добродушно улыбалась из окошка кассы. Кристина принужденно улыбнулась в ответ.

— Да, я... Мы пришли к Ольге Ивановне.

— Она будет через полчаса, — лицо билетерши погрузнело. — Это вы следователь, да? А почему в прошлый раз молчали? Если хотите, можете прогуляться по залам. Для вас бесплатно.

— Пошли, — Дина дернула за руку. — А то мне поглазеть охота. Это же история Города!

— Спасибо, — сказала Кристина билетеру. Окошко захлопнулось.

Ее встретили все те же древние кости, обломки камней и доисторические орудия труда.

Кристина отвернулась — на это добро она насмотрелась в прошлый раз.

— Проверяй, — шепнула она Дине. — Сотрудниц проверь. Интересно, что магия тебе покажет.

Та кивнула. Они зашли в соседний зал, скрывшись из поля зрения смотрительницы, и Дина тут же принялась плести проверочный узор. Губы быстро-быстро шептали заклинание.

— Ничего, — изумленно выдохнула она, закончив. — Ну надо же... Ни смотрительниц, ни кассира... Вообще никого. Слушай, может, пойдем отсюда, а? Я бы сюда инквизиторский спецназ лучше прислала и зачистила нафиг!

— А что, бывает инквизиторский спецназ? — раскрыла рот Кристина.

— Ради такого дела можно и создать! — Дина помотала растрепанной головой. — Ладно... Забудь. Но мне все это не нравится...

— Вообще-то мне Лещинский сказал на случай опасности брать тебя с собой, — проворчала Кристина. — Ты высший инквизитор, тебе любые твари должны быть на один зуб. Пошли отсюда хотя бы на второй этаж, а то мне эти древности уже поперек горла. Они миновали анфиладу залов и стали подниматься по лестнице. Дина непрерывно что-то бормотала. Кристина вслушалась, разобрала слова «вот сам бы и шел, думает, что если сам лезет в любую задницу, то и я должна...» — и перестала обращать внимание.

Время тянулось невыносимо медленно. Мелкие темы, мелочные разговоры... Кристине все сильнее казалось, что музей отвлекает ее. Водит кругами, подсовывает разную ерунду, чтобы заставить расслабиться, не дать сосредоточиться, а потом ударить. Застать врасплох. И она дергалась от любого стука и шороха. А Дина продолжала беззаботно болтать, повышая градус тревожности.

— Ух ты, еще одна инсталляция! Ой, у вас же «Битва за Город» есть, да? А где? А это что, кафе?

— Это не кафе. Это квартира тридцатых годов, — терпеливо ответила Кристина, вчитываясь в табличку. Они стояли перед большим стеклом во всю стену, за которым действительно открывалась инсталляция. Старомодная мебель с тщательно вырезанными по дереву завитками, допотопный, но завораживающе красивый ретро-телефон, такая же настольная лампа на застеленном ажурной салфеткой столе. Старые газеты, сухой букет, дух еще не древности, но уже не современности. Сотрудники музея восстановили интерьер квартиры тридцатых годов до последней мелочи.

Кристина заторможенно следила, как едва заметно играют блики на серебристом боку чайника в тяжелом буфете.

— Привет, — вывел из ступора уверенный, чуть резковатый грудной голос. — А я тебя ждала.

Кристина вздрогнула и рывком повернулась на звук. В старом кресле, закинув ногу на ногу, сидела Марианна Бойко.

Глава 20. Резкость дружбы

Что-то изменилось.

Изменилось все.

Стекло исчезло. Кристина уже не стояла в музейном зале перед инсталляцией, а очутилась в комнате. Исчез налет нарочитости, искусственности, незримая печать, которая лежала на интерьере, законсервированном за стеклом. Комната казалась живой и обжитой. В ней пахло старой косметикой. Пудрой. Не просроченной и не прогорклой, а той, которую, должно быть, делали в эпоху, куда перенесло Кристину. Когда не было тысяч отдушек и ароматизаторов, а был лишь тальк, мел и белая глина.

И сама Марианна была в винтажном платье. Но не в старом, а в современном, тщательно стилизованном под моду почти столетней давности. Мелкий горошек, кофейная ткань, широкий пояс на тонкой талии, воротничок, стыдливо прикрывающий грудь. Туфли с тупыми носками. Крупные локоны на голове.

— Отличное платье, — сказала Кристина.

И тут же осознала, что больше всего изменилась она сама.

Она просто стояла и разглядывала наряд Марианны, ее квартиру, думала об ароматах... и совсем не думала о том, что встретилась с преступницей, которую так долго искала. А стоило вспомнить об этом, как стало ясно, что сознание словно раздвоилось. Кристина прекрасно понимала, что происходит. Что она попала в ловушку врага, и не помогла даже Дина, да и Лещинский не помог бы, будь он здесь. Будь он здесь, все могло оказаться даже хуже — мало ли что он сделал бы, вот так столкнувшись нос к носу со своей «роковой любовью»! Дина исчезла, музей исчез, Кристина оказалась неизвестно где и понятия не имела, что делать...

...но догадывалась, что нужно выпить чаю. Что еще делать, встретившись с подругой? А Марианна была ее подругой. Временами непутевой, обожающей авантюры, вечно пропадающей на полгода без предупреждения, но все-таки подругой.

Кристина поднесла руку ко лбу и с силой сжала виски. Когда разум осознал, что изменилось и насколько сильно, в голове зашумело, в ней поселился странный вибрирующий гул, будто в черепной коробке было пусто, и теперь туда залетел десяток шмелей. Кристина почувствовала, что сходит с ума. Как Марианна может быть ее подругой? Они впервые видятся! Это ее магия, та самая, что превращала в союзника любого врага! Но что за магия? А может, нет никакой магии? Есть просто встреча двух подруг... и время пить чай...

— Время пить чай, — эхом отозвалась Марианна и грациозно поднялась с кресла. — Черт, нужно было резкость поменьше выставить.

— Р... резкость?

— Ага. Ты садись. Сейчас поболтаем, у меня к тебе просьба.

Она кивнула на что-то за спиной у Кристины. Наверное, еще одно кресло. Но чтобы увидеть его и сесть, нужно было оглянуться.

Туда, где несколько секунд назад было стекло, отделяющее инсталляцию от остального музея.

Музея...

Нужно было оглянуться, чтобы увидеть, во что он превратился. И Кристине снова стало страшно. За спиной скалились пушки. Бессильные, пока их не видели. Готовые броситься, стоило увидеть их...

— Садись же! — повторила Марианна. В голосе прорезались нездешние интонации. Так графиня веке в девятнадцатом могла бы мягко подгонять зазевавшегося гостя в своем модном салоне.

Кристина оглянулась.

Нет, за спиной не оказалось никаких пушек. Там продолжалась комната — интерьер тридцатых годов, инсталляция из подлинных экспонатов. Продолжалась до самой дальней стены, которую заменяло толстое стекло.

За стеклом мигали какие-то диоды и датчики.

Небольшой отсек за ним больше всего напоминал кабину самолета. Только упрощенную раз в двадцать. Вместо множества сложных приборов там было их всего штук пять. В центре — самый большой, с рычагом, замершим чуть выше середины шкалы. На шкале белели какие-то отметки, но Кристина не могла рассмотреть, что они обозначают.

Она опустилась в кресло, а Марианна достала из буфета уже дымящийся чайник. Такой условностью, как необходимость греть воду на плите, она царственно пренебрегла. Или в то время были не плиты? А что тогда? Примусы?

Марианна водрузила чайник на стол и зажгла лампу под массивным абажуром с бахромой. За невесть откуда прорезавшимся окном сгустились черные тучи. Пахло чаем, старой косметикой и озоном.

Из буфета появлялись все новые и новые предметы. Большое серебряное блюдо. Печенье, усыпанное пудрой. Марципан. Круассаны. Тонкие фарфоровые чашки на таких же тонких, как лепестки, блюдах.

— Вот черт, все-таки мало резкости открыла, — встревоженно пробормотала Марианна, ставя на стол последнее блюдо и перехватывая взгляд Кристины. — Погоди, я сейчас...

Ты же не будешь против пары капель мятной эссенции в чай?

Два восприятия реальности в голове Кристины окончательно разделились.

Она не знала, что именно сделала Марианна, но уже понимала — та как-то заставила ее думать, что они подруги. Но, наверное, не рассчитала с магией и влила слишком мало, поэтому Кристина еще что-то соображает, помнит о расследовании и вот-вот вырвется из-под контроля. Значит, Марианна сейчас добавит чар... Что за мятная эссенция? Зелье забвения? Скорее всего. Или еще какое-нибудь зелье из обширного арсенала столичных ведьм, которые считали зелья более стильным и достойным ведьм методом, чем узоры, поэтому придумывали новые составы, когда ведьмы Города придумывали новые узоры. Нельзя дать Марианне добавить чар. Нужно ее переиграть. Нужно заставить ее поверить, что все в порядке и магия сработала с первого раза...

Кристина пробиралась по тонкому льду. Он грозил вот-вот проломиться, а внизу ждала пучина. Переиграть Марианну... На смену страху пришло расчетливое спокойствие. Нужно было действовать, а вволю потрястись от ужаса можно потом. Переиграть...

— Не люблю эссенцию, она горькая, — сморщила нос Кристина. — И воняет химией. Настоящей мяты нет?

Марианна слегка нахмурилась, вглядываясь в ее лицо и пытаясь понять, сработали все-таки чары или не очень. Кристина уставилась на нее в ответ.

— Не хмурься, морщины будут. А это твоя квартира, да? Как я сюда попала? Я же вроде бы в другое место шла.

Марианна опустилась в кресло, но это была еще не победа. Она, похоже, решила понаблюдать, чтобы убедиться.

— Сейчас да, — проговорила она и задумчиво повторила: — Сейчас да... А куда ты шла?

— Не помню, — округлила глаза Кристина. — По-моему, в музей, а что? Ты в музее живешь, что ли? Нормальные квартиры закончились?

Марианна криво усмехнулась. И тут же ее лицо стало жестким, решительным и недобрым. Она будто собиралась сделать что-то... что-то важное, что должно было раз и навсегда помочь разобраться, насколько Кристина попала под действие магии. Наверное, не очень-то простая эта магия, если нельзя молча взять и добавить ей мощности на всякий случай, независимо от того, сработала она или нет.

— Да, я живу в музее, — произнесла она спокойно, но с каким-то почти отчаянным напором. — Потому что это не музей. Это машина, которая регулирует резкость мира. Ты фотоаппарат в руках когда-нибудь держала? Или бинокль? Знаешь, как подкручивается резкость? Наша жизнь по умолчанию выставлена на стопроцентную резкость. А этот прибор помогает ее снизить. Когда резкость снижена, многое становится проще. На стопроцентной ты не можешь перелезть через забор из колючей проволоки под напряжением. А на пятидесятипроцентной легко разорвешь его руками. На стопроцентной незнакомый человек не даст тебе тысячу долларов. А на пятидесятипроцентной поймет, что ты его дочь, и расстанется с деньгами. Хотя нет, вру, чтобы он расстался с деньгами, нужно процентов тридцать. На стопроцентной резкости ты ведьма, которая меня ищет. На шестидесятипроцентной — моя подруга. На двадцатипроцентной — ты вообще не ведьма, а чокнутая уборщица в торговом центре, которая фантазирует о магии, пока драит полы. А я управляю твоим Городом и всеми остальными ковенами. Жаль, что нельзя раз и навсегда выставить нужные настройки и успокоиться. Вечно лезут эти магические аномалии, придурки обрастают перьями, уродцы сбегают с рекламных плакатов...

Она глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание после этой тирады, и вновь пристально уставилась на Кристину. Той почудилось, что на нее направлен оптический прицел. Разум судорожно перебирал варианты. Марианна зачем-то решила сказать правду. Как Кристина должна отреагировать на правду, если чары сработали правильно? А если неправильно? Как она должна отреагировать в представлении Марианны? Противница не знает ее характера и не знает, как и на что Кристина обычно реагирует!

Кристина прикрыла глаза и медленно помотала головой. Она была в тупике. Она не знала, что отвечать и делать, чтобы Марианна продолжила считать ее заколдованной и расслабилась. Поэтому она решила рискнуть — и отдала инициативу «подруге», все еще сидящей в сознании.

— Ты как-то зло говоришь, — пролепетала «подруга». — Какие придурки? Какие уродцы? Я тебя прямо боюсь...

— То есть настройки резкости мира тебя не смущают? — жестко усмехнулась Марианна.

— Ну это же ты, — поморгав, протянула «подруга» непередаваемым тоном. Кристина сама ни за что не смогла бы говорить так безразлично, наивно и глупо. — Ты вечно что-то новенькое придумываешь... А она что-то еще умеет, резкость эта? Ну, кроме денег? Кажется, Марианна успокоилась. Она даже позволила себе на несколько секунд откинуться на спинку кресла, после чего ее спина вновь выпрямилась в струнку. Леди не пристало разваливаться в кресле.

Кристина поднесла к носу чашку чая и вдохнула тонкий аромат. Пауза была кстати.

Выпущенная на свободу «подруга» норовила захватить власть над разумом. В голове царил абсолютный сумбур. В одну секунду Кристина ясно отдавала себе отчет в происходящем, в следующую — верила, что просто пришла в гости к давней подруге, а потом оба этих состояния сливались воедино и боролись за главенство. Без «подруги» она бы не одурачила Марианну. Загонять «подругу» слишком далеко было нельзя. Но и отдавать ей бразды правления тоже было нельзя, иначе она проглотила бы подлинную личность Кристины в одно мгновение и не подавилась бы.

— Она умеет много чего, — проговорила Марианна и тоже взяла чашку с чаем. — А чего бы тебе хотелось?

Это еще одна проверка, бесстрастно отметила подлинная личность. Противница прощупывает почву. На этот раз уже не для того, чтобы разобраться, как сработали чары. Для чего-то еще. Возможно, проверяет, готова ли «подруга» выполнить ее просьбу или нужно дополнительно окучить ее. Добавить магии, что-то пообещать, дать какую-нибудь простенькую погрешность, чтобы задобрить.

Подлинная личность снова захватила слишком большой кусок, и Кристина усилием воли заставила ее замолчать. Скомкала и сунула в самый дальний угол. Это было странное ощущение. Будто она потеряла сознание, но почему-то продолжала ходить и разговаривать, пить чай и думать о всякой чепухе.

— Ну, — задумалась «подруга». — Уметь колдовать, как ты? И придумывать всякие штуки?

Что за дурацкая лесть, возмутилась подлинная личность, пытаюсь вырваться. Марианна же не может на такое купиться!

Но она и не купилась. Для нее само собой разумелось, что она — одна из самых сильных ведьм столицы, а может, и самая сильная, и неважно, кто по факту возглавляет столичный ковен. Она привыкла, что на ее силу и умения смотрят снизу вверх, и не придавала этому значения.

— Ну, тут придется слишком много резкости откручивать. Неудобно, аномалии начнутся. А еще?

«Ты так уверена, что мне до тебя, как до Марса ползком? — насмешливо подумала подлинная личность. — Аномалии начнутся, надо же».

Но она понимала, что Марианна, скорее всего, права. Ну и ладно. Значит, придется брать чем-то другим. Хитростью. Начало положено, противница решила, что Кристина надежно заколдована. Как же, ведь чары редко дают сбой, их же накладывала не какая-нибудь захудалая ведьма, которая работу в ковене совмещает с торговлей галлюциногенными семечками, а сама Марианна Бойко...

Но подлинная личность снова высунулась слишком далеко из своего угла. А сейчас было время «подруги» солировать.

— Ну не знаю, — буркнула она. — Чтоб меня никто не трогал и я не боялась.

«Позор-то какой», — взвыла подлинная личность. Боится она! Интересно, что вообще такое эта «подруга»? Ни на чем не основанное образование, которое появилось под действием чар, или какие-то реальные подсознательные стремления Кристины, собранные в подобие личности?

Усмешка Марианны стала еще более довольной.

— А чего ты боишься?

— Много чего... Заготов, — промямлила «подруга». Марианна строго посмотрела на нее и поставила чашку на блюдце. Фарфор резко звякнул о фарфор.

— А вот это уже не годится. Ведьма не должна бояться магических существ. Она их повелительница. Вообще, по-моему, в последнее время мир начал забывать, кто на самом деле им повелевает! — показалось, что Марианна сейчас ударит кулаком по столу, но она

была выше таких вульгарных жестов. — Или кто должен им повелевать! Ведьмы... ну и колдуны, конечно, — добавила она с ноткой пренебрежения, — низведены до людских прислужников. Они организывают целые ковены, чтобы защищать людей от магических аномалий, магических существ и прочего влияния магии. Хотя могут, наоборот, властвовать над аномалиями, над существами и над людьми! Ты думала когда-нибудь, до чего мы докатились? Ведьма — жена президента! Ведьма сама должна править страной... — Они же вроде по любви поженились, — пробормотала «подруга» и удостоилась гневного взгляда Марианны. Той не понравилось, что ее перебили.

— Но изначально-то ее внедрили как агента! К перспективному политику!

— Слушай, но не колдуна же им внедрять, — сказала «подруга».

«Дура», — беззвучно, одними губами произнесла Марианна. Вслух же продолжила:

— Ладно, к чему рассуждать. Просто скажи, ты хочешь, чтобы ведьмы были на вершине иерархии? И не подстраивались под человеческий мир, а позволяли людям играть в политику и самостоятельность? Черт, сложно выразилась, ты не поймешь, — кажется, Марианна окончательно утвердилась во мнении, что Кристина — непроходимая дура. — Ну вот представь, где-то война. Что делают ведьмы? По сегодняшним правилам — стараются спасти побольше мирных людей, делают магические поля от бомб и обстрелов, иногда гибнут сами. А война продолжается, потому что так решил какой-то лишенный магии идиот, которому другие лишенные магии дураки передали управление страной. А если управлять будем мы, мы мгновенно остановим любую войну. И вообще что угодно, что нам не понравится.

Звучало заманчиво. Это отметила даже подлинная личность. Значит, вот чего добивалась секта. Магической гегемонии. И Марианна подбирала аргументы, заведомо обреченные на неопровержимость. Кто же станет спорить с тем, что война — это плохо? Особенно когда этот кто-то находится в мире со сниженной резкостью и считает Марианну своим другом или еще кем-то важным. Выходит, вот как она вербовала сторонников?

А противников проклинала. Нечего становиться на пути у ведьмы, несущей добро. А то костей не соберешь.

— А если маги начнут войну? — спросила то ли «подруга», то ли подлинная личность. — Их же никто не остановит. И такая война может стать еще опасней, чем обычная...

— Зачем магам начинать войну? — вздернула брови Марианна. — Мы выше этого.

— Да... Может быть, — покладисто согласилась «подруга».

— Не «может быть», а точно, — поправила Марианна. — В мире все должно подчиняться магам. Существа, города, люди, машины. Ты слышала, что развитая технология неотличима от магии?

«Ну надо же, — подумала подлинная личность. — Мы и об этом слышали. Старая ведьма не такая отсталая, как кажется».

— Не помню. У нас же все равно нет таких технологий, — ответила «подруга».

— Нет, значит, будут. Потому что люди развиваются сами по себе, мы их не контролируем. Мы должны взять под контроль их жизнь и их технологии, чтобы через пятьдесят или сто лет не оказаться на обочине жизни, потому что какой-то суперкомпьютер сумеет быстрее и эффективнее делать то, на что раньше были способны только ведьмы! Ты со мной? Момент истины. Что будет, если сказать «нет»?

А если сказать «да»?

Отвлекаться было нельзя, но Кристина все-таки отвлеклась. Подлинная личность получила пищу к размышлению и вцепилась в слова о суперкомпьютере. Поэтому секта считала техногена чудовищем и охотилась на него? Или боялась его и копила силы, чтобы победить? Сектанты считали, что это техноген подталкивает людей к развитию технологий? Или что он, наоборот, становится тем сильнее, чем лучше развиты технологии?

Наверное, второе. Закон магии. Что-то появляется, отвоевывает себе место под солнцем и набирает силу. Секта заметила, что техноген набирает силу... Интересно, как, если до сих пор никто его не замечал и не задумывался о нем? Никто просто не считал технологии чем-то, способным обрести собственный живой дух. Как оказалось, зря. Все-таки Марианна действительно была сильной и умной ведьмой, если заметила и задумалась. Только силу и ум направила куда-то не туда...

— Ты со мной? — повторила Марианна.

— Ну конечно, — выдохнула «подруга».

— И ты сможешь мне пробудить дух твоего города?

— Зачем?

Кажется, это спросила подлинная личность. Или нет.

— Затем, — зло сощурилась Марианна, — что магическую силу дает город. А город — родной брат техногена. Он уже не может существовать без техники. Ни один город. И, естественно, ни один город не позволит ведьмам бороться с техногеном. Значит, нужно заставить его. Нужно схватить дух и вынудить сделать главой ковена и главой ложи тех, кого мы укажем.

Значит, так и есть. Кристина тогда угадала правильно. Вот зачем сектантам потребовалось пробуждать души городов...

...она чуть не забыла, что «подруге» не полагалось знать, кто такой техноген. Это пояснение было не только пояснением, но и еще одной проверкой Марианны. Противница не спешила расслабляться. Она была куда коварнее и хитрее, чем казалась.

— Что такое техноген? — наивно моргая, уточнила «подруга».

— Неважно, — Марианна чуть заметно удовлетворенно кивнула. — Важно то, что его нужно победить. Нужно подчинить его и твой Город. Может быть, я даже дам тебе сохранить место главы ковена...

— Ты хотела меня сбросить! — оскорбилась «подруга».

— Еще нет. Я размышляла. Это место должна занимать более сильная и умелая ведьма... Жаль, в твоём ковене таких нет, — чуть слышно добавила она. Подлинная личность, напряженно ожидавшая реакции, немного успокоилась. Значит, в ковене не было предательниц. Хотя бы это радовало. Но... должна занимать более сильная и умелая ведьма?!

Хотя Кристина сама нередко сомневалась, не по ошибке ли Город ее избрал, сейчас она возмутилась. Кого бы он ни избрал, это дело Города! И его жителей! Уж не Марианне решать, кто достоин, а кто нет, только на том основании, что она старше Кристины лет на триста! Самозваная подружка нравилась подлинной личности все меньше и меньше. Она еще не превратилась в чванливую жабу, но уже была на верном пути. Слишком много самоуверенности и желания решать за других. Интересно, что Лещинский в ней нашел? Однако выяснение этого, бесспорно, важного вопроса пришлось отложить и тщательно спрятать возмущение. «Подруга» с сомнением покачала головой.

— Не-ет. Я боюсь. Пробуждать дух Города запрещено. Меня могут казнить...

— Не казнят. Никто не тронет тебя, когда мы возьмем власть. Знак Гефея воссияет над Городом!

— Ну а если не возьмем?

— Ты в меня не веришь? — На этот раз оскорбилась Марианна. Но подлинная личность уловила в ее обиде хорошо спрятанную фальшь.

— Я верю, но... Нет, нехорошо это, — промямлила «подруга».

Марианна долго молча смотрела на нее.

А потом полные губы сложились в недобрую и холодную усмешку.

— Что ж, — произнесла она. — Тебе решать. К счастью для меня, от твоего решения ничего не зависит.

И она вскочила с кресла так стремительно и резко, что Кристина тоже вскочила, прежде чем успела задуматься, что случилось. Но не случилось ничего. В квартиру никто не вломился, потолок не рухнул, музей не загорелся. Марианна снова играла с ней и вынуждала делать то, что нужно. Не дав Кристине взять ситуацию в свои руки, Марианна подскочила к ней, схватила за плечи и с неженской силой развернула, заставляя повернуться к пульту с приборами за стеклом.

Но там не оказалось никакого пульта и никакого стекла.

Вместо рычагов «машины по настройке резкости мира» в гладкой стене зиял дверной проем. Сквозь открытую дверь виднелось ослепительно-голубое осеннее небо.

Кристина так и вышла в дверь — с поднятой головой, зачарованно глядя в сапфировую высь. И уже не было ничего удивительного в том, что из инсталляции-квартиры на третьем

этаже музея дверь вела прямо на крыльцо. Чего только не сделаешь, если правильно настроить резкость мира...

А в небе прямо над городом фосфорической зеленью, светящейся даже в беспощадных солнечных лучах, мерцал силуэт невиданного животного. То ли кот, то ли тигра, пушистого, мягкого, но с острыми и очень опасными когтями и клыками.

Это же...

— Кристина Тернова! — раздался голос, заставивший ее отвести взгляд от шокирующей картины. — Не двигаться! На вас наложен инквизиторский арест за пробуждение души Города!

Какой еще арест?

Кристина только стояла и вертела головой, пытаясь осознать, что произошло. Не то чтобы она растерялась — нет, появившись у музея что-то опасное, она бы сориентировалась, убежала бы или вступила в бой. Но сейчас ничего опасного не было, было только странное. Какой арест? Какое пробуждение? Она ведь просидела последние полчаса в музее, в гостях у Марианны... в квартире, созданной регулятором резкости мира.

Подлинная личность вновь заняла свое место, «подруга» исчезла. И на том спасибо Марианне, отстраненно подумала Кристина. Если бы глава ковена, даже покинув логово преступницы, осталась ее поклонницей, это было бы совсем нехорошо.

Со всех сторон подступали инквизиторы. Она узнала жабоподобного, мужчину-гору в черном балахоне, женщин-близнецов, седовласого Павла и даже древнюю Иду Амвросиевну. Совет высших каким-то образом успел очутиться в Городе. Хотя известно каким — примчались через портал, как только услышали, что дух Города все-таки пробужден. Кто их вызвал? Дина?

Дина, жестикулируя, рассказывала что-то парочке других высших. Она то и дело тыкала пальцем в сторону Кристины. Ну ясно. Значит, Дина. Неужели со стороны все выглядело так, будто Кристина пробудила дух Города вместе с Марианной? Какие настройки этого проклятого прибора выставила преступница? Нет, даже не так — откуда она его взяла? «Подруга» могла не задавать вопросов и приписать все достижения уму и силе Марианны, но Кристина задумалась. В самый неподходящий момент. Ведь не могли же сектанты сами создать нечто подобное?

Она спокойно дала инквизиторам окружить ее. Их возглавлял смутно знакомый высший из совета, чем-то похожий на Игоря Игоревича — в подчеркнуто официальной одежде и с подчеркнуто безликой внешностью. J3tqqhM7

— Кристина Тернова, вы при свидетелях вступили в контакт с разыскиваемой преступницей и пробудили душу Города, — монотонно произнес он. — Вам назначено временное заключение в «клетке» до выяснения всех обстоятельств.

— Я объясню, — все еще не веря, что ее могут арестовать, ответила Кристина. — Я не пробуждала дух Города, а преступница просто затащила меня в свое укрытие. Она использует...

— Вы сможете объяснить это дознавателям, — оборвал ее инквизитор и сделал знак остальным. Те отступили на шаг.

Инквизитор поднял руку, и сверху на Кристину рухнуло что-то массивное и большое.

Прежде чем серые стены скрыли от нее городские улицы, она успела увидеть Лещинского. Тот стоял в стороне, смотрел на происходящее и не двигался. Лицо его ничего не выражало.

Глава 21. Клетка и как из нее сбежать

«Инквизиторская клетка» оказалась именно тем, о чем рассказывала Дина.

Четыре серых стены, пол, потолок. Серый оттенок был даже приятным глазу. В помещении ничем не пахло. В углу стояла кровать, жесткая, но с чистой постелью, рядом — пара стульев. Туалет прятался за небольшой дверцей. Крошечное окно под потолком пропускало солнечные лучи, но вскоре они сменились темнотой. Кристина догадалась, что кубик,

которым клетка выглядит снаружи, подняли, положили в карман и куда-то понесли. Тряска не ощущалась.

Ну и дурацкая же ситуация.

Она ждала, пока хоть кто-нибудь придет. Дознаватель, обвинитель — неважно, лишь бы этот кто-то был способен нормально разговаривать и слышать то, что ему пытаются сообщить. Самым отвратительным было то, что она не могла никому рассказать о том, что узнала. Хотелось собрать всех — инквизиторов, ведьм, колдунов — и объявить, как именно орудует секта. А потом придумать новый план. Как можно справиться с устройством, регулирующим резкость мира? Это можно было бы обсудить... если бы хоть кто-то стал слушать. Но никто не приходил.

Устройство, регулирующее резкость. Звучало, как бред. Но оно существовало на самом деле.

Света не становилось больше. Наверное, кубик с Кристиной так и оставили в кармане. Или сунули в ящик стола.

С ней остался мобильный телефон, но связь здесь не ловила. Оставалось только смотреть на часы или гонять по экрану шарик в простенькой игре.

Через несколько часов Кристина выключила игру. Телефон начал разряжаться. Никто так и не появился. В голову закралось ужасное подозрение. А что, если Марианна снова включила свое устройство? Если она открутила резкость процентов до двадцати, и размытая реальность приняла какие-то совершенно дикие формы, а о Кристине все забыли? И что делать? Можно ли выбраться из клетки? А когда захочется есть? Но есть не хотелось. То ли от нервозности, то ли магия клетки отключала необходимость питаться.

Еще через несколько часов захотелось спать, и от нечего делать Кристина задремала. Она проснулась в той же темноте, в которой ложилась. Никто не появлялся.

Когда замок наконец щелкнул, она подпрыгнула от неожиданности. В окне под потолком откуда-то появился тусклый свет — электрический. Там, во внешнем мире, давно наступил вечер. Такой же электрический свет зажегся и в «клетке» под потолком. Кристина увидела на пороге Лещинского и вздохнула с облегчением.

— Ну наконец-то. Вы уже знаете о резкости мира и всем остальном? — нетерпеливо спросила она, садясь поудобнее на кровати.

Лещинский молча закрыл за собой дверь, подошел и устроился на стуле. Выражение его лица Кристине не понравилось. Замороженное напрочь, как в тот первый вечер, когда он только прибыл. Что там происходит в Городе?

— Что сейчас в Городе? — спросила она. — Какого черта понадобилось загонять меня в эту клетку, как мышшь, да еще в такое время?! Объясните этим идиотам, что я все еще пытаюсь им помочь! Если они, конечно, не перешли массово на сторону Марианны, а они могли, с ее-то регулятором резкости! Так, я наболтала достаточно, чтобы вы отреагировали. Отвечайте!

Лещинский посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом. Глаза слегка светились алым — крошечная искорка на дне зрачков.

— А вы действительно ничего не делали? Не пробуждали дух Города?

— Вы рехнулись? Нет, конечно! В музей меня затащило в инсталляцию с квартирой тридцатых годов. Знаю, звучит безумно. Но там была Марианна Бойко, и она каким-то образом превратила меня в свою подругу, но не до конца, мне удалось все запомнить. Стефан, это так она вербует сторонников! Там были какие-то рычаги с кнопками и датчиками! Она сказала, что это устройство, которое регулирует резкость мира! Да, да, звучит безумно, — повторила Кристина. От скептического взгляда Лещинского, казалось, зудела кожа. — Она научилась снижать резкость нашего мира! Просто брать и делать реальность размытой, как на плохом фото! В размытой реальности вещи действительно кажутся другими и становятся другими! Я чуть не превратилась в ее подругу! Вы меня слушаете вообще?

— Да, я вас слышу, — чужим голосом ответил Лещинский. — Интересная версия. Но, видите ли, все свидетельства указывают на то, что вы встретились с сообщницей и пробудили дух Города. Сейчас он все еще висит над Городом и набирает силу. Люди думают, что это анимация в честь Хэллоуина. Забавно, правда? В один из главных ведьминских праздников — разгул ведьминских сил...

— Может, о забавном поговорим, когда я выйду отсюда? — обозлилась Кристина. — Я не знаю, какие свидетельства подстроила Марианна, но подумайте головой! Я не пробуждала дух Города!

— К сожалению, это только ваши ничем не подтвержденные слова.

С тем же эффектом она могла разговаривать со скалой или с автоматом по продаже напитков. О чем ни толкуй автомату, в ответ он выдаст лишь то, что в него загрузили. Бутылку прогорклого пойла, в которое стремительно превращалась... вся жизнь?

— Кристина, — впервые на лице Лещинского проступила тень эмоций. — Я бы рад вам поверить, но не могу. У нас есть множество свидетелей и доказательств против вас. Мы ведем проверку, но доказательства фактически неопровержимые. В Городе уже весь совет высших. Они готовятся к суду. Когда проверка будет завершена, а ваша вина доказана... Вас казнят. Раньше за пробуждение душ городов не казнили, но сейчас законы ужесточились в назидание тем, кто захочет перейти на сторону секты. Ваши слова — это только ваши слова. Половина преступников твердят о своей невинности.

— А презумпции невинности у инквизиции нет? — Кристина вскочила. — Послушайте, я считала вас адекватным, а не таким, как все эти ненормальные высшие! Вы сами верите, что я могла совершить подобное?

— Я не верю, — вздохнул Лещинский. — Но факты утверждают обратное. И не нужно меня переоценивать. В совете высших все примерно одинаковые... Спасибо за рассказ, Кристина. Вспомните то, что я вам говорил вчера вечером.

Он слегка склонил голову в знак прощания и вышел. Дверь захлопнулась, и свет под потолком погас. Вскоре исчез и луч из окошка.

Она плюхнулась на кровать, раскрыв рот. Что это было?

Вот теперь стало действительно страшно. Кристина все еще надеялась, что недоразумение разрешится, но уже начала подозревать, что вряд ли. Там, снаружи, в самом деле уверены, что она пробудила дух Города. И совет высших не срывается с места и не мчится в любой город просто так. Ее казнят. И она умрет.

Вот так вот просто на ровном месте!

Она скорчилась, обхватывая руками колени. «То, что я вам говорил вчера вечером»... А что он говорил? Что вообще было вчера вечером? Она впустила этого... предателя к себе в квартиру, целовалась с ним, спала с ним рядом и чувствовала себя в безопасности. Наивность на грани глупости! «В совете высших все примерно одинаковые». Кто бы сомневался!

Значит, никто не поможет. Отлично. И что делать?

Как должна проходить казнь? А дознание? Они там еще не закончили проверку... Может, получится сбежать во время допроса или перед казнью? Стать еще одной беглой ведьмой, как Марианна, и пусть попробуют поймать. А что еще остается? Вот так просто позволить себя казнить?

Может, как-то так и чувствовала себя Марианна? Хотя нет, она была виновна на самом деле, а не только в чьих-то вымышленных доказательствах. Но для Лещинского ситуация повторялась: снова он связался с ведьмой, и снова ведьма оказалась замешана в преступлении. Наверное, именно на это Марианна и рассчитывала. На то, что он поверит в повторяющуюся ситуацию и не станет помогать. Так и вышло. Но Кристина-то не была Марианной! Мог бы хоть разобраться!

Предатели. Все вокруг предатели.

Предательство Лещинского ранило бы большее, если бы мысли сейчас не занимало другое: как вообще остаться в живых? О, если она выживет, то наложит на всех этих ненормальных высших столько ведьминских проклятий, что даже Марианна позеленеет от зависти!

Если, конечно, выживет. Если...

Так Кристина и задремала, свернувшись в клубочек на кровати. Ее не разбудил даже звук открывающейся двери. На этот раз он оказался почти неслышным. Она открыла глаза, лишь когда кто-то коснулся ее плеча.

В камере царила темнота. Во мраке едва проступал непонятный силуэт. Но стоило Кристине зашевелиться и спросить «Кто здесь?», как щелкнул переключатель, и в руке гостя зажегся небольшой фонарь.

Это оказался Лещинский. Кристина скривилась.

— Пришли меня казнить? Проваливайте, возвращайтесь утром.

— Люблю ведьм, не теряющих присутствия духа, — хмыкнул он. — Вставайте, мы уходим отсюда.

— Что?

Кристина села и лишь после этого окончательно проснулась. Он сказал «мы»?

— Серьезно? Так вы не верили в те доказательства? А так убедительно говорили, — пробормотала она, протирая глаза.

— Черт, ну конечно, нет! За нашей последней беседой наблюдали! Быстрее, зевать будете потом!

Он подхватил Кристину под руки и рывком поднял с кровати. Она не сопротивлялась. Такой вид насилия ей определенно нравился.

— Дайте обуюсь хоть, — пришлось высвободиться и поспешно сунуть ноги в кроссовки. Потом Кристина первой выскочила за дверь — и на миг потеряла ориентацию в пространстве. Мир резко крутанулся, она взмахнула руками, чтобы не упасть. Пальцы зацепили что-то острое. Парой секунд позже Кристина поняла, что это угол стола. Еще через секунду безумное кружение утихло, и она обнаружила, что стоит в собственном кабинете возле стола, держа за край, а на столе лежит небольшой, меньше кулака, серый кубик.

Вспышка — и рядом материализовался Лещинский. Он наставил ладонь на кубик, пробормотал заклинание, и в «клетке» что-то щелкнуло. Он схватил ее и бросил в ящик стола.

— Какая наглость, — прокомментировала Кристина. — Они засели в моем собственном кабинете!

— А как же. Теперь Павел и Богдан Сергеевич проводят здесь совещания и управляют расследованием, — согласился Лещинский. Она изумленно покосилась на него: специально подзуживает, что ли?

— Здесь больше никого нет?

В офисе царила тишина. Нет, все-таки хорошо, что ковен так и не успел перейти на круглосуточный режим. В графике работы должно быть хоть немного удобного времени, чтобы сбежать. Просто на всякий случай. В окна заглядывала ночь, свет в кабинете не горел, и его освещала лишь половинка луны и фонарь в руке Лещинского. Да и фонарь инквизитор сразу выключил.

— Пока никого. Утром первое разбирательство, — Лещинский взял Кристину за плечо и стал накладывать уже знакомые чары невидимости. Потом к ним прибавилось еще какое-то незнакомое заклинание. — Все, пойдём, уходить придется пешком. Нужно отыскать укрытие, а потом поговорить.

— Да уж, поговорить не помешает, причем серьезно, — проворчала Кристина, устремляясь за ним по коридору. — За вчерашний день я узнала слишком много всего, что не мешало бы обсудить, а меня за это просто швырнули в камеру!

— Я тоже кое-что узнал, — со странной усмешкой отозвался Лещинский и остановился на лестничной площадке между первым и вторым этажом. Кристина не сразу поняла, в чем дело, пока не услышала тихое мяуканье. На перилах сидел Злыдень. Лещинский поспешно наложил на него какой-то узор и побежал дальше.

— Объяснения будут? — поинтересовалась Кристина. Они спустились в холл. Обычно там дежурила парочка ведьм, но те часто отлучались то попить кофе, то подремать до утра. Сейчас холл пустовал, только Раечка спала в углу.

— Я отвязал его от места. Скоро здесь может стать жарко, ему нужно оставить шанс спастись, — зловеще сказал Лещинский.

На улице было темно, свежо и тихо. Но он все равно остановился на пороге, исследуя пространство какими-то чарами.

— Жарко? Спасть? Что происходит? — спросила Кристина.

— Потом. Домой вам нельзя. Знаете какое-нибудь безлюдное место, которое находилось бы в центре города или поблизости? Что-то вроде заброшенного дома, там удобно устраивать укрытия. А на ближайшее время укрытие вам необходимо.

— Ну... — задумалась она. — Зачем искать что-то вроде заброшенного дома, если в центре есть заброшенный дом? Недостроенный, точнее. На набережной. Гостиницу хотели делать,

но разорились, так и стоит эта башня. Только... вы серьезно предлагаете мне жить в заброшенном доме?! Там холодно! Никакой мебели! Там воняет, в конце концов! — Все это легко решается магией, — невозмутимо сказал Лещинский. — Значит, идем в вашу гостиничную башню. Желательно дворами.

— Магией, значит, — пробормотала Кристина, кивком указывая путь. Они свернули в темный, усеянный колдобинами двор. — Магией... Там все так серьезно?

— Ну конечно, серьезно. Они уверены, что дух Города пробудили вы, — Кристина вспомнила о духе и задрала голову, выискивая фосфорическую фигуру на фоне черного неба. Но дикий зверь исчез, как не бывало. Странно, разве он не должен задержаться хотя бы на несколько дней? — Они не хотят ничего слушать. По-моему, виной этому активность сектантов. Хотя доказательства против вас, конечно, железные... Кристина, давайте на «ты», а?

— Ну давайте, — пожалала она плечами. — А что за доказательства-то?

— Дина снимала на камеру, как, хм... как ты заходишь в инсталляцию-квартиру и проводишь там ритуал вместе с Марианной. Она клянется, что звала тебя, использовала магию и пыталась разбить стекло, но ничего не помогало. — Лещинский остановился и повторил узор невидимости. Хотя кто мог увидеть их в темноте в два часа ночи? Разве что издерганные автовладельцы, за неимением гаражей паркующие свои скровища под окнами и вынужденные вставать каждый час, чтобы проверять, не угнали ли их.

— Дина, значит, — зло проговорила Кристина. — А на саму Дину никто ничего не подумал, нет? Она сама рассказывала мне, что дружила с Марианной! Кто мешает им дружить до сих пор? Кстати, да, о вас... о тебе она тоже рассказала кое-что интересное, и я рассчитываю на полный рассказ! — Кристина подняла глаза на Лещинского и столкнулась с его раздосадованным взглядом. — Черт, как непривычно-то на «ты». У меня чувство, что я фамильярничаю с официальным лицом.

— Между прочим, ты чуть не переспала с этим официальным лицом, это тебя не смущает? — улыбнулся Лещинский. — И я рассчитываю стретбовать с тебя этот должок при первой возможности. Да, полный рассказ, конечно, будет, но есть еще кое-что, без чего он будет недостаточно понятным. Кристина, я люблю тебя.

— Чего? — заморгала она, потом рассмеялась. — Уважаемое официальное лицо, вы ничего не пили? Перегреться не могли, сейчас не жарко...

Она коснулась ладонью его лба. Просто потому, что вдруг захотелось это сделать. Лоб оказался прохладным.

— Я ничего не пил, — мягко сказал Лещинский, перехватывая ее руку и слегка сжимая. — Оправдываться не буду, хотя, может быть, ты еще захочешь меня убить, когда все узнаешь. Игорь Игоревич полдня просидел в кабинете с Павлом и Богданом. Консультировал их. Потом сказал, еще будет голосование, но совет уже решил, что казнить тебя должен буду я. А если совет принимает такое решение, отказаться невозможно. Накладываются соответствующие чары...

— И ты меня предупреждаешь, чтобы я убила тебя раньше? — уточнила Кристина, слушая внимательно, как завороженная. За всем этим скрывалась тайна, та самая, дыхание которой ощущалось с самого начала. Очень простая и очень серьезная тайна...

— Нет, пока только объясняю. Это ключ от моего проклятия. Замок тебе известен — я должен каждую ночь казнить невиновных в своих снах и с каждой новой казнью терять все больше сил, пока не превращусь в полное ничтожество, пускающее слюни под забором, — он произнес это так жестко и даже зло, что Кристина вздрогнула. — А ключ в том, что если я полюблю хоть какую-то женщину после Марианны, то должен буду уже не во сне, а наяву казнить ее своими руками. Так что я, конечно, мог еще сомневаться в своих чувствах, но совет предоставил доказательства.

— Ого, — пробормотала Кристина. — Ого.

Что еще ей оставалось говорить? Да, тайна оказалась простой. Предельно простой, можно было догадаться раньше. И в то же время... черт бы все побрал. Хотелось ругаться последними словами. Ключ, назначенный Марианной, повергал в ступор. Кристина даже не могла до конца представить, что должно быть в голове, чтобы придумать такое. Если посмеешь полюбить еще кого-то после Ее Пресветлости, по которой обязан вздыхать до

конца своих дней... Н-да. Кое-кто явно не умел выбирать женщин. Разумеется, до того, как встретил Кристину.

— Но если совет наложит эти самые чары, ты же не отвертись? — уточнила она. — Волей-неволей придется казнить, чтобы снять проклятие...

— Не-ет, — протянул Лещинский. — Это было бы слишком легко. Если я казню тебя, проклятие не исчезнет. Убийство — просто дополнительное условие, чтобы проклятый хорошенько помучился. А вот если я найду способ тебя уберечь, тогда оно разрушается. Способ был один — чтобы я застрелился до того, как начнется казнь. Но Игорь вовремя предупредил, теперь есть варианты.

— Застрелиться, — повторила Кристина. — Ты это имел в виду? Когда обещал, что они до меня не доберутся?

Он пожал плечами. Тень скрыла выражение лица.

— Но если, ты говоришь, на тебя наложат чары...

— Они не накладываются заочно. Нам придется не попадаться совету на глаза хотя бы до завтра, а потом...

Лещинский говорил задумчиво, но Кристина уже изучила его достаточно, чтобы понять: он не растерян. У него был какой-то план. Скорее всего, весьма дерзкий, если он не спешил его выкладывать.

— Что потом? — поторопила она.

— А завтра попробуем взорвать музей. Если это поможет, устройство для... как его там — регулировки резкости мира? — будет уничтожено. Надеюсь, это решит часть проблем.

— Еще одна «Речная»? Какое счастье, что ее не достроили, — прокомментировал Лещинский, когда вдали показалась кривая и облезлая башня главного городского долгостроя.

— Да уж... Если нужно спрятаться, почему не пойти в обычную гостиницу? — Кристина тоже смотрела на размалеванные надписями балконы и не испытывала никакого желания оказаться внутри. — Документы всяко проще подделать магией, чем создать нормальные условия в этой помойке.

— На обычную гостиницу не наложишь нужные чары. Народ не поймет, если по коридорам будут развешаны магические ловушки, а в них станут попадаться разные твари.

— Черт, еще и твари... — Кристина думала только об инквизиции и не учла, что за ней теперь может охотиться еще и Марианна. У Марианны был какой-то план, по которому Кристине полагалось оказаться в тюрьме, а потом на эшафоте. План сорвался, значит, к числу тех, кто вот-вот должен был отправиться по следу, прибавилась секта. Которая использовала для слежки и захвата магических существ... Ну да, с такой-то машиной можно изобразить что угодно, чтобы несчастная скорбная разумом тварь поверила, что ты ее повелитель, и стала подчиняться! Но чем дольше Кристина думала об устройстве, тем меньше верила, что Марианна создала его сама. Марианна ратовала против техногена и за ведьминское господство, техномагические устройства с этим вязались плохо.

— Куда ты меня тащишь? — опомнилась Кристина, только сейчас заметив, что Лещинский свернул вправо и направляется по набережной в другую сторону от недостроя.

— В магазин, — коротко отозвался он.

Магазин так магазин. Кристина не стала спорить. И правда, зачем тратить магию, если можно купить хотя бы матрас и одеяло? А еще ей хотелось есть, а потом выпить чаю, и желательно — с конфетами...

— Теперь мы можем пойти в поход, — сказала Кристина, когда они спустя полчаса выбрались из круглосуточного супермаркета. В пакетах лежал металлический коврик, кружки, чай, еда, матрас и еще куча всяких мелочей, с которыми можно было отправляться хоть на Северный полюс. — А давай пойдем в поход! Правда, у нас здесь особо некуда, но в какой-то паре тысяч километров есть горы!

И она расхохоталась, запрокинув голову к звездному небу. В мозгах царил сумбур, будто Кристина успела приложиться к бутылке чего-то горячительного. Ее привычная упорядоченная жизнь рассыпалась, обрывки разлетались по ветру, но страшно уже не было. Оказывается, так себя чувствуют смертники, которым удалось избежать казни. Сначала пытаются размышлять здраво, а потом их накрывает эйфория... Будущие трудности уже не

пугают, море кажется по колено, и становится так легко решиться на что угодно — хоть взорвать музей, хоть поджечь весь город. Хотя город поджигать все-таки не надо... Запах в заброшенном доме, конечно, стоял отвратный. Но Лещинский произнес какое-то короткое заклятие, и вонь сменилась свежим осенним воздухом. Они поднялись на десятый или двенадцатый этаж. Кристина пнула ногой жестянку из-под пива, и та с грохотом откатилась в сторону, цепляя другие жестянки, бутылки, камни и еще какую-то дрянь, всматриваться в которую не хотелось. Но в следующий момент все это исчезло и со звоном ссыпалось в мусорную кучу у подножия здания.

Кристина с новым интересом обозрела пустое помещение, чистый каменный пол, с которого исчезла даже пыль, и стоящего посреди комнаты Лещинского.

— Вот это самое ценное умение, — прокомментировала она. — Если ты умеешь наводить порядок за секунду, я буду любить тебя вечно! Я сейчас серьезно!

— Буду иметь в виду, — усмехнулся он, кажется, отлично понимая, откуда взялась эйфория Кристины. Потом выудил из пакета матрас, развернул и бросил его на пол. — А теперь садись и расскажи подробно, что там за устройство, которое регулирует резкость. Я, честно говоря, мало что понял, а разобраться мне не дали.

Кристина послушно плюхнулась на упругую поверхность. Сквозь дыру на месте балкона виднелся ночной город. Прежде чем начать рассказ, она несколько раз глубоко вдохнула, стараясь привести эмоции в норму.

— Я тоже мало что поняла. Она чуть не превратила меня в свою подругу. Не хватило резкости. Еще чуть-чуть — и я бы на самом деле стала сообщницей секты! Стефан, выходит, сообщников даже не за что судить, они просто не контролируют себя! А внутри в музее какие-то рычаги и... Ты там где?

Кристина оглянулась. Лещинский ходил по помещению, накладывая чары. Губы что-то шептали. Он не сразу ответил.

— Рассказывай, я слышу. Нужно закрыть это место от инквизиции и магических тварей. И Кристина принялась рассказывать. Она живописала недавнее приключение, а сама не прекращала ломать голову, откуда все-таки Марианна взяла устройство. Да и не только этот вопрос занимал мысли. Много чего так и осталось неясным. Хотя бы судьба Безымянного. И то, как секте удалось заколдовать совет высших. И как долго это чертово устройство простояло в Городе, наконец! Музей основали еще в девятнадцатом веке, если не раньше. А как так вышло, что несуществующие смотрительницы и директор оказались добропорядочными жителями Города?

Кристина рассказывала, прикрыв глаза, и не заметила, как Лещинский сел рядом. Потом он зашуршал пакетом, и она вздрогнула.

— Ну и? Есть какие-то версии? Ты слышал раньше о таком устройстве?

— Не слышал. Интересно, откуда оно могло взяться. Пусть она им пользуется, но она его не создавала, я уверен.

Она. Кристина вздохнула. Жутко хотелось расспросить о Марианне побольше, но она пока сдерживалась. Значит, Лещинский тоже считал, что Марианна с ее жадой сохранить и преумножить силу магов не стала бы копаться в приборах...

— А сообщники? Кто вообще состоит в этой секте?

— Такие же маги и ведьмы, — он выудил из пакета запечатанную колбасную нарезку, и Кристина тут же отобрала ее. — Из разных городов. Подтвержденная численность — человек сто, но это только те, кого поймали.

Ясно. На самом деле их могло быть сколько угодно. Плюс завербованные помощники, которые действовали под чарами. И потом... даже таких устройств могло быть сколько угодно. Музеи есть в каждом городе. Странно, конечно, почему именно музей?..

— Что ты в ней нашел? — с чувством спросила Кристина. — Давно собиралась задать этот вопрос.

— А можно не отвечать? — хмыкнул Лещинский.

Кристина всмотрелась в его лицо. Темнота скрадывала черты и эмоции, но что-то было совсем не похоже, чтобы разговор о Марианне причинял ему боль. Она дернула за уголок колбасной упаковки.

— Нельзя. Хотя ладно, можно. Все равно я не фанат любовных од, если они посвящены не мне. Дина говорила, что тебя подозревали в пособничестве секте. И что Марианна могла тебя проклясть для отвода глаз. Расскажи, как ей удалось сбежать.

— Не знаю, кому понадобилось накладывать на Дину и остальных высших эти идиотские чары, но я его точно убью, — буркнул Лещинский. Кристина прочно завладела всей упаковкой колбасы, и ему пришлось доставать для себя вторую. — Это был не отвод глаз. И о секте я до последнего не подозревал, потому что мы с Марианной не очень-то откровенничали.

«Ясненько», — кашлянув, подумала Кристина.

— Я предлагал ей выйти из секты и дать магический обет, что она никогда больше не станет им помогать, — продолжил Лещинский. — Предлагал стать поручителем обета. Тогда обошлось бы без казни, а может, и без тюрьмы, поручительство высшего — само по себе гарантия. Она сказала, что подумает, а ночью был налет на тюрьму. Скорей всего, от меня она ждала не этого. Она хотела, чтобы я ее вытащил, а не ставил условия.

— А почему ты не вытащил? — не утерпела Кристина. Она представила в такой ситуации себя. Вот любимый человек совершает преступление и оказывается за решеткой... Абстрактный «любимый человек» сильно смахивал на Лещинского, это мешало сосредоточиться. Итак, он попадает в «инквизиторскую клетку», и... Наверное, ее реакция зависела бы от преступления. И окажись преступление слишком серьезным, она бы не сразу смогла поверить. Ну а если бы любимый сам признавал вину? Нет, она не знала, что стала бы делать.

Лещинский пожал плечами.

— Она заявила, что я должен ее освободить, чтобы она могла продолжить свое дело. О целях секты насчет управления людьми никто из них не распространялся. Она вообще по большей части молчала. Сказала только, что, если я ее вытащу, то смогу попасть в их ряды, стать избранным и узнать правду. Нужно было соглашаться, — неожиданно заметил он. Кристина раскрыла рот и даже попыталась отодвинуться. Что?!

— Но тогда я как-то не подумал, что можно было внедриться в секту и повязать всех раньше, — спокойно закончил Лещинский. — Растерялся. На таких условиях я не мог позволить преступнице оказаться на свободе. Она обозлилась, назвала меня предателем и наложила проклятие... Наверное, предвидела, что если я не на ее стороне, то скоро начну преследовать.

— Но ты же вроде как любил ее, — сказала Кристина. — Неужели не жаль было отдавать в лапы инквизиции?

— Любил. Значит, маловато во мне безрассудства, — констатировал он. — Когда любимая оказывается преступницей и собирается продолжать... Максимум, что я могу для нее сделать — это взять отвод от участия в суде.

— Вот сухарь, — прокомментировала Кристина со смесью осуждения и восхищения. — Ну а если я что-то натворю? Тоже бросишь меня на милость инквизиции?

— Смотря что ты натворишь, — сверкнул он глазами. — Но если сознательно встанешь на кривую дорожку — да. Возьму отвод, и решать будет суд.

— Суха-арь, — повторила Кристина. — Все равно не вяжется. Если против меня были серьезные доказательства, почему поверил мне на слово?

Лещинский криво ухмыльнулся.

— А я и не верил. Я же первым делом наложил на тебя чары правды, как при допросе. Не заметила?

Кристине вспомнились тлеющие углями зрачки. Ну ничего себе! Она хотела что-то сказать, но дар речи исчез. На языке вертелось только пресловутое «сухарь», но произносить это в третий раз было бы совсем скучно. Колбасой в него швырнуть, что ли?

— Бросишь в меня колбасу — останешься без чая, — предупредил Лещинский, увидев, что она замахивается. — Да, я сухарь, на слово не верю, настоящих преступниц из тюрем не вытаскиваю и даже не страдаю от разбитого сердца, если эти преступницы накладывают на меня ведьминские проклятия. А в остальном — весь твой, — он обезоруживающе улыбнулся. — Можешь брать меня голыми руками и делать что хочешь... Или сначала чай?

— Давай чай, — пробормотала Кристина. Ей нужна была пауза, чтобы подумать.

Она наблюдала, как Лещинский распечатывает пачку чая, кладет пакетики в кружки, открывает бутылку с водой... И думала. Или не думала. Просто переваривала услышанное. О своей любви он не лгал, она это понимала. Но в такую любовь, когда готов отказаться от любимой, потому что она стала преступницей, не очень-то верилось. Хотя он же давал Марианне возможность реабилитироваться. Даже предлагал поручительство...

А восторженный юноша, готовый бросить все и уйти вслед за любимой в секту, точно не стал бы высшим инквизитором...

Последняя мысль перевесила сомнения. Тут Лещинский разжег под ковшиком огонь щелчком пальцев, и Кристина рассмеялась.

— Музей ты тоже так взрывать будешь? И кстати, Марианна не грела воду! У нее чайник был уже горячий! А тебе слабо?

Он изумленно поднял глаза. В следующий момент Кристине пришлось отпрыгивать от горячих брызг, которые полетели во все стороны, когда разом вскипевшая вода плюхнулась сразу в обе кружки.

— Еще я не соревновался с Марианной во владении чарами, — буркнул Лещинский. — Терпеть не могу бытовые заклинания. Сначала уборку делаешь магией, а потом не можешь найти половину вещей, дальше переходишь на магическую готовку, а заканчивается все тем, что ты уже не помнишь, как включать воду, потому что последний раз мылся двадцать лет назад. Зачем, есть же магия!

— Ну зачем же двадцать лет? — Кристина хихикнула, представив себе такого мага, хотя в целом не могла согласиться. — Ты еще и ретроград, оказывается. Хотя ладно, я не против.

— Вот и отлично, — мрачно сказал он, беря свою кружку. — Музей магией взрывать нельзя. Они уже знают, что план сорвался и ты на свободе. Против магии наставят защит... со сниженной резкостью. Надеюсь, против обычной взрывчатки не выставят ничего, кроме чар неуязвимости. Их я сниму. Да, кстати...

Отставив чай, он поднялся и вскинул обе руки, медленно ведя ими в воздухе и глядя на спящий город. Кристина не сразу догадалась, что именно он делает. Потом в лицо дохнул свежий ветерок, и ее охватило странное ощущение силы, обновления, осознание своего могущества...

— Ты снял ограничение магии?

— В нем уже нет смысла. Сектантам с их устройством для резкости оно не мешает. А ведьмам завтра понадобятся силы. Вызови на утро всех, кому можно доверять. Не исключено, что придется драться.

Кристина достала телефон и открыла ведьминский чат в вайбере. Уведомления она давно отключила, поэтому не слышала сигналов. А чат тем временем буквально раскалился от сообщений.

Больше тысячи! Нет, в Городе было намного меньше ведьм. Но имеющиеся сначала развели панику, а потом начали координироваться, чтобы утром идти с боем на инквизиторов и отвоевать у них свою главу ковена. Командовала ими, конечно же, Эля. Однако и остальные предлагали стратегии, строили планы и готовили оружие. Вайбером обзавелась даже Рада Кирилловна, которая теперь писала длинные сообщения с рецептами всяких взрывчатых или лишающих воли зелий, чтобы использовать их против несчастных высших...

— Мать-магия, — пробормотала Кристина. — Кажется, меня бы освободили и без тебя... Лещинский заглянул в телефон.

— Я говорил, что мне нравится твой город? Не пиши пока ни о каких планах. Просто скажи, что сбор часов в семь.

«Я на свободе, — послушно напечатала Кристина. — Планы меняются. В семь утра выйду на связь».

И отключила телефон, пока он не взорвался от ответов.

— А как-то тихо сейчас, — заметила она. — Дух Города пробудили, но нет никаких беспорядков, и с неба он исчез... Так разве должно быть?

— Не должно, — согласился Лещинский. — Я не знаю, что они задумали на этот раз. Разберемся утром. До утра полно времени, так что я собираюсь разыскать с тебя один должок.

— Какой еще должок? — уточнила Кристина, заинтригованно отставляя в сторону чай.

— А у тебя их много?

Лещинский сгреб ее в охапку и усадил к себе на колени. В следующую минуту ее куртка упала с плеч, а руки Лещинского скользнули под майку.

— У тебя же... проклятие, — проговорила Кристина, выгибаясь ему навстречу. Она с изумлением поняла, что завелась с пол-оборота. Нет, дело явно было не в длительном одиночестве, просто этот мужчина так на нее действовал... Она раздосадованно дернула его футболку. — Должно начаться видение...

— Проклятие подождет, — отмахнулся он. — Ключ был в том, что меня заставят тебя казнить. Я не стану тебя казнить, меня вовремя предупредили. Все, оно должно разрушиться уже сегодня. И хватит разговаривать.

Он снова приподнял Кристину и опрокинул ее на матрас. Она отозвалась смешком, который прозвучал как-то слишком возбужденно. Потолок крутанулся перед глазами. Кружилось все. Проклятие скоро разрушится... через пару часов ждет сражение... на этот раз им никто не помешает... а этот невозможный мужчина так умопомрачительно ее целует...

Кристина потянула его на себя и с силой цапнула плечо сквозь футболку.

— Снимай эти тряпки, если не хочешь идти взрывать музей голышом, — потребовала она. Хохотнув, Лещинский подчинился. Они набросились друг на друга с жадностью, которой Кристина даже не ожидала. Точнее, не ожидала от себя, а от него... а, какая разница!

Главное, что ей нравилось. Не медлить, не тянуть, не задумываться, можно ли, а просто делать что захочется, и чувствовать отклик. Все-таки ведьмы привыкли получать желаемое, даже если в первый раз им помешали.

Лещинский вдруг остановился и придержал Кристину за руки. Она успела оказаться сверху — и теперь выжидающе приподнялась, заглядывая ему в глаза. Прозрачные глаза, которые сейчас стали почти черными из-за расширенных зрачков.

— Я могу быть... несдержанным, — шепнул он, с нажимом поглаживая ее по спине. — Если что-то будет не так, скажи.

— Вот и не сдерживайся. — Кристина провела пальцем по его губам, изогнутым в легкой усмешке. — Ты мне нужен целиком. Вместе со всем своим, хм, темпераментом.

— Ведьма, — выдохнул он, сжимая ее бедра. — Вот что ты со мной делаешь?

Кристина ненадолго задумалась.

— Сейчас — ничего, — сокрушенно признала она спустя мгновение. — По-моему, это страшная недоработка. Нужно ее исправить.

И наконец оседлала его. У ведьм тоже был темперамент, который они не любили сдерживать.

Глава 22. Перед боем

Потом Кристина ненадолго задремала, привалившись к плечу Лещинского и укрывшись его кожаной курткой. Кажется, она устала. Или просто после удовольствия ее начало клонить в сон. Тело окутывала приятная расслабленность, в комнате было тепло, несмотря на конец октября — точно еще одни чары Лещинского! И он тоже не спешил начинать разговор.

Лежал, по-хозяйски держа руку у Кристины на бедре, и думал о своем. В общем-то, когда все ясно и без слов, разговоры ни к чему...

Когда она проснулась, он уже не спал и листал сайты в телефоне. За пустым оконным проемом разгорался оранжевый рассвет.

— Что ищешь? — она подтянулась повыше и попыталась заглянуть на экран.

— Ищу, где в шесть утра в твоём городе можно купить взрывчатку. Оказывается, можно.

Отличный город, — рассеянно пояснил Лещинский.

— Смотри, а то до секты не дойдешь — обычная человеческая полиция раньше поймает, — фыркнула Кристина, окончательно просыпаясь. — Вот черт, сейчас бы душ не помешал...

Он провел рукой по воздуху, не отрываясь от дисплея — только губы прошептали короткое заклинание. И как в прошлый раз на крыше «Дефиле», все тело словно огладило что-то

невидимое, а на смену ему пришло ощущение чистоты и свежести. Кристина растерянно поморгала — и принялась одеваться.

Действительно, ничего странного, просто бытовая магия для тех, кому нравится не мыться по двадцать лет...

— Только тротилловые шашки по двести, — недовольно буркнул Лещинский, откладывая телефон и тоже влезая в свою одежду. — Ладно. Я поеду и встречу с человеком, а ты вызывай сюда ведьм. Нам не дадут так просто подобраться к музею, нужно прикрытие.

— А Лешкиных колдунов?

— Не знаю я, можно ли им всем доверять, — поморщился он. — Самого Алексея вызывай, потом этого, как его... Барсукова и других, кто помогал запечатывать магию Города.

Остальных пока не трогайте. Да, вот еще что, на каждую ведьму, кто придет, накладывай проверочный узор, наружные ловушки не должны пропускать под маскировочными чарами, но мало ли.

Надо же, он запомнил Барсукова. Хотя забыть Барсукова вряд ли кто-то смог бы.

Поцеловав Кристину, Лещинский убежал. Она прошла по комнате, отхлебнула холодного вчерашнего чая и включила телефон.

Еще одна тысяча сообщений. Около сотни ведьм — почти все, кто был в городе — ждали сигнала. И Кристина, помедлив, напечатала адрес.

Все. Назад дороги нет.

Она встала у окна, лишенного стекла, и уставилась на просыпающийся Город. Воздух слегка дрожал, на горизонте уже разливалось сияние солнечных лучей, на улицы выползали первые редкие машины. Кое-где мелькали собачники, выгуливающие своих питомцев с утра пораньше.

Кристина лениво следила глазами за упитанным мопсом в синей кофточке, семенившим вокруг такого же упитанного хозяина. Толстенькое тельце мопса словно чуть дрожало в утреннем мареве. Казалось, Кристина смотрит сквозь пелену слез, но она совершенно точно не плакала. А воздух дрожал и тек маревом все сильнее.

Она поморгала, протерла глаза и снова уставилась на мопса. Тот превратился в бежево-синее пятно. Вот оно метнулось в сторону, к переполненной урне, из которой вываливались такие же цветные пятна бумажек, упаковок и объедков. Хозяин что-то прокричал...

Пятно вдруг увеличилось, на глазах формируя что-то более крупное... Кристина поморгала — вместо мопса перед хозяином стоял мальчик-оборванец лет двенадцати. С сигаретой, весь грязный, растрепанный... Хозяин в ужасе отшатнулся. Мальчик вырвал у него из руки конец поводка, бросил что-то резкое и кинулся наутек.

Мать-магия... Что происходит?

Кристина хотела спуститься и разобраться, но тут начали прибывать ведьмы. Первая — Рада Кирилловна — влетела прямо в окно в огромном ведре, которое использовала, как сказочные ведьмы ступу. За ней по лестнице поднялись Лера, Эля в боевой экипировке из заряженных колец и медальонов, Катарина в модном камуфляжном наряде... Кристина нетерпеливым жестом подозвала их к окну и ткнула пальцем в хозяина мопса, с воплями бегущего по набережной. Ребенок, в которого превратился его питомец, улепетывал.

Изредка он останавливался, подбирал мусор с асфальта и метко швырял в бывшего хозяина. — Это специально сделано, чтобы меня выманить? — поинтересовалась Кристина. — Как думаете? Мне пока нельзя высовывать нос на улицу, но сработано ловко, я ведь не удержусь!

— Хм, — пробормотала Рада Кирилловна. — Вообще-то, Кристиночка, такое сейчас по всему городу...

— Что? — дико уставилась на нее Кристина. — Собаки превращаются в людей?

— В детей, — педантично поправила старушка. — Думаю, после того, как хозяева говорят им «плохой мальчик» или «хорошая девочка». Ох уж эта привычка называть животное мальчиком или девочкой... Стихийная материализация, моя дорогая. Она только начинается. Раньше на одних ведьм действовала, а теперь и на людей. А люди столько ерунды городят, что ой-ой-ой. Аномалию в этот раз на город наслали основательную. Стихийная материализация? Кристина с содроганием вспомнила случайно наколдованную стаю собак. Они появились, воплощая в жизнь ругательства. А сколько раз за день ругаются

люди? И какими словами? Да скоро весь Город будет утопать в собаках, и хорошо, если только в собаках! Если начнет воплощаться все, что говорят люди, будет хаос! Она зажмурилась и сделала глубокий вдох. Марианна говорила, что, чем меньше резкость и сильнее изменения, тем больше аномалий. Если аномалия приняла такую форму, значит, сектанты открутили резкость до упора. И готовят нечто грандиозное.

Значит, нужно поторопиться.

Кристина распахнула глаза.

— Спасибо, Рада Кирилловна, — отчеканила она. — Аномалии игнорируем. Ждем, пока Лещинский принесет взрывчатку, и идем взрывать музей. Это должно устранить аномалии.

— Музей? Взорвать? Но как это устранит аномалии? — заморгала Рада Кирилловна.

— Лещинский и взрывчатка? — донесся с порога голос Лешки. Змеев явился на зов, как всегда, нахально улыбающийся и готовый к любым подвигам, особенно сумасшедшим. — Давно бы так. Могу еще ему подсказать, где купить гранатомет, а то все такие культурные да законопослушные, что тошно становится. Утречко, сестричка. Кстати, я своих ребят отправил патрулировать улицы и расколдовывать аномалии, пусть будут пристроены к делу.

— Спасибо, Леш, — усмехнулась Кристина. — Про музей сейчас расскажу...

Она принялась рассказывать. Ведьмы все прибывали. Потом явился Барсуков, вооруженный устрашающего вида ружьем. Он прошелся по комнате, выглянул в окно и проворчал:

— Да чего вы тут базар разводите? И так уже всем все ясно, что творится. Чего сидим, кого ждем?

— Ждем взрывчатку, — ответила Кристина. Она стояла, прислонившись к стене, и сейчас повернулась к Барсукову, по привычке глядя в лицо человеку, с которым разговаривала. Еще успела подумать, что Лещинского как-то долго нет и не случилось ли чего... Но тут увидела, что происходило за окном.

Небо разгорелось голубым, солнце уже встало, но еще не поднялось высоко. Его косые утренние лучи золотили фосфорически-зеленые облака. Облака ползли по небу, медленно, но неотвратимо складываясь в силуэт огромного невиданного зверя.

Кристина остолбенела.

— Дух Города? — закричала ведьмочка по имени Наташа, которая прибыла незадолго до Барсукова. — А я-то думала, почему небо зеленое! Еще решила, что заводы с утра пораньше химию какую-то выбросили!

— Дух Города, — эхом отозвалась Кристина. Интересно, кто и когда успел рассказать Наташе, как он выглядит? Сплетни и слухи разлетаются быстро, а среди ведьм — особенно. — Но ведь они вчера уже пробудили дух Города. Это один и тот же? Или еще один?

— Или вчера был вообще не дух, — неожиданно заметил Змеев. — Ты не видела, что вчера было, народ решил, что это какое-то световое шоу. На него до вечера глазели, а часам к двенадцати оно погасло. Сектанты могли создать иллюзию.

— Иллюзия, — пробормотала Кристина. Сразу вспомнилась подмеченная странность.

Неестественное спокойствие Города. А ведь Лещинский совсем недавно рассказывал, что с пробуждением души города жители сходят с ума, начинаются драки, нападения, люди превращаются в озверевших обезьян... Да это точно была иллюзия!

Тогда сейчас... пробуждают настоящую душу?

— Они специально устроили вчера этот фокус! — потрясенно проговорила Кристина. — Создали иллюзию духа, чтобы отвлечь совет высших... а его оказалось легко отвлечь, потому что они все под чарами...

— Тоже об этом подумал, — проговорил невозмутимый голос, и в битком набитое помещение вдвинулся Игорь Игоревич. За его спиной маячил Аль Яржинов. — Доброе утро всем. По-моему, лучше сначала остановить сектантов, пока они не пробудили настоящую душу Города, а потом уже устраивать взрыв.

Кристина не стала спрашивать, откуда он знает о взрыве. Лещинский, наверное, счел, что ему можно доверять — может, и правильно счел, это ведь Игорь Игоревич предупредил о том, кого совет собирался назначить палачом Кристины.

Она хотела что-то ответить, но тут наконец появился Лещинский, и она вздохнула с облегчением. В руке у него был пакет. Обыкновенный черный пакет, которые продаются за копейки прямо на улицах. В пакете просматривалось что-то прямоугольное. Кристина устала на выпирающие углы, как зачарованная.

— Скрыть это уже не получится, — Лещинский слегка встряхнул пакет. — На улицах полно существ и сектантов. Они стягиваются в Город. К музею придется пробиваться силой. И нет, Игорь, я не считаю, что сначала нужно остановить ритуал. Я уверен, что сниженная резкость мира обеспечивает сектантов силами. Если мы взорвем устройство, мы их ослабим, и их будет легче остановить.

— Пока вы будете пробиваться к музею, они закончат ритуал, — непреклонно ответил Игорь Игоревич. — Начнутся беспорядки. Могут погибнуть люди. Будет много пострадавших. Вы готовы ими пожертвовать?

— Если попытаться остановить их сейчас, я вообще не знаю, чем это может закончиться, — ответил Лещинский с раздражением. — Вы понимаете, что устройство способно дать им какие угодно возможности?

— Пока вы будете спорить... — начал Барсуков, но Игорь Игоревич перекричал его:

— Ладно. Разделим силы. Давайте сюда взрывчатку. Я возьму часть людей в помощь и пойду к музею, а вы найдите, где проводится ритуал, и остановите его. Не похоже, чтобы его проводили из музея, — он всмотрелся в небо. — Это немного южнее... Не из здания ковена случайно?

Действительно, зеленое облако не висело посреди неба без опоры. Оно тянулось, как джинн из бутылки, привязанное к какой-то точке Города за «хвост». С высоты центр Города неплохо просматривался. И, кажется, Игорь Игоревич был прав. Но... из офиса ковена?!

— Там же собирается совет высших, — пробормотала Кристина. — Нет? Мне говорили, что они проводят там совещания.

— Так и есть, — кивнул Игорь Игоревич.

— Если вся вчерашняя иллюзия была нужна, чтобы собрать совет высших в одном месте и воспользоваться их силами... — начал Лещинский. Потом потрянул головой, посмотрел на Игоря Игоревича и отрывисто спросил, кивая на пакет с взрывчаткой:

— У вас получится?

— Иначе я бы не предлагал, — невозмутимо ответил адвокат. — Не будем терять времени.

— Я пойду с ним и подстрахую, — вмешался Барсуков.

Лещинский окинул их обоих пристальным взглядом — и протянул Игорю Игоревичу пакет. Собравшиеся ведьмы и колдуны тут же зашумели, загалдели. Начались споры, кому отправляться в музей, а кому — в офис. В офис рвались Катя и Лера, которые волновались за Злыдня, а в музей — почему-то Рада Кирилловна. Но все обсуждение заняло не больше минуты. Скоро ведьмы и колдуны рассеялись по этажу, ища подходящие доски, на которых можно было улететь. Благо досок и каких-то ржавых металлических листов здесь валялось в избытке.

— Сектантов старайтесь не убивать, — сказал Игорь Игоревич Лещинскому. —

Накрывайте «инквизиторской клеткой». Каждого. Или всех вместе, если будет возможность. Нужен показательный суд.

— Право создать «клетку» дает совет, — вздохнул Лещинский. — Должно быть не меньше половины голосов «за» или разрешение Безмянного.

— Безмянный отправил вас на поиски, это разве не разрешение? — настаивал адвокат.

— Вы пацифист, — беззлобно сказал Лещинский, накладывая полетные чары на какую-то бесформенную деревяшку. — Но вы правы, нужен суд. Я попробую.

Удовлетворенно кивнув, Игорь Игоревич вскочил на железную трубу и вылетел в окно.

Глава 23. Выпьем чаю

Кристина поспешно отыскала обрезок водостока и заставила его подняться в воздух. Магия давалась непривычно легко. Сначала толстая, но легкая труба взвилась под самый потолок и со звоном ударила об него, и лишь после этого удалось ее усмирить.

Не обращая внимания на секретность, ведьмы вылетали в окна одна за другой. Воздух наполнился человеческими фигурами, восседающими на обломках стройматериалов. Но простым прохожим было глубоко наплевать.

В кои-то веки никто не снимал странное явление на телефон, не тыкал пальцем и не кричал. Точнее, люди кричали, но вовсе не от удивления. По улицам катилась паника. Все неслись куда-то, выкрикивали что-то — и после каждого выкрика со вспышкой материализовались новые и новые существа или предметы. Стаи собак оглушительно лаяли и путались в ногах, на тротуарах то и дело возникали причудливые личности, машины опрокидывались, визжа тормозами. Летели камни, дома вспыхивали, как спички, местами что-то даже взрывалось. Остановились троллейбусы и маршрутки, все бурлило, верещало и стремительно погружалось в хаос.

Время от времени градус паники снижался, а хаос приобретал подобие порядка, но уже через несколько секунд все возвращалось на круги своя. Это Лешкины колдуны пытались бороться с аномалиями. Кристина подумала о них с благодарностью и вслух пожелала им удачи, хотя они ее не слышали. Но раз уж сегодня воплощаются слова и пожелания... Она с ужасом думала, как будет расколдовывать город, когда — или если — получится победить секту. Это займет вечность... Но вслух о таком говорить не стоило, особенно сейчас.

Офис ковена окутывал ядовито-зеленый туман. Зверь в небе скорее угадывался, чем проступал в четких очертаниях. Вокруг офиса, во дворе и на стоянке царил неестественная тишина. И воздух здесь тек маревом, как утром перед началом аномалий. Но здесь... здесь это означало не аномалии. Это текла магическая сила, так много, что даже реальность с трудом сохраняла привычную форму.

— Аномалии появляются, когда Марианна выставляет слишком низкую резкость на устройстве, — проговорила Кристина, приземлившись. — Разве для пробуждения души Города нужна такая низкая резкость?

— Юм пробуждал вообще без всяких устройств, — подтвердил Лещинский, тоже спрыгивая со своей доски. — Резкость им нужна для другого. Увидим, для чего. Дамы, окружите здание! — крикнул он. — Без приказа не входить! Если кто-то или что-то начнет прорываться наружу, бейте чарами бессилия, снотворными или другими не смертельными! Если будет нападать — можете убивать!

Он оглянулся на отряд, решая, кого звать на штурм здания. А в том, что это будет именно штурм, сомневаться не приходилось — дверь была плотно закрыта, все жалюзи на окнах опущены, и весь офис выглядел, как неприступная крепость, хоть и не обзавелся дополнительными стенами или защитным рвом.

Из группы ведьм вышла Эля и жестом велела им оставаться на месте. Ей подчинились. Потом из-за спин показался Яржинов, который отправился сюда, а не к музею. Лещинский на мгновение нахмурился, покосился на Кристину — и коротко кивнул.

— Хватит нас четверых. Не будем терять времени.

И он хлестнул рукой по воздуху. Дверь вылетела из проема «с мясом», вместе с вырванным замком. Кристина ожидала грохота, но его не было. Лещинский знакомым узором наложил невидимость и жестом велел молчать. Потом шагнул на крыльцо.

Кристина до последнего думала, что сектанты поставили какую-то защиту, которая не пропустит его внутрь, но он беспрепятственно вошел.

Остальные последовали за ним. Странно. Никакой защиты... Наверное, она будет дальше. Там, где засели сектанты. Кстати, а где они засели? Холл пустовал, из-за дверей первого этажа не доносилось ни звука. Лещинский взглянул на Яржинова. Тот, кивнув, сплел проверочный узор и уверенно указал наверх.

Сектанты обнаружили в зале для совещаний. Это стало ясно еще до того, как импровизированный спецназ ворвался внутрь.

Дверь зала окутывала густая колдовская зелень. По стенам вился фосфоресцирующий дымок. Со всех сторон зал окружал кокон густого воздуха, который дрожал так сильно, что стены будто танцевали, а дверь шла крупными волнами.

Лещинский занес руку, чтобы выбить магией и эту дверь... но остановился. Мотнул головой и принялся ткать какой-то смутно знакомый узор.

Замочная скважина! Чары для любопытных. Они работали, только если в поверхности, сквозь которую любопытному хотелось посмотреть, присутствовала замочная скважина.

Какая угодно, хоть узкая, хоть нетипичная, от замка с защитой от взломов. Магия незаметно расширяла ее, позволяя заглянуть. Лещинский, наверное, решил, что опасно врывать в зал, не зная, что там происходит. Хотя что там могло происходить, кроме ритуала?..

Замочная скважина выросла до размеров хорошего кулака. Лещинский опустил на корточки, издали заглядывая в нее, не рискуя подходить вплотную к зеленоватому туману. Беззвучно, одними губами, ругнулся — дрожащее марево мешало смотреть...

Потом его глаза расширились от изумления.

Да что там такое?! Кристина жестом потребовала отступить и дать ей взглянуть. Он даже не заметил. Тогда она толкнула его в плечо. Лещинский вздрогнул, как человек, разбуженный от глубокого сна, и молча отошел в сторону.

...Сначала Кристина увидела совет высших.

Все столичные инквизиторы собрались за столом, будто суд над ней уже начался. Дина, Павел, Богдан Сергеевич, женщины-близнецы, Ида Амвросиевна, человек-гора и еще десяток или полтора десятка других. Они плели чары. Руки размеренно двигались в воздухе, инквизиторы смотрели вперед и немного вверх. С пальцев, следуя узору, срывались зеленые искры и улетали к потолку.

Высшие проводят ритуал? Высшие пробуждают душу города?!

Сразу все стало ясно. Вот зачем секте потребовалось включать устройство резкости на полную мощность! Без него они не заставили бы высших пробудить душу. Да пришлось, наверное, перевернуть всю их картину мира! И понятно, зачем сектантам понадобилось, чтобы ритуал проводили именно высшие инквизиторы — их магические силы были больше. Вот черт, и где сами кукловоды? Нет смысла хватать марионеток, они себя не контролируют...

Тут Кристина увидела сектантов.

Темные тени у стен, за спинами высших инквизиторов. По одной тени за каждым. Сектанты не управляли движениями своих марионеток, только наблюдали. Кто-то переговаривался — слов было не слышно. Кто-то лениво листал страницы в телефоне, а кто-то вообще лузгал семечки. Черт поberi...

Интересно, если сказать вслух «черт их всех поberi», пожелание сбудется? Недолго думая, Кристина так и сказала. Ничего не произошло.

— Зовем подмогу, — распорядился Лещинский, направляясь к окну в конце коридора. Он сделал знак, и первые несколько ведьм влетели прямо в окно. Остальные почти бесшумно поднялись по лестнице через несколько секунд.

— Сдерживайте всех, кто будет вырываться или атаковать, — сказал он. — Любые чары, кроме смертельных. Следите за окнами.

И снес дверь зала.

В отличие от входной двери, эта продержалась дольше — с нее пришлось сначала снять защиту или еще какие-то наслоения заклинаний. Но через несколько мгновений вместо крепких створок открылся зияющий проем, и к нему повернули головы все тени, стоявшие за спинами высших инквизиторов. Сами высшие даже не пошевелились.

Кристина наудачу бросила в них обездвиживающее заклинание. Оно не сработало, только в паре сантиметров от силуэтов высших вспыхнуло слабое и тонкое, как пленка, алое сияние. Оно тут же погасло.

Для «теней» это стало призывом к действию.

Первый вскинул руки и замахнулся. Над его головой вспухало облако кипящего воздуха. Лещинский замахнулся в ответ — и сектант исчез. Вместо него на полу лежал крошечный кубик «инквизиторской клетки».

Остальные сектанты ненадолго застыли. Сам Лещинский, кажется, удивился еще сильнее. Потом взял себя в руки и попытался накрыть «клеткой» следующего противника, но успехи на этом закончились. Оставшиеся сектанты обрушили на нападавших целый поток чар.

...Дышать было нечем, при попытке вдохнуть в легкие врывался раскаленный пустынный воздух, из которого словно выжгли весь кислород. Кристина почувствовала, что сейчас упадет. Перед глазами заплескали мушки, в ушах протяжно и тонко зазвенело, голова закружилась. Хотелось за что-то ухватиться, чтобы не упасть, но кругом простиралась сплошная пустыня. Желтый песок, нахальные волны дюн, караван вдали. Кристина видела

только движущиеся черные точки и штрихи, но откуда-то знала, что в караване — работоторговцы, и их рабы — высшие и ведьмы... Она стремительно упала на корточки. Видение исчезло — она вырвалась из зачарованного облака. Теперь оно колыхалось над головой и тянуло к Кристине ядовитые щупальца. Ведьмы стояли замерев, их головы полностью скрылись в облаке, а значит, и в видениях. Лещинского окружили сектанты, но он пока отбивался — звучали отрывистые заклинания на латыни.

Ха, бороться с противником галлюцинациями! Как-то слишком просто. Кристина пригнулась, спасаясь от щупальца, которое облако протянуло к ней. Потом поспешно сплела освежающие чары, добавив им направления.

Облако мигом сдул мощный порыв ветра. Оно отлетело к противоположной стене с окнами и размазалось по стеклам. Еще одним узором Кристина разбила окна. Она не знала той магии, с помощью которой Лещинский беззвучно вырывал двери из проемов, да и не хотела знать. Окно погребло громко, со звоном и дребезгом. Сотни осколков дождем обрушились на пол, отлетели в стороны, кажется, в кого-то врезались... Галлюциногенное облако развеялось во дворе. Ведьмы пришли в себя и рассыпались по помещению, снова принимаясь атаковать сектантов. Вот исчезло сразу два противника, а потом Лещинский ногой отбросил к стеклу очередной кубик «клетки», чтобы не мешал.

Кристина размяла пальцы. К ней вернулся азарт разрушения. Жаль, что нужно было всего лишь выбить окно. Она бы с удовольствием обрушила дом. Как тогда...

Сектант вдруг очутился совсем рядом. С его пальцев с гнилостно-белыми искрами срывались какие-то чары. Высшие инквизиторы так и сидели за столом, продолжая ритуал. Черт, так не пойдет... Нужно, чтобы кто-то остановил их, как угодно остановил, снял ту защиту, которая не дает заклинаниям попадать в цель. Где Яржинов? Здесь нужна антимагия... Кристина завертела головой, но зеленой шевелюры Яржинова нигде не было видно. Сектант тем временем успел сплести чары. Она в последний момент выбросила в ответ зеркальный узор. Отвлеклась, называется... Идиотка, в таком бою нельзя отвлекаться, даже на что-то важное!

Чары сектанта отразились от зеркальной защиты и ударили в него самого. Крепкого парня отшвырнуло, как пушинку. Он пролетел над головой у Богдана Сергеевича, чудом не сломав тому шею — а ведь сломал бы, если бы врезался в него на такой скорости! Но плечо все-таки задел, потому что Богдан Сергеевич вскрикнул, узор нарушился, инквизитор схватился за ключицу, а сектант рухнул спиной на стол. Как раз в центре.

Кажется, остальные высшие его заметили. Такое даже под чарами было трудно не заметить. Противник приподнялся на локте. Кристина принялась поспешно ткать новую зеркальную защиту. Но он больше не нападал. Он зычно крикнул:

— Марианна! Марианна!

Что?! Черт, Марианна что, тоже здесь? Забывшись, Кристина чертыхнулась вслух. Рядом тут же выросло нечто грязно-красное, голое и рогатое, с огромными вилами. Скалясь, оно двинулось к Кристине. Та не придумала ничего лучше, как ткнуть пальцем в гущу сектантов, сцепившихся с ведьмами. Создание ввинтилось в толпу, выставив вилы вперед. Раздались крики боли. Что-то закрыло дневной свет, будто окна стали меньше...

— Это же не может быть настоящий черт? Только его мне не... Мне такое не нужно! — воскликнула Кристина. На нее никто не нападал. Бой словно отодвинулся и продолжал отодвигаться, отодвигаться, пока не превратился в пеструю роспись на огромном гобелене в полстены.

— Конечно, не настоящий, — успокаивающе произнес знакомый женский голос. — Это просто материализация стереотипного образа.

...Зал, ставший полем битвы, раскололся на две части. Невидимая граница аккуратно отрезала большую часть, оставив ее в офисе. А Кристина и еще несколько ведьм очутились в меньшей части. И эта меньшая часть куда-то переместилась.

В ноздри вползал запах старой пудры. Холодный дневной свет померк, потускнел, как перед дождем, к нему примешался желтый свет лампы под абажуром. Ведьмы стояли перед живым батальным полотном. Гобелен занимал свободную половину стены возле резного буфета. На гобелене двигались и сцеплялись в коротких, но жестоких схватках фигурки людей, изображенные с фотографической точностью, но все же нарисованные. Или вышитые?

Кристина смотрела на них, почему-то не решаясь обернуться на голос.

— Девочки, — продолжала Марианна. — Выпьем чаю.

«Что, опять? — подумала Кристина. — У тебя он еще из ушей не полился?»

Ведьмы не отвечали. Она оглянулась.

Вокруг была та самая комната из инсталляции. Посреди комнаты топталось пятеро ведьм.

Катарина, Лера и еще три девушки, которые обычно не очень-то активничали в ковене.

Зарина, Оля и Света. Они дружили с прошлой главой ковена, ушедшей на покой, поэтому с

Кристиной не сближались и редко появлялись в офисе. Стоп, они же не могут оказаться

предательницами? Игорь Игоревич опросил всех и наверняка проверил правдивость

ответов...

Нет, дело было не в чем-то предательстве. Похоже, на них действовала та самая магия,

которой Марианна в прошлый раз превратила Кристину в свою подругу. И снова

действовала не на сто процентов, иначе ведьмы сразу согласились бы. А они стояли,

недоуменно хмурились и не понимали, что с ними происходит.

— Что такое? — насмешливо поинтересовалась Кристина. — Опять резкость дружбы не работает? И отлично, нам некогда засиживаться. Где дверь?

Вместо двери дальнюю стену, как и в прошлый раз, занимали датчики и рычаги. Испуг и

растерянность испарились. Марианна снова контролировала ситуацию, но на этот раз

Кристина не размышляла судорожно, как поступить и что делать, чтобы не быть убитой. Ей

почему-то казалось, что теперь бояться нечего. Сектанты не так уж непобедимы, иначе

разгромили бы ведьм с инквизиторами сразу же. А так на гобелене еще кипела битва, и еще

несколько противников очутились в «инквизиторских клетках»... Совет высших бы

расколдовать как-то. Так что не стоило разводить споры. Марианна не торопилась

рассказывать, где у нее дверь, и Кристина подбежала к окну.

Отдернула тяжелую штору и...

За шторой оказалась еще одна штора. Потом еще одна. И еще. И еще.

Сквозь них дразняще пробивался тусклый дневной свет, но Кристина не могла до него

добраться. Может, он вообще был нарисован на скользкой плотной ткани. Руки уже

начинали болеть, от скрипа колец по карнизу звенело в ушах, а стекло все не показывалось.

— Не нужно никуда идти, — рассмеялась Марианна. Кристина сдалась, обернулась и

увидела ее, наряженную в новый винтажный костюм дымчато-голубого цвета, который уже

жадно разглядывала Катарина. — Ты отсюда все равно не выйдешь. От тебя слишком

много проблем. Я знаю, что вы собираетесь взорвать музей. Устройству это, конечно, не

повредит, но оболочку разрушит. А в этой оболочке будешь ты. Так что Стефан все-таки

казнит тебя своими руками.

Хихикнув, она плавно опустилась в кресло. Ведьмы успели разместиться за столом.

Кажется, с прошлого раза он стал больше.

Кристина на миг оцепенела. Вот тебе и разрушенное проклятие! Не могло все быть так

гладко. Лещинский думал, что достаточно отказаться казнить Кристину, и больше никакие

силы не заставят его это сделать. Но проклятие продолжало действовать. На сей раз оно

действовало хитростью. Или проклятие было уже ни при чем, просто Марианна раздувала

его гаснущие угли?

Страх так и не появился. Кристина мыслила на удивление трезво. Она все еще не поверила в скорую гибель.

— А люди? Посетители музея и сотрудники? Ты же ведьма, а не террорист! Зачем тебе взрывать невинных людей?

— Что значит невинных? Каждый хоть в чем-то да виноват, — дернула плечом

Марианна. — Но никто не погибнет. Все посетители и сотрудники — в настоящем музее. А

здесь оболочка устройства.

Кристина раскрыла рот. То есть Марианна хочет сказать, что... музей ненастоящий?

Поэтому сотрудники и директор при проверке выглядели пустыми местами?

Наверное, со стороны она смотрелась глупо, потому что противница снова хихикнула и принялась, не вставая с кресла, разливать чай. Чашки и дымящийся чайник уже стояли на ажурной салфетке посреди стола.

— Просто для устройства нужна подпитка. Это может быть музей или библиотека — что-то, что помогает создать картину мира. В музее собраны детали всех эпох человеческой

истории, на их основе устройство может выстроить картину мира, чтобы потом менять ее резкость. Так что я просто показала ему ваш музей, и оно сотворило вокруг себя такой же. Это для ведьм и колдунов он заменил настоящий. Обычные люди как ходили в настоящий, так и ходят.

— Я видела электрика, — зачем-то уточнила Кристина. — Когда мы проверяли музей. Все сотрудники были пустыми местами, и только электрик — живым человеком.

— Ну, значит, у него магический дар, просто он его пока не осознает, — отмахнулась Марианна. — Вот и перепутал настоящий музей с копией только для магов.

— Откуда ты взяла устройство? — спросила Кристина. — Ты не могла его создать.

— Не твое дело, — лицо Марианны посуровело. — Ты так уверена, что я не могла? Напрасно, я могу многое, что тебе и не снилось.

«Вряд ли оно могло мне присниться», — невпопад подумала Кристина и прыснула. Ей обычно снился такой бред, что какая-то там магия Марианны на его фоне просто меркла.

— Смеешься? Это хорошо, — мирно сказала Марианна, отхлебывая из чашки. — Погибать лучше весело. Как только Игорь Игоревич закончит закладывать взрывчатку, я уйду.

Стефан к этому времени должен расправиться с нашими людьми и примчаться сюда. Все под контролем.

Картинка на гобелене сменилась. Теперь она изображала два совершенно одинаковых музея. Один стоял чуть позади другого под сенью желтых ветвей старого парка. В первый музей как раз заходила толпа детей во главе с учительницей. Героические школьники отправились на экскурсию в разгар аномалии. Вокруг второго бегали ведьмы, размахивая руками, суетились незнакомые маги — сектанты, — а мужчина в сером незаметно проскальзывал в дверь. Створка за ним закрылась.

Кристина посмотрела на мерцающее за стеклом устройство. До нее начала доходить серьезность положения.

Разбить это стекло и сломать прибор? Нечего и пробовать. Она не сомневалась, что все надежно защищено. Добраться до окна и выпрыгнуть невозможно. Проломить стену?

Можно попробовать, если использовать какую-нибудь бронебойную магию. Выпрыгнуть из «оболочки», прежде чем ее взорвут... А если скрутить саму Марианну? Вряд ли та захочет умирать. Если не сможет выйти — непременно перенастроит свой прибор на защиту.

— Тебе не кажется, что ты ведешь себя смешно? — критически заметила Кристина. — Такая злобная, что это похоже на карикатуру.

Марианна медленно и понимающе улыбнулась, продолжая попивать чай.

— Кто-то должен сверкать, мельтешить и играть роль злодея, пока другие тихо делают свою работу, — сказала она. — У вас есть злобная Марианна, которая накладывает проклятия, включает шайтан-машину и завывает «я вас всех убью». Зачем вам искать остальных?

Теперь насмехалась она. Причем насмехалась не так, как прежде, а тонко, потешаясь и над противником, и над собой, и над ситуацией. Сейчас она казалась куда умнее и мудрее. Взрослой женщиной в наивной войне подростков. И Кристине очень не понравилось это впечатление. Искать... остальных? Каких остальных? Тех, кто управлял советом высших, вынуждая их пробуждать душу Города? Но Марианна знала, что инквизиторы и часть ведьм вступили с ними в бой и могли вот-вот победить. Ее это не смущало. Какие к черту остальные? Где они? Что задумала Марианна? А чтоб его все!

— Знаешь что, — обозлилась Кристина. — Я, может, и дура, но молча ждать, пока меня убьют, я не собираюсь. Это не я, а ты отсюда не выйдешь!

Марианна только начала удивленно приподнимать брови, а Кристина уже сорвалась с места. Не успел никто опомниться, как она схватила горячий чайник, отшвырнула в сторону крышку и надела его Марианне на голову.

Та завизжала. Но визг скоро оборвался, и чайник отлетел в сторону. На лице Марианны стремительно светлели алые пятна ожогов. Она взяла себя в руки и наложила исцеляющий узор. Краем глаза следя за ней, Кристина опрокинула стол, за которым, как истуканы, замерли ее ведьмы. Чашки перевернулись, чай полился на ноги. На лице Катарины появилось подобие эмоций, она затрясла головой. За ней начали приходить в себя остальные.

Марианна молча занесла руки, чтобы наложить на Кристину какие-то чары. Наверное, страшные — выглядела она пугающе: губы побелели и сжались в тонкую полоску, брови сошлись на переносице, она уже не болтала и не насмехалась. Но Кристина не стала ждать. Она соткала зеркальный узор, отражая в противницу все, что та хотела насрать, а потом схватила с перевернутого стола скатерть и набросила на Марианну, как сеть. С оглушительным звоном посыпалась посуда, с грохотом откатилась тяжелая настольная лампа. Марианна не успела увернуться, скатерть накрыла ее надежно, с головы до самых колен. Кристина потянула за края, пеленая соперницу, как мумию.

— Портал создавай! — гаркнула она на Леру, и та послушно начала плести узор.

Тут скатерть разлетелась в клочья. Мелкие-мелкие, как пыль. Они облаком взвились вверх и пушистым снегом закружили по комнате. Вырвавшись из кокона, Марианна махнула рукой. Она не тратила время на узор — портал возник мгновенно. Устройство резкости усиливало все ее чары.

И одновременно комната начала заполняться густым белым туманом.

Оглушительно, с надрывом, закашлялась Лера. Она согнулась, прижимая руки к груди.

Кристина встревоженно посмотрела на нее, и тут туман достиг ноздрей.

Он ворвался в легкие едким ядом. Кристина задохнулась, начала хватать воздух ртом, но лишь глотала еще больше тумана, который мучительно разъедал изнутри. Кажется, она тоже кашляла, но это уже не замечалось, она просто пыталась освободиться от удушливой отравы.

Марианна шагнула в портал.

С пугающей остротой стало ясно — если не уйти сейчас, никому не выбраться. Понимание на миг перекрыло нестерпимую боль в легких. Кристина прохрипела, хватая за руки ведьм, стоявших рядом:

— За ней... быстро!

Они не вошли, а рухнули в портал, как в бездонную яму. Он закрылся, чудом не сожрав ногу Кристины, идущей после всех. Кажется, лязгнули зубы. А может, это только померещилось. Твари Марианны слишком часто пытались сожрать Кристину. Пушке это почти удалось...

...Ведьмы вывалились из портала на краю музейного парка, напротив модного бутика.

Кашляя, они глотали загазованный городской воздух, как живую воду. А со всех сторон уже подступали сектанты.

— Помогите! Милиция! Террористы людей похищают! — воскликнула продавщица, появляясь на пороге бутика. Тут же к сектантам прибавился еще с десяток фигур, затянутых в черное и вооруженных пистолетами. Стихийная материализация продолжала действовать. Новопроявленные террористы принялись без разбору хватать за руки и ведьм, и сектантов. Те, ругаясь, отбивались. От их ругательств в парке возникали то собаки, то причудливые и странно одетые личности, которые тут же кидались наутек. Мир стремительно превращался в цирк. Ни Игоря Игоревича, ни Лещинского было не видно.

Отдышавшись, Кристина бросила в продавщицу чары беззвучия и простым узором заперла бутик снаружи. Остальные продавщицы, выпучив глаза, прилипли к стеклянным витринам. Кристина отвернулась. С ними можно разобраться потом, лишь бы сейчас не путались под ногами. Она искала Марианну и вскоре увидела ее.

Марианна тонула в сиянии... открывающихся порталов?

Порталы! То ли сектанты могли с помощью устройства резкости открывать их без стабилизации, то ли наплевали на необходимость стабилизации — пусть в них проваливается все, что угодно! Марианна соткала портал, за которым смутно виднелась разгромленная квартира-инсталляция, перевернутый стол и клочья скатерти. За ее спиной чуть медленнее открывался еще один. Кристина присмотрелась к нему повнимательнее... и тут ее скрутили за руки.

Сектант неизвестно как очутился рядом незамеченным. Кристина дернулась.

— Чтоб у тебя руки отсохли, — прошипела она. Сзади донеслось злобное, почти нечеловеческое рычание. Хватка на миг ослабла, но вырваться не получилось. Сектантам помогала магия.

— Тащите их всех сюда! — крикнула Марианна, и сообщники поволокли сопротивляющихся ведьм к portalу.

Нет, это никуда не годится! Почему со связанными руками исчезает возможность творить магию? Где логика? Город наделяет силами всю ведьму, а не только ее конечности! Пользуясь тем, что сектант держал ее за запястья, а не за кисти, Кристина попыталась соткать узор свободными кончиками пальцев.

Узор сработал, когда ее подтащили к самому portalу. Кристина вырвалась и из всех сил толкнула державшего ее сектанта в зияющую дыру.

Не успев даже крикнуть, тот провалился в квартиру-инсталляцию. Кристина поспешно закрыла портал. Она еще успела запечатать его пятиминутной печатью, чтобы никто не прорвался наружу, а потом Марианна лично схватила ее за руки.

— Что? — выдохнула Кристина ей в лицо. — Это был какой-то особо важный сообщник? Марианна не ответила. Ее зрачки сузились до предела, стали вертикальными полосками, как у кошки на солнце. Выглядело это мерзковато, и Кристина вырвалась из ее хватки, оттолкнув противницу, чтобы не смотреть. Та легко отпустила ее.

Но в следующий момент вокруг шеи захлестнулась огненная удавка.

Кристина рефлекторно вцепилась в нее руками и вскрикнула. Пальцы обожгло. Она попыталась растворить удавку магией, но от любых узоров та лишь крепче затягивалась. Конец был обмотан вокруг левого запястья Марианны, как поводок. Но Марианна потеряла интерес к нейтрализованной противнице. Она плела узор за узором, пытаясь вызвать своего сообщника, запертого в музее.

Ведьмы, которых сектанты так и не дотаски до портала, успели вырваться. На тротуаре напротив музея кипел неравный бой.

И тут второй портал за спиной Марианны наконец соткался и открылся.

Кристина вздохнула бы с облегчением, если бы могла нормально дышать. На музейную площадь высыпали ее ведьмы — все, кто дрался с сектантами в офисе ковена. А еще Яржинов, Барсуков, Лещинский... Она хотела махнуть рукой, позвать на помощь, но они и так заметили ее.

На раскрытой ладони Лещинского вспыхнул огненный шар. Игорь Игоревич успел заложить взрывчатку. Оставалось взорвать первую шашку... Интересно, остальные взорвутся сами по цепочке? Хотя Кристина слышала о детонационных шнурах.

Но в музее еще сидел запечатанный сектант. Причем, судя по реакции Марианны, очень важный.

Удавка натянулась. Шею резануло болью. Как собаку на поводке, Марианна подтянула Кристину к себе и вскинула руку. Площадь замерла.

— Не смей, — негромко сказала она Лещинскому, неотрывно глядя на огненный шар. — Иначе она умрет. Что для тебя важнее?

Лещинский не изменился в лице. Но секундой позже огненный шар начал медленно гаснуть.

— Вот так, — удовлетворенно сказала Марианна. — Не волнуйся, у тебя еще будет повод взорвать музей. Могу предоставить тебе это право, когда придет время.

Когда пройдет пять минут, и сообщник вырвется из плена, и Кристину с остальными ведьмами вернут в квартиру-инсталляцию. Тогда да, тогда можно будет устроить взрыв. Только Лещинский еще не знал, что устройство резкости не пострадает. Будет уничтожена просто оболочка... Читай на Книгоед.нет

Он не двигался. Кристина в панике смотрела на него. Почему он ничего не предпринимал? Думал, как разрубить узел одним ударом? Или попал под власть Марианны? Снова?

Она не разглядела неуловимое движение его руки. Зато разглядела Марианна. Удавка снова натянулась.

— Не смей! — почти истерически прошипела Марианна. — Не применяй антимагию! Не успеешь, она умрет раньше!

Значит, все-таки пытался помочь... Да ударьте же кто-нибудь в спину! Но за спиной у Марианны, похоже, никого не было. Потому что все ведьмы и инквизиторы рассыпались по площади, и Кристина их видела. Только Игорь Игоревич исчез... Где он, когда так нужен? Ситуация стала патовой. Лещинскому больше ничего не оставалось. Вопреки угрозам Марианны, он снова резко вскинул руку. Удавка опять дернулась, и в глазах потемнело. Кристина начала задыхаться. Пелена из мушек закрыла обзор, слух улавливал какой-то

шум, крики... Но они доносились, как сквозь толстый слой воды. Кристина тонула, легкие жгло, в ушах звенело...

Когда ей удалось глотнуть воздуха, она поняла, что чувствуют спасенные утопленники.

Пелена перед глазами рассеивалась. Что? Свобода?

Но это была еще не свобода. Марианна ослабила поводок, потому что на площади появилось новое действующее лицо.

— Взрывные работы? Кто дал разрешение на проведение взрывных работ? — брюзжал Семен Никитич, топчась посреди площади как раз между Марианной и Лещинским. — Где документы? Почему рядом не дежурит команда МЧС?

Безумие какое-то. Откуда он вообще взялся? Он ненормальный?

Семен Никитич повертел головой, отыскал Лещинского и уставился на него.

— Допустим, вы не обязаны мне подчиняться. Но вы обязаны уведомить региональное управление инквизиции о своих действиях! Получить разрешение... Кстати, музей — это же не просто какое-нибудь здание под снос! Внутри много ценных исторических экспонатов! Как была проведена их эвакуация? Она вообще была проведена? Где документы? Где разрешения?

Происходящее все сильнее напоминало цирк. Кристина даже заподозрила, что она бредит. Пять минут, наверное, уже истекли. Скоро сообщник Марианны вырвется, и тогда... Краем глаза она уловила мерцание напротив музея. Начиная пробиваться портал. Марианна выжидающе уставилась на него. Семен Никитич продолжал бубнить что-то о документах и разрешениях. Реакцию Лещинского было не видно — Семен Никитич загородил его собой. Ни Марианна, ни сектанты не обратили внимания, как из-за ног кого-то из ведьм выбегает маленький полосатый котенок. Мало ли бродячих кошек в городе?

Кристина следила за ним затаив дыхание. Никем не замеченный, котенок длинными прыжками пересек площадь, остановился и поднялся на задние лапы.

В передней зажегся небольшой огненный шар. Пусть не такой яркий и эффектный, как у Лещинского. Но все-таки огненный шар.

И котенок, размахнувшись, метнул его точно под колоколь музея!

Мерцание погасло, так и не соткавшись в портал. Марианна закричала. Удавка натянулась в последний раз — и растаяла. В здании что-то глухо бухнуло, земля задрожала, из окон музея вырвался черный дым. А потом стены стремительно сложились внутрь.

Глава 24. Явление первое

Здание окуталось облаком пыли. Будто в замедленной съемке, Кристина наблюдала, как взлетают в воздух искры, обломки и хлопья гари. Как в разные стороны шрапнелью летят большие и маленькие камни, стекла, еще что-то. Как Семен Никитич поворачивается на звук, разинув рот. И как большой кусок кирпича впечатывается ему прямо в лоб.

Семен Никитич рухнул, как подкошенный. Руины музея догорали. Лещинский вскинул руки — и опустил их, видя, что удавки больше нет.

Кристина отскочила от Марианны. Не к Лещинскому, просто в сторону. Злыдень подбежал к ней и одним прыжком взлетел на плечо.

Сектанты переглядывались и переминались с ноги на ногу. На лицах у всех, как у одного, застыла растерянность. Казалось, они лишились чего-то важного, чего-то, что выбило почву из-под ног, понесли утрату, лишившую их опоры. Но ведь взорвалась только оболочка музея... и еще какая-то важная шишка, которую Кристина запечатала внутри. Устройство ведь не пострадало... Или Марианна ошиблась?

Рядом с руинами из пустоты медленно ткался музей. Это проступал настоящий исторический музей, замаскированный от ведьм и магов копией. Значит, копия погибла безвозвратно. Вместе с устройством? Или все-таки нет?

Кристине захотелось броситься к развалинам и проверить, но она внимательно следила за тем, что происходило на площади.

Сектанты пятились, потихоньку собираясь вместе в сторонке. Марианна шагнула к Лещинскому. Ближе. И еще ближе.

— Ну вот и встретились, — сказала она. — Рано или поздно этим все должно было закончиться.

Серьезно? Она серьезно вознамерилась толкнуть прощальную речь? Кристина поперхнулась от изумления. Лещинский молчал.

— Помнишь, когда Настасья говорила, что ведьмы делятся на два типа? Есть те, которые тупо работают на какой-нибудь город... — тут Кристина гневно фыркнула: что значит «тупо работают»?! — А есть те, всю суть которых составляют чары. Ты тогда с этим согласился...

Лещинский не двигался и ничего не предпринимал, даже когда Марианна подошла вплотную. Она еще что-то произносила, но голос упал до полупшепота, Кристина уже ничего не слышала. Сектанты тем временем начали плести узор, открывая портал.

— Эй! — крикнула одна из ведьм. Кажется, Лера. — Держите их! Эй!

Что несет Марианна? Какая еще Настасья? Хотя... она же сама говорила. «Кто-то должен сверкать и мельтешить, пока остальные тихо делают свою работу»? Вот она и мельтешит. Отвлекает Лещинского, пока сектанты готовят путь отхода.

И, похоже, придется нейтрализовать сразу обоих. Потому что он все-таки попал под ее воздействие.

Каким узором? «Попробуем сонные чары», — решила Кристина и начала узор. Тут же Злыдень больно вцепился в плечо, и она вскрикнула.

Марианна подошла к Лещинскому совсем близко и коснулась его локтя. Он мягко отвел ее руки в сторону, что-то спокойно ответил...

А потом резко хлестнул по воздуху.

Из пустоты соткалось что-то огромное и серое и рухнуло вниз. «Инквизиторская клетка» величиной с хорошую комнату накрыла Марианну и стремительно уменьшилась до размеров небольшого кубика. Лещинский подобрал его и небрежно сунул в карман. В следующий момент еще одна «клетка» накрыла сгрудившихся вместе сектантов вместе с их неоконченным порталом.

Злыдень разжал когти.

— Ты мелкий негодяй! — с чувством сообщила ему Кристина. — Не мог, что ли, русским языком сказать «не мешай, они сами разберутся»?

Круглые кошачьи глаза смотрели на нее с укоризной.

— Можно было разобраться и получше, — недовольно заметил Лещинский, подходя ближе. — Я так и не узнал, где скрываются остальные сообщники. И я не представляю, черт возьми, кто и когда теперь сможет допросить всю эту компанию. Из всего совета высших остался только я. Остальные под чарами, Безымянный исчез. Хотя, может, чары теперь спадут.

Когда он чертыхнулся, Кристина нервно осмотрелась, ожидая, что появится очередной черт. Но ничего не появилось. Да и в городе, казалось, стало как-то тише. Аномалии прекратились... Это служило лучшим доказательством.

— Устройство уничтожено? — неверяще переспросила она, глядя на руины. — Но... У секты же полно ячеек в других городах. И там может быть сколько угодно таких устройств! — Нет уж. Оно было одно, — неожиданно ответил кто-то. Кристина вздрогнула и начала искать, кому принадлежал скрипучий голос. Он казался странно знакомым. Но она решила, что ей показалось. Не может же это быть...

— Я создавал его, чтобы глупые маги пользовались им и питали меня силой, — продолжал Семен Никитич. Он поднялся на ноги, потирая шишку на лбу. — Десяток устройств я бы не смог контролировать. Я все-таки не всемогущий. Пока что.

Ведьмы, колдуны, Кристина и Лещинский с Яржиновым уставились на него с немим изумлением. Даже Злыдень от неожиданности чуть не свалился с плеча. Потом Лещинский осторожно произнес:

— Семен Никитич, давайте я отвезу вас в больницу. Как вы себя чувствуете?

— Все лучше и лучше, — легкомысленно ответил съехавший с катушек инквизитор. — Спасибо за беспокойство.

И рассыпался в мелкую пыль. Как в каком-нибудь фильме со спецэффектами!

Кристина зажмурилась и для верности помотала головой, не понимая, реально ли то, что она видит. Усы защекотали ухо — Злыдень на плече проделал то же самое. А когда Кристина открыла глаза, пыль уже снова собиралась в человеческую фигуру. Только не Семена Никитича.

На его месте проявился совсем другой мужчина. Молодой, высокий, тощий, черноволосый и со слегка раскосыми глазами, точно среди его предков затесались китайцы. Мужчина дождался, пока последние пылинки вплетутся в ткань его дорогого, отлично сидящего костюма, а потом от души, с хрустом, потянулся.

— Я позаимствовал облик уважаемого Семена Никитича, — сообщил он. — Позвольте представиться. Хотя имени у меня еще нет. Но некоторые маги называли меня Техногеном. Меня устраивает, пожалуй.

— Техноген?!

Ведьмы зашумели, кто-то почти истерически захохотал. У Кристины тоже вырвался истерический смешок. Техноген? Все это время он существовал на самом деле — тот, против кого боролась секта? Мало того, он притворялся Семеном Никитичем! Он требовал новые и новые горы документов! Он создал устройство резкости и наблюдал, как ковен и инквизиция безуспешно бьются, пытаясь разрешить эту загадку! Он довел ведьм до белого каления своими проверками! Он... О мать-магия... Он...

— Кажется, мне лучше скрыться, пока вы успокоитесь, — критически заметил Техноген. — В целом ваша секта была права — я набирал силу по мере развития технологий. Они, конечно, неправильно меня искали. Выбрали этот Город, потому что это центр промышленности всей страны, и думали, что я прячусь здесь. Но без их помощи я бы еще долго не смог воплотиться. А так я понял, что меня ищут, и создал устройство резкости, чтобы секте удобнее было искать. Они поверили, что сами его придумали. С каждым его использованием они тратили немного своей магической силы, и она попадала ко мне. Но я еще не мог существовать как отдельная личность. Я мог только копировать чей-то облик и образ жизни. Теперь я существую. Передайте уважаемым сектантам мою бесконечную благодарность. До встречи, я вернусь, когда вы будете готовы к беседе.

И он снова разлетелся пылью. На этот раз облако бесследно рассеялось.

На площади воцарилась такая тишина, что слышно было, как в здании настоящего музея экскурсовод рассказывает школьникам о неандертальцах. Аномалии исчезли без следа. Простые люди моментально забыли о них, будто по их памяти кто-то прошелся ластиком. Впрочем, понятно кто. Тот, из-за чьего творения все эти аномалии и начались. Техноген... Техноген!

— Провались он под землю, — вдумчиво пожелала Кристина. — Никогда бы не поверила, что он может существовать!

В ушах все еще звучал приятный вежливый голос Техногена, слегка смахивающий на голос компьютерной программы. Дух технологий, повелитель технологий или что он такое — в образе обычного человека. Да неважно, в каком образе! Главное, что этот дух ожил и обрел способность мыслить. И еще обзавелся недюжинной изворотливостью и хитростью, раз сумел подсунуть секте свое устройство, чтобы выманить магическую подпитку. И обладал безграничной или почти безграничной силой, соединяющей технологии с магией, раз сумел создать такое устройство. Может, не зря секта так его боялась. Хотя держался он вполне дружелюбно...

— Ну что ж, — сказал Лещинский. — Мир меняется... Если подумать, что-то подобное должно было появиться. Придется с ним сосуществовать.

— Если он захочет жить мирно, — поежилась Кристина. — А не создать еще какое-нибудь устройство. Ха! Стефан, а возьми меня с собой на первый допрос Марианны! Я хочу посмотреть на ее лицо, когда она узнает, кто автор машины!

— Вообще-то это нарушение протокола, — хмыкнул он. — Ладно, постараюсь.

— Протокола? — возмутилась Кристина. — Уж кто бы говорил о протоколе! Высшие чуть не пробудили душу Города! — она подняла глаза к небу, но зеленоватое сияние с него почти исчезло. Устройство резкости больше не действовало, сектанты потеряли контроль над высшими, и дух Города снова задремал. — И после этого они будут диктовать мне, что протокол что-то там запрещает?!

— Вот на высших я бы и сам посмотрел, — усмехнулся Лещинский. — Когда они придут в себя и поймут, что натворили. Если придут, конечно. У меня подозрение, что чары на них накладывали не сектанты...

— И давно вы догадались? — поинтересовался еще один знакомый голос.

Крестину охватило чувство дежавю. Все это ведь уже было! Буквально только что!

Она повернулась на голос. Откуда-то из-за развалин вышел Игорь Игоревич.

— Я, конечно, их расколдую. Надеюсь, урок пойдет им на пользу. Многие высшие рано или поздно рискуют зазнаться. Они начинают верить, что всегда правы, считают, что им можно судить кого угодно, ведь они никогда не ошибаются, — продолжил он. — Да, я бы тоже посмотрел на них сейчас.

Глава 25. Явление второе

— Вы же не Техноген, нет? — подозрительно уточнила Кристина. — И головой вы не ударились. Тогда что с вами и кто вы?

— Я позаимствовал облик уважаемого Игоря Игоревича, — сообщил инквизитор. — Разумеется, с его согласия.

Чувство дежавю стало нестерпимым. Вот сейчас он рассеется облаком пыли... Но обошлось без зрелищных спецэффектов. Игорь Игоревич просто провел рукой по лицу. Одновременно слегка изменилась его фигура.

На площади стоял совсем другой человек. Он чем-то был похож на Лещинского — тоже темноволосый, худощавый и с пронзительными серыми глазами. Разве что чуть пониже и старше на вид. В черных волосах проступало немного седины, морщины обозначились резче, черты отличались...

Кристина вспомнила, где видела это лицо.

— Безымянный! — выдохнула она. — Вы наложили чары на совет?! Из-за вас меня чуть не казнили!

— Это было необходимо, — невозмутимо ответил верховный инквизитор. — Я все контролировал. Считайте, это была операция. Даже не хирургическая — стоматологическая скорее. Неприятно, но не смертельно. Если бы не это, рано или поздно сложилась бы другая ситуация, когда вам угрожала бы казнь. Только она могла закончиться не так удачно, вы могли погибнуть, а Стефан — застрелиться, чтобы не убивать вас. Я не хотел терять ценного сотрудника. Или вы предпочли бы, чтобы он умер во имя вашего душевного спокойствия?

— Вот не нужно делать из меня идиотку, — огрызнулась Кристина. — Конечно, нет. Я предпочла бы, чтобы вы не водили всех нас за нос столько времени.

— Секта тоже это предпочла бы, — сказал Безымянный. — Вы же помните, что было, когда в Город прибыли всего лишь Богдан с Диной. Противник сразу притих и спрятался. Если бы я открыто сопровождал делегацию, об этом сразу узнали бы. И мы бы никого не выманили.

Кристина скривилась. Она понимала, что Безымянный прав. И это ее раздражало. Она терпеть не могла, когда оппонент в споре оказывался прав. Особенно если злилась на него.

— Но вы своими чарами превратили высших инквизиторов в каких-то детсадовцев!

— Перестраховался, — казалось, Безымянный ни мгновения не думал над ответами, обвинения нимало его не задевали. — Конечно, кто-то кроме меня вряд ли смог бы наложить на совет высших ментальные чары, потому что у высших иммунитет к внушению. Но убить их — очень даже могли. Я просто сделал так, чтобы секта поверила, что совет ничем ей не угрожает.

— А на самом деле он угрожал? — насмешливо спросил Лещинский. До сих пор он слушал перепалку молча. Может, среди инквизиторов было не принято спорить с верховным.

— И на самом деле тоже не угрожал, — признал Безымянный. Уголки губ впервые дрогнули в ухмылке. — Но я сделал это для безопасности самого совета. Конечно, не обошлось без издержек, погибло несколько десятков ценных заготов и чуть не проснулся дух Города... Но это допустимая жертва. А сейчас, господа, давайте-ка ликвидируем эти

останки, — он кивнул на руины псевдомузея, — и вернемся в офис ковена. Мне нужно поговорить с высшими. Стефан, в каком состоянии вы их оставили?

— Усыпил, — ответил тот. Безымянный кивнул и самолично принялся стирать с лица земли развалины.

Из-за стеклянной витрины бутика за ним потрясенно наблюдали продавщицы.

— Издержки! Погибли ценные заглоты! — Кристине казалось, она сейчас взорвется от возмущения. — А ничего, что из-за этих ценных заглотов чуть не погибла я?! Да таких верховных... Да он... Да я его...

Теперь она понимала, почему Лещинский говорил, что высшие — дети по сравнению с Безымянным. Если он смог легко, как детей, заколдовать их, то так оно и было. Но такого пиетета, как раньше, при близком знакомстве эта личность уже не вызывала. Ценные заглоты, видите ли! Кристина закусила губу, напряженно размышляя, как отомстить верховному инквизитору. Это для совета высших, может, он авторитет! А она была ведьмой и, как любая ведьма, очень не любила, когда с ней так обходились!

Особенно если оказывались кругом правы.

— Не обращай внимания, ему положено быть безжалостным, — успокаивающе сказал Лещинский. Он сплел короткий узор с заклинанием, и продавщицы в бутике принялись безмятежно отряхивать невидимые пылинки с платьев, забыв об аномалиях.

— А я ведьма, — хищно усмехнулась Кристина. — Мне положено быть еще и злопамятной. На плече одобрительно мяукнул Злыдень.

Большой стол и все стулья в зале заседаний аккуратно поставили на ножки и сдвинули к стене. Разбитые окна восстановили магией. Высших разместили на полу и наложили пробуждающие чары. Делал это сам Безымянный. Он сидел на краю стола и снисходительно наблюдал, как инквизиторы моргают, приходят в себя и поднимаются, недоуменно оглядываясь.

Кристина устроилась в уголке на стуле. Других ведьм в зал не пустили, только ее. Еще туда проскользнул Яржинов и теперь во все глаза разглядывал поверженных высших. А Кристина украдкой разглядывала его. И с трудом сдерживалась, чтобы не наложить какие-нибудь проверочные чары. Если бы оказалось, что и под личиной Яржинова на самом деле скрывается кто-то еще, она бы не удивилась.

А высшие приходили в себя как-то слишком скучно.

Кристина ждала, что они хотя бы спросят, что случилось. Но никто не проронил ни слова. Дина, неизменный бокал которой куда-то исчез, сиротливо обхватила себя руками. Члены совета смотрели на Безымянного, мрачнели, потом мрачнели еще больше, наверное, вспоминая, что было час назад, и молча садились на стулья у стены. За окном собирался унылый осенний дождь.

— Доброе утро, господа, — со зловещим спокойствием сказал Безымянный, когда последний инквизитор открыл глаза.

Ему не ответили. Лишь через несколько мгновений Богдан Сергеевич выдавил:

— Добрый день, Верховный.

— Значит, все-таки верховный? — усмехнулся тот. — Я существую, а?

Откуда он узнал, что они забыли о его существовании? Хотя... он же сам их заколдовал.

— Несомненно, — сквозь зубы сказал Богдан Сергеевич. — Могу я спросить, это вы наложили на нас путающие чары? С какой целью?

Все-таки спросил, отметила Кристина. Ну и отлично, а то это почтение к Безымянному начинало ее пугать. Да, она признавала, что к объяснению его поступков было не придраться, и его самого окутывала аура властности и силы, куда более заметная, чем у любого другого высшего... Но это же не повод молча подчиняться! Ей как ведьме, наоборот, еще сильнее хотелось поступать наперекор.

— Для вашей безопасности, — Безымянный закинул ногу на ногу, все так же сидя на столе. — Но эти чары были не такими уж сильными. Кто бы мог подумать, что под ними вы натворите столько глупостей, ай-ай-ай, — он издевался, хотя и маскировал издевку серьезным тоном. — Вы даже чуть не пробудили дух Города! Вам напомнить, какое наказание за это предусмотрено?

— Но зачем было заставлять нас его пробуждать? — не выдержал Павел. В его интонациях угадывалось детсадовское «так нечестно!».

— Пробуждать заставил не я, а секта, — сообщил Безымянный. — Вы просто дали себя пленить. Знаете, господа, у меня серьезные сомнения в вашей компетентности.

— Кто угодно станет некомпетентным, если его заколдует собственный Верховный! — воскликнула Ида Амвросиевна.

— А также любой сектант с улицы, — мягко добавил Безымянный. — В ближайшие несколько дней нам нужно допросить тех членов секты, которых Стефану удалось захватить, несмотря на ваше сопротивление, — высшие слушали это с постными физиономиями, но на некоторых появилось донельзя кислое выражение. — Потом — отлавливать ячейки секты в других городах и контролировать смену глав ковен. Противники заставили некоторые города сменить главных ведьм. Этим ведьмам тоже необходимо будет поймать. Мы разгромили верхушку, но это далеко не все. Думаю, отлов — работа как раз для вас. Вы возглавите следственные группы.

— Вы собираетесь отправить нас в провинцию? — неверяще переспросила Дина.

— Вам же нужно как-то реабилитировать себя, — растянул губы в ухмылке Безымянный. — Особенно лично вам, Дина. Вы еще не доказали, что не работали на Марианну Бойко. Сфабрикованная видеозапись очень кстати оказалась в вашем телефоне. Что скажете?

— Я готова отдать телефон на проверку, — отчеканила она. Лицо заледенело. Кристине стало ее жаль. Вряд ли Дина была на стороне Марианны, та просто использовала ее... Но Безымянный решил устроить показательную порку, и никто не мог пойти против него. Высшими становились самые сильные и опытные инквизиторы, а верховным — еще более сильный. И он получал эту должность не просто так, а за какую-то важную заслугу, предотвращение большой магической угрозы... Мысли плавно переместились на заслуги Безымянного. Что он сделал? Кажется, что-то, связанное с временем... Интересно, а ликвидация секты — это важная заслуга или не очень? Может, Лещинскому теперь светит повышение и пост Безымянного?

Верховный инквизитор покосился на Кристину так, будто мог читать мысли.

— Благодарю всех за помощь, — сказал он. — Особенно ведьмам и колдунам Города. Все могут быть свободны до вечера или до завтрашнего утра. Я свяжусь, когда вы мне понадобится. Сначала я хочу сам поговорить с пленными, потом составлю план следственных действий, и мы вернемся к работе. Ну что же вы сидите? Можете идти отдохнуть. Гостиница «Речная» примет вас бесплатно.

Инквизиторы начали расходиться. Они поднимались нехотя, с опаской поглядывая на Безымянного, будто ждали подвоха, и тенями выскальзывали за дверь. В этот момент в них не было ничего от образа высших, который давным-давно укоренился у Кристины в голове. Тех, кто управляет судьбой магического мира в отдельно взятой части земного шара, тех, кому подчиняется вся более мелкая инквизиторская шушера, кованы и логи... Но Кристина понимала, что все случившееся — лишь временные трудности. Высшие не перестанут быть высшими. Их власть не уменьшится. Их не перестанут уважать даже в опале.

— Кстати, — сказал Безымянный, когда закрылась дверь за последней из совета — Идой Амвросиевной. Та ковыляла к выходу мелкими шажками, явно надеясь услышать, о чем будут говорить после ее ухода, но так и не дождалась. — Стефан, после расследования вы можете вернуться в столицу. Думаю, вы отработали свой провал.

Чего? Какое еще «вернуться»? Кристина поджала губы. Если он сейчас поблагодарит и спросит, когда можно возвращаться... она потеряет веру в человечество на всю оставшуюся жизнь. И это после того, как он торжественно обещал не заваливать ведьм бумажной работой и не дергать проверками, если, конечно, доживет!

— Спасибо, — сказал Лещинский. — Но меня назначили главным инквизитором Города. К сожалению, я не могу оставить такой важный пост.

— Я бы назначил кого-то вместо вас. Настоящего Игоря Игоревича или вот господина Яржинова, ему давно пора стать серьезнее...

Яржинов съехал под его пронзительным взглядом и помотал зеленоволосой головой.

— Никак не могу, — заявил он. — Кого серьезнее? Куда серьезнее? И вообще я нетрудоспособный, у меня зрение минус один! Справка есть!

Ну да, справка, которых он мог состряпать сколько угодно, пока был офтальмологом.

Кристина фыркнула, губы Безымянного подозрительно дрогнули.

— Ничего, у вас вон собака-поводырь есть, ждет в холле, — парировал он. — Что ж, ладно. Стефан, учтите, обязанности члена совета с вас никто не снимал. Вы будете получать вызовы на совещания вместе со всеми. И если вдруг окажется, что вы не в курсе или не разбираетесь в обсуждаемом вопросе...

— Я учту, — ответил Лещинский. — Спасибо... Валентин.

Все-таки у Безымянного было нормальное человеческое имя.

Эпилог

К своему сну Кристина относилась очень трепетно. Она не обращала внимания, если у нее случалась бессонница и мешала уснуть, зато если кто-то не вовремя будил звонком или визитом, она злилась долго. Ведьмы уже знали, что главу ковена нельзя дергать с утра по пустякам. Только если случится что-то серьезное. Но как на грех, серьезное случилось постоянно.

Однако сегодня Кристина проснулась сама и в отличном настроении. Она хорошо отдохнула, даже несмотря на то, что они с Лещинским полночи не спали, занимаясь чем-то поинтереснее.

Сначала они, конечно, пытались работать. Хотя бы ликвидировать остатки аномалий, в которых с утра утопал Город. Однако оказалось, что аномалии исчезли, не оставив ни единого следа. Похоже, это постарался Техноген. Безымянный выпроводил из офиса всех, чтобы не мешали ему думать и разговаривать с пленными. Спорить с Безымянным никто не мог, да особо и не рвался.

Кристина с Лещинским отправились к ней домой. Где-то на полпути обнаружилось, что обоим уже надоела бесконечная яичница с сосисками, и они решили приготовить что-то более... домашнее. И даже приготовили первую партию фаршированных овощей в духовке. Потом плиту пришлось выключить, чтобы не устроить пожар. Потом они на пару часов отвлеклись от еды... В общем, вечер удался.

Лещинский дремал. Кристина подумала, стоит ли его будить. Так ничего и не решив, пощекотала живот и начала спускаться ниже. Лещинский открыл глаза.

— Хочу, чтобы у меня всегда были такие выходные, — пробормотал он. — Вот что ты делаешь?

— Смирись, — хихикнула Кристина. — Я нашла себе игрушку. Будешь моей игрушкой...

Он перехватил ее за руки и молниеносно опрокинул на спину, нависая сверху.

— Да ну? А может, ты моей? — промурлыкал он. Кристина изогнулась навстречу.

— А есть разница?

Она обняла его ногами, притягивая поближе. Лещинский начал медленно и дразняще целовать ее. Поэтому, когда зазвонил его телефон, это не вызвало никакого удивления. Когда же еще звонить телефону, как не в такой момент?

Кристина неохотно отпустила свою «игрушку».

— Черт, — сказал тот, глядя на дисплей. — Иногда я жалею, что его не возьмет в оборот какая-нибудь ведьма. Хотя он и так дал нам время почти до обеда. Это Безымянный.

— Сволочь твой Безымянный, — беззлобно проворчала Кристина. — Бери трубку, пока он не явился сюда.

— Стефан, приезжайте в офис вместе с главой ковена, — произнес верховный инквизитор, опустив приветствия. Кристина подобралась к самому телефону и бесстыдно подслушивала. И почему это Безымянный звонит Лещинскому, чтобы вызвать ее на работу? — Остальных можно не вызывать. У нас в гостях Техноген. Утверждает, что пришел договариваться.

Кристина подпрыгнула, точно телефон ее ужалил. Техноген? Пришел договариваться?!

Техноген, в джинсах и толстовке с надписью «Ария», сидел на диване в кабинете Кристины. На журнальном столике остывал кофе. Рядом на тарелке лежали бутерброды с сыром и колбасой. Слева от гостя устроилась Лера и что-то показывала ему. Тот отвечал. Кристина успела расслышать: «Почистите куки, удалите лишние файлы и программы...»

Что? Лерка додумалась просить его помочь с ее глючным телефоном? Действительно, зачем идти в сервис, если есть Техноген.

— Добрый день, — поздоровалась Кристина. Безымянный, который встретил ее в холле и проводил сюда, грозно покосился на Леру. Наверное, ей поручили только подать гостю кофе и улетучиться.

— Добрый-добрый, — по-свойски улыбнулся Техноген, вскакивая и раскланиваясь. Потом внимательно проследил за реакцией. — Что? Кланяться не принято? Ну простите, еще не изучил все нормы поведения. На концерте артист очень даже кланялся. Кстати, хороший артист, — он похлопал по надписи на толстовке. — Одна песня мне особенно понравилась, прямо про меня. «Я свободен» называется.

— А вы были не свободны? — не удержалась Кристина.

— Трудно сказать, — задумался Техноген. — Во всяком случае, у меня не было развитой личности и сознания. А когда они есть, это круто! Люди, цените свое сознание! — радостно посоветовал он. — Что, так тоже не говорят? Ну ничего, научусь. Я хотел попросить у вас разрешения остаться в вашем Городе.

— Попросить у меня разрешения, — медленно повторила Кристина.

Техноген, которого боялась секта, несомненно, существовал. Но пока что он ничем не напоминал страшное чудовище, которое нужно было остановить любой ценой.

— Да вы садитесь, — опомнилась она. — А почему вы просите у меня разрешения? Вы же можете делать, что заблагорассудится.

Техноген плюхнулся на край дивана. Кристина села рядом, возле нее устроился Безымянный, метнув в нее предостерегающий взгляд. Кристина скривилась: если вызвал, так пусть не зыркает, она будет говорить то, что считает нужным. Лещинский, которому не досталось места, плюхнулся на стул. Лера поспешно удалилась, и Техноген с сожалением посмотрел ей вслед.

— Я, конечно, могу, — сказал он, продолжая разговор, — но когда за мной гонятся и хотят убить, это неудобно, понимаете. Мне приходилось прятаться, хитрить, подстраиваться под сознание человека и жить его жизнью. Ужас просто, — доверительно пожаловался он. — Я никому не угрожаю и хочу мирно существовать в комфортной среде. Здесь в Городе много промышленности, это комфортная среда. Может, где-нибудь в Японии или в Силиконовой долине было бы еще комфортнее, но я уже боюсь туда соваться. Там свои ведьмы и колдуны, прихлопнут, чего доброго. Может, как-нибудь попозже, когда окрепну.

— Прихлопнут? А вас вообще реально прихлопнуть? — заинтересовалась Кристина. — Нет, вы не подумайте, я не с практической целью спрашиваю...

— Меня как явление можно прихлопнуть, если отказаться от всех технологий и уничтожить машины. Тогда, бесспорно, я исчезну, — Техноген поднес к лицу чашку кофе и вдохнул аромат, а потом голодным взглядом посмотрел на бутерброды. — Но маги могут снова лишить меня сознания и превратить в бессмысленный дух, инстинкт развития технологий. Знаете, на определенном этапе развитие технологий становится неизбежным, не требует вмешательства человека, человек становится не в силах постичь уровень технологий и все такое прочее... А я не хочу быть бессмысленным духом. Мне понравилось быть личностью. — Ну, — Кристина даже не знала, что здесь можно сказать. — Конечно, вы можете остаться. А в чем будет проявляться, хм... то, что вы обрели личность? Я имею в виду, для людей. Что-то изменится?

— Если я ничего не буду делать, то не изменится, — заявил Техноген и отхлебнул кофе. По лицу разлилось блаженство. — Ну то есть, если я не буду вмешиваться в развитие технологий. Пока что я и не собираюсь, а там посмотрим. Может, изобретателем стану, как этот... забыл имя. А может, так и останусь жить в Городе и устроюсь на работу. Будет забавно. Опять же, можно сколько угодно общаться с красивыми девушками... И он покосился на дверь, за которой несколькими минутами раньше скрылась Лера. Лещинский сдавленно фыркнул.

— Гм, — протянула Кристина. — А как так вышло, что Техноген — парень? Это какая-то глобальная дискриминация... Технология ведь женского рода!

— Да я об этом как-то не думал, — озадаченно ответил гость. — Сектанты говорили обо мне «он, он, Техноген», я и стал парнем. Если бы называли какой-нибудь Техногеной, стал бы женщиной... Ну уж простите, пол менять я не собираюсь!

— Нет-нет, не беспокойтесь, никто и не требует, — поспешила уверить Кристина.

— Ну ладно, — сказал Техноген. — Я вам, кстати, подарок приготовил. В знак моих добрых намерений. Вот, смотрите...

Он сунул руку в карман толстовки и извлек нечто, напоминающее наушники. От них тянулся проводок к очкам, а ко всему этому на пластиковом щупе крепился небольшой микрофон.

— Это гарнитура дополненной реальности, которая помогает беседовать с Городом, — просто пояснил Техноген. — Больше не нужно будет думать, как толковать его мысли или еще что-то. Он сам скажет все, что надо. Можно вопросы всякие задавать. Удобно же! Эй, что это с вами?

Безымянный подался вперед, жадно разглядывая устройство. Лещинский тоже не мог отвести от него глаз. Кристина с сомнением посмотрела на хлипкие приспособления. Она даже верила, что, надев их, сможет поговорить с неким существом. Но где гарантия, что это будет настоящий дух Города? Он же спит. Его нельзя пробуждать. Техноген уже пробудил его?

— Оно настоящее, — мягко сказал гость. — Не забывайте, что я создал устройство, которое меняло резкость всей жизни, так неужели не справился бы с этой мелочью? Да вы наденьте и побеседуйте с Городом. Думаете, не узнаете, если он окажется фальшивый?

— Я должен проверить, — Безымянный повелительным жестом вытянул руку. Техноген безропотно отдал ему устройство.

Безымянный наложил проверочный узор. Потом еще один. Губы беззвучно шевелились, произнося заклинания. Техноген мирно улыбался.

— Оно безопасно, — наконец произнес верховный инквизитор и передал гарнитуру Кристине. — Хотя я по-прежнему сомневаюсь, что с Городом можно поговорить, учитывая, что его дух не пробужден...

Кристина не слушала. Она натянула очки, наушники, закрепила микрофон напротив рта.

— И где? — пробормотала она. Ничего не изменилось, сквозь очки она видела все тех же

— Безымянного, Лещинского, Техногена, свой кабинет и притаившегося в углу за пальмой Злыдня. — Где дух Города?

— Город везде, — послышалось в наушниках. — Но если я появлюсь посреди кабинета, будет как-то странно, не?

Голос был мужским, немного сварливым, немолодым и нахальным. Когда-то возле дома Кристины работал овощной магазин. Тогда супермаркеты еще не вытеснили большинство мелких магазинчиков. В овощном вечно отирался пожилой хозяин — видимо, контролировал работу продавцов. От безделья он заговаривал с покупателями, отпускал шуточки и давал советы. Вот у него были такие же интонации.

Кристина завертела головой, ища, откуда говорил Город.

— В окно посмотри, — посоветовали из наушников.

Она взглянула в окно.

За стеклом, на уровне третьего этажа, завис мужчина. Тощий, на вид лет пятидесяти, а может, и шестидесяти. Облаченный в потертые, заляпанные краской джинсы, болоньевую куртку и старомодную фуражку. В уголке рта тлела сигарета. Мужчина улыбался. Кажется, приветливо. Хотя от изумления Кристина временно утратила способность распознавать такие нюансы.

— Вы... Город? — проговорила она.

— А что, не похож? — хмыкнул пришелец. — Да я, я. И вот что, ты с этим кончай — думать, что не годишься в главные ведьмы. Раз я решил, значит, годишься. У меня чутье на людей знаешь какое? Всю жизнь на заводах!

— Похож... наверное, — задумчиво пробормотала Кристина. Пожалуй, да — если бы ее Город был человеком, то примерно таким. Не думающим над тем, как он выглядит и как его воспринимают, зато мудрым, слегка циничным и очень рассудительным. И всю жизнь на заводах...

Вот о ее сомнениях в своей компетентности Техноген точно знать не мог. Значит, вряд ли устройство было поддельным. Но как тогда...

— А как мы можем общаться, если дух Города так и не пробудили? — в лоб спросила Кристина.

Город расхохотался. Он смеялся долго и со вкусом. Лишь через пару минут он ответил вопросом на вопрос:

— А как я могу наделять вас всех магией и назначать главу ковена, если я сплю? Во сне, что ли?

— Ну, — Кристина вспомнила, как обычно объясняли этот феномен, — автоматически... Силы приходят из магического ядра Города...

— И ядро спит, но выбирает правильных людей. Ясно-понятно, — протянул Город. — Нет. Дух Города пробуждать не нужно, потому что он уже пробужден. Он априори не спит. Ваш Юм, про эксперименты которого тебе рассказывали, пробуждал молодой город, который недавно построили. Вот там да, это могло сработать. А со старыми городами просыпается не душа разумная, а душа тварная, телесная, стало быть. Она состоит из людских инстинктов. Вот и получают вспышки агрессии. Даже больше скажу, душу тварную можно пробуждать хоть каждый месяц. Люди живут, все это накапливается. Полезную штуку сделал Техноген. Теперь я хоть могу вас предупредить.

— Душа тварная, — задумчиво повторила Кристина.

Зависший за окном Город (как будто висеть в воздухе за окном — это менее странно, чем материализоваться посреди кабинета!) кивнул.

Что ж, это многое объясняло. Но в то же время не давало полезной информации. При пробуждении просыпается тварная душа — ну пусть. Все равно ритуал пробуждения запрещен, так какая разница? Хотя магическим исследователям и самому Безымянному это, возможно, скажет больше, чем рядовой ведьме.

— Ладно, пойду я, — напомнил о себе Город. — Смотрю, тебе не до меня. Да и гость у тебя. Как решите там свои вопросы, можешь снова меня позвать. Ты это, заходи, если что, — подмигнул он и растаял в воздухе еще до того, как Кристина сняла с головы гарнитуру.

— Убедились? — нетерпеливо улыбался Техноген. — Вот и славненько. Надеюсь, вы меня не выгоните. Если буду нужен — звоните. На любой номер по выключенному телефону. Совещайтесь, не буду мешать.

Они сговорились повторять друг за другом?

Техноген еще раз улыбнулся и вышел танцующей походкой.

— Куда все разбегаются? — проворчала Кристина.

— Я не разбегаюсь, — хмыкнул Безымянный. — Видите ли, гарнитура не дает посторонним слышать разговор, поэтому я буду просить вас пересказать мне, о чем вам говорил Город. Если это был Город.

— По-моему, он, — вздохнула Кристина. Вдруг безо всякой связи с происходящим ей захотелось мороженого. Похоже, с мороженым ассоциировался сам Город. Прогулки по улицам, фонтаны, деревья, солнечные блики на стеклах — и мороженое, без которого прогулка не прогулка. — А этот Техноген — прямо милашка. В чем-то должен быть подвох.

— В том, что он преследует только свои собственные цели, — сразу же отозвался Лещинский. — Не забывай, что это он менял реальность и устраивал нам тараканьи бега. И молчал, пока мы пытались остановить аномалии и найти его чертову машину. И он бы продолжал, сколько потребуется, нам просто повезло, что он набрался сил и решил прекратить эксперимент. Пока его цели не противоречат нашим — он милашка, бесспорно. Повисла пауза. Лещинский напомнил обо всем, что было и так известно, но... Но при виде улыбающегося и готового к сотрудничеству гостя об этом так хотелось забыть. Было так приятно поверить, что Техноген не враг...

Он и не был врагом. Просто еще одним сильным магическим существом. Себе на уме.

— Хорошо, что вы остаетесь, Стефан, — заметил Безымянный. — Присмотрите за Техногеном. Нам понадобится вся информация, чтобы начать разработки чар для противодействия.

— Вы собираетесь с ним драться? — вскинулась Кристина.

— Пока он ведет себя мирно — нет. Я просто не хочу оставаться безоружным. В ближайшее время войны точно не будет.
Она покачала головой. Подтекст фразы Безымянного угадывался без труда. «Войны не будет, потому что нам пока нечего ему противопоставить». Маги — те же люди. И как все люди, не могут жить мирно.
— Я постараюсь с ним договориться, — сказала она. — Он не нападет.
Из угла донеслось одобрителное мяуканье. Секундой позже оттуда выбрался Злыдень, потянулся, вспрыгнул на журнальный столик и начал как ни в чем не бывало поедать колбасу с бутербродов.
— Думаю, это хороший знак, — невозмутимо сказал Безымянный, наблюдая за ним с легкой усмешкой. — А теперь хватит расслаиваться, господа. Нас ждет работа.

/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAAD//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wIChlci2luZyBJ
SkcgSIBFRyB2NjlpLCBxdWFsaXR5ID0gODUK/9sAQwAFBAwQEBAMFBAQEBAQEFBgcMCACHBwcP
CwsJDBEPEhIRDXERExYcFxmUGhURERghGBodHR8fHxMXIiQiHiQcHh8e/9sAQwEFBQUHbgcO
CAgOHhQRFb4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4eHh4e
Hh4e/8IAEQgBQQDcAwEiAAIRAQMRAf/EABwAAAICAwEBAAAAAIAAAUAAwQAAGcBCP
/E
ABoBAAMBAQEBAIAAAAAAAAAAIDBAEFAAb/2gAMAwEAAhADEAAAAAeb66+zbdb0hQ3fb9C6
R y+7sSjTt2KRQAbJa4JgisNstjpn40eA+MEOA2H2N5mjr1mPz9ptZwbJPrYmyC57e54cSoR7/V
wZJpNu+EKN8jldFeVWskiVLKbhMsFc9vdb9wtgudLLterEBlvBN7Rlp2PWFFP7ZWVWwMsRhu
RhvySfNPscn1XrsUc3mbFB4/dPW061msMwBg1lsjq5ZPWcyOWJhmyjsRj1JTHM7zsojXiJY
sBjGQDWgValH7x6cugbk0nzz5pJ9M+WxpYxnq8ygNXc0cHqd3JbXV+fiVmTSbplmhn3PNd6
aSV1veuMdkk2vEtnJidgXNWxMia4+GaKOqgSV4Ja5+cZk1sfSqtXxFulAM9EvWnulBMMNR0
RkDRk3zq7tRKY6prnzta8qIO+IOv8AbJj6PPPhaOLlca6to8jGEQ87rsg6SNiDZ0t9ZUt
rWZRTUKpymYcyp7kDiYM4gLU14MJ1e2khmavE5z1EOM2WpUOTqFpLcOT9DaTbA0ldSr2IqII
AZ5blr12rSiOB+WFy1NsXrl/L87ByHuDkWBltF4E54zLUfZ2nikRaTLrrKKSMJ4ddzUtPxx6
bPYI2eN2kKxH5evrhXCqvnVFve0wOkM8zVVkyA6JN0Ge+e9CDbt3EukoQbXCC6FmpDcj6nk
nm6KJ2Zd6EU55cPiury+ORdcj518xUnejh51703dhU5LMG84ah9J51nVAZffZ9miqN6h0eZ5
tcq383x+RiXtZ6VuKev14OG+erjIvqHP/dC49jJ+rIfguQvhEOKm3Sr88k0yXzbXcfa1bNVB
2EHoCUM5TpX6EH0oVXYwHb4vRAJIF63M6mptSzMy09hnKB+ppHMzq9QfWJfSYQhtf+gja6V0
CKoW8NVi1q82rrh3mrzh6t5UuqZIssy2TUcftDyvrIUVLB9D8yzzLXTaEgHW/GzGWRUj9ql
H0E67vRecvZ04qdJSevK/rtYx4GdEcB8c7Fi8yqkqTwbowEZEfBfsvlwbflIdMiH5n0ynWuVO
98/v0RDZPe86Cvtkxz16YmbyjoPuO6V7ofN2MN64tWy/Y4KyQuXvFTtYKQstYmONxDI9FLG
Xh0uv9XL6251EATAz9EPWuV7+VZLrrQxZUytGZrGWjqxSq4daqzO6N62OsS09IIVgt/P7lgm
zTy7eizvPQwi7AacWOEPN71aQRqT916wEczUTYhD1CC346Onaq7MX08tztmjvbwFXY0y8Bht
0arLMtTZNLCOJk1Re2ob0LbpUosgt9YPSrK5dXl071cdA724qSqWV9JY9mzTLQhQ3bTs2BS
DCcBnOejr4RLEup0BKrypm0T2XSYMgR368eMKOREbh414K8ESd0QBJw0BY1x27aQbUzyax2f
TU8998JoJaHKC0l7PNoWnB1Pbponi01LJ9SGyWV9PS2aO0FGXZHPbC5hCGFgHLC7q9yGHAFJ
jIDrflTQtTFQrAvjpT6iWG+FeHWMOLelmkYxBagq3aF8xfQYTFmUdGQ4o8JqNcjPeDcARF9B
TAaWScjTlNeG+90ddp6BrjGja551FUKFSvCQtmYIkxfK8+hUHOS20Ydy9odDbGt17UVWuIwA
G7DYI3LWqeixSzKx+t9BE687QR1echW+nUWWUg1GtWiBzTNs7sMTMtM0rmoXcpcjokrwYB5V
57RzwtRmuGy9BxE9OD4nTLrc1SB1ACO6XPlcV9ljsGc8dUq2d2oX6CGDTolI8wD2miRMwVt7t
3+bAx9VEwkUjVLOghVnbPP1jns6z6nZ5kwTN6sngFsgaaxXZ5xaOQ6atmJouOF4Ta/rReQ
QPBLsKOr7p1/RvJn55v7eaArzM3IMzCHPMzPS+5mesyZim6R5m5FHmGHmuYWeZmbmuZm+3zM
zfJMz2zyZmFLYzAb/8QAMBAAQQBAwIEBQQDAQEAAAAAAwABAQFERITBiEQFCixJDIzNDUV
I0FCFiAlMDb/2gAIAQEAAQUCAWj6CUflkt3dpKM+8ZKMtrXJF0Yo97lXKmMuZMZQnqopkyg
pN2hFNFN4VgiKFfyPVkzaw8oDiBTDLdgp130OoHwJUDNUhjkVeIUWqHrUwsAdCv56vVr8Y
ateQalMMnHWFyRZMosost00Ipo9rkarS8NHZd0NtVDs3H8FXgJo1SFgq5CDgGMIIQp9nLYF
smnbV4oi+woz4Y9h15y3aJmUWUWWnYUuzdm1Te619TIfZBbUb7mf+RqDdwxiVxRrSigQOU2
7yhotrrY64pNFoLYmgowdRitEJkzeNuxLNMOR9MTJgmtidNo6gofMJ/Vv1juUH7TeLqL95zj
BmtCd4M8h+p0/wA0W780GhDWUtdEJ4717dGTJkyZFM8k7uhOozICQJNOMQPXj+ZltjuacmW+
SPYavAtmRJ0zC5A5EoxjyViLDvOhkabEJveLp3UZpp9meOjKKiyJHQLNucdUsmkIg5vVPxY3
3aTqPu3hLTV2dnzBH8w81CTqDE0HNQ1dqJNpU+1pSd1CS3eDKPZ46u82/aB82KlogMrEndhj

0s6d2b1RTIroxogFbPI5QxchMVjIu0KgIxZFyVc43Vd/W61U5d4yTEUVFRUGTR1Zh6FqTsxj
UuFnShaOaZhcQP7R9/dMiLPG1m6xjPywuGkXGxOSvapWxvB1j4bzun9t3qaS3KPvBm1iygyi
3YjcVqJoSxfT7/AEcYomLI09E3umRFm/v3WIKwrFAdQ0XshDkLDx4RaznSr+XC6dP825aqLK
LJmUGX8Xn0QCF4sWIo45Gw4wQ8NO7dloiLO1ZunZV5bZ4szwazcPy3rNhsbiZbbbp/Az99Vq
osoxUIqUoDYUqGyxtWeUxgpyrFo2Kazw/LYcFmY2DcHJ90NrEgoyjJET92zFEUB7VRMQTAYk
INmMjK6Ss+0jp1oj/UTe0Y6lhoCRLpXUpO7rohtKHUNbH8HTXkJVuuC6nZMoydkIzqn9Unhn
DswH91UF6Ci0i/zi9sRQ21y1W0dlb+t/XdooMrEtxfHoyDPiOrDDFiekIh/R+qS8mZbwZQWP
9w1OWGRgIKvk5LgG1lQgF4Wxx2Gg8Xjq6oCmADq3DQ1uLcj+zRd1brSrVX8XXQ8tcP1oSUsI
0ST05InLko+EVBYYiDzsR7xy0f2cjWlAlBviKlQbKVWMO5HEyeOEw0ntvH911fgrrfuyUfbJl
3U/H+OgSa1+sPzPSJWCm1dDbxgsWDgpi+3zMNcaGmK5ShghRKEOyLRTw7Cjonbu/y3W+FK2+
UxwjFpaK/wDav/p0Qfjy3VnfOY+bjq1aEyvXxVEdW+KrGWixgOe1YloOLaV5wYIDpz7LRael
J1/Wtat5Ow6twnEjMJlkn+FdCq2CxIGUZbJ8eKN5bI9S+r00B7iUgs0ZR9OWqNjiw0WBBsrZ
CTwrT7CqeoGD9Kb/AEZfFqBPHwvnKGzY9Td4rKv+wPa55uIYcqavcrYvHDLjrOJJFx0bE7AM
WMdamaPHYdsiZmC4nMaNfhDfbVp/Sxz+p38pma5Gmzvo+vhFXZaAGykyy0K++1ILyL3lIZN
x1psK2YVbJAxQvMZKFglShYhKyTHBcVnzLSDbsxpWLT6FYdq45pYWMRhjaCVZGeton0q5OK5
mqnmK2JscjybVvCKyctEP2d1nvtJe5ZPuyMv3l04TbkMxVlWvlrBuDgMleZ2O9mvmVCNye+3
lbbWbMvjLVaGNTU4zjzTNIS2Yb5NvnD6U/hMwGW6Em8IrK+q5FSdZ29wDx0W5F2ZkgT2EJVh
ftiy9ZqxTljYgYU4Ft5O+4qsfacXFOJ68gXtCjCWYzMpANjdsgQKzr11WODCWJEE6f3grD6
5ZnZTKrsndW2fV37n+ohtrKrKRYFOctyjGTpuVear9Lt2ZWTRUFgpN5QbtKGdoysikKNqLRL
JRAtk3lMlr2IoIn5XVEmpF3PfkN262PnVRtBAjtnOoIhHl6khEhdLpM6sNJmio+0XWJNsP
XnsnyRZq4hhTM3hqr4onr4s8il1yuoOt2t6U+x59tyuSTz7m+ZU3aJsPCZr2XO0r3Tkn5j98h
1WFnEyi/aLqD965tXxluNqw0tW1dOTROaKebOpyYFgsu0Zdml8VMnYxE89FYfVnaSL7J105L
ZbulTb8RNxQcpZmyVcpsX7Oyi6i/eJfhqZXpZCBUXFM99pAKac9zMsVfj04WWKBidoEfcQiK
TvMmkiEZb2Um9KdUzcB6YoSWnerPa9t4zrW4tGyyZ0zqtLUYghYQD6R532DsRKPIxiJ9EFQ/
o5O0J9iETkRpd38Prt2M3jUMfy9a3HgqnHtOUY6+RjFriZ1qqEv3oG9Ngv7b29CCKwLDnW+b
r0MiPsMU+0cD6xIVk8lN+6dn1hon1dM2qiy6fAx3sYogxRgYc8dfBKvb1ezp2TOgkeE4u7qS
i+kIu5Bim8W5E5EKESKEscZrYnrFjryNPVSfVdlJ9HgokgyxI6x5tksKypnxG9r9SvE5YWZF
u4oLiygrkiFHq84p3UPm39963aqLrkW9SNfnnP8A5LnjNXSclF39T+7utVB46aelnkyDPbhm
msM0rFq0Qdcql8WxLety1TSitUGUDXKzT5GXXKyc/fndczrfJ1hiRJESJPclsx+5PJblqo+z
u8mi7s4zQalDWUg1noUJEIOS913TqFJ5Y09Lgx9Kqe3PL1QU62qq0uWlBx71xJ3VLElPD1iM
eg96N+J7WQJiiCq4uo121ZwNmCyOOalXhGTUr8618IQHQFg7Mnu5Wu9a6tHzfzUA9ixJqZj
GAfLX2rhrxMlMqYFnDDIYlclncZslYbTXD1hmuZPlbjYqgOrG9ZJVWkvWCVLNGuQkEQcZR9b
EvVzXLli4OM6xpAPKGKsux8ZRV087BYSeO5PHXq8o4Qb2SjKbVVLrkPqGLTKbJ3CGp5Qor
d/JGtJyTVdKexHdvmLTUVbhKZrObtFVTJW6yISrJ43KmoxtZa0djXrJYiu2R2rVyza8cbUe8
clWUchkMPOnWBif5Fx+Oqvcs2aDhv5OhKggmLnYpYzFSuhl04fSNYnnMpTlRL+gk8vjQrxp9
Ny2Dqke7k6b0TywRIVqOFnbq/wCOTRseaN9um32X6hqR49Okk1/C2aYvHpv72qLf1DnX1xID
8B07+RyP57OhlYs500a9Pp77HFZG4e7kPz+VFzZcs4emByeli8jcPkLzN/kGSFzZu07PW05
G6JZm1Yq18CUli7ZyNyGW6n7hy1gl1alJLbBmPWnh0398w/Kq6+vT+DHAuKBhqtEmR/PbRrM8
n6j01p5MFGiCVjm/yF67vfql5gtKTLc1K0Kc5G1lD5d/1CuXmp1/uOpPtOmPrXPzfU3216Io
9UBV/Tsd4Oum/vupDu1K3/8APY/tgen5SflZBv8Au5C49UnUdfdHp+PwOJhOOTyI9cvkCuKl
hG/5mEp1D1MC7xyV5v8Av5M7io4j8PW+46k+06Z+tc/N9S/b5KyarUt3rdtm9+60XT0hWu9R
mgSxZIH9AozD+h4CO29cFvzOcruZwA58Xg6chgbGVQNbFII/OwedfFi48fgiNXnxYqu72YWM
31HYE4MUQMCRX+v1EQEQuGtDq2+PEKJnrYrBs3MM6DNo8WZIFhLTtonbT/RtVGSFNV7jCVjL
FJApnDsmnknf/wAWbw/rDtJ4SIL+X+m6dN7JvMZQ8X9n8XX8N4x9v4b2X9I/SB8xPf8A/8QA
KxEAAgICAQEIAgEFAAAAAAAAAAAQIAAxESIQQQEYIxMkFRYQUUMyAjJDA0/9oACAEDAQE/AZiL
2eKDaZM8Uy8y8QntZ8QzEAg7Q2YJiYxBNoWlrwQCHAi6scQrjtAg+46g+mCloyZPM05lJg5
gEsXLASxFTygOy5h7M8RrS76rDrV6jzF8sy2KIyRVmJgGW+nJi2bDgdt5wk6Lm4R2bJUDmU2
mwxc32MrmIqQjEa1QY/plQFq+GNWYwqYy7LiJu1b5E0z49cyuv6xFlPZc3drxHsZvOPwIwY0
YzOjXWoDsvA0MRgx1EQbWYgcA6z0HmW2tvmdK20xOtJyAey70zH+PK+FAGM6qzVJUdXm9K2b
ZxLesO2QY/5RzWVm2Z+NblgGZ+Q4eBgYRspEpXNYE6jqedROncMnEtf3EB4zOqPjmYYk6Bn
2KrFHE/KnLcS9xqAsozoCJazp5Rq+9IIHnAv69X3KQ23iiLsjCOouq2HnFGY0AxVOj/1AijU
YI77OSYUBIVJSFNvCZ0yZfadXrp4pXZupGYFFSbCdOdGIb3lqd3ZiN5Sz+NROm4cGLZkS31G
MMUZILE15j8sFlXAnUJuk8VT5Ea+FyZb/crDTHhjjgSpOIj4WWnxSywlnZUp11l47t1MraZl
lcKYn6uBmlmeJ3eBHxmKMCM+Iw27KjkTqhZKn4m8sY+0ZMw1YgXEFbHhMYxmiw14g2A4Esw6
4MTgTeAwNC2exyFwI/hMdoTAZY+cYjE1qMzYmbTtXTZtcic4t5Q2uOIHdvKDNgx7iWMWbiYcj
IEYFfOAAjiAhOfebh01MxiKRnmNcrCNchXeruQHjyMCYlVC4E75QuFhuBXE/YUCar7cnIIKB

3CmDpV1ZvjMNCgoPmHpxhse0Xp0NmKFKFQw+YnSKWb6i0phc+8PTDB+cy6hKiBG6dO87sRqE
1Yr7Q9Km+g7Om/IEc+pfqHGa4mBsT8ypCvUGAbIPbBmcPiUoUcE+8qXXbPzOoOdDG/6hB6bJ
fYKrM+/YjFGyJ+w2Sfmd+ePqd/kefMWwn3isUHNp2OcwX4n7DYI+Y1pbH1GuYvvDeSMSyW2H
JgWH+gf6BBP/xAArEQACAgEDAgUEAgMAAAAAAAAAABAgADEQQSIRMxEBQiQVEjMjNhIHEFNMH/
2gAIAQIBAT8BmYJZaK8Zh1acw6usDMe5VbaZ5uvE85XDq6xBar9oTLDxCYOPAS+nq45h0Ge5
h0H7j0b+czyX7nkv3Do/3BUFORHlp4g8QYzMIj57wcxllhEfjN5HeGxYwlv4gs2+3hmKelbT
mVW5fEWGGBfcm3do3Mr7Yl68QRcYwlbR5Wv1Iphh7yz7Y20gT3xFXaJclVjNN2ZVU0sERTX
3iWCCwGFuZuyJYSpiAgZMaW+FS9RuYqKvaLCo3ZlveGI2HEIPeHhY7ndPuErYGXceGgzsJPg
sP3SyGaerqWSwcRnO3E6BbvKqWBxniFNmZqoOZovsm0idpa+3mC45hfM0Ve1M/MeKsYRcZmo
7zV7QATFaf47hRmKfVzLz9Q5hZbGxNhQyqs2WYiDHEMb0tLCViHmWeq/E1KfTMAMrXauIr47
zU25gvAOfec7OZo/y+HtL1yIPWsT7oozcTLxIClqRO0Q/VxNf+ppahjJlglDbLJ2hMaL6Wlg
/JKx6yYwyRDX6ovaVL6901RBXM0j7gRHEZZp7iw2nweyFucxeXII5PhjmLBxLqzNMdpXCIU1
FeOYYwzNmYiYOYg4ijjwPEfVHdtVYNURhb2MVzu9PMqsduGXExFmJtmIqG7cc4mmYvXz3g8a
k27iZUo1VpI7CLUqjAmJlq84zDcgsCe8d1QZMRlSGVljPwMtHdaH3ezSmxK1G48mPqakbax5
ldq2DcsZyjc9od1/HZY6NRb1EGQe8S3f7SzdT03vE0lqN6ZRpbq3/wCy7R3kD1ZIKso511Fj
37sZEXESObS1hyIukZbSwX+p5FzkseZVpyFAealyIRYR9ZZ1K1HvjMXUWfBT8RdU+5MngiNqb
uibP3xK770YpYfbMs1toRMHky6+8u3TOAsGrYsue2Myi/U3IxB5Eq1Go6RtY8Sm+9XUWHIA
Lq9SF6pPGfDWFgaVDIRz8iGt26pVsCWqXFYX411ofRiLmqwgnORF9VW4/oTVsLkZVONsuYnZt
9xNINpsEX/QMP5Kf6mm09tyYz6c+FqdRCpnlF2qvxPKABhn7oNhtZTntH0mAV+YNKCCwaL6e
zMt0HUBduxmeTXerfETThCx+YmlVaul7SnQCTxbM09AoXaJn+Jgg/me8//EAEIQAAEDAgMF
BQUFBQYHAAAAAAAAEAAgMRIQQSMRATikFRIDJhcYEjQIJywRRikaGxMDOC0fAFQ3OD4fEkNEBT
kqKy/9oACAEBAAAY/AqbddrfRH2eG2oQPJHd1y8q/sz2OqlfJOI3NHC34tvmmoYvJ7Lc3bX3
k+VzPbkOc11eQWCBjtJHV9zcrBez75dnvrdYjOz3y2O+iayVtWusoIHD2j3cSiDWezcDUVWH
zMq5zxmvyU4dHWMNGUVKiidETJKwuz5tFE0wHM+Ou8qbKMvZbd3vqVDwWINb/sGfZS8jLxZu
u26uvRNsveU5nR5/VQwFx3hgIy06rBwAOY6O4WFjaaneXV/FNzEgmVxFteS0s01UOIPIr6K
NzCXAE3oh/iJhpc1B9KqGXkxCo/+14lC0Ld2/Ya7agNG1vmE6/LsC5rzTXh/EeWwrmta7Q
SNdF9llztZbV22p0TeK4R4XXCse3w1XkquIC5rMLtQF074K11RZQy9LqgV9VrdXPap7vTbq
qhZ67LI1dy1CsV3ii83PILM4r21cvgjHG/gPJGj9dbLjaswNVWGHl2dOwT4bOfTvk01Wf7P
J/4pwwWP8tvoh4hUOqynQDZZVynZXkEBYoyxqF5bNdoLTdVKd5bNECYwT5K4U7g2jc9Nt9jQ
B6oyu0H5ovdqUGoFwVMOXs3Ch93psb5rW3Y0V+XRODb8S3gw4OXWhut+IHOOaUGqynCUR1Ko
Rd0pPZHkmwjQXOyoQijknB0rnyhObI52fLUZk/hNPLYOgue3fTsZ6a3TiwDMbJx+++yqdOX
Zan+n6bKlCTdMzdalBxpUURcdKKjBwpsqHvnXYf2LCqM05oOaJ9a5eX6qswynp2moYhjailH
bBVWVKpkjZTm69U50z617py0UZ+9+yq5wC9m3MpXim+ZJwjwoLIskYbcihuYHvIPIVTnS/vZ3
NaB8PP6KmoXEMqz5gQtFYVjYtdm/iGXqNGoKhccVUGBuVgQPQ9g7dFQipVG0aqk12SHrIvte
JO7eLZmjveCLsIav9+ouFh4ejS7sUsiR0Tdm4Hedc7BscdjXSzPfXlyXBrsd59hx8ewD981T
430rLQMC4e/nOfz/ANqJ4+Bob9fr2T5IOecrU3Jm8VI772wHet9VwStd6r1VBzKihe7MWMug
inqmx8ppbTr2X+Ex/QKGM6Mjr+J/0WLZ8p/VYiTrIadmnKl9lTbiH6reUs66YDa67guqZV7M
aIs0w4WXp4o+IQTXeidtIB59nFRdHNd+p+y/ywsZldGxZvwVTr2cx7z7lAqV4+GqZmoVpUID
shPI1F0T1RrWi1Xr2d1yLYR6i6l8Gt/RYwc3xBv/ALBUAK/4gvdJzyqmGbOP8SmxjPd1d5J5
GiaBPBp1Cj00ofPthELRoRjc1lVxUJX8WwOZC6h08VRzS09Ct5lOXqoJ+THgny5rEH5f/kKn
LmrK7VnDeV/DY6c+/YeSkp02OCxEPwTH879px6BAVFdj2iSgquOuZUFE0eKaH92t0zESsjZu
6ZGg/gnSxGsrZAKHW17/AKKMcBQ+PNR3VZ4C0x+J0QlxbTkoAXeQos5ZlrFCBGwxudeibEy
5caJkcJpQUvzWRwpU6bJGp1bMmH58vr2j42QVW6psszSa2Q3LS1vitUweKilcKhjgVJNBibt
bxAtoo4y4Nqea/s+JzDZj2uBt0RkMR3HMprZM2VptVTNpnLBS3UrDYFkdX5anzQJbxuRKOLe
Kk2aqCQVUTa6vGwdDZZmd9twmu5uFx49mFvWtbX72zVU6DYI3dyQZXDqt8zhobZeqhnFHCLM
Mo6mi3ErDSWRrqAWCLi8ujlPA5ru74f10W7xEwMslXjTsVN3jfyCJYbDYyKa2v6o4nBurS6
wr6n960Ob0ujDzVBWqDT0VQKRyH8D2cIz7xP5bcviuew12Nd0NVh8VveEi7epCXTqRlumb5
oOU1GilKDPIHJR4ur7qxtoByTslNSWHgNoke0OymgBXPPEwcmhihfKwNdnv10KE4FuaGJvxd
3Y4c+Syy77bO8+wwfDFX89tAjUbHeewBOWUUm7170ZPVBulkyyA0f4eCzOHDWykDO9lq2vVb
/GQFjtMhRe7bdxGV2iqNEJlqZ2GvimiUva3veKADcrRalNrZf7ubhd4O5dhzukQ/U7XHx2d7
azzTXAaKgcjvULgF7M6JmFYQx0zgM1eSZDyHYDCeFy7litddEWtBoTW/YdG7mssn72Phf/Pb
LbQAbCjs02iqzNaDfntq1ycNU8ZbU7/AFUJytdkPqs+X17IBKlCHVuyy7b7NU2cEBp4H/Q/
112zmVp6bde1UuTPrxgmpNE4yPOf4VwRBxVHUEmW/NU17Ae3VtFG6EUDzx35bXeyjcK/EuPC
CMdS5aBOY7TXVCQGx2SH752nZdGuu0SjsZi4HkUatjyjmNVwxg+Ke2+ie1ulew9iHAK01og
Ha1onUu4ck2RhqD2HMJ7ryOmzzNezoueZUKzAjkvDZu4vduVVxqOfmoRUe0TnyGjNkp5Y7Mx
xqD2PTY8DvAh4Ucw7juF30RFaMfdoXCK10V5KeQWbU+JQPxW9UT0CFnLXbrsP9BVJO2WInLw

1qi6J2cVoU17iRI0W7Lw63NS1AHEbDRV225rvOA6LM2tfNOi906LK/Uc1TNXaZZHUjYt09kj
K2DqrJW05FOK8dveorMBC/csi0T3zYdjYmC91kGBBHXdhyFkbHeRaspYL3RkMETYvicT/NU
jwglD+X5r7M7BMDXfeVoGruBaIdi23wWe9nXVK0UMp10R2WV13SuiyqanN9P02Ae6ziKM2LO
eU92IcvNe0dbkBoNldhrXwps4608NuqNLKxVdkmDkNpBwoxu7zTRYaM6ni7N3O9AuJvAlqeB
1cziC2yDRz0T24d0Iy5i7xRc8kk612eCtsfjHSZKHhFO8o8TJJR8hsynJZYW6auNgFDCKOx
FaucOeyXFSP3bG9y3eKhL5RvpdWU7u0PkIbCHCqR7V3ouF3Ew2IUM01MPN77T7wRjiheSOFr
cqfNJPGHsFTHqhE55YylXOAVYXslGegHMDqUx/2kSOcbgN+qtRPjz0IaSPvELXYMZ0yk7h7O
M/qntldUzX9U5tOE3armivsbENSfwTcFu5HNhFTQ0ajk4cOzhzHRMibZjRVrfiPUqQi0bTQu
OjQoC17I8NIAt3nJufjhjFWR/UqTEvdu4h7ztAOmzjGZjOKnVPhwTXOkfYvp+QW/nZvJxcNF
8n+qLy+mLl6f3beifLi8Qd2LWC+zYOliKtT4+JWZg3kxtX4ncgm4LPWR/HiH/RGo3OGitmdY
eKDMNCzdtFAXNuU2VmrVnGJdhXHVpbULNhw7FTcnOFAEZZXZnFBzDRwNQUIv7Ricx499qzCX
ET/d0WaOIRM+EbN7GG11KXCfI0MkL9c4TzD8WFvdDdAjiZh9oLhQ5istGxx/A1AFxoNL6KRk
kIxGfm4oNdlbGNGN02b2OhtQh2hRyiOL5Qn7t4Oe5zCqL3nM46IOY1jHtPJyy1bEz4WCiha5
/wC57IF9pZM7enV9y9vKXeHLbuhl2O1auX2MPBNQM3JOMOKifTk2q+2falwKE5KGq3IkBgaVq
5MwhmY4v94aJgMzJc3wr7UZ2RMHI1v4p0jcTHHR1OKq9ni8M89KkIYV/s35qGvJNjMrZKjVq
3xxcItXLQ1W7ioKd5ztAvZ46Jz+haQhhH+zFW1+SERkbJUVq1b04qHSuWhqzmz/aooWEtQr/n
sP8AmhgyJXnmNffHxB/TKafit1MBXkRoVX7dh7+32eKaMalh07DvkUsh0jFfyUhh9XX8Dv
qv4Vh/T9SsLC3VxP0TMJHbMKfwp3zoxTTGRnKvJQHRt6rDR9dU8DkFK9ra8d0WTT0e13I6BQ
HqP5rDs8Kn8VJTtFHBHiHNjzd1Mdh5TGSbkKwEXfJlpVCjszhEHBuTIRQu51W8gkMbuoRdi
HZ3HhJ69h3yL471/QBAn4G/RRxvzUcCLarfRuxBdpx0osP6fqUHZfaAEByk3np5J1R76c
/DRjOdXb3NRN37Q05rAaUQxBFmsoPVYI/L0aKxIUc7Igzntu4v0/khvmZHB1Mo5BHEEWEdb+
JWIk5FzqKP5go/mCl8gv8xqi+ZbpkkbD98pwl1+W7nN07DvkWWt3Gib8jfov4XfVXcTwqD0
/UqFtBle7jPgo8QOXC5P+ZNpzsM5PdXRtlJ5ISPnhL3h1jmosorQg1WHPH/NSOro2yf6qP5
go/mCl8gv8xv0UXzLeQPyv60qgMRO546aDbZOMkrIxx1eaJl5GyNaNWmya0TxF+RvBmuspx
ElfldwF1+aBe9jG5dXOUMjJInMFKuD7KLdSRPpXR63U0kQflpQvCLZDEDm0zreMijYetUx4y
BjTqXhCOKSJ9Tej09r5YmuqbF6dFiC1jXXDibJ08Zw0bnau3ub8AmS5gyIGLjyTl4p45cxv
kdVPDsREx1+Euuo6m2YKMR4iGU5vcdVVKq13ChPRDFk4UyD3999E2OF2djNXdSqMxEMhqLNd
Urqqric4eiuVy7Wq1VQbrKXmi1Wv7OtUFQa9dhOZuq/BHYf+jOz0R9ENn/EACcQAQACAgED
BAMBAQEBAAAAAEAExQVFhcRCBkaGxwDR4fEg/9oACAEBAAE/IWUYspOsqj/Z/bhm9g6w
qC/gmH0liTmh20JbE2JbFHcQTLbjKA4toEqZm3P0obPTCyGGCG1TJMjFnK9pxRXult2zFq6T
PtAQCuzYoqhByzRmKVdU3cnHW5bgsI2HF1LX6S4Le4m21bJph/EGFrumlsBdY2q11FMrL3xd
EbQcwtl83HDIrbKvG/EZdEapffszdeAhfjUt7gxmeNS27nNsriEPuazKcQehR6Nnorlefy4V
m77QvVyxQrF5iJtWvecA4TMGyY64I3CJGPOoKuZ1Jk/iKIWNe0I1Kga3GD/mbLiljk37MTeq
Dw5QUctaLJwCviC0Fd4H/SYVuJepqhlyqYm322ErKItrGSUv/wCqY76K2IaG8g6ub4qXfGoY
hlsq4IJoHKNK+GUtrbge8xG8xXzDUNK7IwsRr2jtry+4qOheGYqvEUZbUAvuJm29oLpEvU6C
J0hj7+jgmOIQXddNIECptOh6GYNuouiB6gDiK1uIYNqXUogwb41DKqnbEYLURpFul2tyoc7y
iD51DF3A8Qr1M7NIQQ6XhqJ3oUiTRMNLtiRXgqZB8Ee8uP0XcQ/MGLY9VSFiI857wXX2ufMb
tNiavXa4khUXDWWAq6sACiWsr0WxZtie2v1A5MXIKsiXbMMAo0KSyU18mJt2RjwpwijhmUh4
r02IjLmBERfoNiG2IMWkmZnhK2/RUbZhOuqiWrxcWafdiVnEbhe4FVHsRkdDZKhMajFuKdm
cF/Es2xPBe3tF7CwGhrF7lwN1Ejsmhn06mrTThuHNTLCnPeDYF3PLKCDKJQLeZYrS5R1iYa
dgMYvdQ2dpXsJMTKdea6TABde7MrNR11TwDnSG3mDHILQtC8qHMCHM2bw1GWhsicVPd9fTAK
Q+YSym00PaHWJ8EC1zNDAqgszu0TI8Tz2mCCqtV+ij3lzVBvUo/vaJ7K/fomxzHTTqlmMnQ
YPE/vzHmKZWh017RaIe2Cb7WVluBDmZTB94gEbHiJy8RwSjE84S14O0qc8s1v8A+NVSQIIK
iNoSri51UCgDcVvgtehuWuqmEhY1K2XuoTDsy1Panwm0I6I8F6xuAnNCV06FIQWI6QczWDlf
69GYOpLghF6PSX2jN2Z9MIK6cl/UHn1dI2CFRIbkGrzqZlkNbhENmHLtDfsY6oGDx0ZkhUn
O4UMFYjOpIX6sQ41VZGeKB6LxK3Kmd5eWfTz9D3WlmdRdXBLRyeAcqGJhU4k7TCheGTfSpgL
zQoOH7SiE6DAF32Iv1EZnZQhVjH7JSlyO5rXNhrPMYLOPQoCbeO06ej8rPORMoY5Rqfdl+1
cpyjtjokuaXtuLkJ5WF7Z3KPwRV0wNhXCOFMwaVDqbp4IDOGjygfhmkaTWMxUIO0QuPn5hxx
1jqbflDggpUsH+4jaJ8pRKGvXGkNjcCX1k4nDMtQUQVIKyYMVNHRg5jolQ+H2P8A2Z9lyqiN
+0UM8vP2wRpv8VDRgQzeebF1pLissd17Szf/plRiCqL0StjUDGIXSGXgCMv1GAWaCmTHEvN
TRdyYubzLk2NtfMaCCLIxoyAiW1qPL66EqXS/bONiTul/hLGOCv8v1Kq17MNH0QY1QQYIUJz
PtHpoDAQiy0NQuhA/TKcWaMg0SXM5kGcc9Y1IjNv4EqN7w3HjEIMEUofdT5tmywXhiEsZEdw
nE3BWx6gkZM6ftnVa/yY0stbZeM5gYgmAsHiOIXqkuJmac/TMEAgJZzLjmFM3w0bfQKBOCG3
IINSYae0BCzoOIsKjeZpEDPwm3oQli/8YPoYq3SfR/cIOke4P1cFfBQspCzfHab27Nv0lgl+
l29hG1oalydP4iLyKRLap0DhhgZWVEghiEhdLEpmbYKyxQdQYUgbnKxyvUfuKo1RuuPbe4iMd
hTNQl66Jnv7IfpcoYwOY5EH3GzZ1IGK+0D71sINpFL0/Bf8AfxKSLfwmxjUfWRSUb7q+P+j6

mXn0d2RijwyWOTUKZkBi6ZahWdfJDh53IFbmQ7oyU6TEqC1KrLx/kMxZgWrYdrggi6jW2fbU
XXG3y+SDEmXlaAeWo4sAktYBxhWPMzQhg6wkAo1UqlMOUpZ5RxuyHg+JU12Q/Nuagqr7Lf47
SgXknimlZfoLy7nzZwMTI4Pow9HOl/7AE45/jLHhiJMUqYuZVDeGB/zmMN6/yFb35wNYPfUC
nodYRy/usHRSGQRVqn2cd5UAwut1/wBiXUAgu8QZ9ofYgptXExkzXSJXmOIR4jlhVT03G0bD
reSEa6xDsKZ04GzoZ/uZeJVG7R36XklzWH2V+GPB9KlegRYeYIVTEsz2QYFQXK0KmOiCoqh2
+5VCFI1V3xr7gNIHQEXv4+JjrfinhRwVj/0zSxgKoUTbKwX0v75jTFq5l2MBYy+Ueu9QSuqG
xbAheg29JdhY1UaZFKMwGVt8fzj4gEzsTnUUXNpgPGD0KmJyxK+AEsUVyOa1AJWjLikgpZRY
sHefw1FGjEYeKITf1F4zxCTpWjH8zedoaSvF3u9X3n5omXPAQoWPqbOD+blH9hbBi+0da61
ZYaqXYr3mOuAvG6OGCaxKqrCZkx1Y7Q08ifL/iUsegBTi4H5G4xH2np3dahGSpr4e8A9l4x
B94Qb4JfX5T4CXKj1cqc1Kaq4qPEUdjilHbuFtyGIAW1S4jAGPV0jOq4cJgtq7uUqHp6uhyP
fULRg3FiUXZowCXU7087SfGxWWjOMQmY7L9NQvaOKRBQXDbNUHTlgkTPI7JlkGpp2QLXVsYo
8PS6OT78S1MuLv8A39uIC9hywQs8mVeO3ScE9DKFLYJnKJm5ePcZ9LDER6m+/wBzY1F3cRqc
bbiJl+pVoZzdVrK6Gpb8ZW1qdKUclPxEKsRvDsPlzanswz/ADLCV7715gTNKyks8F1fMzyj
S7oGv++8CiAd4csDO4dpK4ojexfoX4UOOqitnqB7PQdyZh6MtYGCxma1NoNoKyFTPrkEzLN5
roJ2Uu3MB0LZo+alX2KOzmPHqJ7SvuDGaYU2ttfn8TFuWcwaA1XJPFfuFTkhH4CcYPaP8gop
SkumW6RsxXMDnMrGfyVMt2m58xVbZeGbWDEDMOzrAL247Q40YjFGDctxi71COQzABQm7i8u
WqHLCsJSjqoselni9ssg0rUKy1LVYe7E3FGzqghR3C03Hvh3bya88fcbZKijDjBMYIacnyf
l2bmbvPSJesrqvaYa2cdpaVE1OY3h1AY4bizeDcvaQV1EOHmVrLU6gJ9XAVUG0kHHoGcx+h
ZIWTjGVj6tB8OYDlo8Ly/JMw6zMZ3KkFsf8phH8ubhjslm3a+YOEwV3Gs/MUN2MCgRXXM6B0
mydhLfhmBG0vJjNCJ1RdrND6JlmSo0IdTTSIJtxxNggte4GmtTQzxGgx3W8yzr6BCwaL2mcb
C6Mpsp6tuJ1V8WOWaccoRaBg8ejBjmZPtlrK4wRJ/dnxF75/WJdn8V8RsGOBBO+uoVVoF3Qe
Vrv+oddE7LLI2FaMnHuN9tzWB08L8SsdxB/MAmc1mOxSK+omfsv1KBQd3qi+SLQUvGWdJfMF
cAnK1DRcIaMxd2xupTrDPCZ7zAG6X0uaHC/5V/kC2OiTYbm9s/id4hDo8TFezB4bTlb3JQw
tc5uYAtLomQUrUKPM4K2X6IL3Jdrx/PuXiJDXoXFaRzvG4jDSsFzOOBgS/kJnHO47LKIUDea
vAxHg8TIBv8Au0zz4mVOnsaz/doY+wnBBt/e8c7j+JpxKZrpulcI/wAczWODpUGKQmKisOh8
LHN+0G0nXkzEAQA6YK/FxqrZLLLbgWy1bLucqKHIIYqJNkrGql/NH/wBXVL6zL6bX3bHcel3D
/OniYRGsNat2/wATb0mFTzKrjUfkzfkOWEUuw47sXKMHqDkmmC3c9U79piWS1dHaUmOK0eX
VwiYyghLlooWk64DEfVOUQY4W/iWI07pBeL/AAt4EKatHK63guY6wVsNbAFfrzFcch0f8ueA
S8U9iilh+UyaS7zzKYig2acsZocBgnD1m3FoWAbTqy8zhm/Zf3SdhKCMXxANL/OIYy1xz1Xz
V+bg+t7UtDqWDLJCCQMnLgZrnbu/DFI/AQ+/+IhzCV7BhuFvYhlxuVfXI2+rxEwa6zzaDpBa
oGbmU514jY4cagNjrMETovdYkxZeeepLD7vO3bUMpnll1r+8kbmjpgIv2iHDNEoBsHqVv8Z
I36OBT3wRJV1HCRWR+4aHHtQY5Ubs9fMMqC8BP37xP1KKffEfVZXw+/WIGen+CLf8u30r3JY
HSehDIKzu0Kwldvdti+VYKLtBdvrmOLXacxQX3Q4eyRuWOif7KxIQoqu/mPANxlfMQw26UW8
E3L6Ra/Mc19QJRdA7Zv7h5umO2w5O8fDLBoX7cQk4bKvqU+AxNLU/UdyVyWiQ6+Y8tQg2BuC
QWAcu+JYuwmy+SM8yLGuJ1DX3KztFiO2phdi1UPeZCtYIvhiEmTdPhEi+ANb7xpjvxhqEC84
rb7E/wDP/wAynVYPtPYOGtD/mC7HqQTU6Ev+IxO4VfkMNTM8T7f8kAJge5B/sPtj8PSGjy/
U+tBota+hszt5hwP9Ym3ov1H766cw8QFTYT8xiqzLwG2dMgnDOF4CXNebshqjiEJsFJA9nwB
MEeT+IxWUU1S5gFomylMpsjv+xKyoq5qrs94BTSo+T/AJM/VDnq5kIClp3gNamXWNUVPsvy
RcTtTuH93EdWqL7xmDZ7y6mKSU6jx6Yw3nILQ1f4nf5R04Yg2IvZ1wTSnaDL41Oefs2OFM3Q
ed1/yVK2j8AAgNCdmCmAXmXFdUdyqCWUYP5jhsd+7/hKgb9gGCflus/vdGfzu8/s8T6D8MzF
8bQJix7qL0HmBiUdvmmfh2n3H5ljdXhxt/HopbA0yBAK23uTN9oNVmIW4cfN+0pnnQ+v7vFPN
/BFK4lvcvj0Ov9lmmZ8uPuUf1Yi4gBOhR0gVQAOSKjty+Y5mL3OD8+j/AMrrP5nRn97vDI+k
/DD2dBhwvDz/WIPgIOQviV0M8UuBdotmJe/rnWf/lYn8Qa64gOGcT2oN7ZiBxNIBEplnMVI
WNRNwzZWafxGxhNg3rpGDOcz8XBMEBpeu49APCwEG+sBLcR9oUhd0fMNfuHvQ1SB9WWWZa06
wOvzNVq679ogQAWLrcoTBZaMMBrUsX5RMvBMBZpeqZuwQKO12hzjE5EsA4Eao099SImOhecg
blqT5bnWYle/WeIdveO1XEHaVJa+YCYTmWyvKL3f5ivKM8+hfoxlQ9K6SgwWSH2rMKxAGVG+
0LTi6777zbMWWs99R/jxPvf7P3n4J+WczRN/b1ceodw2eSbMI094/qcE2eSPoDp/uI6/zmf1
eZ9H9TX4n//aAAwDAQACAAMAAAAAQz1B6zKXCXaRD+uZO+ICTXEyN5rXwjgOYKQxS41vX0FKp
PvgKvqCymVBD/wC3wdrOyGhEKHLPED275EmhT+AEef7v2kGN7XGNIy5LXRtdjbDoVIQWNtu
Hu/U3YBU6yqvhSbG62BEC0/8Mb1pwHZNlvwpMuzxC12w4AeSEIBVJU708kMDIMqLSr63tDV
jz4tKDwfpq2+phnjbAEj7Ar6RfoVwHSD2t9eXTix2gf381vmEEfeAaMr+a1g/fB0EIqH4pWd
UpDh1gPBCEWEAXFKyeNBF/QHn3IX3oPAvPHP/8QAJxEBAAICAQMEAgIDAAAAAAAAAAQARITFB
EFFhcYGHscHhkdEg8PH/2gAIAQMBAT8QA6BURrEAMzRpsg6kIDRhmgItNwIKjCZRfUItQji
HNdKIYOliuhkmXQY5jsCbXGFES7lVyxMG8+YXVRCBqKfCIbuYDpm9phoyysrqKWYI5IBBHwj
wDhm4947L2+kSsB2RKhumsxKaCPRccpajLQM6lrFJBw6JmPTigDMH5iGxmO3i16xikgdkO5B
W4lCCytSxruYJg1MrhcZ2zN+ihULUqv26XGYJAhhZK32wvG1h7tCy8S0ChLuC2yqw8fcNRx0

BU5cTnOYNOW4j4FTMuLmmWC8YnEhAPEewwgJfniMFUDs0wUq/XcxTRj+4gu1jXYJlql6uYg2
5z4ip7xXPCAAP6hW4gorB2hZGjRbfcu6Z3GI3OEQp9oA8w0RCe6xudV4xBC1x5AbBuEPJCl
Bv8AEW5owQsqoHiYgKGO8Kcn3D1jCOzgu0w7c+1g8ZGNuGi8y4O7l4cweYgACWJDIMfg9Ivm
B5Ew/iWYenwQhMqSZLKD7w3pS4JcDKJFBQ3iOqgLafyS52sXUy0HYpQYyUKjISWcym15azMC
EscoKuoWmoCuYHQGTNGOFjgb3HmDKwWDIsPKCmZSVNY6Jl7zO56FrKph+BCbZjIKHOsblly1E
aoZjNimJ1IGP/gjSth+I5YEWo0zK1M2S/pC5cjhgDakEeMpi7+nBCdfaJrpcuhnzNTHmVgUw
5dO/n3hUwD/WWmx5ZoY515U9p7xsO9rVHxAl8hn1lqYYJBRuqV/Erjt+MAY4UPiPS2/1CGy
3mMsLdess7Lq4IT5Mop4T7souLaPxEur+ksDm/mXoOw7zEPNr9EKWxY8ShZdJ+Ipb9T4X4g
ff8AzKTLpGANxMu4VF1p4RaB5TI4NVFQ3ljv1UUBV1rxPnqCFgVyI0BV789JlnUQmkYx/wAC
bTWf/8QAjHEBAICAQMEAgMBAAAAAQAARITFBEFFhcYGR0cHwIKGx4f/aAAGBAgEBPxAg
VTox7vB69oHlcKfBccIcfdfiZYXV+2fqJhpz/wB+pZoeH5LhSo4/fxFP33Px0qVL4aUusuO4o
GFN+/EzMt+Oc/cDxu7xvf3HRhQr+sxF3/nzcKXW/j1+4Ld/09fuN+SoqmRCupULuJxBLGW62
glEgxaDMFY4isNkwWShwuCajSZjCISH48y6d4IMHWOPMAbIFX8UE2EouMQ25x01MowdQ3EQs
OJtNsu6rZURmUiZAmV2YrmBUMqtEVMahki/et/UUV1EhoaEMwlbZqWYrbKsYF4lfHEWSZmND
TDEeGaIVWYFsVhFnoqlZpEDsZmQQt5cAQPClvqlCgipiXffHeJlFy0whND6y3kqZDuBZArME
zLOBumQdeJeQDu789ApPWwNFoHBDX6qUwalImp1EPEvn2glShLkMBFQRUJKxUTwhQ83LMM
u02URAhLDiIv5JjXpE5nMaqZplxeqYCWesCkEwV04m1y2AZTusNU13nRRShTVBIPDMJC6XO
kjKWiyQllyUp5ZVtxdmKonKNF3GZy8x0gs4o2UvFzAGPRBE6EMkKb8S9LTuMHfN4MRRuDzM+
IUajaJu2UGZE0UKa1/sC8TT7dKVAloG2/wCiINWLy/QyhFECTUZXxvLEWuDjyy5NGpfKyX5o
jNP4k594PAJderMLsWcsipKrsXXxmWMHkvc+K4JiJVA2VppIqGHdK/7Ai4sRPhW6XbXmL1
pU9nfHMcjFxfN3upXahwHHvLROGLaD1KzDxJ+1XB/sP1TteD2rcDCLtt78ex+6jpYDAa9fL
NmoQDeBo5Y5HLalXzbFhlatXwcQTi2CTvrDjzUr0AXjcasE0eSAzE5OM+IQegaK5uu0K0CzG
uYRE4qrMGy5/QjbGI7BUwSC2Vvc3RTQuKo+ILb1y7PG4VOJD5tiilk+fG46RVJ8sEPQz9vrP
2PBAdQbPeHaGyq4EZw79YA3k8RAddahCKiuV0JistwwHC7gqFyBpm1a0EITvceptXC7KYL4i
FLzcawh0Zv8AwDpzOY66X//EACYQAQEAAGIBBAIDAQEBAAAAAERACEXQVFhcYGRofCxdwEQ
4fh/2gAIAQEAAT8QF8E6NFu/99sYUAGo13q/eVarGRijD+cFlegVNTxkJbbY9fOSsd60ONON
I8IkF6wwxK7HnTnlqt4JmCQtQ99X3wAAZN753gFGb7+cc6Nft2x+1kgdzs98S3zsiSdzB2t1
5ygCaRjvEUNikHk5wITGBATzMjMTG/GQ6Z6Yx4+82DDTZMIwhoB55xgQmucV4uMEesbQDXxe
iYujQ6Y5/wDuBeGx8E6Py40JzQ6DXP1isCTnrJ94UALxeOuf5xnLeFDXGJaYtThLoFbz1nJJ
BEGTKd8neFoj5ANKKNzRDDoB13yDvUPRhrMnQORLqc3jJ32GkIqiNECcbc2twFsUssiC0wR
4QnHylczvrIwcMLSoINciOA0gKAbRKfUXFukkoFALXyfzoIqH6Zy129MJYpcJBWnWh0Q1hJN
E8ssedTXExBrC94/DvCOvxlXPHOA WJ4/nDYzNbXGFDIoAnQQ4wt8GACLo798Zp2Os2saACaQ
R+RH5wm90Vt0HOabVHE54d5vhaU6rkeJltMJdmp95w5xVtBmy9Phid4QWjN8nHWDeinZP/XW
VtiLCKF60mGpGvOCh8cZLcBBYCP5/GCaQQIUrrNGmgHBIA/zDo9CcgDDJZrYmicW/jCm6MXD
pmneHVNjTaiFlwLS6my2oPjJMMFuDTR9ZuhgJPXIZVMOSQcbwexXWu8YDu7g537cdZBag8Bw
YpLGTXTwN8Y6HjvWG9IonkmLoujXjRBZSEtuh9ecUdQ6bsxMV0Nb+MFShHwbuaEjWARsk89
4kpNXJlQFPE/nFqwZHo7Z+M1cqVeVf7h2NO6gXc98LLDdl1lhFHbv1xveofsM1WJHYrevznM
rOKWH2L6wybYs6fDWPCma+sKGi14MA+d8YGM2vIWe7hJAreTjAwvbcLia9smsmAAwyM6eLls
FaQggnn1MnJ6Xv3j+MIY2ya7o/xkzoEfyYrJXl8N4FuE+n9uEbpXiV4M0hZNgV7/AD+JIIBM
GpOPnGi12uX085z3mD1mRoTB3t4c43FAKHdfOJhHYhT2xukCKiyTe8k35RK+TC9bwXLeqRpo
83HpAWEdYsIewGR2hTjN5wR5wIAVdBlwa+RNTDAABtcnikgdM1X1zaD+MGdiNKhcjBZuQ/8A
mF1IpHIOMeqAUGsHy+Mchvg9Oc21qX8cfjCaDk0Z1zNXCyHsgtzaNHIMxQaLP0HnHr8i6F4D
owNdbXd1iftaD+XGeSfQjxxheXA3uefDhCSsq7vrmkCCQPfL9B8jiq0Da19s3ICAMXb5zQ3+
c86DaHOFDRbx+/us3FKpOb6Ym9b3bvLTKAV0dhx859nsPRXVGKBrQlvCBByIjyuPLSF7jP7w
LeTk/RxxhrRpvnlYSC7ieT9M37qK/Bx75Uk0GbDhp9Zi+WxOnNaHuxsv8fWMAmMOgb0zm2dq
VMcHR5xKgQQ0p19tyhG9l1evzlJQ48L3/OTDHEC68YghbNuKwzYK4xESnybmzIj0Bs8mKnW2
c4Ng2hJA6Tfs4jRQqe1x5hog7U1iKTXFyX22wXecFXDI+cOCAMlKNZB2Q+xmJchY59bm1Nc0
/esmAagX2OcAUGtKbBrz8YYb1Ebdk9vjEYoh7pwHq4txSA4HQemCfa3MdqNO8K6k8GI3zAqd
6ODJnJDrCCYjaCmzCMk6KSnIMkATW684Md0r2d8e3+5Blb4y3B6m/hxNDffad/OA3ResWqM2
+Kxnw6cfv1844GB11B1ii0bGo3Hnnx04rLQEOejvv6yGPHWZbXT3Hi4JhXTgN11tDCgiu7nv
/wAYEVv364JINj34/wDMUeFR94pN7AfORsSg8vR9Fwqt4wxNOX4xt6KoH0D1fvJrXjgGledY
sPdrB2q2uEL484DidtOJx9szcBQecAfww4zer17ZpJLeRxUPRm8WkUVnkzwNOLS7l7yiaYvz
MfWsisFNXYGhO+H+PzhdhAb42vxcmqpfOejig0UhK4ISIJBH8q5HQBZL1hYQT2wUt2UfHH+Z
Yg7l+lwmpL3uIO2B+z/AOn/AAIa1N+uBDONcVNmQbnlq2+OtY+bSVvE1p2YvkCTQuj+ME3h
C2D0PQ/vNTZq5ruqB6YtZs1rzmy+2CMJxuod5xMT4/vASKwY4iBRACZqNZInrjaDdFqf4/vK
vaWAqLNV9sUepljuPASdb2cZuBJDJDtDq65cQCUYj50YKNLx1g9sZAFnw8YDAXHr0vP8AOomb

ib98mQQ7pPwxj4hiM5oUHeusuRdbawEDcmPZsfyyp5AW2ApdldaOMpOh+As/vCPPGIOILrGa
BFLHxyOCclGM98KAutYbQLiaIE9MkUxAIMyc9L2PscuMJZ3/AIuX8ZUoG/BKvCwRezcFRPbQ
FgxRyJwmHbNG14DTXmZB4sAhWXtm41YdVmgXzz2yxDIvqW8f1jAcY2besTNz1WtHp65o7VqI
887OMCG3R17mBJcAOxJJMcBnFk6A0twhreKHkVxJTRpT/cGiMa3vL7tfzT4DxjColh9kcjY2
OU4DIK6wAC8Z6Vy3Z1DWPVrv1xVkJxgqR3UB7uBI4et+7/AFM5gdUL84ex6GIrd4vof9Zt
NgXx0IoaSSczWNIUNsGkKxRSKM51BOfU3Kw/bnNn7mdhnPJfDnuMAV98kqNTgKKGF5FP5MCR
gdLx8bS+qh9Yik26MIw4C/r3zbnJziieDApIF22ecH2vcUUAd9mXQgVmx69H5xhPUd6wkgEB
eC4bLVQNYyJx64zhi2iw9jR+DO8A54JgVQVdu0Px+GIMmIVKjwAq+xymNkw7olGng/s9c1B7
v6drC/IYIYK4JfG5lsRgaPVM0jgCjXrwa53IB02DpB0Xglc3WbYHCoMC+XhCPcPMY+F4IH6H
GOHUAvPQYwTKHu//AHEajNdtJlymxmZl8HB6Bg3jer51/eDpBJPc3+ceeHW8+XxcmAQrxnUy
zkyJ9qQoDXG38ZbzYY8jg2YVEWJ4H+444TCrqy+vpxtLwvVlfjF6Uxet/AYy/c/vHf2zszpN
47hK8If2sPnI4UkBWGifWPC1JjaD3NU4x8+wM6vPtIFCD4VmAD3DnHwXhZl0NarxiKFAZ4wC
MR9tCenPxgl7SfWbLTHHWAiManR2X84sQ3q+8F6Zox7KCED0MQqBpve737ZzuLJcGo7MYIph
7t/HLc63tt/3jQ6AHhEmWibU7XlXWJ2P84xeFod5x4gTGabnr9b+coEC7+u/7wFKYDayJ9Yv
tDupW873zOsd8V1jOn3POHSQB2LO/fBCJ8mLWhZ4yHMvjDK6x0c7K+cRSL/Mfxc3zhY6ro1h
9Oxcv4ZiLW+Zkljr+//AKLWc5l6oJOnZfR+caPwOQrKAfmQ++bVCaSi+M5aXjdzQlO985eD
Nss9AX7cCKPMY3YeiNjffR84hmz74amaxk9OYBJViciYcda4jtPWmR8ZokzRiaywjkW61m2u
aEahpypJgexwAwwhasZhBCUDprUbzmxnaN36mtYRqhPww6wkrI3xBRyWK50Xh8ZyJoMvccJ
AChKHw+M3gEc54B8oYiWgnnxb5cHUHVdDJF1rXhTA/OQ1Uln1yYeu00D4V83XrMkjH/vF6
vunuJ6P8GJO4NbhjD6PDrLLP9B/eLQMd2sB9qXw4qDzmkydbzq4mO8YDHGg9DBSvChFGdhv
AtasKyy8kf1d95UddVMVUr7i+esmoBVUVXvU/TBhJsa9g/7ifpFRE7biqxrqACBVWDW3eEo2C
qbzPqfnNwdU3EoMUE+TfNyDwjASY15Lw+ExO2BkLRagPduNnqAliC2OrdG3L9doLqRHA0EEX
TZ64IPAc6OtGE5GWM9/YNvthx09k/IEja0b8awNAjNFYqmydcntvLgbdpkFRQjd5Nz6yImTS
6+IWn3B3kiDoS4924XJfUuPat6xaNOS4J3rAfWuBQICw4xxL0V+z/eczbzPYbjAHP4xWQAK1
vuenvFJIGNGC35A6A/3J/etoB1dXXGD4ahgOjHF9XWC0SC7RV9wR65Hm7SDB5Dp77dYj2JgL
dKiKqaU2IFShUzLiuocjy4kjZ4zGCLe3nFo6Jt4iE6X6wlzoNpp364qGvV+MW+3XxB9zr4fO
IvEMW/eBWYVacJ986wEfGLGwR4Lxlou5USNPUQHqTtwjCQq4p9qU8iPeAKFeTG5X8YJNofGP
vlOdi+n/AMymn4yGJEdx/SZt6S9/OFEk3IwIwF4u9+uQuBsKmULSvu4PORyUhoeZTjuGKMk
DDsazZQ9YDNFN6cl2b+Ac5vyKcJ3a2rSqnoh6zZAcA64Rnq+MRG6jiGInhnPqsiCqsH0z+Mc
VeMffYU5qXWOSSuwbdMc371vYDHPD7MlxizXwvnF1MJPbxMdWUvlnOcADExgA31SvicYJkdf
GEVwwZQ26wwib9sdhTW8Cv4uGAgBrOdubEbs6QefvF7ieKfY41kSrSx9d5QYovluIGRwCwgF
KNwQjSsbHd1rh6XGNifg9Q+U+M3NqBFhyC1Q4R0embUge/tJdr50r4wJqnjWeOud+YZc9YVvm
ya9PIvUxQMkpYQ/8ywu8Cqd1ACpuF6xTEJVNxyfjH7VTugR2qLjcmDoHSfnBftckK8P7xugV
4dYXVOsT4R84xMVdHJrqkfZMPzGNasnrIosJzhkgFfMv7feIS7CZK5wgPg5x0G2w3X95KDFj
C/PfnEMm3X9nBDDASHvzAR8c+51UgcB4E2k5POvKAKpkJQrrums1DRqK6bPNTeBK4Egzgmz0
fD8ogEwiQ6wpRjcUecj1Ycgf3xkdoAPhpglLB4AUvCa4cFUR8JqXwxadeqYKQgMAAAaAPG
BU2hDCAtmEyuhPAXx2e4vGEKb1gVEHczfZwHCD/Sq/1gC185AcFS0A30a/rlyh5HHP8AZk88
4ZWSXp1/WO+sKmAUe28bDHXJDcvld7mL2is2tIG6iHrMMoBPVDv6cjTUQRyo7UQ87O8YoAHS
U8mbzB+TEsM1nKLCDu/M+cCzTy46lejPuPWLQ0X+BPJ3jniS5XhdAkdENTCjAwCUcCqTKmDB
OR6ffOC4zkQPsMe5TrAERm/OezPfGjaR5aYwlcD1hlAlphuNi803+bgNHV7YjGx3DAoF2NY
F5NY5UJL1n+XCSnPYbrXOIDhMGBGV0t45wY0UO4UPQOTvniZN/bdA9H0rt+MCMhiB/LGHfOd
x3kldd5VjrenOYdXw1/mHyfWWR6Q0Qnoz3YI/TBYIMVgQ9TAKmPW+8YjRNi42x34Ihes/uOj
La/f/IMPHjYQ383Jyu5vOcdHD0y6798WxGd46pku0MBKIM/+ZGq08vWBNCeMaSWPk+/EM2Qs
AbLuLh3UdCQIfLMFbqahroTp4POeALDCdLl6wx5ngFpHZ6Zp77zeL1kzvDOUofAP35xK0vPw
cEiZ78sOiYeBYXBqBZtGyO8XMmlB7h3nKR7gMVRIGfgBRjB4pzgunkaJRxfTJLymMGII1tn+
Gb2+cZA4YIEG8b65qFB29fvOJQKeSw8WPrigEEgHtv2QxGzQ+UpD+suADgotW9+vt4xAChHp
qvzxkl8FIFXRLfzx/Q5YvpNnH+46aPYLILPuYEGHjNOR1fjGQQiWpc0ffB1vALuEYVYfL+hhE
jzIbMXna7MeGpp4QYgtLUsw9Xr3wKCQHkf2Z4vs4ySN+uAjAVysIg9wa7xYaBrF9ADING4v
eEpesU7+3LmpugY1bLi6+bn2YAKT65QolPKT7cC/YIDiu9cN1PC8JhwJ0liabx304pgo9F+M
PXyfe9sRVKRWs8HsGJBpuaZqt5GbwLapNh2fbvKS9IKEyKcF1XWPupy5ev4xyDj0c1L4yXou
QZ5HwSfmZBuIBSLxo6wL6OV5JH0JPXGK4o2DsPyfHjL/AFQiHiD0b9mOVRY6DtX9eBwneeAK
efgp5AwBdYad5KZ8TJWFib2U8r6/JzkkhoPAXDYIFBr6bjBNy6XvmY1FjfOa7trdZ3mqnRtd
ZeGHdx54w5pQFu3S8Hw7MNRlVVu+X1v5xyQur7Hf1cdT4zW+CgsH198Rko5IOxQ6p/GT5MaE
+njWC0QBEq2niuboKAbDgaD2xKkKiNiNTns33vw4bhWuJnEXfWcRicXkXHLUUUvzKYdNuQIH
YivOMCj0CPJ+/OasiigBhfXjftgUx8a+DiS1VlizJ75sXn+MdS1RDhbO6ctlnDZEK6WKugao
uup6nOXWPDnunSdmBW1ae3T8YPw+3n1MpU1AKvNf8wD2NiX5ydnnALeh+phGgtuFjG0LtDlk

MBqZHbten888ZVNajeV3dACrzwHOQw6BceZ+VvKiMwZlyIKsRCAorW+WnlzYpQP9QB86MSRu
SmvRD9Y01VMhRMCaORJgR9s6/POJWXhI/wBnIyHol49cNSITnswFGEC+MU1vCAXYiPDhrWmq
uFm51X84AA6DFMuDcb1GT165yz2oMgV+PX7x2CoJzGC/Csc0WOIUtiuxt/UXaqF8ubo7Xick
xiu01HD94UtsavTKQTZBJOHkwQrNbhdG9i75+cTICqL4eweZ7rxcC0hq6XzMqUU5tiJ+4/eO
kfZdaP32wzG5xBnJ7ofTjkGjk7S4/q2eCZgSi5PB5nbXHhdBjWu/0yg0SVBC3W/j8ZFd2mv6
xi0loU6Lpp6a5yD0vBqb/nFIShkQzT45/vIdO240MkhOm8bka1rvGBexgN8Cqz3xqktPJTvH
kEotQuy8ENj6p3xkAXasb3N9V6xPFIZeEOrcn+snrWj5O/3zluokOwRS/vjCZIDyfWEQpGta
/f8A7jx1efXd5+A+cEQB2dtm+TjuY+bPzj6tG7cCDC9A1aLoLtOfQskocYQR0hTvTPnHxlnE
wnjw0/GGyS0GUnPivrjdwnGvLsgXgFtmXfOcV7Vd3LVu8a23rN7x9dDZXXPoAK7mLs531U+8
YQBrdTB5VqLvGV0HRpreJcjFA3+FFXTcnE3XGpIEEDwvo9uWaMS3JYRRcZrGoLTilBk/nHCT
sXFydFRS1dcOPnUSTsa31oSG1BZjU0qiuxyN0hMBqUt98b4qZ5p4HghySkwgO3Vgmk8aHBCn
BgGUjYBITkLQsJSSz3aaLW+Jmm6Mwlg6+gXkxayYgJofDI5yjMGqRsQBFYvWBY05SJBGLGixy
Zo6WabwPe+8bke9ieeh3v07mlbskhaHV/esHrFQB7GTg3AcJ7AcJa20QUPbO20D3gTwGBmVt
2VnlGnxlUbmPJde/T7fOSAjqHya2e9zdUPRbWvrfz84xJKodymuAdcWGcXaXSGpeSMIV4mJJ
Wll7UOR3D0sylvIYUHjYZ1KnEY/1TT3QbxYLPd0VFrjcF75S/RrDU0GaVAZA7E2AobqT1lZ
Hgv4AHM7dpdwCCLHvfpWss+e4AdDx2m7lFKdaTTsIcl13DsAKFVAKsNcE5DY3j3N2i9ROGO0
5a9CpWtNEsQJTxl1m6eKJV6AXpfvQNH12TW6rXtDeLLt321PVJWoCc49SAuJospda1oqZKD8
liqyWq9/Rweli+PFPUX7x07C0G7sQF9Xng4DHKOOmCBt93xhpE4GFnb4Do931ToA0qWxH3mD
TG0g0ryeVHOYQYK3T0S89RMmsqsga26q9v8AOAEeHIWaj+9Y95RcokrEdMTfIday5eiDsslj
suR9HnmjRvgvblOMR0xG8iIOj0E3lUrgkatqdg76LuXodiKk9jr4wsHRUOQbaAacLgpouOtd
/wAF0GFdl+JrDFkI6jndEg0dOXDyj3l0r9XJvBGRKS02d74MSuFmqxPwt0YioEEIOGZYwNUl
52rw5iDiu1TayRjYf9PfKbcoKSIERIGkmjFk6wQvKQX1lyqVBfUuJBATzjnR0GiE0XvJ3NQ
CBRLCvpza3ZbXoBg+KoR3why9WIYACRicwveP8SfDoJX4YZ8EgxcOL7DFhYzC9ACTTz4xFHt
0gGITvvCg2bY9Ixyf6hhC8s5O6XWKmkIpjJoOV4EMVkvgp7zHq2M/PLb7AK/ebSVK5+Ft+sT
k5VUlvKnqW3IW3juQmgvGc5cCoZXovzMDdMBil2oPGbQKdTCBgoLJ5ViAFrj7MaRPwdP4zQO
vdEHj3jgGhUGHomOaizPVAlepcrmT5xjt+jHm0F1f+I7OrSdEPp+mNpRnNMxf+mN/wBvf/Aa
7dGC6F8BX4ya8MLcp9h8g4Y8qAnGs1XFjXUKINUet+2BA2j5ZfwGKnwR5Z+AceC0X1jE9gps
SHry/ec907KVeJxqacAYPXloH6D6x2qQHVV9yfOL1w37zAI/T70Tdrzjv7YCjm+qH1l+ZBg
hXwejOE1hCR4Fa27wR76KFX+H1h7fPApsX1zb8MgbSwRYy9zKqKm/GQBnxMECHXjL+izYWYW
1on5DHkLByqrmAwkjo+WrvLqZEJ0czbrB9Ga5U4PRY8679/ON6FgBpKC+n5ubFvBY9H0tPPp
bIpbqp84HDBzZJ5B6+bx9hrzVsT4X3hV4F+4AY8XGxQyB40tAXyI5T2wXM4nHHQTd9cShQQ
07Y9j8sKWHd6n8AY/wBPrimBu4h7n6z/AJjTOJ1sHewd/GEgFuUbGBT043jOs5m3rADZ80YU
JPIDgjzDTpTzsH+Q+c2P9blgUCaOzeOPWNUwp42MdrUCBAIcb3HYxavZOxyvYb9MBJN2LbEW
ccA/IOc9Ki+QU/lyYIIesn5DEA3/AM2GQyjhRp2uGjWqwDS/IZMGnXnBIMgN4/uMHX+9OAr
x0fH/kszlMDXp/8AHBo4QdpW0LYAp+Mj4Z6AbRHneO3QhRW3q/usspvGO3n4cVUAehdXiY+J
Q3G23brrFg6d8+y+QH3ieehjWx8iN7MnjApLYPU3VcjHTE2oL8Y5CpQ7NrbqnWA+1Gsom1PD
IFRtl0HudLnkc1pUkieR8YuJlTy87IfEw4PFSC1HDbjHdC/ad1OWfWMOZGnEm59uHuTIFjFU
AG+phFWV6BaL6V6J41hFEABA2+qq/ObH+wAujhKh+Mq+s1q6i83F6bJgIqrwYtTMAA3pzN5v
HHYdoTsE2eFxuPhf1itcnjNh9iI6YdwEHu4kt2NsXg/qmPK60bv1384Nhk0Wgj434k/8srN0
LWHKp+zELkPGtF9/bdybhCBJ5LR64cQOitvXzljyRsZOGro1jdFf0M1hX0wYI984qJ8Rgbcq
mPWHUcMm4uP9rxCq+XGvLv1zoCc7cWG9Lw4NaHfLMDKhvfOaArzkFRcu9nBrBpU7MFzaKdo/
j/MGRNScKnXx7Y3JgSexAc6fe8zNIIaQpo0nj3xsWYrVt7P3rOP9c8/Y9ccH9d5y9j+DOP8A
XWH6+XP1e2cHszr8/wAY8fGPL2/5dc4/j/gPxjOT3/vP2e2cT2fxn8j/ANwfwM/FMfh8fi/wz+ax+z6uf//Z